

Софья Андреевна ЛОТТЕ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

М.-Л.: государственное социально-экономическое издательство. 1933

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства

ВВЕДЕНИЕ

ОТДЕЛ I

Глава I. **Франция перед революцией**

Экономическое положение и классы. Политическое устройство Франции перед революцией. Идеология третьего сословия.

Глава II. **Непосредственные предпосылки революции и начало революции**

Глава III. **От взятия Бастилии до революции 10 августа**

От взятия Бастилии до событий 5—6 октября. Классы и «партии». Декларация прав и конституция 1791 г. Новое административное устройство Франции. Рабочее законодательство Учредительного и Законодательного собраний. Религиозная политика. Финансовая политика. Аграрное законодательство. Политическое положение и социально-политические движения в 1789—1792 гг. Проблемы войны и интриги двора. Революция 10 августа.

Глава IV. **От революции 10 августа 1792 г. до революции 31 мая — 2 июня 1793 г.**

Коммуна и законодательное собрание. Начало деятельности Конвента. Дело короля. Вопросы социально-экономической политики от сентября 1792 г. до апреля 1793 г. Борьба левого блока с Жирондой и революция 31 мая — 2 июня 1793 г.

ОТДЕЛ II

Глава I. **Якобинская диктатура летом 1793 г.**

Крестьянская политика. Продовольственное положение и продовольственная политика. Финансовая политика лета 1793 г. Конституция 1793 г. Политическое положение и политика якобинцев летом 1793 г. События 4—5 сентября.

Глава II. **Якобинская диктатура осенью и зимой 1793 94 г. (сентябрь-февраль)**

Социально-экономическая политика Конвента и классовая борьба в деревне. Хозяйственная деятельность Конвента. Революционный порядок управления. Гражданское законодательство. Борьба с внешней и внутренней контрреволюцией. Фракционная борьба.

Глава III. **Весна и лето 1794 г. (февраль-июль)**

Расправа с фракциями. Вантозовские декреты. Экономическая политика и классовая борьба весной и летом 1794 г. Революционное правительство и террор. Новая оппозиция и десятое термидора.

ОТДЕЛ III

Глава I. **Смысл и значение термидора**

Глава II. **После термидора**

Глава III. **Генезис «коммунистических идей». Бабеф**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга разделена на 5 частей. Ссылки для скачивания можно получить в нашей [библиотеке](#) или [сообществе](#).

Дополнительные материалы к книге и отдельным ее главам

[Р.Монье. Сент-Антуанское предместье \(1789-1815\)](#)

[Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.](#)

[Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение](#)

[Н.Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны](#)

[В.Марков. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики»](#)

[Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.](#)

[М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины](#)

[М.Доманже. Бабеф и заговор Равных](#)

[В.Волгин. Великая французская революция и социализм. Идейное наследие бабувистов \(статьи в сб. «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»\)](#)

[А.Тырсенко. Фейяны](#)

[К.Беркова. Процесс Людовика XVI](#)

[Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции](#)

[А.Гордон. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.](#)

[С.Карп. Путь Бриссо](#)

[Э.Гусейнов. Жиронда в период Законодательного собрания](#)

[А.Гордон. Федералистский мятеж](#)

[Е.Серебрянская. Об эволюции мировоззрения Робеспьера](#)

[Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора](#)

[А.Нарочницкий. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.](#)

[Н.Владимирова. Якобинский клуб в дни вареннского кризиса лета 1791 г.](#)

[С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба](#)

[А.Тэвдой-Бурмули. Логика торжествующей добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия](#)

[А.Нарочницкий. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г.](#)

[А.Гордон. Падение жирондистов](#)

[В.Маркова. Народное движение в Лионе \(21 сентября 1792 - 29 мая 1793\) 1, 2, 3.](#)

[Т.Черноверская. Разговор на разных языках: Сен-Жюст и борьба Горы и Жиронды](#)

[Е.Таланян. Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения](#)

[О.Осипова. Комментарий - «проскрипционный список Робеспьера»](#)

[Р.Авербух. Политика европейских держав в 1787-1791 гг.](#)

[А.Собуль. Робеспьер и народное движение](#)

[Я.Захер. Сен-Жюст: жизнь, деятельность, идеология](#)

[Я.Захер. Робеспьер](#)

[А.Люблинская. Бастилия и ее архив](#)

[С.Лотте. «Дело Ревельона»](#)

[Ф.Бенуа. Искусство Франции в эпоху Революции и Первой Империи](#)

[Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 года историко-социологический анализ на основе документальных источников перв.трети XIX в.](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР](#)

[II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ](#)

[III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.](#)

[IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.](#)

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)

[БИБЛИОГРАФИЯ](#)

[П.Щеголев. Заговор Бабефа](#)

[П.Щеголев. После Термидора](#)

[А.Матьез. Термидорианская реакция \(чч.1, 2\)](#)

[А.Рубинштейн. Песни французской революции](#)

[К.Раткевич. Газеты Великой французской революции](#)

[А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802](#)

[А.Олар. Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции](#)

[А.Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции](#)

[М.Гернет. Смертная казнь и общественное мнение](#)

[А.Дейч. Красные и черные \(театр в годы Революции\)](#)

[Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года](#)

[М.Булуазо. Комитет общественного спасения](#)

[Дж.Рюде. Французская революция \(главы из книги «Народные низы в истории: 1730-1848»\)](#)

[Р.Авербух. Террористический режим во Франции в 1793-94 гг.](#)

[Агония французского абсолютизма \(глава из коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция»\)](#)

[Т.Занадворова. Ж.-Ж.Руссо и «сентиментальные революционеры»](#)

[Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.](#)

[К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора](#)

[Е.Щепкина. Женское движение в годы Французской революции](#)

[К.Добролюбский. Термидорианская реакция \(общественная жизнь по свидетельствам очевидцев\)](#)

[Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация](#)

[И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции](#)

[И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 гг.](#)

[С.Абердам. Право избирать и право решать в 1793 г.](#)

[О.Старосельская-Никитина. К истории науки в эпоху Французской революции: развитие физико-математических и естественных наук](#)

[Ю.Попов. Публицисты Великой Французской революции](#)
[А.Собуль. Политические аспекты санкюлотской демократии](#)
[Е.Коровин. Французская революция и законы и обычаи войны](#)
[М.Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции](#)
[Э.Ференбах. Идеологизация войны и радикализация Французской революции](#)
[В.Третьяков. Французские революционные войны 1792-96 гг. Стратегический очерк](#)
[А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. \(2-е изд.\) \(текст, примечания и источники, карты\)](#)
[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции](#)
[Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка](#)
[В.Колоколкин, С.Моносов. Что такое термидор?](#)
[Дж.Талмон. Истоки тоталитарной демократии](#)
[В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.](#)
[В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.](#)
[Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции](#)
[К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции](#)
[Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора](#)
[Е.Плимак. Завещание века разума \(глава из книги «Революционный процесс и революционное сознание»\)](#)
[А.Гордон. «Десталинизация» французской революции конца XVIII в.](#)
[А.Гордон. Великая французская революция как великое историческое событие](#)
[Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры](#)
[Т.Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак Термидора](#)
[К.Добролюбский. Термидор \(полный текст монографии\)](#)
[Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции](#)
[А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века](#)
[Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 года - в связи с этими статьями возникла дискуссия в сообществе Vive Liberta](#)
[Г.Кунов. Фрагменты книги «Борьба классов и партий в Великой французской революции»](#)
[Вареннский кризис \(события июня 1791 г.\)](#)
[Вареннский кризис и его последствия \(июнь-июль 1791 г.\)](#)
[Вступление Франции в период войн, явная и тайная дипломатия, демонстрация 20 июня и подготовка революции 10 августа \(весна-лето 1792 г.\)](#)
[М.Челпурина. Король всегда неправ](#)

И.Токин. Ленин о Великой французской революции (полемика с Ц.Фридляндом)
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана (при Старом порядке)
СТАРЫЙ ПОРЯДОК во ФРАНЦИИ (история в источниках, сост. С.Сказкин)
НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г.
НАЦИОНАЛЬНОЕ (УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ) СОБРАНИЕ: АВГУСТ 1789 г.
ПОСТАНОВЛЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС
Хроника вареннского бегства
«ОТЕЧЕСТВО в ОПАСНОСТИ!»: международное и военное положение 1791-92 гг.
Процесс и казнь Людовика XVI в документах и письмах (по Г.Ландауэру)
«London Times» о событиях 21 января 1793 г.
КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешеные»
«London Times» о событиях 13 июля 1793 г.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.)
ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО
Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.
ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ (ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ)
ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ (Париж, Тюлле, Лимож)
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ (из АРХИВА ШОМЕТТА)
ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
Сложение сана священниками в Конвенте
Адрес Нэжона Национальному собранию
Прокламация Фуше в Невере и Мулене 19 брюмера II года
«ТЕРРОР в ПОРЯДОК ДНЯ!»
ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ
ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга т. Лотте является популярным очерком истории Великой французской революции. Этим очерком Издательство открывает серию работ, посвященных изучению и популяризации исторического опыта прошлых революций.

*Ленинградское отделение
Социально-экономического издательства*

ВВЕДЕНИЕ

В самые горячие моменты Февральской и Октябрьской революции Ленин — на ряду с другими историческими событиями — нередко вспоминал Великую французскую революцию, выковывая в кузнице исторического опыта оружие современной классовой борьбы.

История давно уже вынесла приговор эксплуататорским классам и формациям и исполнителем этого приговора предопределила пролетариат. Но Маркс и Энгельс впервые сформулировали научно обоснованный и действительно проникнутый приговор. Их ученики Ленин и Сталин углубили, развили и реализовали великое учение Маркса, явившееся революционным, научным выводом из всего хода развития мировой истории. Именно поэтому марксизм-ленинизм в отличие от буржуазной науки не отказывается от исторического наследства, а наоборот — внимательно изучает его.

Единство теории и практики, глубокая партийность марксистско-ленинской исторической науки находят свое выражение в том, что опыт прошлого превращается в орудие борьбы для воздействия на настоящее, а вместе с тем и для построения будущего. Одновременно каждая последующая ступень революционной практики дает возможность лучше понять прошедшее и проверить правильность сделанного анализа. На основе изучения опыта Парижской коммуны построена гениальная работа „Государство и революция“, в которой Ленин разработал и углубил Марксову теорию пролетарской диктатуры. Критерием истины для марксизма-ленинизма является практика. Практика нашей пролетарской диктатуры подтвердила абсолютную правильность ленинского анализа опыта Парижской коммуны.

Но не только опыт Парижской коммуны, которая была прообразом диктатуры пролетариата, мог быть и был освоен далекими северными наследниками парижских коммунаров. Даже такая ранняя и буржуазная революция, как Великая

французская, может при правильном марксистско-ленинском анализе дать ценный материал для стратегии и тактики современной революционной борьбы пролетариата.

При этом мы всегда должны иметь в виду коренное отличие между буржуазной и пролетарской революцией. Капиталистическое и феодальное общества являются обществами классовыми, основанными на частной собственности; поэтому капиталистический способ производства может вырваться в недрах капитализма. Социалистическое общество является обществом бесклассовым, основанным на обобществлении средств производства, и в силу этого социалистические производственные отношения не могут вырваться в недрах капиталистического общества. Поэтому между свержением власти буржуазии и установлением коммунистического строя лежит переходный период — период диктатуры пролетариата, которая устанавливается, разрушая государственную машину буржуазии, и в жестоких классовых боях, на основе союза пролетариата — гегемона революции — с крестьянством, строит социалистическое, т. е. бесклассовое общество.

Такого переходного периода буржуазная революция не знает. Буржуазная революция приводит к установлению буржуазного государства, к господству буржуазии, являющейся носителем вышедшего уже в недрах феодального общества капиталистического способа производства. Буржуазная революция ведет к уничтожению феодальных отношений, — и капиталистический способ производства становится господствующим. Однако в уничтожении феодализма, в установлении буржуазного общества заинтересована не только сама буржуазия, но заинтересованы и угнетенные классы как феодального, так и капиталистического общества, т. е. заинтересованы и крестьянство, и нарождающийся пролетариат.

Крестьянство заинтересовано в победе буржуазной революции потому, что оно лишено собственности на землю, которую оно обрабатывает.

Таким образом крестьянин борется против феодализма за превращение в самостоятельного мелкого производителя. Поэтому крестьянин является активным борцом антикрепостнической революции — „революции крепостных крестьян“ (Сталин). Нельзя забывать, что из простого товарного хозяйства капитализм растет „ежечасно и стихийно“ (Ленин) — и поэтому борьба крестьянства объективно идет по линии развития капитализма.

Пролетариат в эту эпоху заинтересован в утверждении капитализма потому, что, только сбросив дополнительный

гнет старого общества, пролетариат получает минимум (свободы, для того чтобы организоваться и вести решительную классовую борьбу против буржуазии. Так как пролетариат с самого своего возникновения является единственным классом, лишенным всякой собственности на средства производства, то естественно он, даже не будучи еще классом для себя, является наиболее последовательным и наиболее самоотверженным борцом буржуазной революции.

Решающими двигателями буржуазной революции являются народные массы. Буржуазия, являясь классом собственническим, не может идти до конца в революции, не может действовать решительно на всех этапах классовой борьбы.

„...Буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм... В известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата — например на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смыла слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительная и беспощадная“ (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 57).²

Для того чтобы выявить соотношение классовых сил в революции и разрешить вопрос о движущих силах ее и о гегемонии, мы должны проанализировать конкретные условия, в которых данная революция протекала. К такому конкретному анализу всегда призывали основоположники марксизма-ленинизма. Чтобы классовая борьба прошедшего служила опытом для современной классовой борьбы, необходимо рассматривать и черты сходства и черты различия, т. е. необходимо каждую эпоху классовой борьбы рассматривать в ее конкретности, в ее историческом своеобразии. Иначе вместо учета опыта мы извлекали бы только пустые, безжизненные схемы.

К чему приводит отказ от этого положения, мы увидим хотя бы на примере использования контрреволюционным троцкизмом материала Великой французской

¹ Во всех случаях, когда курсив не оговорен, курсив принадлежит автору цитаты. С. Л.

² Все ссылки на сочинения Ленина даются по третьему изданию.

революции. Великая французская революция произошла в конце XVIII века (1789—1794)—в мануфактурный, т. е. в ранний период капитализма, предшествующий периоду современного промышленного капитализма. В деревне господствовал феодализм. Эпоха, в которой разразилась Великая французская революция, обусловила соответствующее развитие участвовавших в ней классов, расстановку классовых сил и их соотношение в революции. Поэтому мы не можем и не должны подходить к изучению Великой французской революции с той меркой, с какой мы подходим к изучению поздних буржуазных революций. Мы это проследим на протяжении всего нашего очерка. Сейчас остановимся на нескольких общих положениях.

В период поздних буржуазных революций, когда уже полностью сложился современный промышленный капитализм; когда буржуазии уже противостоит могущественный, осознавший свою историческую роль „могильщика капитализма“ класс пролетариата, в этот период сама буржуазия, напуганная мощным пролетарским движением, не может быть не только гегемоном буржуазной революции, но даже ее движущей силой, ибо пролетариат является уже не только потенциальным, но и сознательным носителем нового грядущего социалистического общества. Это означает, что его отношение к участию в буржуазной революции поднялось на новую, высшую ступень.

Ранее, еще не будучи классом „для себя“, пролетариат был заинтересован в наиболее полном завершении буржуазной революции для приобретения благоприятных условий своего классового формирования. Теперь, ставши классом для себя пролетариат заинтересован в наиболее полном завершении буржуазной революции для перевода ее на рельсы пролетарской революции, для осуществления перерождения революции буржуазно-демократической в революцию пролетарскую.

Так всегда, вопреки меньшевистскому либерализму и троцкистской ультра-левой фразе, ставил вопрос Ленин. Так всегда, отменяя попытки троцкистских контрреволюционеров фальсифицировать историю большевизма, понимала этот вопрос наша партия, внимание которой к этому вопросу было мобилизовано ее вождем т. Сталиным в известном письме в редакцию журнала „Пролетарская революция“.

В период поздних буржуазных революций буржуазия скорей идет на соглашение со старыми господствующими классами, нежели на активное участие в революции, развязывание которой угрожает и ее собственности и ее господству. При

виде союза „мелкой и крупной буржуазии“ с пролетариатом двуглавого орла. Мы это очень ясно видим на примере нашей буржуазной революции 1905 г., движущими силами которой были пролетариат и крестьянство под гегемонией пролетариата. Буржуазия же пошла тогда на сделку с царизмом для борьбы с развивающейся революцией.

Иначе обстояло дело в такой ранней буржуазной революции, какой была Великая французская революция.

Современный пролетариат создается только современной промышленностью в период и после завершения промышленной революции. В мануфактурный период капитализма пролетариат только еще складывался как класс; целым рядом переходных ступеней он связан с мелкой буржуазией города и деревни. Такая неразвитость пролетариата, обусловленная неразвитостью капитализма, означала объективную и субъективную невозможность постановки вопроса о социализме, вопроса о перерастании революции буржуазной в революцию пролетарскую. Вопрос стоял еще только об утверждении капитализма, и в этих условиях буржуазии еще не мог противостоять в качестве ее „могильщика“ пролетариат. Буржуазия еще не могла так бояться его, как боялась его в поздних буржуазных революциях.

Крестьянство своим стихийным движением угрожает неприкосновенности буржуазной собственности, но оно еще не находится под руководством пролетариата: революционное движение крестьянства не представляет в это время угрозы самому существованию буржуазного строя. Буржуазия в общем заинтересована в уничтожении феодализма в деревне и поэтому, хотя сама не может идти на решительное его искоренение из-за боязни, что крутая расправа с феодальной собственностью заденет капиталистическую собственность, но все же буржуазия оказывается значительно ближе к крестьянству и идет ему на большие уступки, нежели в поздних буржуазных революциях.

Городская мелкая буржуазия в эту эпоху терпит первые весьма чувствительные удары разоряющего ее крупного капитала.

Из этого уровня развития и конкретного соотношения классовых сил и вытекает конкретная роль классов в развитии революции.

Буржуазия и городская мелкая буржуазия поэтому смогли в эпоху Французской революции сыграть иную роль, чем в поздних буржуазных революциях, например в русской революции 1905 г. Буржуазия была идеологом и вдохновителем Великой французской революции. Оставаясь на всем протя-

уже указывали, в ранней буржуазной революции, служившей только для утверждения капитализма, не мог еще быть поставлен вопрос о переходе ее в социалистическую), буржуазия в начале революции была и движущей силой ее.

Городская мелкая буржуазия в силу указанных условий также была в целом неизмеримо революционней, нежели в поздних революциях. Будучи в составе городского „плебса“, она могла возвыситься до тех образцов великой революционности, которыми не переставал восхищаться Ленин.

Вследствие такого соотношения классовых сил Великая французская революция могла быстро развиться в мощное народное движение, стать действительно Великой „именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру“ (Ленин). Обусловленное уровнем развития общества отношение буржуазии к другим классам не приводило ее к немедленному переходу на сторону контрреволюции, как это имело место в других революциях.

Однако и в такую раннюю революцию буржуазия, будучи общим идейным гегемоном, не могла решительно и до конца идти с массами в революции. Различные слои буржуазии в разные периоды отходили от революции, пока наконец революция не поднялась на свою высшую ступень, когда в самый решающий момент у власти стали мелкобуржуазные революционеры (якобинцы) в блоке с зарождающимся рабочим классом, опиравшиеся на широкие массы города и деревни. Эпоха якобинской диктатуры дала блестящие свидетельства массового революционного действия, революционной организации, революционной стратегии и тактики, образцы которой часто приводились Лениным при анализе современной классовой борьбы.

Но если большая разница существует между ранними и поздними буржуазными революциями, то неизмеримо большая разница — принципиальная разница — существует между буржуазной революцией и революцией пролетарской.

И хотя элементы буржуазной и социалистической революции могут переплетаться и в действительности переплетались в истории, тем не менее Ленин никогда не забывал глубочайшего различия между ними.

Тов. Сталин дал следующую классическую формулировку различий между буржуазной и пролетарской революцией:

„1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция

начинается при отсутствии или почти при отсутствии готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с национальной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция *завершается* обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее *началом*, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой, в виду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплуататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых — класс пролетариев, в виду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз — именно как трудящихся и эксплуатируемых, если она хочет выполнить основную свою задачу упрочения власти пролетариата и построения новой социалистической экономики“ (И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 196).

„Забывают“ эти различия социал-фашисты, которые, выполняя социальный заказ буржуазии, сравнивают нашу социалистическую индустриализацию с капиталистической индустриализацией, с эпохой первоначального накопления, вписанной в историю „огнем и мечом“. Они же для обоснования своей теории „мирного вращивания в социализм“ доказывают, что в отличие от смены феодализма капитализмом, которая происходит путем революции, социализм сменяет капитализм без революции.

Вслед за отцом оппортунизма — Бернштейном — теоретик и вождь германского социал-фашизма Каутский утверждает, что для перехода от феодализма к капитализму необходима революция, а для перехода от капитализма к социализму конечно никакой революции не требуется. Это происходит мол потому, что государственный аппарат феодализма косный,

блению; государственный аппарат капиталистического государства, наоборот, гибкий, приспособляющийся, и поэтому можно без всякой революции и революционной диктатуры, путем „приспособления“, перерасти из капитализма в социализм.

Конечно буржуазный государственный аппарат более гибок, чем феодальный, но что касается приспособления, то, как показывает вся практика социал-фашизма, не капиталистическое государство приспособляется к нуждам рабочих, а социал-фашисты приспособляются к нуждам капиталистического государства.

Самый яркий и подлейший за всю историю предательства пример приспособления к нуждам буржуазного государства дали в наши дни германские социал-фашисты в своем отношении к фашизму — этой „террористической диктатуре крупного капитала“. А контрреволюционный троцкизм, в своей клевете на партию протаскивавший контрабанду о том, что якобы в вопросе перерастания Ленин пришел к Троцкому, в наши дни порочит революционную борьбу с фашизмом и оправдывает социал-фашистское предательство.

Подробнее мы остановимся на контрреволюционной „концепции“ троцкистов (о перерождении, термидоре и т. д.) в ходе рассмотрения истории Великой французской революции. Сейчас только несколько общих замечаний.

Троцкисты имеют свою меньшевистскую схему исторического процесса. Согласно этой схеме, крестьянство не может быть движущей силой революции, а после пролетарской революции оно вообще является врагом ее. Основываясь на этой меньшевистской позиции, вытекающей, как это указал т. Сталин, из неверия в силы рабочего класса, троцкисты развивают свою схему перманентной революции, в которой контрреволюционная, разоружающая пролетариат сущность прикрывается левою фразой. При этом в одну кучу валяются ранние буржуазные революции, в которых не было пролетариата, как класса для себя, поздние буржуазные революции, в которых пролетариат уже действовал, как класс для себя, и революция пролетарская. Это „смещение“ характерно для троцкистского неверия в силы рабочего класса, этим смещением обусловлено и непонимание троцкистами форм союза с крестьянством и контрреволюционное понимание Октябрьской революции как буржуазной.

До эпохи созревания пролетариата в класс для себя, до этой эпохи, когда пролетариат становится гегемоном революции и руководителем крестьянства в революции, крестьянство еще может идти за буржуазией, в союзе с ней. Вот почему т. Сталин указывает, что в отличие от нашей рево-

люции 1905 г., в которой крестьянство находилось под гегемонией пролетариата, — в буржуазных революциях Западной Европы „крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, в виду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии“ (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 38).

Это положение имеет огромное значение для стратегии и тактики наших братских компартий, ибо указывает на исторически сложившиеся отношения классов. То, что во Франции, как указывает т. Сталин, крестьянство получило землю не из рук пролетариата, а из рук буржуазии, должно быть учтено при решении проблемы завоевания крестьянских масс, — проблемы, являющейся одной из важнейших при подготовке и в ходе пролетарской революции.

Мы знаем, что конкретно, практически крестьянство получило землю только тогда, когда революция во Франции поднялась на высший этап, когда вопреки и в борьбе с буржуазией во главе революции стала революционная мелкая буржуазия в союзе с нарождающимся рабочим классом. Но Великая французская революция могла и должна была остаться только буржуазной революцией, ибо для социализма не было еще необходимых общественно-экономических предпосылок.

Развитие революции привело к установлению революционной диктатуры мелкой буржуазии, о которой Энгельс писал следующее: „чтобы пожать даже те плоды, которые тогда совсем созрели, необходимо было, чтобы революция зашла значительно дальше цели“. Приход к власти революционной мелкой буржуазии обуславливался особенностями классового характера буржуазии, ее боязнью дать повод к выступлению против собственности.

Пролетариата — как класса для себя, как гегемона — в то время не было. Революция даже в те моменты, когда она конкретно развивалась вопреки стремлениям буржуазии, шла все же в ее интересах, под ее идейной гегемонией, ибо буржуазия тогда была в обществе единственным классом для себя — классом, осознавшим свою объективно-историческую роль, классом-носителем нового капиталистического способа производства.

Вот почему вся революционная борьба шла в интересах установления господства буржуазии (вопрос о перерастании в социалистическую революцию не мог еще стоять), вот почему революция на всех ее этапах разрешала — иногда

вопреки воле буржуазии на данном, определенном этапе времени — задачи утверждения буржуазии, хотя и не всегда буржуазными методами. Поэтому Маркс и говорит о якобинской диктатуре, что она представляла собой „лишь плебейский способ расправы с врагами буржуазии...“

Утвердившаяся в результате революции буржуазия не отняла, а закрепила за крестьянством полученную им в момент наивысшего размаха революции — при якобинцах — землю. Вот почему революция привела к „громадному усилению политического веса буржуазии“ (Сталин).

Иначе чем в ранней буржуазной революции обстоит дело в поздней буржуазной революции, какой была например революция 1905 г., в которой крестьянство, как движущая сила, возглавлялось пролетариатом — гегемоном революции.

В революции 1905 г. троцкисты стояли на своей меньшевистской платформе непризнания крестьянства движущей силой и неверия в силы пролетариата повести за собою крестьянство. На буржуазную революцию эпохи зрелого капитализма и пролетариата, когда пролетариат должен был и действительно смог возглавить революцию и поставить вопрос о перерастании, они перенесли представление о западных революциях той эпохи, когда пролетариат еще не созрел.

Контрреволюционность восстания части крестьянства провинции Вандей троцкисты перенесли как типичный признак на все крестьянство в целом, да еще на крестьянство всех эпох и формаций, без учета уровня развития пролетариата и его роли как руководителя крестьянства, без учета характера революции. Это вытекает из их меньшевистской контрреволюционной схемы исторического процесса, в основе которой лежит неверие в силы пролетариата, неверие в способность его руководить крестьянством.

Безразличное отношение к вопросу о союзниках есть результат неверия в силы пролетариата, есть фактический отказ от революции. Для того „... кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти“... — для того... „вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным“ (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 37).

Таким он явился и для троцкизма. Контрреволюционный троцкизм начал выявление своего неверия в силы пролетариата с объявления всего крестьянства враждебно реакционной массой и завершил его признанием невозможности построения социализма в одной стране, в частности — в нашей стране.

„Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм“ (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, Партиздат, 1932, стр. 612).

Чрезвычайно важно указание т. Сталина, что отношение II Интернационала к вопросу о союзниках объясняется отнюдь „не только особыми условиями развития на Западе“; этим указанием отменяются всякие ссылки на „объективные условия“, хотя бы на то, что во Франции крестьянство — в отличие от русского крестьянства — в конечном итоге получило землю из рук буржуазии. Это обстоятельство лишь затрудняет борьбу за союзника, но не только не снимает, а с особой остротой выдвигает эту задачу перед братскими компартиями.

Вся контрреволюционная сущность троцкизма и социалфашизма выявляется в том, что перед лицом гигантских успехов нашей социалистической реконструкции деревни, они, капитулируя перед международным фашизмом, поддерживают разоружающий тезис об изолированности пролетариата, утверждая невозможность построения социализма в нашей стране.

Кульминационный пункт Великой французской революции — якобинскую диктатуру, мелкобуржуазную „плебейскую“ диктатуру — они смешивают с диктатурой пролетариата в угоду своим контрреволюционным интересам, к тому же еще извращая историю первой. Желая доказать перерождение пролетарской диктатуры, они объявили термидорианскую контрреволюцию следствием перерождения мелкобуржуазной диктатуры, чего на самом деле не было. А в угоду потребностям контрреволюционной борьбы против ВКП(б) перенесли это ими же выдуманное перерождение на нашу диктатуру, сознательно замазывая глубочайшее различие между мелкобуржуазной и пролетарской диктатурой.

Говоря о гегемонии либеральной буржуазии в буржуазных революциях Западной Европы, когда в данной стране еще не было пролетариата как класса для себя, мы должны помнить, что речь идет о странах, в которых капитализм существовал еще только в своем начальном мануфактурном периоде. В этот период капитализм развивается еще не на своей, а на чуждой ему основе разлагающегося феодального хозяйства.

Буржуазия так же, как и крестьянство, заинтересована в низвержении феодальной собственности; к тому же из мелкого товарного хозяйства, каким становится крестьянское

хозяйство по освобождению от феодализма, „капитализм растет ежечасно и стихийно“ (Ленин). Поэтому в борьбе с феодализмом, в частности в эпоху мануфактурного периода капитализма, буржуазия и крестьянство естественно идут вместе. Но когда уже утверждено господство буржуазии, тогда уже не только экономика, но и политика капитализма направляется против мелкого товаропроизводителя. Наиболее яркий в истории пример — принявшее в Англии XVIII века грандиозные размеры и уничтожившее совершенно класс крестьянства — огораживание¹ после того, как крестьянство было активнейшей силой Великой английской революции.

В эпоху зрелости капитализма и развившегося рабочего класса, когда он уже противостоит буржуазии как класс для себя, буржуазия, как мы указывали, уже не может быть гегемоном революции, — тогда естественным гегемоном — не только в пролетарской революции, но и в поздней буржуазной революции — является пролетариат, который один только способен повести крестьянство к решительной расправе с феодализмом. Таким образом гегемония буржуазии над крестьянством является выражением и пережитком той исторической эпохи, когда капитализм развивался не на собственной, а на чуждой ему основе еще окончательно не разложившегося феодального хозяйства. Между тем как гегемония пролетариата, неизбежность которой установил марксизм-ленинизм, является исторически самой передовой и соответствующей интересам разоряемого и экспроприруемого капитализмом крестьянства.

В заключение необходимо напомнить еще одно положение марксизма, которое Ленин развивал и углубил в своей работе „Государство и революция“ — положение о том, что водоразделом между оппортунизмом всех мастей и большевизмом является не просто признание революции, а признание революции, доведенной до диктатуры пролетариата. Это же положение всегда подчеркивает т. Сталин.

„Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно не верно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания и условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата, является вопросом производным. Это обстоя-

тельство однако не лишает его несколько того серьезного, животрепещущего значения, которое несомненно он имеет для пролетарской революции“ (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 36).

Мы напомнили это коренное положение марксизма-ленинизма для того, чтобы указать, что — в особенности после Октябрьской революции — у контрреволюции всех мастей имеются особые причины пытаться опорочить якобинскую диктатуру, являвшуюся мелкобуржуазной диктатурой конца XVIII века, для того чтобы контрабандой протащить опорочение пролетарской диктатуры XX века. Вот почему социалфашисты, устряловцы, троцкисты и иже с ними пытаются кричать о бессмысленном терроре якобинской диктатуры, о ее перерождении. Всю глубину этой фальсификации и ее открывенную политическую направленность мы проследим в разделе, посвященном якобинской диктатуре, и в заключительной главе.

Теперь ограничимся указанием, что интерес к якобинской диктатуре не только друзей, но и врагов вызывается тем, что на заре капитализма в 1793-1794 гг. она на краткий миг осуществила власть „класса трудящихся и угнетенных“ (Ленин). На закате капитализма в 1917 г. пролетариат СССР впервые осуществил диктатуру пролетариата.

Мировой пролетариат имеет свою историю. В Великую французскую революцию, еще не будучи классом для себя, рабочий впервые пришел к власти, но он еще не был пролетарием в современном смысле слова, его юношеским псевдонимом был санкюлот. В 1848 г. знамя марксизма еще не стало знаменем пролетариата, хотя программный призыв марксизма: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ уже горел в крови июньских инсургентов. Парижская коммуна прорепетировала диктатуру пролетариата. Октябрьская революция ввела ее в обиход истории.

¹ Огораживание — сгон крестьян с земли.

ФРАНЦИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Экономическое положение и классы

„Трава уже выросла, ешьте ее“. Крестьянство, к которому некий дворянчик обратился с этими словами во время голодного бунта 1775 г., составляло 90% населения предреволюционной Франции.

Только меньшинство крестьян (главным образом на Севере) были полностью крепостными, остальные были лично свободными, но феодально обязанными. Это значит, что земля—главное условие земледельческого труда—принадлежала помещику—феодалу, крестьянин же был лишь пользователем земли, на которой он сидел, и за пользование ее платил помещику деньгами, продуктами, работой. За каждый свой поступок, за всякое происшествие в своей жизни крестьянин был обязан платить. Когда умирала какая-нибудь нищая старуха, завещая например своей дочери „черную ватную юбку“, то и этот акт не избегал зоркого глаза помещичьего фиска, ¹ и „ватная юбка“ подлежала обложению в пользу помещика. Наиболее распространенным платежом был денежный платеж—чинш, вследствие чего феодально обязанные крестьяне назывались чиншевиками. Иногда вместо чинша платили натурой, такой платеж натурой назывался шампаром. Шампар составлял от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ всей жатвы. Помимо этого крестьяне платили за переход пользования землей от одного к другому, за пользование дорогами и мостами, за зажигание огня в избе, за право держать собаку во дворе и т. д. Наряду с этим помещик устанавливал ряд монополий. Крестьянин обязан был молотить хлеб на помещичьей мельнице и давить виноград господским прессом. Когда же на барском дворе господствовала мерзость запустения и крестьянин производил

¹ Помещичьего финансового аппарата.

эти хозяйственные операции у себя дома, то и тогда он был обязан вносить помещику соответствующую сумму денег, точно так же, как он платил за проезд через реку, на которой не было ни лодки, ни лодочника. Помещики имели право разведения голубей и охоты на крестьянских полях. Если крестьянин прогонял дичь со своего поля, то он платил за это штраф. Из одного местного документа мы например узнаем, что г. Бресс (помещик) „со всем своим домом и сторожами охотится верхом накануне жатвы, топча хлеб, и никто не смеет пожаловаться названному г. Брессу, который грозит поселянам, называя их бездельниками“.

В довершение всего феодал-помещик сохранял право феодальной юстиции, т. е. крестьяне были подсудны его суду. Конечно, крестьянин в этом помещичьем суде не мог найти управу на своего господина. Зато господин находил в суде дополнительные источники дохода, собирая пошлины и штрафы. Народная мудрость сформулировала это положение в следующей пословице: „Будь крестьянин из стали, а феодал из соломы, все равно в их тяжбе победителем будет феодал“.

Помимо дани помещику крестьянство платило прямые и косвенные налоги государству. Важнейший прямой налог назывался тальей и раскладывался чрезвычайно произвольно. Налоги взимались откупщиками, которые были заинтересованы в перевыполнении в свою пользу суммы налога. Крестьянин живет в постоянном страхе перед визитом сборщика налогов. Он находит, что вся Франция „зачумлена податями“ (из письма крестьянина). Когда у какого-либо крестьянина случайно улучшались дела, то этот сам по себе радостный факт доставлял ему новое беспокойство, ибо он „должен был считать себя погибшим с того момента, когда начальство усомнится в том, что он умирает с голоду“.

Из множества косвенных налогов наиболее тяжелым был соляной налог. Специальная армия шпионов следила за тем, чтобы каждый крестьянин старше 7 лет от роду покупал полагающееся ему количество соли; за недостающее потребление соли взимались колоссальные штрафы и в связи с этим налогом ежегодно происходило свыше 3500 арестов. При этом крестьянин не имел права тратить соль, покупаемую для супа, например на засолку мяса. Такой проступок карался штрафом и конфискацией имущества.

Несмотря на то, что все крестьянство (за исключением очень небольшой части) было феодальным, тем не менее в силу происхождения в деревне товарно-денежных отношений, оно

расслаивалось. Расслаиваясь, крестьянство выделяло на од-
ном полюсе бедноту, а на другом — кулаков.

Темп расслоения крестьянства задерживался конечно суще-
ствованием феодальных отношений, но и под общим
кровом феодализма, при достигнутом уже уровне расслое-
ния, среди крестьянства шла классовая борьба. Так например,
большинство деревни было заинтересовано в даровом вы-
пасе, а кулак хотел огораживать, раздела общинных земель
для прирезки ее себе. Беднота воевала против всей осталь-
ной деревни за право собирать колосья со всех полей после
сбора урожая. Однако, поскольку существовал феодализм,
мы говорим о крестьянстве как о классе.

Класс определяется своим отношением к средствам произ-
водства, своим положением в производстве. Как бы ни были
расслоены крестьяне, но в производстве у них было одина-
ковое положение, определявшееся тем, что главное условие
труда — земля принадлежала не им, а помещикам. Когда крестья-
не освобождаются от феодального гнета и получают землю
в собственность, темп расслоения ускоряется. При капита-
лизме крестьянство перестает быть единым классом: часть его
разоряясь переходит в лагерь пролетариата, другая часть, бо-
гатея, — в лагерь буржуазии. Среднее крестьянство, являясь ме-
ждою буржуазией, постоянно размывается между этими двумя
крайними группами. Однако, как мы уже указывали, рас-
слоение крестьянства начинается еще при феодализме,
наибольшую земельную тесноту конечно терпит беднейшая
часть деревни.

В малоземельных приходах число нищенски обеспеченных
землей доходило до 78%. В некоторых районах (в Бретани)
число батраков и поденщиков доходило до 45%. Все это
указывает на далеко зашедший процесс расслоения крестьян.
Широко была развита аренда, большей частью в форме исполь-
щины, при которой крестьянин за арендованную землю отдавал
половину снимаемого с нее урожая. Исполщина большей
частью являлась видом голодной продовольственной аренды.
Тяжесть аренды усугублялась еще тем, что дворянство пре-
давало право сбора арендной платы с испольщиков городским
хлеботорговцам и спекулянтам.

Крестьяне, арендовавшие землю не на правах исполщины
были обязаны за нее денежными платежами, натуральными
оброком, барщиной. Аренда заключалась на короткие сроки,
и крестьянин жил под вечным страхом сгона с земли. Кроме
голодной продовольственной аренды существовала и предпри-
нимательская аренда. Кулаки арендовали землю и вели

ней предпринимательское хозяйство. Первый вид аренды был
более распространен.

Крестьянство очень страдало от малоземелья, а техника
сельского хозяйства была чрезвычайно низкой. В то время, как
капиталистически более развитая Англия давно уже перешла
к системе плодосмена, при котором непрерывный засев всех
участков земли обеспечивается сменой различных зерновых,
бобовых и травяных культур, во Франции продолжало гос-
подствовать трехполье, а иногда и двухполье, при которых
1/3 или половина земли постоянно лежит втуне.

На крестьянских полях редко применялся железный плуг,
чаще по ним ковыляла деревянная соха. Молотбу произво-
дили большей частью цепом, и поэтому она происходила очень
медленно и непродуктивно. При таких условиях из 51 млн га
всей пахотной земли во Франции обрабатывалось всего 35 млн,
причем 1/7 территории составляли уделы принцев королев-
ской крови.

Чесмотря на то, что в XVIII веке в некоторых районах
Франции сельскохозяйственная техника стала улучшаться,
все же в целом она, особенно по сравнению с Англией,
оставалась на чрезвычайно низком уровне.

Однако крестьянское малоземелье вызывалось отнюдь
не только низкой сельскохозяйственной техникой, при кото-
рой недостаточно освоивались новые земли, но главным
образом тем, что дворянство, втягиваясь в товарноденежные
отношения, присваивало себе, при помощи дворянских судов
и путем прямого насилия, земли, на которых сидели кре-
стьяне. Как ни слабо относительно было перерастание простых
товарно-денежных отношений в капиталистические во француз-
ской деревне, все же в XVIII веке помещики часто объеди-
няли несколько сдававшихся в аренду мелких участков, укруп-
няли их и тем самым сгоняли крестьян. Укрупненные участки
сдавались в аренду капиталистам. В то же время усилилось
и прикармливание общинных земель, которые по закону
1667 г. расхищались помещиками. К тому же государство
налагало на общинные земли те же налоги, что и на обычные
крестьянские земли, и община в целом была за них ответ-
ственна.

Крестьянским малоземельем, низкой техникой сельского
хозяйства, всей феодальной рутинной объяснялись чрезвы-
чайно частые недороды, во время которых крестьяне „ели
траву, точно овцы и мерли как мухи“. В некоторых про-
винциях в течение десятилетий голодные бунты повгорялись
почти ежегодно.

Крестьяне были стеснены и как товаропроизводители. Помимо стеснений, которые вызывались общим положением феодального крестьянина, помещики прямо запрещали крестьянину вывозить на рынок свои продукты раньше, нежели будут реализованы продукты барского двора.

При наличии малоземелья, феодальной эксплуатации и гнета кулачества беднота к этому времени уже становится жертвой капитализма. Она вынуждена продавать свою рабочую силу, и покупатель находится не только в лице деревенского кулака, но и в лице капиталиста — хозяина мануфактуры. В редких случаях крестьянин целиком бросает хозяйство и идет в город на предприятие. Большею частью он остается дома, но работает на мануфактуру по заказу и на материале мануфактуриста, получая от него фактически заработную плату, конечно чрезвычайно низкую. Таким образом крестьянство в его менее обеспеченной части — беднота — страдает под двойным гнетом капитализма и феодализма.

По поводу доменной печи в коммунае Понт-дю-Навуа (департамент Юра) современный документ сообщает, что она „приносит огромную пользу, занимая многих рабочих, мало занятых земледелием“. По поводу кузнечного горна в департаменте Мерт также говорится: „Установление его необходимо, чтобы доставить жителям кантона возможность заработать на жизнь...“

В деревнях было занято столько рабочих, что между Бозе и Амьеном были деревни, где на 100 очагов не было и 10 крестьян, занимающихся земледелием“.

В Тьере (департамент Пюи-де-Дом) производство ножей господствует как в городе, так и в окрестностях „почти все крестьяне являются рабочими“.

Разорение было так сильно, что развилось невероятное нищенство, особенно во второй половине XVIII века. Так в Патрисе (Нормандия) на 500 жителей приходилось 400 нищих. Живя на краю голодной смерти, бедняк подчас носит летом и зимой одну и ту же одежду, живет совместно с сохранившимися у него домашними животными и т. д. Абсолютизм по-своему „боролся“ с нищенством: все здоровые люди в возрасте от 15 до 60 лет ссылались на галеры, если у них не было средств к существованию и определенной профессии.

Таково было положение крестьянства во Франции накануне революции.

Эксплуатировавшие крестьян дворяне-помещики, являясь незначительной частью населения, были господствующим классом дореволюционной Франции. Дворянство, бывшее классом

чисто паразитическим, „давшим себе лишь труд родиться на свет“, делилось на придворное, служилое и провинциальное дворянство. Служилое дворянство, или дворянство мантии, занимало покупаемые ими пожизненно судебные должности в так называемых парламентах.¹

Служилое дворянство ревниво оберегало свои привилегии и, если боролось за ограничение абсолютизма, то исключительно в защиту своих сословных интересов.

Высшее дворянство жило при дворе и в виде пенсий, наград и жалованья за фиктивные должности получало огромные суммы, способствовавшие образованию чудовищной задолженности двора. Например, маркиз д'Отишан получал четыре пенсии: „первую, как значилось в росписи, за заслуги его покойного отца; вторую — за то же самое; третью — на тех же основаниях; четвертую — по тем же причинам“. Придворное дворянство занимало высшие посты, и одной из его привилегий были командные должности в армии, для получения которых требовалось доказательство дворянского происхождения до четвертого поколения. На содержание офицерства тратилось больше, нежели на содержание массы солдат-крестьян, которых офицеры заставляли „удобрять поля сражений“, называвшиеся „ложем чести“.

Занятие высоких должностей давало только права и не влекло за собой никаких обязанностей. Оно не прерывало паразитического образа жизни двора, высшим законом которого были увеселения и тщательной заботой — костюмы. Граф д'Артуа, брат Людовика XVI и будущий кумир эмигрантского дворянства, заставлял четырех лакеев подымать себя на воздух, а затем спускать себя в панталоны, для того, чтобы ни единая складочка не легла на его нарядный костюм.

Провинциальное дворянство издали завистливо наблюдало за своими более счастливыми собратьями, которые сверху вниз смотрели на вечно нуждающихся и попрошайничующих провинциальных дворян. Чем мельче было дворянское хозяйство, тем более оно старалось из наличного у него небольшого количества крестьян выколачивать максимальные доходы. За это крестьяне прозвали мелкопоместных дворян кобчиками — по образу самой маленькой из хищных птиц. Даже та часть дворянства, которая была втянута в товарно-денежные отношения, очень редко переводила свое хозяйство на рельсы капиталистического предприятия с наемной рабо-

¹ Парламентами в дореволюционной Франции назывались не представительные учреждения, а судебные палаты.

ной эксплуатации крестьянства.

Дворянство в целом — это любимое детище короля — чувствовало себя солью земли и в своих „отеческих попечениях“ о народе считало себя посредником между ним и королем, по поводу чего один из современников Людовика XVI (последнего перед революцией короля) правильно заметил: „Дворянство — посредник между королем и народом, как охотничья собака — посредник между охотником и зайцем“.

Дворянство естественно не было заинтересовано в революции. Часть его — дворянство мантии — была заинтересована в ограничении самодержавия, но не в интересах капитализма, а в интересах возвращения к давним феодальным волюностям, когда феодалы-помещики сами были небольшими царьками и центральной власти фактически не признавали. Часть провинциального дворянства, втянутая в товарноденежные отношения, желала некоторых реформ в интересах капитализма, но конечно не революции.

К классу землевладельцев-феодалов принадлежало наряду с дворянством и духовенство.

Правда, часть духовенства — низшее духовенство — жило порою в условиях, схожих с крестьянскими: получая мизерное жалованье, оно имело все основания быть недовольным своими духовными феодалами. Однако и эта часть духовенства была собственником земли и получала свои доходы за счет феодально-церковной эксплуатации крестьянства, за счет взимания „десятины“, составлявшей обычно от $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{13}$ части крестьянского урожая. Перед революцией в своих наказах депутатам генеральных штатов низшее духовенство порою требовало даже увеличения десятины. Все же часть низшего духовенства проникалась нуждами населения, среди которого оно жило, и из его среды вышли некоторые революционные вожди, порвавшие с господствовавшей церковью и соединившиеся с народными массами, — среди них одинокий коммунист Мабли и пламенный, крайне левый вожь парижских масс Жак Ру. Духовенство было мощной и богатой корпорацией. „Во славу божию и на благо бедным“ оно владело $\frac{1}{5}$ всей земли. Больше всего церковь любила „свой корм“ — десятину, дававшую ей около 25 млн рублей в год.

Церковь представляла надежнейшую опору трона, и высшее духовенство наравне с дворянством украшало двор. Помимо эксплуатации своих земельных богатств и сбора с крестьян десятины духовенство всегда приумножало свои доходы ростовщичеством. Про одного из многих деятелей „святой

дерзкий“, бравшего около 60 процентов годового дохода с крестьян — Гьерре, он бы нас сократил на $\frac{2}{3}$ “.

Помимо многочисленного класса феодальных крестьян и класса феодалов-землевладельцев, т. е. классов феодального общества, во Франции существовали уже и классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат.

Буржуазия была очень богатым и могущественным классом. Во Франции в это время в полной мере развилась мануфактурная стадия капитализма. Мануфактурная стадия капитализма — это стадия, развивающаяся в недрах феодализма. При мануфактурной стадии ведущими предприятиями являются мануфактуры, т. е. предприятия, основанные на ручной ремесленной технике.

Мануфактуры бывают централизованные и децентрализованные (рассеянные). Первые Маркс называет органическими мануфактурами, вторые — гетерогенными. Централизованные объединяют рабочих в одном помещении и полностью производят весь продукт производства. „Рассеянная“, т. е. децентрализованная мануфактура представляет собой предприятие, в котором только один процесс производства (чаще всего конечный, например окраска и беление материи) производится централизованным порядком в центральной мастерской, остальные же процессы производства протекают в деревенских избах. Но крестьянин, работающий на мануфактуру, уже не является самостоятельным кустарем, а фактически превращается в наемного рабочего, только при худших условиях, так как разъединенный по своим светелкам он не мог противостоять капиталистической эксплуатации. При рассеянной мануфактуре подчас целые округа из десятков тысяч крестьян работают на небольшую мастерскую с 30 — 40 рабочими. При этом существует строгое разделение труда по районам и между самими работниками. Каждый район специализируется на каком-либо одном процессе производства, и крестьяне работают по образцам, на материале и часто на орудиях производства, получаемых от мануфактуры. К мануфактурной организации переходят прежде всего те отрасли производства, которые нуждаются в привозе сырья или сбыте на внешних рынках (например шерсть, сукноделие), ибо кустарь естественно не может сам связываться с внешним рынком.

Франция перед революцией переживала мануфактурный период капитализма. Работа мануфактур настолько развилась, что правительством было вынуждено законом 1762 г. разрешить

свободу внецеховой деятельности в деревне. Ов пут цеховой, из шелковых мануфактур в центре Франции, — она занимает докапиталистической промышленности капитализм бежал в деревню, превращая деревенского кустаря — феодального крестьянина — в рабочего далекой, грозной мануфактуры и заставляя таким образом крестьянина страдать под двойным игом феодализма и капитализма. Основным типом мануфактуры были рассеянные мануфактуры с сравнительно небольшими центрами, лизованными мастерскими, на которые работали целые округа крестьян.

В особенности после разрешения в 1762 г. внецеховой, промышленной деятельности в деревне, все больше и больше города раздавали работу по прядению шерсти в села, концентрируя в городах главным образом процессы отделки.

В 1784 г. в дистрикте Сент-Кентен департамента Эзн было занято 72 тыс. прядильщиц.

В XVIII веке крупнейшие центры шерстяной промышленности — Седан, Реймс, Руан, Эльбеф, Лувье, Лизье, большинство городов юга — являлись центрами рассеянных мануфактур.

При этом на подчас небольшую мастерскую в городе работали тысячи, а иногда и десятки тысяч жителей деревень. Происходила естественно концентрация капиталов.

В Седане в 1775 г. предприниматель Пеншон имел 35 станков, а в деревнях на него работало 1200 рабочих. В Эльбефе 75 предпринимателей владели 1093 станками и занимали 24 тыс. рабочих.

В округе Руана было занято 30 тыс. рабочих, 450 тыс. работало занято в суконной промышленности Лангедока и Протекал в деревнях.

В Седане 25 хозяев занимали 10 тыс. рабочих окружающих деревень и просили в 1744 г. правительство, чтобы оно прекратило мобилизацию „рабочих окружающих деревень“ на государственные работы в город.

В шелковой промышленности, где главным образом господствовала система раздачи, при которой весь продукт целиком изготавливается децентрализованно, тоже происходила концентрация капиталов. На лионских купцов работало в Лионском округе 120 тыс. семей, в Сент-Шамоне — 40 тыс. и т. д. Во второй половине XVIII века некоторые купцы занимали более тысячи станков.

Централизованные мануфактуры в области шелковой промышленности были в меньшинстве и небольших размеров.

Так, интендант Оверна сообщает в 1773 г., что мануфактура г-на Банкаля в Клермоне является наиболее значительной

из шелковых мануфактур в центре Франции, — она занимает 32 станка и от 60 до 70 рабочих. Но существовали и значительно более крупные мануфактуры, особенно в области металлургии. Шарлевильская оружейная мануфактура, производившая также гвозди, занимала в своем помещении 500 рабочих.

В обойной мануфактуре Ревельона работало 350 рабочих, в королевской зеркальной мануфактуре более 400.

Гвоздильная мануфактура в коммуне Валансьен Северного департамента обладает большими зданиями, в частности помещением для жилья 600 рабочих.

В мануфактуре цветных тканей Оберкампа, существовавшей с 1776 г., в 1787 г. в мастерских работало 800 мужчин и женщин, в том числе много детей 5—6 лет. Работа была сдельная, а дисциплина очень строгая. Сначала родители фабриканта присылали ему рабочих из Швейцарии, затем он обучил местное население.

Однако большей частью работа даже очень крупных мастерских совмещалась с перенесением части процессов производства в деревню, образуя тип рассеянной мануфактуры.

Суконная мануфактура в округе Вьенн занимала 517 человек в мастерской и пару тысяч в деревнях; в Орлеане в двух фесочных мануфактурах мастерские, в которых происходила отделка и окраска, занимали 1600 рабочих, вязанье же шерсти происходило в деревнях; в ситценабивной мануфактуре в Тане в мастерской, производившей набивку ситца, работало 724 человека, а процесс пряденья и ткачества производился в деревнях.

Мануфактура жести в Бэн занимала 600 рабочих в мастерских и еще большее количество вне централизованных мастерских.

Мануфактура шелка в Лангедоке, очень усовершенствованная, занимала в 1786 г. около 80 рабочих в своем здании 600 мотальщиц шелка в деревнях.

В коммуне Гранд-Фонтэн предприятие, состоящее из 2 домен и 5 кузнечных горнов, занимало 1000 рабочих, из них 400 внутри предприятия, а 600 — вне.

В XVIII веке, когда французская промышленность в основном вся уже была построена как мануфактурная, даже такая отрасль, как рыбная ловля, находилась на подступах к ней. Так, в Финистерре (Нижняя Бретань) ловля сардин была организована главным образом одним крупным предпринимателем, который не только имел свои суда и свой штат, но и скупал

улов рыбаков, не имевших возможности должным образом обработать сардины.

Насколько сильна была концентрация промышленности мануфактурного типа, мы можем проследить также на примере железодельной промышленности. Среди описанных предприятий железодельной промышленности, существовавших к концу XVIII века, многие были мелкими, кустарными, очень давнего происхождения. Однако удельный вес последних был теперь не столь значителен. Даже приблизительный подсчет количества мелких и более крупных предприятий и занятых на них рабочих выявляет картину количественного преобладания нового типа предприятия — капиталистической мануфактуры. Подсчеты в этом направлении могут конечно быть только приблизительными, ибо источники не указывают точного количества рабочих для всех предприятий. Помимо этого сам характер мануфактуры, бывшей большей частью мануфактурой рассеянного типа, затрудняет возможность такого подсчета, ибо в число указываемых рабочих входят и основные и вспомогательные рабочие, и рабочие, занятые внутри предприятия, и рабочие, занятые вне предприятия, а также занятые в какой-либо части производственного процесса. Характерным для промышленной организации той эпохи — по преимуществу рассеянной мануфактуры — является например такое указание: предприятие занимает 70 рабочих мастеров и кроме того „на него работают все жители деревни и окрестностей“.

Итак, по приблизительным подсчетам, из 253 предприятий железодельной промышленности, занимающих в 1789 г. 19891 рабочего, предприятий с количеством до 20 рабочих насчитывается 115, предприятий с количеством свыше 20 рабочих — 138. Из них первые 115 предприятий занимают 987 рабочих, а вторые 138 предприятий — 18834 рабочих. Картина становится еще более яркой, если мы укажем, что предприятия с количеством рабочих от 100 и выше насчитывалось 58, занимали они 15757 рабочих. Таким образом несколько больше $\frac{1}{3}$ предприятий железодельной промышленности занимало больше $\frac{3}{4}$ рабочих, занятых в этой отрасли промышленности. При этом приблизительность подсчетов в сторону уменьшения количества рабочих крупных предприятий, ибо число рабочих мелких предприятий поддается более точному учету, нежели, как мы уже указывали, число рабочих, втянутых в работу крупных предприятий.

Среди владельцев предприятий встречались крупные „мануфактурные магнаты“, как барон Дитрих, владевший в 1785 г.

дом шахт и домен, на которых было занято свыше 3000 основных и вспомогательных рабочих. При этом мы не должны модернизировать и представлять себе эти предприятия наподобие современных. Насколько сравнительно низкой была их техника, видно на примере одного завода в Кастелено—Дюрбан, на котором из 80 рабочих только 8 были заняты манипуляциями с железом, а остальные работали в качестве угольщиков и возчиков. Во второй половине XVIII века очень развилась строительная промышленность. Париж Лион — все большие города — переживали перед революцией настоящую строительную горячку. В течение тридцати предреволюционных лет Париж вновь отстроился на одну треть. Капиталистическая промышленность страдала от сохранения старой цеховой промышленности. Цеховая организация промышленности развилась в средневековом городе и представляла кооперативную организацию мастеров по всем отраслям производства. Каждый цех был замкнутой корпорацией, ревниво оберегающей себя от конкуренции.

Цехи следили за тем, чтобы другой цех не занялся частью производства и чтобы никто вне цеха не мог заниматься производством. Так например постоянные столкновения происходили между цехом старьевщиков и портных.

Цехи в XVIII веке окончательно закалились. Право мастера фактически превратилось в наследственное. В Гавре в 1765 г. в цех были приняты сыновья мастеров в возрасте 8, 6, 3 лет и 11 месяцев. Для сыновей мастеров был установлен сокращенный срок ученичества и пониженный вступительный взнос. При этих условиях подмастерья и ученики практически становились пожизненными рабочими, так как достигнуть звания мастера было крайне трудно и большей частью совершенно невозможно. Удлинялся срок ученичества, чрезвычайно усложнялись требования к шедевру (так называемой образцовая модель, которую должен был сработать елавший вступить в цех).

У гаврских суконщиков и кожевников ученик, покинувший досрочно своего мастера, обязан был сынова начинать свое ученичество. У бакалейщиков Амьена требовалась уплата 500 ливров для того только, чтобы ученик мог сделаться кандидатом в мастера.

В том же Амьене слесарный цех ограждал свою замкнутость даже при помощи грубого физического насилия. Столяр Амьена Андрэ Тоннель готовил свой шедевр. Но во время отсутствия должностные лица цеха уничтожили начатый

им шедевр. Это повторялось несколько раз. 22 марта 1711 г. сделанный в Гавре шедевр — ботинок — был признан влетворительным, но было установлено, что цеховые члены до того изводили ученика, что он потерял всякое обладание при работе над шедевром.

Цехи расслаивались. Со временем в ряде городов шие мастера, превратившиеся фактически в домашних работавших на разбогатевших мастеров, отделяются и низационно под разными названиями „маленьких купца-„мастеров-рабочих“, „мастеров-фабрикантов“, между мастера-работодатели именуется „большими купцами“, теми и другими естественно возникают особенно учащающиеся в XVIII веке. В 1711 г. Коммерческий совет разбирает подобные распри между объединением говцев чулками и мастерами чулочниками; в 1713 г. — купцами-фабрикантами парчи Парижа и мастерами-рабочими в том же году — о разногласиях купцов шелка в Ниме стерами-рабочими, „производящими шелковые материи на других“; в том же году — между чулочниками Сент-Анту ского предместья и мастерами-галантерейщиками и чулками Парижа и т. д.

В середине XVIII века в Лионе 243 купца и мастера купца занимали 95% станков, а 8000 мастеров-рабочих нимали 5% станков и работали на мастеров-купцов. Многие мастера-рабочие были наряду с подмастерьями активнейшими участниками граничившей с восстанием грандиозной шелкоткачей 1744 г., во время которой были разгромлены дома ненавистных мастеров-купцов.

Цеховая организация промышленности совершенно противоречила принципам капиталистического развития, вавшего на данной стадии максимальной свободы конкуренции. Любопытно, что, восставая, лионские мастера-рабочие, с требованием восстановления их цеховой равноправности выдвигали требование разрешения работать на внецеховых купцов.

Иногда цех целиком становился источником квалифицированной рабочей силы мануфактуры.

В 1775 г. интендант Оверна пригласил фабриканта Баньей из Сент-Мартэна устроиться в Клермоне (в Оверне разводили шелк-сырец). Перевезя свои станки на мулах что он просил особую дотацию), он столкнулся с тем, Клермоне имелись только красильщики по шерсти, а шелку. Когда он привез красильщика, то цех (8 человек) стал

шедевр. Но затем Банкаль вошел с ними в соглашение: они обучились крашению шелка и стали целиком работать на мануфактуру. Так новые отношения взрывали цехи изнутри. Но жизнь цехов поддерживалась и поощрялась системой абсолютистского государства.

Буржуазия и цехи находились в состоянии беспрестанной борьбы: „Цеховые привилегии стояли всюду поперек дороги развитию мануфактур“ (Энгельс). Так цехи возражали против задачи купцом сырью рабочим, так как тогда „производство будет происходить для него, от его имени, и он сам станет фабрикантом“ (в Витре), а буржуазия жалуется, что цехи „тиранизируют население“ (в Сен-Мало).

Правительство знало о той помехе, которую представляли цехи для развития мануфактур. Оно пытается порой защитить отдельные мануфактуры от покушений цехов.

В 1726 г. Коммерческий совет разрешает г-ну Ламбарду открыть шелковое предприятие и запрещает кому бы то ни было (конечно, подразумевая цехи) стеснять г-на Ламбарда развертыванием его производства.

Когда изобретатель машин Ле-Пайен решил устроить мастерскую для сучения шелка в Метце, король специальным постановлением от 10 августа 1769 г. должен был предписать жителям города Метца ни в чем не мешать предпринимателю и озовил последнему иметь столько рабочих, сколько ему понадобится. Несмотря на это, у него все же были неприятности с городскими властями, тормозившими его производство. Красильщики шелка были редкой (потому что новой) специальностью. В Метце их не было. И Пайен вынужден был посылать свои изделия (шелковые чулки) на окраску в Париж. Но согласно всей системе регламентации, при которой привилегиями обычно пользовались более старые и богатые корпора-

ции и города, особенно привилегированной была шелковая промышленность Лиона. С 1778 г. в Париже взимались особо высокие пошлины со всех шелковых изделий в пользу Лиона.

Вследствие этого Ле-Пайену пришлось прекратить свое производство. Таким образом даже в тех случаях, когда государство XVIII века шло навстречу новой промышленности, ограждая ее одной рукой от цехов, оно другой рукой волей-неволей покровительствовало.

С 70-х гг. XVIII века стали возникать общества поощрения промышленного изобретательства. Они явились выражением незрелой мощи молодой капиталистической промышленности, стремления к совершенствованию. Но что могли они сделать,

когда весь строй феодально-абсолютистского государства с поперек дороги развитию капиталистической промышленности. Знаменитый ученый Бертолет изобрел новый способ белины весной 1785 г. Но основным препятствием для ра нового способа белины, так же как и для фабрикации была габель (налог на соль). Новый способ белины требовал хлора, а основа хлора — соль так удорожалась габелью, что промышленное употребление ее делалось невозможным. Депутаты Пикардии и бюро поощрения промышленности об изъятии их промышленного потребления из-под действия габели. Однако ходатайство их не было удовлетворено. До настоящего времени в правительственному собранию Руанского округа в 1786 г. подчеркивает гибельность габели для сельского хозяйства и рыбных промыслов. Люди заинтересованы не в себе как таковой, а в добывании из нее соли для контрабандной продажи, что весьма удорожает цену сельди и лишает бедное население возможности потреблять ее в пищу. „День, когда габель уничтожат, даст новую силу сельскому хозяйству, доставляя землям соответствующее удобрение, стадам корм, который они любят и который может лечить или предупредить их болезни. Он позволит воспользоваться плодородием неба в этих местностях, где соль, как говору образуется естественно и где банды чиновников, известные под именем черных бригад, шпионят до тех пор, пока с ними дожди не заставляют их исчезнуть. Наконец этот закон извлечет рыбную ловлю из угнетения, под которым она дрогала, и удвоит ее активность“

Таким образом габель была гибельна и для беднейшего населения и для развития капиталистической промышленности. Между тем свобода капиталистического развития мешала не только существованию феодализма в деревне и целому ряду следовательно феодально-организованной, промышленности в городах, но и мелочная регламентация промышленности со стороны государства.“

На заре своего развития капиталистическая промышленность нуждалась часто в государственных подпорках, и тогда правительственная регламентация, сопровождаемая обыкновенно субсидиями и различными формами покровительства была ей необходима и шла ей на пользу, но когда капитализм сильно развился, это покровительство уже не содействовало росту производительных сил, а только стесняло его. Общим чиком регламентации является следующий закон, изданный в 1670 г.: „Если материи, произведенные во Франции, окажут

недобросовестными или несогласными с регламентами, то они будут выставлены на столбе, вышиною в 9 футов, на нем будет надпись с обозначением имени купца или фабриканта, который окажется виновным. В случае повторного поступка купец или фабрикант подлежат публичному выговору. Кроме того их товары будут выставлены на позорном столбе. В третий раз они (купец или фабрикант) будут арестованы и прикованы к позорному столбу вместе с образчиками конфискованного у них товара“. Такой контроль за качеством и характером продукции, разумеется, был крайне стеснителен для купцов и фабрикантов, быстро развивавших свое экономическое могущество.

Внешняя торговля Франции по части экспорта с 1715 по 1790 гг. увеличилась в четыре раза. Торговля велась с „западными“ странами, в частности с Турцией и Америкой. Франция владела богатейшими сахарными плантациями, которые она эксплуатировала при помощи рабского подневольного труда негров. „В одном Сан-Доминго, где 27 тысяч белых властвовали над 405 тыс. рабов, имелось 792 сахарных завода, 705 хлопчатобумажных плантаций, 2810 кофейных плантаций, 3097 индиговых заводов“. Показателем низкого уровня благосостояния французского народа являлось то обстоятельство, что Франция, будучи впереди Англии по производству сахара, в потреблении его стояла позади нее.

Портовые города были в тесной связи с промышленными центрами севера, изделия мануфактур которых они вывозили. Промышленность быстро росла и в самих портовых городах. Во второй половине XVIII века в Бордо развивается большое кораблестроение; в Марселе, ежегодно отправляющем 1500 кораблей, также развились мануфактуры различных специальностей, в том числе много по мыловарению.

Внешняя торговля Франции тормозилась однако как общими условиями, задерживавшими капиталистическое развитие, так и чрезвычайно неудачной внешней политикой государства, не защищавшей интересов буржуазии. На развившийся в частности перед революцией жестокий промышленный кризис оказал влияние невыгодный торговый договор с Англией, заключенный в 1786 г. Невыгодны для Франции были и договоры с Австрией. Внутренняя торговля также стеснялась феодальными порядками, что относится как к хлебной торговле, так и к торговле другими товарами.

Вследствие низкой сельскохозяйственной техники из 32 провинций было 10 провинций производящих, 10 — более или менее удовлетворяющих свои потребности и 12 провин-

щий чисто потребляющих. При таком положении естественная хлебная торговля приобретала огромное значение. Однако хлебные торговцы были ограничены в свободе своей деятельности. Они имели право закупать хлеб на рынках только в определенный час и после удовлетворения местного потребителя. Продажи и покупки, производимые булочниками и земледельцами, тоже регулировались. Часто они регулировались самим помещиком, который не разрешал вывозить хлеб крестьянский хлеб, прежде чем не будет реализован хлеб барского хозяйства. Внутренняя торговля вообще была затруднена вследствие существования множества внутренних таможенных застав, возникших в результате феодальной раздробленности страны. Стоимость транспортируемых товаров в результате ряда поборов на этих заставах повышалась иногда в двадцать раз. Чрезвычайно неудобно было и разное изображение единиц мер и веса: так например в одной только провинции Лабур существовало четыре единицы мер. Мешали и плохи средства сообщения. Дороги были большею частью непроезжими. В то время, как Англия этой эпохи была охвачена лихорадкой строительства каналов, во Франции дороги чинились с помощью холодов, большею частью при помощи подневольного барщинного труда, дававшего конечно минимум производительности.

Капитализм был чрезвычайно стеснен всей феодальной рутиной. Буржуазия была в высшей степени заинтересована в уничтожении феодализма, в уничтожении цеховой регламентации и в освобождении крестьян, так как это ускорило расслоение среди них. Расслоение крестьян создает, вопреки вых, кадры пролетариата, необходимые капитализму, вопреки, столь же необходимый внутренний рынок, так как и пролетаризирующаяся и богатеющая часть деревни становится потребителями изделий промышленности. Буржуазия была заинтересована в том, чтобы те средства, которые крестьяне отдавали феодалу, тем или иным путем шли бы в фонд капиталистического накопления.

При относительно слабом (по сравнению с капиталистической Англией) развитии французской промышленности и торговли (мануфактурная стадия капитализма) французские рабочие класс не мог еще быть сильно развит. Рабочий класс создается из разоряющейся мелкой буржуазии города и деревни. Но только окончательное уничтожение феодализма дает возможность развитию пролетариата. Рабочий класс перед революцией был целым рядом ступеней связан с мелкой буржуазией города и деревни и не существовал еще как класс для себя.

Французская буржуазия перед революцией в полной мере осознала свое положение в обществе, пути борьбы со старым обществом и вполне созрела как класс для себя. Пролетариат становится классом для себя только тогда, когда капитализм, вместе с которым он развивается, достигает определенного уровня зрелости. В описываемую же нами эпоху, когда во Франции вопрос стоял только еще о развитии и утверждении капитализма, рабочий класс естественно не мог еще видеть путей перехода от капитализма к социализму, не мог еще никоим образом познать своих задач на этих путях. Рабочий класс был только частично сконцентрирован на мануфактурах и в центральных мастерских рассеянных мануфактур, — большая часть пролетариата была рассеяна по десяткам тысяч мелких мастерских мастеров-хозяйчиков. Положение рабочих в этот период во Франции было так же ужасно, как и в других странах в мануфактурную стадию капитализма, когда буржуазия справляет свои первые оргии капиталистического накопления, почти ничем не сдерживаемые, ибо рабочий класс не противостоит еще в качестве организованной силы капиталу.

Парижские рабочие-каменщики зарабатывали в среднем 18 су в день, тогда как 5-фунтовый хлеб в феврале 1789 г. стоил 15 су, а фунт хорошего мяса — свыше 17 су.

Зарплата уменьшалась еще в связи с большим количеством нерабочих дней. В Париже было 37 праздников — помимо воскресений и понедельников, когда также не работали.

Положение рабочих особенно ухудшилось в течение тридцати предреволюционных лет, когда цены на товары широкого потребления возросли вдвое, а зарплата в среднем лишь на 10—20%. Но рабочий класс, как говорил Энгельс, страдает не только от наличия капитализма, но и от недостатка его развития. Квалифицированным рабочим был запрещен выезд за границу. Всякое нарушение фабричной дисциплины рассматривалось как преступление против общественной безопасности. С целью снабжения мануфактур недостающей рабочей силой правительство учреждало специальные дома или госпитали. Рабочий день продолжался с восхода до заката солнца; широко применялись всевозможные штрафы и вычеты из заработной платы. Рабочие жили на самих мануфактурах, за ворота которых могли выходить только в праздничный день и то только с богоугодной целью — для посещения богослужения в ближайшей церкви Ремесленные рабочие также держались в «отеческой» строгости. Такие условия труда заставляли рабочих

все чаще и чаще прибегает к сопротивлению. Рабочий класс хотя не был еще классом для себя, но был уже классом в себе; он уже начинает громко предъявлять свои требования. „Решительный антагонизм между буржуазией и народом естественно начинается лишь тогда, когда она перестает противостоять духовенству и дворянству в качестве третьего сословия... Однако его „исторические корни“ появились с возникновением самого третьего сословия“ (Маркс).

Первые организации рабочих — это кассы взаимопомощности, братские общества, компаньонажи¹ — одним словом различные организации, имеющие целью оказание взаимопомощности своим членам. Буржуазия, символом веры которой была свобода конкуренции и „свобода“ договора между предпринимателем и рабочим (что не мешало ей самой объединяться в предпринимательские организации), лицемерно ссылалась на эти „высокие“ принципы при запрещении каких бы то было объединений рабочих. В 1780 г. на просьбу грузин Бордо о разрешении организовать в союз, торговая палата объединявшая крупных капиталистов, издевательски ответила, „чтобы помочь своим вдовам и сочленам, удрученным болезнью и старостью, они не нуждаются в обществе, так как помогать своим ближним следует без принуждения“.

Несмотря на жестокие преследования рабочего движения и отсутствие концентрации основной массы рабочих, дореволюционная Франция знала целый ряд крупных и мелких забастовок и других проявлений активной борьбы пролетариата.

В тех отраслях, в которых существовали компаньонажи ни один подмастерье не мог ни уходить с работы, ни поспить на новое место без разрешения старшего компаньона (подмастерья).

В конце XVII века предприниматели суконщики Дарнет жалуются, что компаньонаж не позволяет становиться изобретателю никому, кроме тех, кого он сам ставит и которые ботают только „как они хотят и когда они хотят“.

В мае 1753 г. подмастерья стекольщики Тура сообщают своим товарищам в Орлеан, что некий турский мастер Бертро написал письмо двум мастерам Орлеана с просьбой послать ему из Орлеана подмастерьев. Турские стекольные подмастерья просят своих орлеанских сотоварищей предупредить всех орлеанских подмастерьев, а по возможности снести с указанными двумя мастерами, во избежание присылки орлеанских подмастерьев в Тур к господину Бертеро, ибо последний назвал подмастерьев мошенниками и его мастерская теперь находится под запретом. Орлеанские подмастерья с успехом выполнили поручения турцев.

В Мулене в 1764 г. полицейский чиновник жалуется, что подмастерья не допускают вновь приходящих на работы в те мастерские, которые им не нравятся, вернее хозяева которых не идут навстречу их требованиям.

Хотя компаньонажи и рабочие братства еще овеяны всеми предрассудками средневековья, хотя между различными компаньонажами часто происходили ссоры вплоть до драк, как например в 1762 г. в Орлеане, но вместе с тем они отлично умели организовываться для совместного отпора хозяевам.

В 1770 г. в Туре мастера-слесари умоляют полицию защитить их в виду того, что подмастерья всех враждующих компаньонажей объединились против них, причинили смерть одному должностному лицу цеха и сообща покинули город.

В 1724 г. происходила стачка подмастерьев и мастеров рабочих вязальщиков Парижа из-за снижения расценок на штучную работу. Все ушедшие с работы решили не возвращаться, пока они не добьются выполнения своих требований. Оставшиеся на работе еженедельно выделяли определенную часть своего заработка казначею стачки. Будучи выданы, казначей и его два товарища были приговорены к выставлению у позорного столба.

Конечно борьбу вели не только ремесленные, но и мануфактурные рабочие, особенно те, которые были сконцентрированы в городах. Эта борьба очень беспокоила власти, вынужденные неоднократно в самих высоких инстанциях заниматься ею. В XVIII веке Коммерческий совет очень часто заслушивает сообщения о рабочих волнениях и дает инструкции о расправе с ними.

В 1729 г. например Коммерческий совет рассматривает споры между подмастерьями и рабочими ткачами Лувье, с одной стороны, и хозяевами суконщиками — с другой.

28 мая 1727 г. тот же Коммерческий совет рассматривает мероприятия по обузданию рабочих обойной мануфактуры в Бовэ, на поведение которых жалуется Коммерческому совету ее предприниматель.

В 1749 г. было запрещено всем подмастерьям и рабочим уходить с работы без разрешения хозяев, а хозяевам нанимать рабочих, нарушавших это постановление. Тогда же были введены рабочие книжки, в которые должны были вписываться последовательно аттестации хозяев.

¹ То есть объединения подмастерьев. Подмастерье по-французски компаньон.

12 ноября 1778 г. Парижский парламент запретил мастерам собираться, а также носить палки, дубины и другое вооружение¹. Содержатели кабачков не имели права принимать больше четырех подмастерьев. В случае покровительства компаньонажам, хозяева харчевен будут подлежать „примерному наказанию“.

3 ноября 1779 г. в Тулузе слесарный подмастерье, обвиненный в организации коалиции, был приговорен к штрафу, тоекратному выставлению у позорного столба и изгнанию на 5 лет. 21 февраля 1785 г. в Мулене было запрещено все ученикам и подмастерьям собираться в числе больше четырех носить палки и вмешиваться в определение на работу подешиков, учеников и подмастерьев.

В Лионе в 1778 г. „в интересах семьи“ запрещалось продавать напитки или допускать к играм подмастерьев летом после 10, зимой после 9 часов накануне праздничных и выходных дней.

С особой тщательностью перечислены все места, где нельзя собираться: дома, кофейни, улицы, сады, мосты, предместья, площади, набережные, виноградники и т. д., т. е. почти везде за исключением воздушных сфер.

Рука об руку с борьбой государства против рабочих подмастерьев шла организация для отпора среди самих чужаечиков. Так бумажники Тьера объединились, чтобы взаимно помогать друг другу против рабочих. Еще в 1739 г. мастера Парижа получили право сами с помощью агента полиции производить аресты подмастерьев.

В 1754 г. зародилась ячейка национальной коалиции чужаечив для борьбы с подмастерьями в Бордо. Мастера Бордоразослали письма своим коллегам в города, где были многочисленные компаньонажи, чтобы они поклялись не брать одного подмастерья иначе как только через бюро по найму, организованное хозяевами. Подмастерьев из других городов они могли нанимать только в случае хорошего отзыва прежнего хозяина. Многие города восторженно отозвались на призыв хозяйчиков Бордо.

Существовало и характерное явление первой стадии рабочего движения — разрушение машин. Хотя в отличие от Англии во Франции накануне революции еще не было промышленного переворота,¹ но во французскую мануфактур

уже проникла машина. „Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на объективную форму их эксплуатации“ (Маркс). Ни этого „времени“, ни этого „опыта“ у французских рабочих еще быть не могло, и они свой протест против эксплуатации перенесли на машину, разрушая ее. Цехи одного из городов Нормандии, где машины были очень распространены, протестуя в своих наказах против машин, спрашивают, почему торговцы Руана изъяли этот пункт из наказа, и видят причину этого в том, что „правильно говорит пословица: большие рыбы съдят малых“.

В Седане ненависть стригальщиков к машинам была так сильна, что предприниматели из-за боязни рабочих отказались от приобретения стригальных машин.

Пильщики камня в Париже требуют удаления двух машин, заявляя, что последние в течение дня выполняют работу 150 рабочих дней.

В Фалэзе, где 8000 человек жило прядением, 4000 нищенствующих приписывали свои беды распространению машин. 11 ноября 1788 г. они их разрушили.

Одельные группы рабочих предреволюционной Франции уже предугадывали ту роль придатков к машине, какую готовил им капитализм. Так лионские ремесленники и рабочие в 1786 г., когда они начали забастовку, указывают, что „рабочий шелкодел не мог существовать на нищенскую заработную плату, получаемую им за восемнадцать часов тяжелого ежедневного труда“, и что предприниматели рассматривают рабочих шелкоделов лишь как „необходимое для изготовления тканей механическое орудие“. В этой же записке рабочие прозревают и свою основную роль как производителей, с горькой иронией заявляя, что предпринимателям, не видящим в них людей и третирующим их „как домашних животных“, все же не следовало бы „отказать рабочим в доле пропитания, которую приходится давать и домашним животным, чтобы не лишиться в непродолжительном времени продукта их труда“. Хотя рабочий класс еще не был „классом для себя“, однако рабочие, страдая под двойным игом феодализма и капитализма, были сильнейшим образом заинтересованы в уничтожении феодализма.

„Революция 1789 г. во Франции была буржуазной революцией, потому что освобождение страны от крепостнических привилегий давало свободу развития капитала. Но само собою

¹ Промышленная революция, приводящая к установлению крупномашинного производства и к окончательному формированию современных классов — промышленной буржуазии и промышленного пролетариата.

разумеется, такая революция самым настоятельным образом требовалась интересам рабочего класса, и даже „беспартийные“ неорганизованные в класс рабочие 1789 г. были передовыми борцами Французской революции“ (Ленин, Соч., т. XVI стр. 186).

Все существовавшие классы французского общества были разделены на три сословия.

Первым сословием было духовенство, вторым — дворянство, а в третье сословие входило все остальное население. Первые два сословия были привилегированными: они составляли опору королевской власти, на них сыпались ее милости. Третье сословие было не привилегированным и несло на себе все тяжести государственных налогов, от которых были освобождены первые два. Среди классов третьего сословия экономически наиболее могущественным была буржуазия, которая старалась все налоговые тяготы перевалить на крестьянство и городскую бедноту.

Первое и второе сословия были двумя различными оболочками одного реального класса — землевладельцев-феодалов. Третье сословие, наоборот, являлось единой оболочкой нескольких различных антагонистических классов. В него входили: буржуазия, рабочий класс, крестьянство и городская мелкая буржуазия. „Французская революция была классовой борьбой и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством и буржуазией и немущими массами“ (Энгельс). Однако все классы, входившие в третье сословие, несмотря на существовавшие между ними классовые противоречия, накануне революции объединялись общей заинтересованностью в уничтожении феодализма.

Подведем итог нашему рассмотрению экономического положения и положения классов накануне Великой французской революции.

В недрах сильно разложившегося феодализма развивался уже капитализм в своей ранней стадии — мануфактурной. Он мертвый хватал живого, и феодализм цепко держался за свои права. В деревне крупные хозяйства, поставленные на капиталистическую ногу (по образцу английских), т. е. хозяйства эксплуатируемые при помощи наемного труда и при повышенной технике, были маловесным меньшинством. Даже буржуазия, скупавшая земли у обедневших дворян, большей частью эксплуатировала их не капиталистическим, а феодальным путем, т. е. путем эксплуатации феодально-обязанных крестьян. Перед революцией даже наступила так называемая феодальная реакция, заключающаяся в возрождении старых

уже давно вышедших из употребления феодальных прав для усиления эксплуатации крестьянства.

Деньги сильно упали в цене и денежные платежи оставались обычно не измененными, но платежи натурой сильно увеличились. Помимо феодальной реакции другим многозначительным и революционизирующим явлением экономики предшествующих лет был промышленный кризис, уже упоминавшийся нами.

Феодальная реакция объяснялась втягиванием дворян в товарно-денежные отношения, что при сохранении феодальных отношений побуждало их ко всемерной эксплуатации даровой рабочей силы, какой и являлось феодально-обязанное крестьянство. Это однако означало, что капитализму ставятся жесткие рогатки, задерживающие его развитие. Мы твердо должны запомнить, что отношения собственности в деревне были феодальными (т. е. главное условие труда — земля — принадлежала помещику), что крестьянин был индивидуальным частным собственником¹ только в зародыше (ему принадлежали только движимые средства, производства, но не земля), что крестьянство было еще классом, потому что оно все находилось в одинаковом отношении к средствам производства (земле). Но в недрах феодализма вызревал капитализм. Под единой феодальной оболочкой крестьянство, благодаря проникновению товарно-денежных отношений, расслаивалось. Ни одного, ни другого процесса не понимали буржуазные историки, одни из которых считали, что крестьяне уже при феодализме были собственниками земли, а другие — что феодальные повинности являются свободной арендной платой. Таким образом, не понимая закона общественных формаций, эти историки искажали картину феодального господства во французской деревне. Кроме того они не понимали законов проникновения в деревню товарно-денежных отношений и разложения под их влиянием феодального крестьянства на различные прослойки. При таком неправильном взгляде на положение французской деревни перед революцией для буржуазных историков пропадала историческая перспектива, и в конечном счете пропадала сама необходимость революции. Если по их мнению крестьянин уже в то время владел землей, либо пользовался ею на условиях аренды, если, как они говорили, феодализм оставался только ветхой формой с совершенно выветрившимся

¹ Индивидуальная частная собственность означает соединение собственности и труда.

сохранением, то для него уничтожения не требовалось той могучей бури, какой явилась Великая французская революция.

К этому следует еще добавить, что буржуазные историки вешают на революцию контрреволюционную борьбу против современного рабочего движения, всеми силами пытались отрицать существование в дореволюционной Франции стадии капиталистической мануфактуры, чтобы с помощью этого тезиса отрицать наличие и роль рабочего класса.

Развивающемуся капитализму было тесно в светелках кустарей, которых он заставлял на себя работать, ему претили нескончаемые поборы многочисленных внутренних таможен, ему было в высшей степени докучливо постоянно встречаться с претензиями на монополию отжившей цеховой промышленности, постоянно натекать на узость внутреннего рынка.

Это резкое несоответствие между развивающимся производительными силами капитализма и сохранившимися феодальными отношениями производства (феодалная собственность — в деревне и цехи — в городе) и составляло основную причину необходимости революции. Феодалное господство, задерживая темп расслоения крестьянства, тормозило создание внутреннего рынка. Внутренний рынок создается при усиленном темпе расслоения тем, что беднеющая и богатеющая части деревни прибегают к рынку для удовлетворения своих потребностей в предметах потребления. При этом средства производства, оторванные от производителя, также становятся товаром. Буржуазия естественно была чрезвычайно заинтересована в создании внутреннего рынка. Буржуазия была заинтересована в замене феодальной эксплуатации крестьянства — капиталистической эксплуатацией его. Буржуазия выступала против режима, „который за жизнь кролика требует жизнь человека“. Буржуазия ценила жизнь крестьянина, ибо он станет рабочим ее фабрик, он составит резервную армию труда, понижающую заработную плату, он станет потребителем ее товаров.

Крестьянин страдал под игом феодализма, который стеснял его как товаропроизводителя, который не давал ему свободы распоряжения основным средством производства — землей.

Главным вопросом революции был вопрос аграрный.

Политическое устройство Франции перед революцией

В дореволюционной Франции существовала абсолютная монархия, т. е. самодержавная, не ограниченная никаким представительным учреждением королевская власть.

Абсолютизм перед Французской революцией целиком опирався на дворянство, при этом — на его менее прогрессивные слои. Идеологи абсолютизма считали, что короли — „боги и некоторым образом участвуют в божественной независимости... Государь, как таковой, не может быть приравнен к частному лицу, это — общественная особа: все государство в нем, воля целого народа заключается в его воле... Против насилий со стороны государей у подданных есть только почтительное представление без дерзости и ропота, да молитвы об их обращении на путь истины“.

Тот же взгляд на назначение абсолютного монарха высказал один из этих монархов — Людовик XIV — в своем знаменитом изречении „Государство — это я“. Льстивые царедворцы отвечали монарху словами немецкого придворного: „Если бы господь бог не был господом богом, никто бы не был достойнее вашей светлости занять место господина бога“.

В присутствии короля даже его собственный брат не имел права сидеть на стуле со спинкой.

Король спал лицом к солнцу, для того чтобы, как говорили, утром царь небесный мог бы приветствовать царя земного. Наблюдатели не без основания замечали: „Не довольствуются, сравнивая его (Людовика XIV) с богом, его сравнивают еще таким образом, что ясно видно, что сам бог — только копия“.

Всякое человеческое деяние короля превращалось в акт государственной важности. Присутствовать при одевании короля почиталось не только за счастье, но и за изъявление высшей милости. Для каждой подробности дневного и ночного обхода имелись специальные должностные лица, причем на жалованье только одним дворцовым служащим уходило около 1/12 всех доходов.

По поводу публичности всех личных процедур французского короля один его меньший собрат (король Прусский) сказал: „Если бы я был французским королем, я бы назначил второго короля для исполнения всех церемоний“.

Все эти маскарадные процедуры были необходимы для поддержания абсолютистской теории: король имеет власть от бога над всеми своими подданными. Абсолютистская идеология имела свой „штат“ идеологов, в том числе и поэтов. Одним из них был великий поэт Расин, в пьесах которого „всемогущий всеретрессы управляет счастливым двором и несчастной Францией“ (Энгельс). Особа короля священна и совершенно независима — „то, что благоугодно государю,

имеет силу закона". Эта идеология под маской высшего беспристрастия прикрывала проводимую абсолютизмом жестокою эксплуатацию производимых классов и в первую очередь крестьянства. Буржуазные историки стремятся затемнить классовый характер всякого государства, стремятся доказать, что буржуазное государство есть орган, стоящий на одинаковом отдалении от буржуазии и пролетариата и являющийся проводником внеклассовых, „общегосударственных“ интересов. Такой взгляд буржуазных историков объясняется желанием капиталистов прикрыть проводимую буржуазным государством политику поддержки классовой эксплуатации фразами о гражданском мире, об общегосударственных и общенациональных интересах. Естественно, что историки стараются и в прошлом найти подтверждение своей точке зрения, объявляя абсолютизм формой надклассовой государственной власти. Это является прямым прикрытием и прямой апологией феодальной эксплуатации, поддерживаемой абсолютизмом в интересах господствующего класса — феодалов-помещиков.

Вождь социал-фашизма — Каутский — также расценивает французский абсолютизм как надклассовое государство. Такого же мнения о „царском“ самодержавии придерживался и Троцкий.

Мы уже упоминали, что при абсолютизме все французское общество было разбито на три сословия: первые два привилегированные (духовенство и дворянство), составлявшие господствующий класс и служившие опорой трона, и третье „податное“ сословие, включавшее и буржуазию, и рабочих, и крестьян, причем на последних падала вся тяжесть государственных налогов.

А расходы этого большого, нелепо организованного государства были огромны: бюрократический аппарат, армия, в которой содержание офицерства обходилось дороже содержания солдат; пенсии и синекуры¹ любимейшему детищу — дворянству; утопающая в роскоши и увеселениях жизнь придворных в Версале² — все это дорого стоило и для удовлетворения всех этих чрезмерных и большей частью непроизводительных, паразитарных нужд существовал один источник — налоги.

Однако само соби́рание налогов обходилось очень дорого, и до казны доходило не более $\frac{2}{3}$ всех взимаемых с крестьян

¹ *Sine cura* — (лат.) „без заботы“; должности, которые не налагали никаких обязанностей, а давали только привилегии и доходы.

² Резиденция короля под Парижем.

ства прямых налогов. Правительство придумывало все новые косвенные налоги, так что в конце-концов все предметы первой необходимости оказались обложенными. Косвенные налоги сдавались на откуп, и государство было вынуждено щедро делиться с откупщиками.¹

Государственные откупщики составляли во Франции компанию из 40 крупных капиталистов, которым правительство сдавало на откуп все косвенные налоги. Периодические торги носили чисто фиктивный характер, потому что никто не мог конкурировать со столь сильной в финансовом отношении компанией, которая к тому же имела высоких покровителей в придворных кругах. Эта компания „сорока плебейских королей“, как их называл Вольтер, превратилась в фактически замкнутую наследственную корпорацию, куда лишь с большим трудом могли проникнуть „новые люди“.

Однако чем больше разорялось крестьянство, тем труднее было собирать налоги, а господствующие классы между тем отнюдь не думали отказываться от самых непроизводительных трат. Версаль изобретал все новые увеселения, а популярнейший в 80-х годах (т. е. перед революцией) министр финансов (называвшийся генеральным контролером) Калон в ответ на вопрос королевы, не создаст ли новое „мероприятие“ финансовых затруднений, с неизменной светскостью отвечал:

„Мадам, если это только трудно, то это уже сделано; если же это невозможно, то будет сделано“.

При таком „образе жизни“ приходилось не только влезать в долги (эту статью „дохода“ только что упоминавшийся Калон использовал чрезвычайно широко), но и придумывать все новые источники дохода. Одной из таких „удачно придуманных“ статей дохода служила продажа должностей. „Одно из самых драгоценных прав французской короны состоит в том, что всякий раз, когда король создает какую-нибудь новую должность, тотчас же господь бог создает нового дурака, чтобы купить ее“, так крупный чиновник того времени характеризовал эту статью.

Продажа должностей усиливала хаос и произвол в бюрократическом правлении абсолютизма.

¹ Система откупов состоит в том, что правительство, вводя какой-либо налог и будучи заинтересовано в скорейшей его реализации, предпочитает продать одному капиталисту или группе капиталистов право на сбор указанного налога за определенную сумму денег наличными. Обычно „откуп“ права на сбор налога происходит путем публичных торгов. Откупщик, заплатив твердую сумму денег, заинтересован в том, чтобы выколотить из населения как можно больше.

В административном отношении Франция представляла собой «неорганизованное соединение разьединенных народов».

Административная практика абсолютизма характеризовалась произволом, попытками крайней централизации, полным беззаконием и игнорированием экономических нужд и интересов данной местности. «Можно сказать, у людей старшего порядка то место, которое понятие о законе должно занимать в человеческом уме, было вакантным».

В центре управления стоял королевский совет, целиком подчиненный воле монарха. Представителями власти на местах были интенданты-чиновники, посылаемые центральной властью. Хотя дворяне имели свои причины быть недовольными интендантами, назначавшимися часто из буржуазии, но следующая характеристика дворянством интендантов все же показательна: «Высшим свидетельством нашего уважения к вашему величеству могло бы служить только полное молчание относительно их управления».

Существовало еще деление на военные губернаторства, но оно служило лишь поводом «к пустым почестям и крупным жалованиям». Основной обязанностью всякого губернатора было... «не совать нос в свою провинцию». Однако некоторые провинции сохранили со времени средневековья местное сословное управление, и эти местные штаты (так назывались сословные собрания) сами устанавливали налоги и большей частью отказывались подчиняться распоряжениям центра. Кроме того дворянство — любимое детище абсолютизма, — бывшее одним из двух привилегированных сословий и опорой трона, не желало мириться с какой-либо дисциплиной и не считало для себя обязательными и соответствующими положения законодательства. «Так как правительство заняло место провидения, то понятно что каждый взывает к нему о своих особых нуждах. Вот почему в это время появляется масса просьб. Сами дворяне являются иногда крайне надоедливыми просителями. Их принадлежность к дворянству проявляется поэтому лишь в том, что они выпрашивают милостыню очень надменным тоном».

Единственным учреждением, обладавшим некоторой независимостью в отношении королевского совета, были парламенты. Парламенты, во главе с Парижским парламентом, имели право регистрации королевских указов, и без этой регистрации последние не приобретали законной силы. Однако в исключительных случаях король мог приказать парламенту зарегистрировать указ. Парламенты были остатком доабсолютистской монархии, когда королевская власть была несколько ограни-

чена представительство сословий. Иногда парламенты вспоминали о своем происхождении и требовали (особенно в 80-х гг) некоторого ограничения королевской власти в интересах привилегированных сословий. Но по самому своему характеру (пожизненные, купленные должности) парламенты были совершенно бессильны в своей борьбе. Их стремления были крайне реакционны; парламенты добивались ограничения монархии не в интересах третьего сословия, а в интересах привилегированных, в интересах феодализма. Однако, поскольку народ приветствовал всякое выступление против абсолютизма, постольку парламенты, особенно в бурные пред-революционные годы, при своих выступлениях против абсолютизма пользовались поддержкой масс.

«В минуты слабости короля его парламент лаял за ним по пятам как шавка, опираясь на голос народа. Когда же король был силен, парламент лаял впереди его, охотясь для него как усердная гончая». Что эта гончая (парламенты) действительно была очень усердна, видно хотя бы из того, что парламенты были яркими сторонниками телесных пыток, отмененных только частично в 1780 г., а окончательно только в эпоху революции.

В то время как крестьянство стонало под двойным гнетом феодализма и капитализма, в то время как бесправная буржуазия становилась богатым, экономически могущественным классом, «двор сделался единственным сенатом нации. Последний слуга в Версале есть сенатор, придворные горничные участвуют в правительстве».

Весь политический строй абсолютизма с его политическим бесправием и административным произволом, с его поддержкой сеньориального режима, отживших цехов и множества внутренних таможен находился в полном противоречии с требованиями и нуждами третьего сословия.

Идеология третьего сословия

«Как мы уже указывали, третье сословие включало различные классы. Естественно, что и идеология третьего сословия не могла быть единой. Соответственно классам, входившим в третье сословие, идеологические учения, развивавшиеся в нем, носили различный характер. Их можно разбить на три группы: а) буржуазные, стоявшие на точке зрения капиталистической собственности, б) мелкобуржуазные, стоявшие на точке зрения «уравнительства», т. е. мелкой собственности,

устранения неравенства состояний, и в коммунистические, стоявшие за уничтожение частной собственности. Последнее течение явилось выражением смутных чаяний беднейших групп крестьян и нарождающегося рабочего класса.

Основным вопросом всякой классовой идеологии является вопрос об отношении к способу производства, следовательно к формам собственности. В зависимости от того или иного решения этого основного вопроса разрешаются вопросы о форме государственного устройства, религии, методов воспитания и т. д.

Буржуазия, противопоставляя феодальной собственности собственность буржуазную, естественно восставала против оплота феодальной собственности в лице абсолютного монарха и его неизбежного спутника — церкви, правильно учитывая, что „трон монархии был прислонен к алтарю“. В XVIII веке во Франции развивается „просветительство“. „Просветителями“ называлась та плеяда философов, публицистов, научных и общественных деятелей, которые выступали с жестокой критикой существующего строя и с пропагандой новых, соответствующих интересам капитализма идей. „Просветителями“ они называются потому, что основным путем к переустройству общества они считали просвещение, полагая, что человеческий разум всемогущ.

Эпохе просветительства был чужд историзм. Это объясняется характером буржуазии как класса. Историзм есть способность рассматривать все проблемы природы и общества с точки зрения их возникновения, развития и гибели. Для марксизма-ленинизма историзм в отношении общественного развития неизбежно связан с учением об общественно-экономических формациях, т. е. учением о том, что в каждой данной формации при самом ее развитии таятся уже зародыши ее гибели и развития новой общественно-экономической формации. Согласно этому учению, не только феодализм сменяется капитализмом, но и капитализм в свою очередь сменяется социализмом. Пролетариат от всех других классов как современного, так и раньше существовавших обществ — отличается тем, что он совершает революцию, завоевывает власть и строит новую общественно-экономическую формацию не ради утверждения своего классового господства, а ради полного уничтожения классов и какого-либо господства.

Буржуазия считала себя представителем всего общества, борцом за счастье всего человечества. Но все зло, от которого необходимо избавить общество, она видела только

в феодализме, все счастье, которое она сулила человечеству, — только в капитализме. Будучи классом собственническим, носителем эксплуататорского капиталистического способа производства, буржуазия шла к смене одной общественно-экономической формации другой ради установления на вечные времена своего классового господства. Поэтому буржуазии чужд последовательный историзм. В капитализме и капиталистическом государстве она видит вершину мировой мудрости. Когда Ленин в 1921 г. увидел плакат „Царству рабочих и крестьян не будет конца“, он высмеял его за неисторизм, за непонимание того, что „царство рабочих и крестьян“ — диктатура пролетариата — установлена только для того, чтобы дойти до этого конца, чтобы устранить всякие царства, т. е. чтобы построить бесклассовое социалистическое общество. Буржуазия же, наоборот, — считает, что только докапиталистическое прошлое обречено на слом, новое нарождающееся, т. е. буржуазное общество, будет вечным. Поэтому она мыслит не историческими понятиями, а так называемыми метафизическими понятиями, т. е. понятиями, одинаково применимыми для всех времен. Например французские материалисты, разрешая проблему идеального общества, исходили из неизменности человеческой природы. Конечно их неизменный отвлеченный человек по существу оказывался бржуа XVIII века.

„Мы знаем теперь, что царство разума было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии“ (Энгельс). Эта метафизичность (не диалектичность) обуславливала веру буржуазии в силу разума, в его всемогущество. Ибо, если что-либо должно существовать вечно и незыблемо, то повидимому оно может существовать так только благодаря разумному управлению им. Вера во всемогущество разума, в то, что разум является критерием истины, называется рационализмом.

Рационализм в той или иной степени были проникнуты все учения XVIII века. Однако следует подчеркнуть, что буржуазия искренне верила в свою роль представительницы всего страждущего человечества, и эта вера придавала ей юношеский задор и бодрость. Эта вера находила основание в объективном положении вещей. Массы — народ — страдали под игом феодализма, но только она (буржуазия) была тем „классом для себя“, который мог дать идеи, лозунги, направление для удара по противнику. Она, сложившаяся в класс для себя, носительница нового капиталистического способа производства, идеологически возглавляла и готовила борьбу против старого строя, из-за которого жесточайшим образом страдал народ. „Но рядом с борьбой между феодаль-

ным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представителями всего остального общества, существовал общий антагонизм эксплуататоров и эксплуатируемых, богатых туенядцев и трудящихся бедняков. Именно он дал возможность представителям буржуазии явиться защитниками не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества" (*Энгельс*, соч. Маркса и Энгельса, т. XIV стр. 18).

Это сознание своей роли сквозит в гордых словах вождя буржуазии Мирабо, сказавшего в начале революции: "Мы можем надеяться, что мы начинаем историю людей".

Из буржуазных идеологов крупнейшими представителями старшего поколения "просветителей" были Монтескье и Вольтер, особенно последний.

Монтескье (1689—1755) был выходцем из крупной чиновничьей семьи и сам занимался парламентской деятельностью. Эта деятельность его тяготила, и он отдался по преимуществу литературной и научной работе. В молодости он написал "Персидские письма", где, скрываясь за именами вымышленных восточных героев, он высмеивал порядки Франции. Так его герой бичует самодурство Людовика XIV, удивляясь "странным вкусам" этого короля: "у него есть министр восемнадцатилет и любовница — восьмидесяти лет".

В этом произведении проскальзывает мысль о желательности республиканского правления. Затем однако Монтескье стал на более консервативную точку зрения. Воодушевленный идеалами политического строя Англии, он написал труд под заглавием "Дух законов".

В этом труде Монтескье рассматривает законы как производное от религии, климата, почвы, торговли и промышленности, но прежде всего — от формы правления.

Рассматривая три формы правления — деспотию, монархию и республику, — Монтескье объявляет себя сторонником монархии, под которой он однако понимает конституционную монархию в отличие от деспотии, под которой он понимает монархию абсолютную. Для того чтобы обеспечить в монархии необходимую свободу, надо добиться чтобы "власть удерживала власть", чтобы власти были разделены. Судебная власть должна быть обособлена. Законодательная власть должна принадлежать двум палатам: нижней — выборной и верхней — аристократической. Исполнительная власть должна находиться в руках короля.

Установленное Монтескье "разделение властей" является типичным для консервативной буржуазной идеологии и для

последовавшей затем практики. Разделение властей необходимо буржуазии для того, чтобы фактически сосредоточить господство в руках исполнительной власти. Диктатура пролетариата, являясь подлинной пролетарской демократией, уничтожает разделение властей и соединяет все виды власти в руках советов.

Вольтер родился в 1694 г. в Париже, в зажиточной семье. В 40-х годах XVIII века он был принят в Академию и получил придворное звание. Несмотря на это, он постоянно подвергался опасности преследования и жил главным образом в Швейцарии.

Проводя огромную философскую, публицистическую, литературную и общественную работу, он проявлял крайнюю трусость в вопросах личной безопасности и в личной жизни шел на всякие уступки и компромиссы с господствовавшими предрассудками. Для трусости и приспособленчества Вольтера характерна записка, которую он написал по поводу распространявшегося в Париже написанного им философского словаря своему другу д'Аламберу:

"Уверяйте всех, что я не причастен к этому сатанинскому словарю... Пожалуйста, уведоьте меня, когда будет малейшая опасность, чтобы я мог отречься от книги во всех газетах со свойственными мне чистосердечием и простодушием".

Вольтер был главой старшего поколения просветителей и признанным "королем философов" своего времени. Его популярность была безгранична. Когда 84-летним старцем он посетил в 1778 г. Париж, столица неистовствовала в овациях. Вскоре Вольтер умер и, несмотря на данное им перед смертью письменное исповедание веры, церковь отказалась его похоронить в Париже.

В своих философских работах Вольтер отчасти примыкал к материалистам, хотя полностью не разделял даже непоследовательного механического материализма последних.

Вольтер был деистом. Деизм признает божественное начало как разумное начало, лежащее в основе мироздания и миропорядка, отрицая вместе с тем конкретную форму религии и ритуальные обрядности. Вольтер считал божество не создателем вселенной, а ее разумным устройщиком. Религию он считал необходимым сохранить в интересах обуздания народа — "черни". Вольтеру принадлежит знаменитое изречение: "Если бы не было бога, его нужно было бы выдумать". "Что и было сделано", — добавил атеист Дидро.

Вместе с тем Вольтер был страстным противником католицизма — этого, по его выражению, „старого, основанного семнадцать веков назад здания обмана, которое разорвало своими когтями Францию“. Вольтер понимал, что католическая церковь является опорой феодального режима, против которого он — крупнейший из ранних представителей буржуазной идеологии, — протестовал всю свою деятельность.

Вольтер был горячим сторонником свободной буржуазной собственности и буржуазного переустройства страны. Бичуя феодальную разрозненность, он ратовал за единый свод законов, боролся против местных таможен. Он возмущался тем, что француз, сделав покупки в одной провинции, при переезде в другую провинцию, должен был платить пошлину — „как будто бы он приехал в Африку“.

Вольтер был противником сословных прав и сторонником равенства всех перед законом, что является типично-буржуазным требованием. Буржуазия выдвигает требование равенства всех перед законом, так как тем самым она выступает против феодального сословного неравенства. На основе формального равенства буржуазия, являясь экономически наиболее могущественным классом, подчиняет себе мелкую буржуазию и пролетариат.

В защиту всех этих положений и выступал Вольтер в своей борьбе с католической церковью, являвшейся сильнейшим оплотом господствовавшего режима. Современник Вольтера писал об его деятельности:

„Этот странный человек охвачен манией ниспровергнуть католическую религию... Произведения его расхватываются с каким то эпидемическим увлечением“.

Деятельность Вольтера была чрезвычайно разносторонней. Он был философом, литератором, драматургом. В области литературы он строго проводил социальную тенденцию, боролся за осуществление своих идеалов, идеалов буржуазного общества.

Вольтер горячо ввязывался в бой в тех случаях, когда ему представлялся повод проводить пропаганду действием против католической церкви. Так например он принял активнейшее участие в деле Каласа в 1762 г. Калас был протестантом; один его сын перешел в католичество. Когда второй сын на почве неудач и психического расстройства повесился, старика обвинили в том, что он якобы убил сына для того, чтобы предупредить и его переход в католичество. Старик был приговорен к смертной казни через колесование, а сын — самоубийца объявлен святым.

Этот акт дикого фанатизма был для Вольтера поводом к широчайшей кампании в пользу веротерпимости против изуверств католической церкви. Необходимо подчеркнуть, что преследуемые церковью последователи протестантской веры были представителями буржуазии.

Вольтер занимался и историей. В истории он изгонял мелочные предрассудки и басни, ратовал за всестороннее освещение различных сторон общественной жизни, но сам пришел к выводу, что великие события порождаются и объясняются отдельными, незначительными случайностями. Он разделял историю на четыре периода: каждый из этих периодов он связывал с именем какого-либо просвещенного деспота, который поощрял развитие наук и искусств.

Такая философия истории объяснялась тем, что Вольтер был еще очень умерен в своих политических требованиях. Он верил во всемогущество разума и надежды на осуществление разумного общественного переустройства возлагал на просвещенных государей. К производящим классам, к народу, в частности — к нарождавшемуся пролетариату, он относился чрезвычайно презрительно.

Вольтер верил в наступление царства разума. В 1766 г. в письме к своему другу д'Аламберу он пишет: „Как вы думаете, к каким результатам приведет лет через тридцать тот переворот в умах, который совершается теперь от Неаполя до Москвы?“. Но воздействовать следует только на избранное меньшинство, народ же, „чернь“ — безнадежна в смысле восприятия просвещенных идей, да к тому же ей и не следует давать возможности просвещаться, ибо это привело бы к губительным социальным последствиям.

Д'Аламбер писал Вольтеру: „Если солнце вдруг показалось бы в подвале, жители его почувствовали бы только боль, которую оно причинило бы их глазам; обилие света только неизлечимо ослепило бы их“.

Опасность такого „ослепления“ Вольтер видел и в борьбе с религией, о чем мы уже говорили. Вольтер не представлял себе, чтобы „на нашем земном шаре общество не было поделено на два класса — на богачей-повелителей и нищих-слуг“.

И совершеннейшей апологией свободы собственности и эксплуатации звучат следующие слова Вольтера: „Нужно, чтобы были люди, у которых все имущество в рабочих руках да в доброй воле. Но они будут продавать свой труд тому, кто больше даст. Эта свобода заступит для них место собственности“. Таким образом Вольтер гениально предвидел (в самых

общих чертах конечно) структуру капиталистического общества.

Но умеренность Вольтера не могла служить достаточно боевой зарядкой для подготовлявшегося революционного переустройства общества. На смену Вольтеру пришло младшее поколение „просветителей“ — направление, значительно более радикальное, так называемые „французские материалисты“ или „энциклопедисты“, как их называли в связи с издававшейся ими энциклопедией.

Главными представителями французских материалистов были: *Дидро* (1713—1783), *Гольбах* (1719—1789) и *Гельвеций* (1715—1771). Материалисты были подлинными идеологами восходящей радикальной буржуазии, — той „блестящей школы, которая, несмотря на все победы, одержанные германцами и англичанами на суше и море над французами, делает XVIII век преимущественно французским веком“ (*Энгельс*).

Действительно, в XVIII веке французский язык, бывший до тех пор всемирным дипломатическим и светским языком стал языком науки и философии. В 1773 г. Берлинская академия наук премировала сочинение одного французского автора, доказывавшего, что „точный, общественный и разумный язык этот перестал быть французским, сделавшись языком всего человечества“.

В отличие от Вольтера, бывшего деистом, материалисты были атеистами. Они создали боевую атеистическую литературу, которая подчас и теперь еще является образцом анирелигиозной литературы. Правда, атеизм французской буржуазии практически применялся ею только до революции в борьбе с феодализмом. Уже в ходе самой революции она отказалась от полного практического применения своих атеистических выводов. А как только буржуазии стал угрожать оформившийся пролетариат, она целиком отказалась от своих „заблуждений юности“ и заключила теснейший союз с церковью для защиты собственности.

Борясь с церковью, материалисты выставили против философии идеализма, являющейся неизбежно философией религиозного мракобесия, боевую философию материализма. Однако материализм этот был еще чрезвычайно примитивен, не видел взаимосвязи явлений, не понимал правильного соотношения между природой и обществом и проблемы развития, т. е. был материализмом механическим. До конца последовательным материализмом является лишь диалектический материализм

но он может быть создан только пролетариатом: „философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему к. ассу — в особенности“ (*Ленин*).

Буржуазия, в эпоху своей зрелости цепко хватаящаяся за философию идеализма, в эпоху своей революционной молодости тоже не может создать законченного материализма, во-первых, потому, что для этого еще нет предпосылок в развитии общества, во-вторых, потому, что диалектический материализм является учением, насквозь историчным. Между тем мы знаем, что буржуазии XVIII века историзм был чужд; ее мышлению свойственен был рационализм. Чем же объясняется ее материализм, хотя бы и механический? Он объясняется тем, что буржуазия вынуждена заинтересоваться (в целях развития капиталистического производства) изучением явлений природы и что она вынуждена идеализму, являющемуся оплотом религии, а вместе с тем и феодализма, противопоставить свои философские принципы. Буржуа является человеком земным, чувствует себя господином этой земли, призванным быть ее повелителем. Божественному разуму он противопоставляет свой человеческий разум и находит, что это сравнение выявляет преимущества последнего. Вместе с феодалами земными он хочет выгнать феодалов небесных, ибо понимает, что первые прячутся за вторыми. Но в силу неразвитости науки XVIII века, господствовавшего в ту эпоху рационализма и присущего вообще буржуазии неисторизма, создаваемый ею материализм является материализмом механическим, не последовательным, ведущим в конечном счете к идеализму.

Что только диалектический материализм может быть последовательным материализмом, мы видим на примере французских материалистов, которые в силу своего метафизического метода не сумели до конца быть материалистами и приходили по ряду вопросов к идеалистическим выводам. Пример: вопрос о среде и мнениях. Французские материалисты правильно полагали, что идеи человека определяются под влиянием среды, в которой он живет. Но как определить среду? Мы помним, что французские материалисты верили во всемогущество разума и отсюда следовал вывод, что среда определяется мнениями. Из этого порочного круга, — мнения определяют среду, среда определяет мнения, — французские материалисты не могли выбраться, потому что они не видели диалектической связи между материальной основой общества и его идеологией.

Для пропаганды своих взглядов материалисты издавали „энциклопедию“ или „толковый словарь наук, искусства и ремесел“.

„Французские материалисты не ограничились своей критикой только областью религии; они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую приложимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело приложили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в энциклопедии“ (Энгельс, „От утопии к науке“. Изд. 1930 г., стр. 25).

В этой энциклопедии, вышедшей с 1757 до 1780 г., французские материалисты проповедывали свои материалистические и атеистические взгляды.

Буржуазия мечтает о полном раскрепощении личности, о полной свободе личности, которая должна иметь право по своему разуму и усмотрению располагать своей собственностью. Свободное распоряжение своей собственностью требует свободы оборотов, свободы конкуренции, противопоставляемой всем феодальным стеснениям оборота. Буржуазия требует „свободы труда“, ибо только „свободный“, „освобожденный“ от собственности на средства производства ремесленник или крестьянин становится пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу капиталисту.

Короче: в свободе собственности и личности, столь громко провозглашенной буржуазией против феодального закрепощения, она видела свободу неограниченной конкуренции, свободу неограниченной эксплуатации.

Идеологами-экономистами восходящей буржуазии были физиократы — Кенэ, Дюпон-де-Кемур, Тюрго и другие писатели, выступавшие в середине XVIII века. Они были сторонниками неограниченной экономической свободы, в том числе и свободы эксплуатации чужого труда. Отсталость по сравнению с Англией капиталистического развития Франции, преобладание в ней сельского хозяйства над промышленностью сказались в том, что физиократы отдавали сельскому хозяйству преимущество перед промышленностью и торговлей, но это сельское хозяйство они хотели видеть организованным на капиталистический манер. В области политической физиократы уповали на просвещенный абсолютизм. „Физиократы развили и систематизировали содержание теории эксплуатации, находившейся в пренебрежении у Гельвеция и Гольбаха; но так как они имели перед собою неразвитые экономические отношения Франции, где еще не сломлен был феодализм“

с лежащим в его основе землевладением, то они не сумели выйти из круга феодального мировоззрения в том смысле, что считали землевладение и сельское хозяйство основными моментами всей общественной жизни“ (Маркс и Энгельс).

Патриархом мелкобуржуазной идеологии был Жан-Жак Руссо. Он родился в семье часовщика в Швейцарии в 1712 г. Он рано ушел из дому, странствовал, много занимался самообразованием, увлекался музыкой и литературой. Он даже написал пару опер, однако не это составило содержание его жизни и не это принесло ему известность.

Много странствуя, терпя лишения и невзгоды, которые при его психической неустойчивости привели его на грань психического расстройства, Руссо всегда помнил о своей родине — Швейцарии, небольшом государстве, население которого занималось главным образом мелким земледелием и ремеслами. Эта социальная среда наложила глубокий отпечаток на Руссо-философа, социолога, литератора.

Будучи выходцем из ремесленной среды, блестящим самоучкой, Руссо никогда не мог до конца освоиться в парижских философско-литературных салонах. Одно время он называл своим другом материалиста Дидро, с которым потом круто разошелся на принципиальной почве, затем подружился с знаменитым английским философом Юмом, с которым даже уехал в Англию. Однако везде и всегда Руссо раскололся со своими друзьями, ибо его мировоззрение ставило его особняком от господствовавших течений, а его социальное происхождение и тяжелый невроз заставляли его с исключительной мнительностью и подозрительностью относиться к своим друзьям. Тем тяжелее должна была казаться ему необходимость прибегать к материальной помощи просвещенных светских покровителей. В замке одного из них Руссо скончался в 1778 г. шестидесяти шести лет от роду, в том же году, в котором скончался Вольтер.

Руссо необычайно плодovit как философ и литератор. Однако основное значение имеет его учение об обществе.

Руссо делит историю человечества на три периода: период естественного состояния, дикого и цивилизованного. В первом периоде люди не образуют еще общества, представляя собой разъединенных индивидуумов, соприкасающихся только на почве беспорядочного полового общения. Потребностей мало и налицо достаточно средств для их удовлетворения. Но с ростом населения растут потребности. В этот второй период люди приходят к рыболовству и охоте, появляются зачатки частной собственности (прежде всего собственности

на брудия производства, возникает семья. Таков период дикости.

Третий период наступает с переходом к металлургии и земледелию. На этой возросшей производственной базе утверждается частная собственность, возникает современное общество. Этот третий период и есть период цивилизации.

Современное общество организовалось путем договора, причем инициаторами его были экономически более сильные, перехитрившие менее сильных и таким путем приведшие к установлению законом закрепленной и охраняемой частной собственности.

Руссо проследивает развитие человечества до эпохи цивилизации в общем с материалистической точки зрения: общественные отношения меняются в зависимости от роста народонаселения и производительных сил. Рисуя происхождение общественного договора, Руссо отдает дань рационализму своей эпохи, однако, с другой стороны, он понимает, что современное общество возникает из закрепления частной собственности. Истинным основателем гражданского общества он считает того, кто, заявив „это мое“, нашел достаточно невежественных людей, которые ему поверили.

Если, с одной стороны, эта схема надумана, рационалистична, то с другой — в корне ее все же лежит понимание, что частная собственность является основой сложившегося общества и источником всех бед. „Золотой век“ человечества, его счастливую пору Руссо видел в периоде дикости, который он приравнивал к юности человечества (первый период естественного состояния он приравнивал к детству). Период цивилизации он считает периодом зрелости, а подчас и дряхлости.

Видя счастливую пору человечества в далеком состоянии дикости, Руссо однако не считает возможным возврат к нему.

„Большая часть народов, как и людей, поддаются дисциплине только в юности; старея, они становятся неисправимы. Когда обычаи установились и вкоренились предрассудки, — пробовать их изменить — предприятие опасное и тщетное“

Мирясь таким образом в основном с существующим строем, Руссо в принципе не отрицает революций, но считает их уже недействительными.

„Нельзя отрицать того, что подобно некоторым болезням, которые нарушают у человека порядок мыслей и отнимают у него память о прошлом, и в жизни государства случаются бурные эпохи, когда революции действуют на народ так же, как некоторые кризисы на индивидуумов, когда ужас перед прошлым бывает подобен потере памяти, и когда государство,

воспламененное гражданскими войнами, возрождается, так сказать, из своего пепла и вновь ощущает в себе силу молодости, освобождаясь из объятий смерти... Но такие события редки; это исключения, которые объясняются всегда особым устройством из ряда выходящего государства. Они не могли бы даже повториться два раза для одного и того же народа, ибо он может сделаться свободным до тех пор, пока он еще в состоянии варварства, но не может этого, когда сила, движущая гражданственностью, истощена. Тогда смуты могут привести его в упадок и революции уже не могут его восстановить“.

Хотя в основном человечество уже неизлечимо, ибо оно глубоко погрязло в несчастиях и пороках цивилизации, тем не менее можно пытаться смягчить существующее зло:

„Если вы хотите, чтобы государство получило устойчивость, сблизьте между собой крайние ступени, поскольку это возможно. Не терпите ни богачей, ни нищих, — то и другое естественно нераздельно и одинаково губительно для общего блага“.

Равенством для Руссо не являются „абсолютно одинаковые степени могущества и богатства“, но он хочет, чтобы „ни один гражданин не был столь зажиточным, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один столь бедным, чтобы быть вынужденным продать себя“.

То есть, Руссо хочет, чтобы не было капиталистов и рабочих, чтобы все были мелкими собственниками. Руссо призывает не к коммунизму, а к уравниванию состояний. Уравнительство (по-французски — эгалитаризм) является типичной мелкобуржуазной идеологией. Руссо — сторонник собственности, но собственности мелкой.

Мелкобуржуазная идеология Руссо антикапиталистична и вызывалась тем, что развивающийся капитализм разорял мелкого буржуа, низводя его на степень пролетария, и от этого неизбежного закона общественного развития мелкий буржуа убегал в мечты о далеком прекрасном прошлом и желал по возможности приостановить расхождение, распад мелкой буржуазии. Сама эта идеология реакционна, поскольку она идеализирует прошлое, стремится уйти от достижений прогресса, спрятаться „из города в леса“. Вольтер писал: „читая Руссо, так и хочется поползти на четвереньках“.

Однако мелкобуржуазная идеология Руссо по указанным причинам (разорение капитализмом мелкого буржуа) подымалась до революционной критики существующего строя. Руссо прекрасно понимал, что „законы всегда полезны владеющим и вредны тем, у кого ничего нет“. Исходя из этого, Руссо солидаризировался с современными ему коммунистами в кри-

лике существующего строя, но вывод из этого положения он делал не коммунистический, а неизменно уравнилельский.

„Общественный порядок — писал Руссо — выгоден людям лишь постольку, поскольку у них есть что-нибудь и ни у кого нет ничего в чрезмерном избытке“.

Практическими мерами, приближающими достижение этого уравниения, Руссо считает соответствующие разумные законы о наследовании, дробящие капиталы; прогрессивный налог, борьбу с предметами роскоши. Все эти мероприятия должны были преграждать путь к дальнейшему росту капиталов и способствовать уравниению существующих. Таковы мероприятия, доступные для Франции.

Для обществ, еще не одряхлевших настолько, как Франция, Руссо считает необходимой борьбу с торговлей, в которой он видит средство к созданию крупных имуществ, т. е. к росту общественного неравенства. В таких обществах надо поддерживать натуральное хозяйство, выдавая даже чиновникам жалованье натурой. Торговля должна быть в руках государства и им же должен быть установлен максимум землевладения.

Свой идеал Руссо в значительной степени заимствовал из жизни своей родины, отсталой Швейцарии, в которой еще широко господствовало натуральное хозяйство. Руссо даже обосновывал выгоду мелкого государства перед крупным:

„Чем более социальная связь распространяется в пространстве, тем более она слабеет, и вообще маленькое государство относительно сильнее большого“.

Небольшое замкнутое государство мелких товаропроизводителей, в котором все были бы собственниками, — идеал Руссо. Однако, как мы указывали, Руссо не считал возможным радикальное переустройство уже сложившихся государств. Отсюда вытекает *непоследовательность* эгалитаризма Руссо. Последовательные эгалитаристы стояли на точке зрения так называемого „аграрного закона“ т. е. всеобщего равного передела земли, что подводило их к коммунизму.

В области религии Руссо был деистом, хотя его деизм был несколько иного характера, чем деизм Вольтера. Для Вольтера деизм являлся рациональным построением, в значительной мере основанным на социальной потребности: необходимости держать в повиновении угнетенный класс, существование которого он считал неизбежным и полезным. Своего бога он выводил из разумности и гармонии устройства мира.

Деизм Руссо значительно более эмоционален. Руссо, как мы знаем, в отличие от Вольтера отнюдь не был сторонником существования собственников и обездоленных, он был сторон-

ником мелкой собственности для всех. Но мелкая собственность выбка. Она рассыпается под ударами развивающегося капитала И мелкий буржуа, чувствуя свою неустойчивость, ищет высшего покровительства в надмировой силе. Вместе с тем мелкий буржуа не может не восставать против католической церкви, являвшейся и идеологически и фактически феодальным эксплуататором. Отсюда — деизм Руссо.

Деизм Руссо имеет тоже характер социальной полезности, но направленной в противоположную вольтеровскому деизму сторону. Деизм Руссо должен был служить не к удержанию в повиновении угнетенных, а к обузданию алчных, жадных, накапливающих большие капиталы. Деизм Руссо имеет моральный характер, его бог является моральным принципом, обосновывающим общество добродетельных людей.

Руссо очень метко критикует христианство, показывая, что оно направлено к тому, чтобы мыслью о небесном блаженстве удержать народ от ропота против земного ада. Он показывает, как деспотизм может удачно использовать христианскую мораль, чтобы держать народ в рабском повиновении, ибо — согласно христианской морали — „самое главное — попасть в рай, и безропотная покорность служит к этому только лишним средством“.

„Христианство проповедует только рабство и зависимость. Дух его слишком благоприятен для тирании, чтобы она не пользовалась этим беспрепятственно“, — говорит Руссо.

Догматы проповедуемой Руссо гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, сформулированы точно, без объяснений и комментариев. „Существование божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; будущая жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость общественного договора и законов — вот догматы положительные“. В отношении отрицательных догматов, Руссо ограничивается „указанием одного: это — нетерпимость; она входит в те религии, которые мы исключили“.

„Те, которые отличают нетерпимость гражданскую от нетерпимости религиозной, по моему мнению, ошибаются: эти два вида нетерпимости нераздельны... Там, где допущена нетерпимость религиозная, невозможно, чтобы она не имела какого-нибудь влияния в делах гражданских“. Нетерпимость же в гражданских делах коренным образом противоречила воззрениям Руссо на демократию.

Руссо был сторонником общественного устройства, основанного на народном суверенитете (верховенстве). Таким образом Руссо был проповедником широкой мелкобуржуазной демократии.

Общественный договор, который благодаря обману богатыми бедных служит орудием порабощения, должен согласно своему истинному смыслу, как считает Руссо, установить общество равноправных граждан, способствующих осуществлению общих (т. е. общественных) интересов и этим защищающих коллективной силой свои личные интересы. Задачу, разрешаемую общественным договором, Руссо определяет следующим образом: „Найти такую форму ассоциации или общественного соединения, которая защищала и сохраняла бы всей общей силой личность и имущество каждого члена и благодаря которой всякий, соединяясь со всеми, повиновался бы только себе и оставался так же свободен, как и прежде“.

Основная и единственная статья этого договора заключается в том, что каждый член общины отчуждается со всеми своими правами в пользу общины, ибо—как говорит Руссо: во-первых, если всякий отдаст себя всецело, условие становится для всех одинаково, а раз условие для всех одинаково,—никому нет выгоды делать его тягостным для других“.

Революционная критика существующего строя, провозглашение идеалов народного верховенства, борьба с вопиющим неравенством состояний— вот те черты учения Руссо, которые привлекли внимание и симпатии великих мелкобуржуазных революционеров XVIII века—якобинцев.

И если наиболее правые группировки буржуазии в общем следовали за Вольтером, более радикальные, как жирондисты, в общем были поклонниками французских материалистов, то якобинцы пытались обновить мир при помощи евангелия Руссо. Вот почему мы так подробно остановились на его учении.

Вслед за Руссо остановимся на Марате.

Марат, как и Руссо, был уроженец Швейцарии. Он тоже рано ушел из дому и стал странствовать, причем долгие годы прожил в Англии. Он был одарен бурным темпераментом и большой работоспособностью. До революции Марат главным образом занимался наукой—физикой и медициной. Наряду с занятиями по физике и медицине Марат написал ряд работ философско-социологического характера, из которых „Цепи рабства“ вышли еще в 1774 г.

Теоретически политические положения, высказанные им в этих работах, целиком обосновывают ту блестящую роль трибуна революции, вождя революционной улицы, которую он играл в разразившейся в 1789 г. революционной буре.

Если до революции Марат в основном отдавался занятию наукой, то с момента революции все честолюбие Марата переносится на успехи революции, вся страсть его отдается слу-

жению ей. На этом возвышенном посту—преданнейшего вождя революционного народа—Марата постигла смерть от руки классового врага в разгар гражданской войны—в июле 1793 г.

Марат был уравниателем. Но в отличие от Руссо, с которым его учение во многом совпадает, Марат не только признавал революцию, но и призывал к ней. Кроме того, Марат острее Руссо и других понимал классовое расслоение общества, в частности—третьего сословия. Однако, он—мелкобуржуазный идеолог, его идеал—мелкая собственность. „Когда богатства,—говорил он,—ограничены и земля равно распределена между всеми, тогда потребности всех удовлетворены и свобода царствует“.

Буржуазии противостоит—беднота, в которой Марат не различает ремесленников, рабочих, разорившихся хозяйчиков. Выходом, разрешением социального вопроса он считает наделение неимущих собственностью.

Группы общества—классы—различаются Маратом по имущественному положению. В возникновении государства Марат—в отличие от Руссо—подчеркивает насильственный момент. Деспотизм и рабство неразрывно связаны. Деспотизм покоится на союзе между богатым и государством. Войны ведутся в интересах деспотов: „лавры победы всегда окрашены кровью народа“. Марат так же, как и Руссо, считает народ сувереном. Так же, как и Руссо, Марат был сторонником мелких государств, где легче, по их мнению, осуществить народный суверенитет.

Марат разделял население больших городов на две группы: народ и имущие классы, и именно народ он считал призванным возглавить революцию. Марат подверг критике столь восхвалявшуюся Монтеスキе и Вольтером английскую конституцию. „...Пока законодатели выходят лишь из одного класса—класса богатых,—они будут заботиться о собственности немногих, но не об общем благе“. И Марат иллюстрирует это положение опытом применения английской конституции, высмеивая ее следующим образом: „Я вас купил,—говорит депутат своим доверителям,—но не беспокойтесь, я вас продам“.

До революции для Марата эта критика была чисто теоретической. В революции он ее применил на практике. Уже 23 августа 1789 г. он обращается к председателю Национального собрания, предостерегая вырабатывающих французскую конституцию от подражания английской, и прямо ссылается на свою критику последней, данную им в „Цепях рабства“. С самого начала революции Марат требует расправы с ее

врагами и призывает народ к массовому действию. С полным правом Марат в начавшейся революции называет себя „оком народа“. Недаром правый, переродившийся и продавшийся вождь якобинцев Дантон заявил осенью 1792 г. в Конвенте, что он „отнюдь не любит Марата“. Недаром рабочие писали, что они готовы „отдать жизнь за каждую рану, нанесенную Марату“. Любовь своего класса и ненависть враждебного — таковы почетные спутники истинного революционера.

Огромной заслугой революционера Марата является также прозрение им необходимости перманентной революции, т. е. продолжения революции за рамки буржуазной. На точке зрения перманентной революции стояли Маркс, Энгельс, Ленин, стоит наша партия и сейчас. Марксистско-ленинская постановка вопроса о перманентной революции сводится к тому, что пролетариат, являясь гегемоном буржуазной революции и ведя в союзе с собой крестьянство, по мере развертывания и разрешения задач буржуазной революции должен переводить ее на рельсы пролетарской, должен перейти к пролетарской социалистической революции, отнюдь однако не перепрыгивая через этап буржуазной революции, что привело бы к отрыву от пролетариата массы союзников и к крушению революции.

Троцкий перенес на почву нашей революции 1905 г. искаженную теорию перманентной революции, сводившуюся к перепрыгиванию через этап буржуазно-демократической революции, к игнорированию крестьянства как революционной силы, и, таким образом — разоружающую пролетариат, ведущую его не к победе, а к поражению.

Марат был мелкобуржуазным революционером эпохи ранней буржуазной революции, когда рабочего класса, как класса для себя, еще не было. Поэтому он конечно не мог еще дать развернутой формулировки перманентной революции, но его мысль о том, что массы после революции против дворянства должны перейти к революции против богатых, в зародыше предвосхищала марксистско-ленинскую теорию перманентной революции.

Энгельс, прочтя книгу Бужара о Марате, писал: „Я увидел, что мы бессознательно подражали во многих отношениях великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) Друга народа и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, исказившая на целых 100 лет истинный облик Марата, объясняются тем, что он безжалостно совлекал покрывало с тогдашних кумиров — Лафайета, Бальи и др., разоблачая в них уже готовых изменников революции, и тем

еще, что, подобно нам, он не считал революцию законченной, а хотел сделать ее перманентной“ (Энгельс, Соч. Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 9).

Выдающимся и вместе с тем одиноким революционным коммунистом XVIII века был священник Мелье.

Он родился в семье ткача в деревне Мазери во второй половине XVII века и умер в 1729 г. Биография его чрезвычайно скромна. Всю жизнь он служил сельским священником, для непрерывные нападки со стороны сеньора своей деревни, против которого он осмелился выступить в проповеди. Сквозь эту — внешне монотонную и бедную событиями — жизнь Мелье пронес жгучую ненависть к существующему строю и великую любовь к угнетенному народу.

Будучи совершенно одиноким, не наделенным личным мужеством, вынужденный всю жизнь быть служителем религии, „таинственным нелепостям“ которой он по собственному признанию не верил, он разрешил мрачную трагедию своей личной жизни, уморив себя голодом во время болезни.

Мелье оставил „Завещание“, в котором он попытался раскрыть всем угнетенным глаза на смысл и суть существующего угнетения и неравенства, в котором он призывал их свершить при жизни тот подвиг, на который он лично был способен только в смерти.

Свой потрясающий документ Мелье начинает словами: „Пусть священники, богословы и прочие делают с моим трупом все, что им заблагорассудится, я буду всецело вне их досягаемости, и ничто не сможет меня утратить“.

Почувствовав себя таким образом в полной безопасности, Мелье разворачивает радикальную критику существующего строя и господствующей религии. Написанные языком, отличающимся от языка Вольтера, как одежда бедняка отличается от одежды светского вельможи, призывы Мелье отличаются от призывов Вольтера, как революционный коммунизм — от буржуазного либерализма. Мелье, начиная с критики религии, переходит затем к критике идеализма и к рассмотрению общественного строя.

Мелье не был высоко образованным человеком, библиотека его была очень бедна, и в своей критике религии он не исходил из научных данных, доступных даже уровню современной ему науки. Но зато он имел богатый запас наблюдений над реальной жизнью и свою критику религии он неизменно связывал с критикой существующего строя, который ею поддерживался, и с моральными идеалами равенства и братства, которые его одушевляли.

«...Если даже тирания, под игом которой стонет столько народов на земле, дерзает прикрываться благовидной, но фальшивой вывеской религии, то я имел полное основание сказать, что вся эта груда религий и политических законов состоит из бесцельных таинств».

Анализируя существующий строй, Мелье приходит к признанию того, что основным источником зла является частное владение богатствами земли. Владеть и пользоваться благами земли люди должны сообща. Будущее общество представляется Мелье в виде большой сельскохозяйственной коммуны, в которой все сообща производят и сообща потребляют. Управление общиной должно быть в руках мудрых старцев. Мелье вообще отдает дань рационализму своего времени, придавая большое значение просвещенному и мудрому руководству. Но в отличие от Вольтера он из невежественности народной массы отнюдь не выводит заключения о пассивной роли масс. Не имея ясного представления о классовой структуре общества, он тем не менее обращается к угнетенным с пламенным призывом к борьбе. Эта революционность, действительность учения Мелье резко отличает произведение одинокого сельского священника от писаний социалистов его времени, которые, прозревая будущее коммунистическое общество, рассматривали его с точки зрения морального долженствования, с точки зрения развития просвещения. Мелье надеется, что народные массы объединятся и восстанут против своих угнетателей. Мелье зовет к насильственному низвержению светских и духовных феодалов, в союзе которых он видит источник народных бедствий.

В Мелье чрезвычайно ценно соединение коммунистического идеала с материалистическими взглядами и с революционной действительной точкой зрения на их осуществление. В этом отношении фигура Мелье стоит одиноко среди мыслителей своей эпохи.

Любопытно, как Вольтер распорядился завещанием Мелье: когда оно попало ему в руки, он не мог не оценить силы и свежести этого документа. Вольтер понял и его громадное агитационное значение и использовал его по-своему. Он выхолостил из него революционно-коммунистическую сущность, отбросил атеизм и, обработав завещание в духе деизма, развил огромную деятельность по его распространению. Один из друзей Вольтера, которого он обвинял в недостаточной ревности по распространению «Завещания», ответил ему: «Боязнь костра сильно расхолаживает». «Костер» в данном случае является сильным преувеличением.

Отметим кстати, что трусость Вольтера и его друга (Д'Аламбера) и трусость Мелье отнюдь нельзя ставить в один ряд, ибо на стороне первых было образованное, богатое общество, а революционный священник коммунист такой поддержки иметь не мог.

Как ни интересна и показательна фигура Мелье, однако практически его учение в идеологической подготовке революции значения иметь не могло, тем более, что оно до революции не было даже известно в его полном и подлинном виде.

Одним из показателей развала существовавшего абсолютистского государства являлось насмешливое, оппозиционное отношение к нему, проникшее даже в ряды высшего общества. Бомарше, автор пьесы, критиковавшей дворянство с точки зрения буржуа, говорил по поводу успеха своей пьесы в высшем свете: «Есть еще нечто более сумасшедшее, чем моя пьеса, — это ее успех».

Духовные князья считали неотъемлемым элементом времяпрепровождения в своих салонах вольнодумную болтовню и политические каламбуры. Модные проповедники и искусные органисты собирали в церковь наибольшее количество знати. Церковный служитель вынужден был выступать с напоминанием, что по распоряжению короля аплодисменты в церкви запрещаются. Наибольший «религиозный» интерес высшее общество проявляло к органисту, который настолько искусно подражал соловью, что служители напрасно искали птичек под сводами храма.

Парламенты сжигали вольнодумную литературу, но после официального сожжения книги сами члены суда ставили ее себе на полку. Постановление парламента о сожжении книги, выступление Сорбонны (государственный университет) против какой-либо книги было залогом успеха ее у широкой публики, включая и великосветскую. Французский абсолютизм XVIII века сжигал произведения Вольтера, Дидро, Гельвеция и других передовых людей своего времени, представителей нового идущего к господству класса. Германский фашизм в 1933 г. сжигает произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — самых блестящих представителей самого передового класса современности. И так же, как абсолютизму XVIII века не удалось остановить победоносного наступления буржуазной революции, так и фашизму, прибегающему в борьбе к большевизмом к методам феодального варварства и жестокости, не удастся отбросить пролетариат от подступов к международной пролетарской революции.

В XVIII веке сильно выросли как экономическое могущество, так и самосознание буржуазии.

В 80 годах XVIII века Франция в голоде бунтовавшей деревни, в растерянном мотовстве обезумевшего двора, Франция дерзких философских салонов и тайных рабочих коалиций, Франция абсолютистского короля и Франция капиталистических королей — стояла на пороге схватки. Надвигался кризисный 1789 год.

ГЛАВА II

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

В первой главе мы рассмотрели общие причины, в связи с которыми революция была необходима и неизбежна. Для того чтобы создалась революционная ситуация, необходимо, чтобы помимо усиления экономических бедствий масс, помимо готовности последних к действию, налицо были также расстройство правительственного аппарата, растерянность господствующих классов.

Ленин дает следующую характеристику главным признакам революционной ситуации:

„1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, и требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому.

2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов.

3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всюю обетанкой кризиса, так и самими „верхами“ к самостоятельному историческому выступлению“ (Ленин, Соч. XVIII, стр. 244).

К 1789 г. накопилось исключительно сильное недовольство буржуазии политикой абсолютизма. Интересы буржуазии были чрезвычайно ущемлены англо-французским торговым договором 1786 г., согласно которому английские товары могли на самом французском рынке беспрепятственно конкурировать с французскими. В виду значительно более отсталой техники

и организации французского капитализма, такой конкуренции английских товаров французский капитализм выдержать не мог. Это также усугубляло тяжелый промышленный кризис предреволюционных лет. Буржуазия вообще была недовольна всей внешней политикой абсолютизма: внешне политический престиж Франции был в это время очень низок. Франция не сумела провести решительной политики на Востоке и являлась свидетелиницей того, как Россия и Венгрия грабили такой лакомый кусочек, как Турция. Франция не сумела противостоять и Испании, которая в 1778 г. закрыла доступ французским товарам в свои американские колонии и оградила себя высокими пошлинами.

В результате невыгодного англо-французского договора 1786 г. и кризиса предреволюционных лет страдала французская промышленность и жестоко страдала рабоче-ремесленная масса.

В результате договора 1786 г. в Руане английский хлопчатобумажный материал стоил почти на 25% дешевле, нежели аналогичный материал местного производства.

В 1787 г. из 1200 чулочно-вязальных станков, существовавших в Руане и его окрестностях, 100 были вакантными в одном только городе Руане.

В 1787 г. в Алансоне из 10 тыс. кружевниц, занятых работой в 1732 г., работало уже меньше половины.

Зимой 1788—1789 г. значительная безработица существовала в Париже, Туре, Лионе; в одном только Седане было 9000 безработных.

Одним из благ абсолютизма, которыми пользовалась промышленность при своем зарождении, были субсидии, дававшиеся с целью поощрения развития мануфактур. Но финансовый хаос предреволюционных лет неизбежно должен был закончиться с практикой субсидий, и когда в 1755 г. мануфактурист Банкаль, неоднократно пользовавшийся субсидиями, вновь обратился за субсидией, он получил отказ, мотивированный ссылкой на тяжелые времена.

Французской буржуазии необходимо было правительство, которое решительно проводило бы внешнюю и внутреннюю политику в интересах буржуазии, а не абсолютный монарх, который хотя и назывался „человеком, который все может“, но фактически ничего не мог, потому что его политика целиком направлялась дворянством — и притом наиболее реакционными его слоями. „Феодальная реакция“ этого пе-

1 Король — кениг — человек, который может.

риода указывала не на ослабление, а на попытку усиления феодального режима.

Растущее сознание третьего сословия и его требовательность, обострявшееся в 80-х гг. XVIII века народное движение — все это вызывало беспокойство реакционного дворянства и заставило господствующий класс и его монархию ту же завинтить гайки бюрократической машины. Этим объясняется, что в последние предреволюционные годы буржуазия все больше оттеснялась от правительственного аппарата, в котором ее заменяли дворяне. Даже в торговых колониях Востока в XVIII веке администрация стала сплошь дворянской и вступала в постоянные конфликты с интересами купеческого населения этих колоний.

Помимо недовольства буржуазии, налицо было обострение экономического и финансового кризиса и обострение революционной решимости широких масс.

В 1788 г. Францию постиг очень крупный неурожай, а разрешение в 1787 г. вывоза хлеба опустошило запасы. Цены на хлеб были наивысшие за последние сто лет. Свирепствовал жестокий голод — и всю зиму, вспугивая тишину дворянских усадеб, гулял по деревьям красный петух.

В 1788 г. крестьянские бунты были обычным явлением; с начала 1789 г. в крестьянских восстаниях выдвигаются лозунги свободы — и крестьяне отказываются от платежа феодальных повинностей и налогов.

Одна из представительниц аристократического общества в своих воспоминаниях о 1788/89 г. сообщает, что „манера крестьян держать себя по отношению к привилегированным изменилась. Они не только не снимали перед нами шапки, как это обычно бывало прежде, но даже смотрели на нас с наглостью. Некоторые из них даже грозили нам вслед своими толстыми палками“. Так было в 1788 г., а весной 1789 г. было еще хуже: „Утром во время гулянья под Парижем чернь, собравшаяся у заставы „Звезда“, осыпала страшными оскорблениями всех особ, проезжавших в каретах через эту заставу“.

В одной южной местности, где в конце апреля происходили восстания, мэр писал: „Народ безумно вообразил себе, что он — все и что он все может“. Зима 1788/89 г. выдалась необычайно холодная. Впервые за 100 лет замерзла Сена. Париж был крайне скудно снабжен топливом. И народу также мало принесло пользы то, что король в знак сочувствия его бедствиям появлялся в 1789 г. на балах в дырявых ботин-

как, как английским безработным весьма мало помог в 1931 г., откак английского короля от части своего содержания.

В апреле 1789 г., когда крестьяне „возомнили“, что они „все могут“, рабочие массы Парижа тоже решили, что они кой-что могут, и разгромили несколько мануфактур. Официальный документ говорит о 18 убитых и 23 раненых. Участники разгрома были брошены в тюрьму, некоторые были сосланы, некоторые повешены. Жестокость расправы видна хотя бы на примере той казненной торговки, единственной виной которой был возглас: „Да здравствует третье сословие“.

В 1787 г. в Сент-Этьене происходила стачка ленточников, работавших на лионских купцов. Причиной стачки был недостаток работы и низкие расценки. И хотя на этот раз забастовщики вели себя мирно, но местная власть была так напугана, что представители ее писали: „Может статься, что город будет осажден в момент, когда этого меньше всего можно будет ожидать“. А интендант Лиона полагал необходимым сосредоточить специальную вооруженную силу в казармах Лиона и Сент-Этьена до тех пор, пока торговля вновь оживет.

В Ниме зимой 1787 г. также было сильное возбуждение. Один из плакатов гласил: „14 апреля 1787 г. Предупреждение господину интенданту Лангедока (рядом с этим был рисунок, изображающий палача, вещающего интенданта). Может статься, что подожгут город..., ибо господа властвующие не заботятся о работе для нас, и мы находимся у предела нищеты. Мы не знаем, как достать хлеб нашим детям. Итак, господа, мы вас просим обратить должное внимание на эту записку, ибо иначе мы будем действовать соответствующим образом“. Другое должностное лицо получило письмо, автор которого, по собственному заявлению, не ел 30 часов. Угрожая в случае, если власти вместо помощи безработным вновь дадут субсидию купцам, круто расправится с властями, автор заканчивает: „Возможно ли, чтобы были такие чиновники, как вы? С таким же успехом справлялись бы поленья дров“.

Восстание было предупреждено срочной организацией общественных работ.

В начале 1789 г. настойчиво требовали повышения зарплаты рабочие королевских мануфактур гобеленов и мыловарения.

Помимо отчаянного положения и революционной решимости „низов“, налицо был и кризис „верхов“.

Финансовый кризис, обусловленный крайним переобложением крестьян, изъятием из налогового обложения привилегированных сословий, системой бесконтрольного и бессистемного расходования средств, особенно обострился к 1789 г.

Откупщики, торговые монополисты, крупные финансисты и были той верхушечной фракцией буржуазии, которая в общем поддерживала абсолютизм, ибо она была заинтересована в доходах, которые абсолютизм ей доставлял. Эта верхушка буржуазии наживалась на финансовом хаосе абсолютизма. Но и она, обеспокоенная грозящим банкротством, желала некоторых реформ. На такой же точке зрения стояла часть более прогрессивного, втянутого в товарно-денежные отношения дворянства. Она также хотела некоторых реформ, которые не затрагивали бы однако основ всей системы. Но даже такие реформы неминуемо вступали в противоречие с основами феодализма. Поэтому некоторые попытки правительства сделать частичные уступки современности терпели неизменно поражение из-за оппозиции „благородных“. Сюда относятся такие мероприятия, как например попытки введения свободы торговли в 1763 и 1774 гг., отмена цехов в 1776 г. с восстановлением их в 1777 г.

Указанные мероприятия были проведены физиократом Тюрго, призванным к власти абсолютизмом, пытавшимся выйти из затруднений. Однако Тюрго продержался на министерском посту только 22 месяца. Он был отставлен в мае 1776 г., и после его отставки реформы были отменены — наглядный урок безнадежности упования физиократов на „просвещенный деспотизм“.

Итак, дворянство не хотело идти ни на какие уступки современности, ни на какие жертвы; между тем даже наиболее беспечные придворные приходили к печальному выводу, что единственный выход заключается в обложении привилегированных. Но такая попытка, окончившаяся полной неудачей, была уже испробована. Это было в 1787 г. Король решил созвать нотаблей, т. е. именитых представителей сословий по назначению короля, и предложить им „самообложиться“. Объективное положение вещей хорошо было выражено шутивным объявлением, прибитым ночью к дверям упоминавшегося выше министра Калона: „Большая труппа г. Калона даст сего, 29 января 1787 г., первое представление пьес „Обманчивая наружность“, „Долги и промахи“.

Нотабли и слышать не хотели о самообложении. Но зато они хотели говорить о другом, о чем слышать не хотел абсолютизм. Нотабли хотели говорить о некотором ограни-

абсолютизма в их пользу. В этом отношении они отражали интересы парламентов, о которых мы уже упоминали. Когда нотабли переводили прения в указанную плоскость, их прерывали замечаниями, что они уклоняются от существа вопроса. В виду невозможности договориться, нотабли были распущены без всяких результатов. После роспуска нотаблей в Париже распространилась гравюра, изображавшая крестьянина, создавшего свой птичий двор и обратившегося к нему со следующими словами:

„Дорогие животные, я вас созвал, чтобы вы посоветовали мне, под каким соусом мне приготовить вас?“ Петух: „Мы вовсе не хотим быть съеденными“. Крестьянин его тотчас же останавливает замечанием: „Вы уклоняетесь от вопроса!“

Положение было безвыходное, и в этом безвыходном положении пришлось прибегнуть к созыву представителей всех сословий, так называемых Генеральных штатов, не созывавшихся уже в течение 175 лет. Созыв Генеральных штатов был единственной возможностью для получения новых субсидий от третьего сословия и для „отрезвления“ дворянства угрозой уступок третьему сословию.

Генеральные штаты должны были собраться 5 мая 1789 г. Привилегированные сословия избирали полностью и выборы для них были прямыми. Для третьего сословия выборы были не прямыми, а двухстепенными, к тому же беднейшие слои были совершенно отстранены от выборов. Крестьянин должен был присылать своих выборщиков в город, и здесь они вместе с выборщиками от буржуазии избирали депутатов в Генеральные штаты. Такой порядок выборов естественно сводил представительство крестьян фактически на-нет. Выборные собрания вырабатывали наказания для депутатов. Наказы буржуазные резко разнятся от наказов крестьянских. Буржуазия требовала главным образом политических свобод, крестьянство — социального освобождения, освобождения от феодального ига и от чрезмерных налогов. Но проведение крестьянских наказов поручалось общим представителям третьего сословия, а среди них преобладала буржуазия, которая отчасти сама была собственницей феодальной земель.

Так крестьяне Мениль-ля-Орня жалуются: „Мы были в числе 22 деревенских общин и, несмотря на полное согласие, царившее среди нас, городские депутаты овладели правом редактирования наказа... Наказ деревни содержал существенные статьи, которые были уничтожены“.

Все депутаты третьего сословия имели наказ не соглашаться ни на какие налоги до того, пока не будет гаранти-

рована конституция. Например третье сословие Мелэна и Морэ в своем наказе „решительно предписывает своим депутатам не переходить к обсуждению каких-либо вопросов о налогах, даже временных, раньше чем статьи, касающиеся конституции, не будут признаны, а предстоящие к изданию законы не будут обнародованы“.

По поводу такого использования финансовых затруднений для изменения государственного строя, Мирабо, самый блестящий (и в то же время продавшийся двору) вождь крупной буржуазии в первом периоде революции, остроумно заявил: „Дефицит стал национальным сокровищем“.

В то время как буржуазия стремится к объединению государства и ее депутаты считают себя „группой депутатов нации“ (из наказа третьего сословия Перонны), дворянство часто просит о сохранении самостоятельности даже за отдельными областями — „сохранения их законов, обычаев, особых судов“ (из наказа дворянства Дижона), т. е. сохранения феодальных распорядков.

В числе 600 депутатов третьего сословия было 14 дворян и священников, 118 служащих-чиновников, 228 адвокатов и врачей, 216 купцов и промышленников; 300 депутатов от дворянства были большей частью офицерами, а среди 300 депутатов духовенства было много сельских священников.

Как только собрались Генеральные штаты, буржуазия увидела, что легко и просто ей не удастся спекулировать на дефиците. При открытии Генеральных штатов двор продолжал действовать по принципу „разъединяй и властвуй“: Генеральные штаты должны были голосовать по сословиям, т. е. каждое сословие должно было работать обособленно. К тому же король совершенно недвусмысленно заявил, что он считает феодальный порядок и впредь неизменным и желает только выслушать мнение сословий о методах выхода из финансового кризиса. Короче, вновь повторялась история созыва нотаблей или собрания „птичьего двора“, но только на новой расширенной основе. Однако обстановка сейчас была уже не та, что два года назад. За это время кризис резко углубился, да и третье сословие чувствовало за собой значительно большую силу, нежели нотабли, созывавшиеся королем. Третье сословие отказалось от посословного голосования. 17 июня оно объявило себя Национальным собранием. Принцип нации и единого государства был противопоставлен третьим сословием принципу разъединения подданных на сословия. 25 июня к третьему сословию присоединилась большая часть остальных сословий, и Нацио-

Национальное собрание объявило себя учредительным, так как оно считало себя призванным выработать конституцию, т. е. учредить новый государственный порядок.¹ Двор в это время не дремал, он организовывал военную силу и стягивал ее к Парижу.

Весь июнь в Париже царило революционное возбуждение масс, под влиянием которого правительственные войска „разлагались“ и присоединялись к народу. Но двор решил не уступать. 11 июля был уволен в отставку ставленник буржуазии министр Неккер. Неккер был женевским банкиром, пользовавшимся авторитетом и имевшим широкие связи среди буржуазии. Он отнюдь не был революционером, и по поводу его чрезмерной осторожности острили: „Если женевец бросится в окно, можно смело броситься за ним, не боясь расшибиться“. Но Неккер был единственным министром-буржуа, и буржуазия в его отставке справедливо увидела вызов двора. Узнав об этой отставке, оратор Национального собрания воскликнул: „Мы никогда не должны забывать, что мы любим монархию ради Франции, а не Францию ради монархии“. Однако эти декламации не спасли бы Национальное собрание, если бы народ не бросил всю тяжесть своего массового революционного действия на колеблющиеся еще чаши развязывавшейся революционной борьбы. Буржуазия уже чувствовала некоторые революционные завоевания: она собиралась, судила, рядила, возглавляла фактически власть; но народ еще никаких реальных выгод не чувствовал. Если уже не было холодно, то только потому, что не мог же двор затушить летнего солнца, но зато было голодно, и в этом несомненно — полагал народ — виноват был двор, препятствовавший революционному переустройству Франции.

Отставка Неккера совпала с усиливавшимся революционным брожением парижских масс. В то время как буржуазия создала свою национальную гвардию, доступ в которую был для рабочих закрыт, она не имела еще „времени“ подумать о разрушении таможен. Между тем городские таможи значительно удорожали привозимое в Париж продовольствие, бывшее и без того в необычайно высокой цене в связи с недородом. 12 и 13 июля парижские массы разбили городские заставы. В этой раскаленной атмосфере народ 14 июля, сам раздобыв себе вооружение, напал на Бастилию, являвшуюся государственной тюрьмой, но одновременно и опор-

унктом войск, которые действовали бы против революционного Парижа. Купеческий старшина Флессель вместо ящиков с оружием выдал восставшим ящики со старым бельем. После того как 14 июля массы при помощи части примкнувших к ним солдат овладели, после штурма, Бастилией, Флессель был убит, и голову его, надетую на пикв, носили среди толпы.

Тотчас же после взятия Бастилии правительство отозвало войска и вернуло отставленного буржуазного министра Неккера.

Революционное восстание парижского народа 14 июля 1789 г. явилось началом Французской революции, ибо до тех пор, пока народ организованным актом массового восстания не демонстрировал своей мощи и воли, до тех пор революция не могла еще считаться развернувшейся или в какой-нибудь мере утвердившейся.

14 июля мы и считаем началом Великой французской революции. „Терроризм Великой французской революции начался 14 июля взятием Бастилии. Его сила была силою революционного движения народа...“ (Ленин).

Революция 14 июля 1789 г. означала конец абсолютной единой монархии. После революции 14 июля началась первая волна эмиграции дворянства. Уже в 1789 г. например в Риме оказалось такое скопление дворянства, что „французскому послу при папском дворе кардиналу Берже пришлось даже опубликовать извещение, что французское правительство не гарантирует долгов, совершенных эмигрантами у местного населения“.¹

Взятие Бастилии, как знак падения абсолютной монархии (но отнюдь не монархии вообще), приветствовали все классы третьего сословия. До сих пор в буржуазной Франции ежегодно празднуется 14 июля — день взятия Бастилии, как день избавления от абсолютистского ига. Однако, на самом деле, 14 июля отнюдь не было днем идиллического братанья буржуазии и народа. Буржуазия, приветствовавшая итоги этого дня и воспользовавшаяся его победой, имела все основания к некоторым печальным размышлениям. Мы уже указывали, что в день 14 июля верхи буржуазии, в лице купеческого старшины Флесселя, довольно своеобразно помогали победе народа присылкой ящиков с грязным бельем. Само взятие

¹ Формально Национальное собрание утвердило за собой название Национального учредительного собрания только в конце своей деятельности при окончательном утверждении конституции.

¹ Наше дворянство выражалось менее изысканно. Так после взятия белогвардейцами Луганска на воротах городского сада появилось объявление: „Комendant города предупреждает буфетчиков, что он не собирается расплачиваться за долги господ офицеров“.

крепости Бастилии конечно произошло исключительно из-за отсутствия даря самоотверженности парижских масс, т. е. рабочего класса и беднейших слоев мелкой буржуазии, потерявших в этом первом крупном сражении около двухсот человек убитыми и ранеными. Развернувшиеся после 14 июля события показали буржуазии, что народ отнюдь не думает ограничиться чисто политическими достижениями, а требует глубоких социально-экономических преобразований. Так например через неделю после взятия Бастилии, 22 июля 1789 г., народ окружил привезенного им в Париж ненавистного парижского откупщика податей (зятя убитого Флесселя) плакатами, на которых значилось: „Он пожрал народное продовольствие. Он был рабом богатых и тираном бедных“.

Для характеристики отклика крестьян на события 14 июля можно привести донесение интенданта одной крупной провинции: 23 июля 1789 г. он доносит министру о сильном „брожении“, которое началось в его округе, „как только распространились слухи о революции в Париже“ (речь идет о революции 14 июля). „Восстание охватило почти все города; муниципалитет и полицейские чиновники подвергались как бы осаде в Городской думе. Народ особенно восстает против королевских сборщиков податей“.

Народ не останавливался на устранении абсолютизма, на противопоставлении третьего сословия, как единого, двору и дворянству; народ дерзал на противопоставление (еще чисто стихийное) бедности — богатству, народа — буржуазии. Таким образом эта первая революционная победа обнажала противоречия между разными классами третьего сословия. Но пока это были только грозные зарницы приближающейся грозы. Пока что 14 июля все же воспринималось как победа третьего сословия в целом над единым врагом. Города были празднично иллюминированы, по улицам толпы носили бюст возвращенного буржуазного министра, и вчерашние подданные, а сегодняшние граждане прикалывали к шляпам зеленые кокарды — символ свободы и единения.

ГЛАВА III

ОТ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ 10 АВГУСТА

От взятия Бастилии до событий 5—6 октября

Революция 14 июля 1789 г. была воспринята провинцией как призыв к действию, как сигнал к уничтожению феодализма. В городах принялись за устранение старых назначенных властей и установление новых. При этом крупная буржуазия, создавая взамен старых муниципалитетов постоянные советы, спешит одновременно создать национальную гвардию из зажиточных для обуздания народных масс. Буржуазия старается образовать новые органы власти, иной раз не смещая старые, а соединяясь с ними. В Монпелье буржуазия вынесла благодарность интенданту за его беспрекословное самоустранение.

В всех городах, где народ приходил в движение, его ярость прежде всего направлялась против интендантов. Ненависть масс к интендантам олицетворявшим на местах деспотизм и произвол абсолютизма, выразилась в криках жителей Бресса „тперь у нас будет только один король“. Народ в интендантах правильно видел маленьких королей-абсолютов на местах.

Опыт муниципальной революции лета 1789 г. был использован Лениным в борьбе с меньшевиками осенью 1905 г. Большевистскому лозунгу вооруженного восстания меньшевики противопоставили лозунг революционного самоуправления. Ленин же доказывал, что лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания является лозунгом беззубым, разоружающим пролетариат, лозунгом, который не только „приемлем для освобожденцев, но и принят ими“.

С другой стороны, Ленин доказывает, ссылаясь при этом на Великую французскую революцию, что только победоносное восстание вообще способно наметить путь „к организации действительного самоуправления“. „История подтвер-

ждает ту, самоочевидную впрочем истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 г., если бы 14 июля поднявшийся вооруженный Париж не победил правительственных войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивления самодержавия.

Ленин ссылается и на пример Монпелье и спрашивает меньшевиков, не думают ли они, „что во время нашей агитационной кампании выборов в Думу мы будем благодарить губернаторов за самоустранение до взятия русской Бастилии?“ Ленин все время подчеркивает, что муниципальная революция развернулась именно на фоне победоносного восстания. Мы помним, что после взятия Бастилии началась эмиграция дворянства, что служило показателем его поражения. Ленин не упускает из вида этого факта. „Не характерно ли, — продолжает он, — что во Франции 1789 г. время муниципальной революции есть время начавшейся эмиграции реакционеров, а у нас лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания выдвигают тогда, когда существует еще эмиграция революционеров?“ Это высказывание Ленина является образчиком того, как Ленин использовывал опыт Великой французской революции в борьбе с оппортунизмом за чистоту и четкость революционной линии.

Для деревни 14 июля означало открытие семафора на пути к уничтожению феодальных повинностей. И с тем же упорством, с каким крестьянство раньше ковыряло предоставленный им в пользование клочки земли, с тем же упорством оно принялось за превращение этой земли в свою собственную. Действовало оно старым, веками испытанным и преданиями освященным способом — восстаний и пожаров. Повсеместно самочинно восстанавливались деревенские сходы, которые были запрещены в 1787 г. И в период между взятием Бастилии и 1 Января 1790 г., когда состоялись официальные выборы новых местных учреждений, Франция „самообновилась“, не дожидаясь официальной санкции.

Если взятие Бастилии было ярким факелом, брошенным в пороховой погреб народной ненависти, то ночь 4 августа была недурной порцией масла, подлитой в уже запылавший огонь. 4 августа господа депутаты Учредительного собрания решились попытаться выставить в борьбе против народных восстаний хитро составленную „грамоту“. Они решили приостановить восстание постановлениями об отмене феодализма. По существу никакой отмены феодализма эти постановления.

наполненные оговорками не представляли, но крестьяне, решивши, что отныне они пользуются поддержкой высшего собрания, удвоили свою энергию в деле расправы с ненавистными феодальными распорядками.

Нельзя не указать, что постановления 4 августа 1789 г. при всей их нерешительности и ограниченности содержали принципиальное, провозглашенное верховным собранием признание необходимости отмены феодализма и имели огромное революционизирующее значение за пределами Франции.

В то время как под угрозой крестьянских вил дворяне бежали из пылавших замков, „первый дворянин“ — Людовик XVI — чувствовал себя как на угольях в своем Версальском дворце. Поговаривали о новой подготовке двора к перевороту. 1 октября в королевском дворце состоялся офицерский банкет, на котором вино подогревало монархические чувства, а изъятие монархических чувств опьяняло королевскую семью. Вести о монархических банкетах проникли в Париж, в котором в силу полного истощения хлебных запасов царил голод.

В августе 1789 г. бастовали рабочие целого ряда профессий — парикмахеры, портные и др. Давила безработица, и тем не менее буржуазия 17 августа постановила закрыть центральные благотворительные мастерские и создать вместо них небольшие районные мастерские. Еще 14 августа, под влиянием забастовок и крестьянских восстаний, Национальное собрание постановило дать право муниципалитетам призывать регулярные войска для борьбы со „скопищами“.

Король, занятый монархическими „спайками“ с офицерством, медлил давать санкцию принятым Национальным собранием параграфам конституции и декларации прав человека и гражданина.

Народ, измороженный голодовками, возмущенный слухами о готовящемся заговоре двора, не видя реальных результатов от разговоров господ в Национальном собрании, решил действовать своими средствами. 5 октября многотысячная толпа парижских женщин двинулась добывать хлеб к „главному булочнику“ (так народ называл короля) в Версаль. Толпа, непрерывно возрастающая, старалась увлечь всех на своем пути. День выдался мрачный и дождливый. Оборванные, в износившейся обуви, гонимые голодом и нависшей над ними угрозой измены, женщины шлепали по липкой, вязкой грязи. Удивительно ли, что они остановили шикарную коляску и заставили ее хозяйку в изящных шелковых туфельках совместно с ними месить грязь длинной, долгой дороги в Версаль? В Версале женщины послали своих

депутатов к королю, но они не побрезговали посетить и Национальное собрание. Национальное собрание на своем посту. Мерцают канделярбы свечей. Их отсвет падает на 1200 полных сознания своей значимости лиц. То один, то другой депутат встают, чтобы выполнить свой долг перед родиной — произнести очередную напыщенную речь о правах и обязанностях народа, для которого они выработывают конституцию. И вдруг народ, главным образом женщины, врываются в это святое святых и с ними вместе врывается шум улицы, — и их усгами формулируется стихийное требование масс: «хлеба, поменьше длинных речей». Таким мало конституционным возгласом женщины прерывают обсуждение конституции.

А когда некий депутат от духовенства протягивает женщине для поцелуя свою холеную руку, она гневно отбрасывает ее: «Я не создана для того, чтобы целовать собачью лапу». Но наряду с требованием хлеба, народ требует отсылки войск, наказания всех оскорбляющих национальную кокарду, а также утверждения королем, «декларации прав человека и гражданина» и выработанных уже параграфов конституции. Народ не удовлетворяется туманными обещаниями короля о том, что «будут приняты меры», а требует переезда его самого в Париж.

6 октября король, сопровождаемый народом, переезжает со своей семьей в Париж. Лафайет, архибуржуазный начальник буржуазией Национальной гвардии, эскортирует короля, не столько сберегая его для народа, сколько оберегая его от народа. В Париже Лафайет старается вызвать энтузиазм толпы, но народ молчит, и среди молчания королевская семья въезжает в старинный, давно покинутый ради Версаля королевский замок Тюильери. Вслед за королем в Париж вынуждено было переселиться и Учредительное собрание, так как пребывание его в Версале после отъезда двора сделалось бессмысленным. Отныне все Верховные собрания революционной Франции будут заседать под непосредственным контролем и воздействием революционных масс Парижа. Король, «со всей наличной неспособностью» предпочитавший умственным занятиям охоту и слесарное дело, на сей раз изменил себе. Он попросил книгу — биографию Карла I, английского короля, казненного в эту же Великую английскую революцию.

Значит даже он — самый непонятливый из непонятливых — понял значение этих дней. Так же точно их поняли умеренно-правые Учредительного собрания, и если после 14 июля спешно уезжали крайние сторонники абсолютной монархии, то теперь, вслед за ними на солнечный юг, гонимые стужей

народных движений, потянулись сторонники незначительного ограничения абсолютизма аристократической конституцией. Вержуха буржуазии была очень напугана событиями 5 и 6 октября. 14 июля, означавшее начало революции и падение неограниченного абсолютизма, было воспринято крупной буржуазией как национальный праздник, как конец ее борьбы, как окончательная победа, то эти иллюзии были рассеяны событиями 5 и 6 октября, которые показали, что революция начинает развиваться в глубину и ширь, что она не остановится на «чистой» политике, не остановится и на конституционной монархии. «Друг народа, — писал 7 октября Марат, — разделяет радость дорогих своих сограждан, но он отнюдь не отправится спать». Пока что — следствием событий 5 и 6 октября явилось принятие конституции, формально подтвердившей превращение абсолютной монархии в конституционную. «Раньше он был Людовиком милостью божьей, королем Франции и Наварры», теперь же, после октября 1789 г., он лишь «Людовик божьей милостью и в силу конституции государства — король Фран-

За этого «представителя нации», как теперь величала короля конституция, ухватилась буржуазия и попыталась выставить его как щит против народного движения. После октября буржуазия правее, и 1790 и 1791 гг. являются годами жестокой реакции и упорной борьбы за конкретное руководство революцией между народом и буржуазией. Кто победит в ней: народ ли, борющийся за революционную гегемонию, чтобы вести революцию вперед на новые штурмы и к новым победам, или буржуазия, стремящаяся овладеть движением, чтобы спустить революцию на тормозах, обеспечив себе лишь самые необходимые и скромные достижения?

Продовольственные беспорядки, происшедшие 21 октября 1789 г., вызвали немедленный отклик Национального собрания, декретировавшего 22 октября военный закон против «скопищ». В тот же день был повешен один рабочий за то, что он якобы на улице призывал народ идти поджигать монастыри.¹

Урожай 1789 г. был очень обильным, и в результате продовольственное положение Парижа значительно улучшилось.

¹ Тот же призыв к сожжению монастырей — обителей эксплуататоров в рясах — слышится и сейчас, через 140 лет, в Испании после свержения последнего диктатора Бурбонов — короля Альфонса XIII, и так же, как и 140 лет назад, современная испанская буржуазия отвечает на этот призыв усилением политического террора.

В связи с этим на некоторое время прекратились волнения на продовольственной почве. Однако в этой тишине обе враждующие стороны копили силы и изредка в схватках тренировали их.

Классы и партии

Партия является авангардом класса. Однако партия создается только на определенной ступени классового развития. В эпоху Великой французской революции политические организации классов существовали в виде клубов, группировавших вокруг себя передовых представителей соответствующих социальных слоев. Несмотря на то, что буржуазия еще не имела оформленной современной партии, она все же была классом для себя, так как в отличие от пролетариата имела уже четко выработанную идеологию, так как она уже осознала свою объективную возможность быть классом для себя. Буржуазия знала уже цену и своим классовым организациям. Мирабо — вождь крупной буржуазии — еще в самом начале революции говорил о силе организации, восхищаясь системой английских клубов.

Одним из первых организовался клуб группы депутатов, названный бретонским клубом, по имени департамента Бретань, откуда происходили объединившиеся в клуб депутаты. После переезда Учредительного собрания в Париж клуб обосновался в монастыре святого Якова и в насмешку его стали называть якобинским. На первых порах якобинский клуб объединял все прослойки буржуазии и часть мелкой буржуазии. Однако революция углублялась, классовая борьба разворачивалась и следовательно происходило размежевание политических интересов различных общественных прослоек. Одновременно с этим происходило и размежевание клубов. Вместе с тем с самого начала революции происходил бурный рост клубов. Уже в декабре 1789 г. один из основателей бретонского якобинского клуба писал, что клубы главных городов королевства разделяют „честь ассоциации и корреспондирования“ с парижским клубом.

Летом 1791 г. король попытался убежать из революционной Франции, но был задержан народом. Буржуазия покрыла его, лишь бы его сохранить. Король бежал. „Да здравствует король!“ — провозгласила она и преклонила свои колени перед ним — живым подтверждением того, что боги творятся людьми.

Обстоятельства бегства короля четко вскрыли соотношение и поведение классов. После этого события представители

крупной финансово-торговой буржуазии выходили из якобинского клуба и организуют свой клуб в Фельянском монастыре, откуда он и получил название фельянского, а его членов называли фельянами. Фельяны — представители крупной торгово-финансовой буржуазии, отчасти связанной со старым порядком. После отделения фельянов в якобинском клубе остались представители торгово-промышленной буржуазии богатых провинциальных городов, получившие название жирондистов (по названию департамента, откуда происходили вожди этой партии) и представители мелкой буржуазии — монтаньяры (горцы); их называли так, потому что они сидели на верхних левых скамьях собрания.

После революции 10 августа 1792 г., установившей республику, из якобинского клуба ушли жирондисты.

Жирондисты представляли основную массу торгово-промышленной буржуазии. Являясь собственно ядром буржуазного класса, они показывали, на что способна буржуазия в революции. Они — за конституционную строй, одно время даже за республику; они — за всемерную свободу капиталистического развития, но прежде всего они стоят за охрану священной частной собственности и поэтому не способны идти в революции до конца. Они являются владельцами феодальных земель, отчасти приобретенных ими до революции и большей частью приобретаемых благодаря продаже национальных имуществ во время революции. Поэтому они не могут идти до конца в смысле отмены феодализма в деревне. Они — за безграничную свободу товарооборота и не могут ради углубления революции идти в этом вопросе ни на какие жертвы, а без этих жертв революция не может двигаться вперед. Они вынуждены использовать силу масс против абсолютизма, но вместе с тем боятся этой силы. Всякая революция связана с временными экономическими потрясениями, с разрушением налаженных связей в области торговли и промышленности, но буржуазия, даже во имя окончательной победы, не может идти ни на какие временные жертвы, тем более, что всякое углубление революции связано с развязыванием самостоятельности масс, а всякое развязывание самостоятельности масс грозит самым устоям священной частной собственности. Всего этого значительно меньше боялась городская мелкая буржуазия. Мелкая буржуазия никак не заинтересована в сохранении феодализма в деревне. Мелкой буржуазии и самой грозила опасная конкуренция со стороны крупной, в особенности спекулятивной буржуазии. Пролетариат был еще целым рядом ступеней связан с мелкой буржуазией. В силу всего этого

у мелкой буржуазии не было тех оснований, что у крупной, бояться развязывания самодеятельности масс.

После ухода жирондистов в якобинском клубе остаются только представители мелкой буржуазии — горцы. Якобинский клуб становится той более или менее однородной по своему социальному составу мелкобуржуазной организацией, которая собственно и вошла в историю под названием якобинского клуба и которой предстояло сыграть огромную роль в развитии революции.

Однако мелкая буржуазия, в ее более устойчивых, не подвергшихся еще пролетаризации слоях, не была непосредственно склонна к руководству широкими массовыми действиями. Даже после ухода фельянов клуб якобинцев сохранил сильный налет „аристократизма“. Так например до 12 октября 1791 г. собрания якобинского клуба были закрытыми и постоянные не могли на них присутствовать.

Однако с лета 1790 г. создан еще один клуб — клуб кордельеров, называвшийся так по имени монастыря босоножек, в котором он помещался.

В отличие от клуба якобинцев, в котором по одному меткому замечанию, „граф такой-то сидел посередине между своим сапожником и своим портным“, клуб кордельеров был значительно более однородным. Он ввел более низкий и доступный для широких масс размер членского взноса и объединял вокруг себя нищающие слои мелкой буржуазии вместе с зарождающимся рабочим классом. Клуб кордельеров являлся зачинщиком и руководителем массового уличного действия.

Чрезвычайно важное значение имели и так называемые народные или братские общества, т. е. квартальные клубы, организованные при парижских секциях,¹ а также в провинции.

Первый квартальный клуб был организован в районе одним учителем, который собирал „простой народ“ и при свете им самим приносимой свечи читал вслух актуальную политическую литературу, разъясняя ее и руководя прениями по ней. Провинциальные клубы были большею частью связаны с Парижским якобинским клубом, который официально регистрировал свою связь с ними как с дочерними организациями. Парижские секционные общества больше объединялись вокруг клуба кордельеров. Эти братские народные общества непосредственно впитывали в себя революционную энергию масс и были настоящей „республикой в действии“.

¹ Секциями назывались районы и районные городские самоуправления, которые объединялись городской коммуной.

В мае 1791 г. при кордельерском клубе организован центральный комитет братских обществ.

Некоторые кордельеры входили в якобинский клуб, также как и некоторые якобинцы принимали участие в работе клуба кордельеров. Но в основном как массы, так и вожди того и другого клубов имели свой особый облик. Говоря о якобинском клубе, обычно подразумевают второй период его существования, когда после ухода фельянов и жирондистов он к концу 1792 г. стал более или менее однородным — мелкобуржуазным. В национальном собрании ему соответствует фракция Горы. Его признанным вождем был Робеспьер — представитель мелкобуржуазного середняка. Робеспьер не был вождем уличного действия, он был по преимуществу парламентским вождем. Но в решительные минуты революции он и его фракция сумели пойти на соединение с массами и возглавить революционное правительство.

Соратниками Робеспьера были Сен-Жюст, Кутон и др., с которыми мы ближе познакомимся по их деятельности в период якобинской диктатуры. В отличие от Робеспьера Марат, близко связанный с кордельерами, был левым якобинским вождем, вождем массового уличного действия. Во время принятия конституции, делившей граждан на активных и пассивных, т. е. имеющих право голоса и лишенных его, Робеспьер боролся за предоставление права всем, но боролся путем выступления и теоретических доказательств, а Марат по этому же поводу писал: „Судьба бедных, всегда покорных, порабощенных и угнетаемых, никогда не может улучшиться мирным путем“ (курсив мой С. Л.).

Перед революцией 10 августа 1792 г. Робеспьер не особенно был уверен в победе и не он, а Марат возглавлял движение.

Кордельерский клуб ставил своей целью (как гласил манифест клуба) „изобличать перед судом общественного мнения злоупотребления отдельных властей и всякий вид посягательства на права человека“. Таким образом кордельерский клуб, в отличие от якобинского, ставил себе задачи исключительно действенного характера, считал себя организацией общественного мнения революционных „низов“, призванных установить общественный контроль над властями. В ноябре 1790 г. видный кордельер Шометт выступает в якобинском клубе против больших прав, предоставляемых королю проектом конституции. Якобинцы тоже возражают против прав, предлагаемых короне, и все же они находят речь Шометта „слишком республиканской“.

Клуб кордельеров принимает и пассивных — лишенных права голоса — граждан. Зато клуб кордельеров подвергается преследованиям властей: его секретарь арестован, на клуб наложены печати, но он не прекращает своей деятельности и стоит на своем посту. Его деятельность сопровождается „народным эхо“, как называл один видный кордельер братские общества.

С Шометтом, Эбером, Моморо, Венсаном и др. кордельерами мы познакомимся подробнее по их деятельности в эпоху Якобинской диктатуры. Но в кордельерском клубе были другой ряд деятелей во главе с Дантоном и Камиллом Демуленом.

Камилл Демулен был в начале революции народным трибуном. Он звал народ к захвату Бастилии, он предложил зеленую кокарду как знак свободы и единения. В начале революции он выпустил воззвание под заглавием „Речь фонаря“, в котором он объявил себя „генерал-прокурором фонаря“, т. е. призывал массы к террору (вздергиванию на фонари).

Дантон был одним из величайших ораторов революции, человеком мощного темперамента и больших дарований. Однако очень скоро стал выявляться оппортунизм Дантона, тайно связанного с королевским двором. Дантон, Камилл, Демулен и их друзья, бывшие ярыми террористами первого периода и видными кордельерами, образовали впоследствии правую фракцию якобинцев — фракцию, переродившуюся и сомкнувшуюся со спекулятивной буржуазией.

Подобно тому, как существовали группы, объединившиеся по политическому единомыслию в клубы, так же точно и среди депутатов Национального собрания мы можем различать группировки по классовому и партийному признаку. Направо в Национальном учредительном собрании находились абсолютисты монархисты, т. е. представители дворянства, стоявшего целиком за сохранение абсолютной монархии. Среди вождей этой группы был д'Эпреминель, бывший очень популярным в 1788 г., когда он стоял во главе парламентской оппозиции, требовал созыва Генеральных штатов и подвергался аресту. Его пребывание сейчас во главе абсолютистской группы еще раз подтверждает реакционный характер парламентской оппозиции дворянства. Далее существовала группа аристократических конституционалистов, представителей части либерального дворянства, бюрократии, крупных финансистов и торго-

вых монополистов. В отличие от первой группы — абсолютистов-монархистов, хотевших оставить все по-старому, аристократические конституционалисты хотели реформ, но именно реформ, а не революции. Их вожди — Мунье, Лалли-Талондаль и др. — были за двухпалатную систему и за избирательный ценз, следовательно — за ограничение абсолютной монархии путем привлечения в законодательные палаты очень узкой группы имущих классов. Двухпалатная система им нужна была для того, чтобы верхняя (аристократическая) палата могла бы противодействовать нижней палате в случае, если бы она „зарвалась“.

Большую группу Национального собрания составляли либеральные конституционалисты — представители крупной торгово-промышленной буржуазии, признававшие июльскую революцию 1789 г. и стоявшие за однопалатную систему, но за цензовые выборы. Среди ее руководителей были: самый крупный вождь буржуазии Мирабо, физикомат Дюпон-де-Немур хитрый аббат Сийес, который принимал активное участие в выработке конституции, ратуя за ценз; надутый маркиз Лафайет, который был начальником Национальной гвардии и назывался „героем двух частей света“, потому что принимал активное участие в освободительной борьбе Северо-американских штатов, добившихся в 1771 г. независимости от Англии старый ученый Бальи, который был мэром Парижской коммуны (городского самоуправления) и который вместе с Лафайетом будет летом 1791 г. расстреливать народ; молодой Барнав блестящий теоретик, одним из первых наметивший некоторые элементы материалистического понимания истории; наконец Ле-Шапелье, сухой и корректный господин, который 5 октября 1789 г. был вынужден остановить свою карету и откомендоваться толпе парижских женщин, идущих на Версаль; услышав, что он депутат Учредительного собрания, толпа почтительно пропустила его; она не могла предугадать в нем автора будущего знаменитого закона против рабочих организаций.

Все эти блестящие имена принадлежали вдохновителям и инициаторам решительной борьбы против народа.

Марат, будучи сначала связан с Шапелье, Сийесом и другими, писал потом: „Я очень скоро имел случай убедиться, что их видимая ничтожность (Марат имеет в виду их революционную немощь С. Л.) обуславливалась совсем иными причинами, нежели недостатком знаний, и я почувствовал, что надо было значительно больше поработать, чтобы победить пороки, нежели заблуждения“.

Налево в Учредительном собрании находилась группа демократов. После событий 5—6 октября 1789 г. в Учредительном собрании происходит передвижка вправо: большинство аристократических конституционалистов сливается с абсолютистской партией, и большинством демократов сливается с либеральными конституционалистами. Слева остается маленькая горсточка демократов, среди которых выделяется будущий вождь революционной мелкой буржуазии — Робеспьер. Робеспьер боролся за всеобщее избирательное право, против ценза. Он говорил: „Злоупотребления — дело рук и специальность богачей, они — бич народа. Интерес народа — общий интерес, интерес богатых — частный интерес“. Он также требовал полного уничтожения феодализма в деревне и возврата общинам разграбленных дворянами по указу 1667 г. общинных земель. Так же, как в разношерстной, большой группе либеральных конституционалистов находились будущие фельяне, так же в группе демократов входили будущие жирондисты. Среди них находился Петинюи — будущий жирондистский мэр Парижской коммуны, впоследствии один из активных борцов против группы Робеспьера.

К концу работ учредительного собрания около 300 депутатов правой ушло из него. Учредительное собрание закончило свою деятельность окончательным составлением конституции и разошлось. В конце сентября 1791 г. В октябре 1791 г. собралось Законодательное собрание, выбранное на основе цензовой конституции 1791 г. Правую Законодательного собрания составляли фельяне, имевшие около 250 депутатов, центр, называвший себя „беспартийным“, независимым, имел около 350 депутатов, и левые, состоявшие из якобинцев (среди них жирондисты и горцы), имели около 110 депутатов. Большинство депутатов составляли купцы, фабриканты, буржуазная интеллигенция, чиновники. В составе Законодательного собрания было всего трое крестьян и четверо ремесленников. Так как центр обычно голосовал с правой, то фельяне имели в Законодательном собрании решительное большинство. Они стояли за сохранение максимальных прав короля и против каких-либо покушений народа на буржуазные привилегии. В числе левой, как мы уже указывали, были будущие жирондисты и горцы.

Среди жирондистов был вождь Жиронды — Бриссо. Он принимал видное участие в предреволюционной идеологической борьбе. Перед революцией он зашел так далеко в критике феодализма и в нападках на феодальную собственность, что провозгласил: „Собственность — это кража“. Это не по-

мешало ему однако, не только защищать буржуазную собственность, но и противиться окончательной отмене феодальной собственности, феодальных повинностей с тех пор, как буржуазия стала у власти.

Среди вождей Жиронды был знаменитый философ Кондорсе, один из немногих оставшихся в живых участников Энциклопедии; был Верньо, величайший оратор Франции; был господин Роллан, будущий жирондистский министр, которого прозвали „мужем госпожи Роллан“: госпожа Роллан была энергичной и чрезвычайно красивой женщиной, воспитанной на героической литературе древности; в ее салоне собирались жирондисты и говорили об идеалах свободной личности и думали о том, как предупредить гибель „революции“ из-за „анархии“, т. е. из-за развития революционного движения народных масс.

В отличие от фельянов жирондисты отнюдь не были сторонниками сохранения тех больших прерогатив, которыми располагал король. Часть жирондистов была даже республикански настроена. Но в отличие от представителей мелкой буржуазии (горцев) они мечтали не о „социальной“ республике, в которой алчность буржуазии умерялась бы законами в пользу народа, а о республике, дающей полный простор капиталистическому, а тем самым и спекулятивному накоплению. Но для того, чтобы добиться революционным путем установления такой республики, предоставляющей все условия для капиталистического накопления, надо было идти на временные жертвы, на уступки социального характера, на временную сдержку свободы капиталонакопления, ибо всего этого требовали массы, а только массы были решительной революционной силой.

Таким образом даже наиболее прогрессивная часть буржуазии и ее выразители — жирондисты, имевшие в своих рядах столь блестящих представителей умственного прогресса, не были способны разрешить основные вопросы революции, окончательно разделаться с феодализмом.

Граждане коммуны Лурмарэн пишут 15 декабря 1791 г. (т. е. вскоре после открытия Законодательного собрания): „Учредительное собрание лишь выразило намерение освободить деревню от этого чудовища (т. е. феодализма С. Л.); но у него не было возможности осуществить это намерение потому, что в его среде были дворяне и дельцы, которые укрыли это чудовище путем интриг и замалчиваниями. Бывшие сеньоры, их агенты и новые откупщики в союзе с неприязненными священниками и всякого рода фанатиками охлаждают

революционный пыл простых и невежественных земледельцев, вызывая у них страх или предчувствие возвращения старого, а с ним — мести бывших аристократов по отношению к тем, кто стоял за общественное дело“.

Среди горцев в законодательном собрании не было вождей. Робеспьер не мог быть избранным в Законодательное собрание, потому что Учредительное собрание постановило, что ни один член его не может быть избран в Законодательное собрание. Марат, ставший левым вождем якобинцев, в отличие от Робеспьера, бывший непосредственным руководителем массового уличного действия, также не попал в Собрание в силу цензового избирательного права, при котором от выборов были устранены как раз те массы, доверием которых он пользовался. Между тем Гора была единственной партией Собрания, которая могла бы решительно действовать в целях осуществления революционных задач.

Декларация прав и конституция 1791 г.

Декларация прав была принята в начале революции и утверждена королем под давлением народа в октябрьские дни 1789 г. Она была предпослана конституции, выработавшейся в течение 1789—1790 гг. и окончательно принятой в 1791 г. Эта конституция была цензовой конституцией, т. е. требовала определенного размера собственности у граждан для того, чтобы они имели право выбирать и быть избранными. Чтобы быть избирателем в первичных собраниях, требовалась годичная оседлость и уплата налогов в размере трехдневной заработной платы. Выборы были двухстепенными, т. е. первичные собрания избирали выборщиков, и лишь последние избирали депутатов. Чтобы быть выборщиком, требовалась уплата налогов в размере десятидневной заработной платы, а чтобы быть депутатом, — в размере одной серебряной марки (т. е. около 50 ливров). При окончательном утверждении конституции была отменена марка серебром, но зато был резко повышен ценз для выборщиков. Буржуазия тщательно ограждала свои преимущественные права на управление государством. Всех граждан, не допущенных к голосованию, называли пассивными, а допущенных — активными. Аббат Сийес назвал первых „рабочими машинами“, а вторых истинными акционерами великого общественного предприятия. Из 26-миллионного населения Франции лишь 4 млн граждан оказались в среде активных, а 22 млн было отнесено к числу „рабочих машин“. В самом Учредительном собрании в защиту прав

„рабочих машин“ выступал только Робеспьер. Цензовую конституцию он совершенно правильно считал попыткой буржуазии заменить „власть привилегированных по рождению властью привилегированных по богатству“.

Король, как мы уже упоминали, теперь именовался „божьей милостью и силою конституции король французов“; он определялся как „верховный глава“ всей администрации, войск и флота. Все внешние сношения являлись его прерогативой. Совет из шести министров назначался и сменялся королем. К тому же он имел право *вето*, т. е. наложения запрета на издаваемые Собранием законы. Право *вето* было действительно только в течение трех собраний, и таким образом закон, независимо от королевской санкции, мог в конце концов войти в силу. Однако ясно, что отсрочка в шесть лет фактически сводила бы на нет всякий негодный короне закон.

„Декларация прав человека и гражданина“, предпосланная столь „демократической“ конституции, была составлена в начале 1789 г. и носила еще отпечаток революционной весны. К тому же „декларация“ не должна была конкретно регулировать общественные отношения, а только провозгласить общие принципы. Поэтому в ней отразились основные идеологические установки буржуазии в борьбе с феодализмом.

Приведем некоторые выдержки из декларации:

„§ 1. Люди рождаются свободными и равноправными и остаются таковыми на всю жизнь“.

„§ 2. Цель всякого гражданского союза состоит в сохранении естественных и никогда не отчуждаемых прав человека. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление насилию“.

„§ 3. Первоначальный источник всякой верховной власти — есть нация..“

„§ 6.. Так как перед законом все граждане равны, то все они должны пользоваться в одинаковой степени доступом ко всем общественным чинам, местам и должностям без всяких различий, кроме тех, которые устанавливаются между ними добродетель и таланты“.

Таким образом декларация прав человека и гражданина признавала равенство всех по рождению перед законом и право сопротивления угнетению. Но между 1789 г., когда она была принята, и 1791 г., когда была утверждена конституция, лежало два года ожесточенной классовой борьбы. Между декларацией и окончательным принятием конституции прошли

октябрьские дни 1789 г. и Марсова бойня 1791 г.¹ Приступая к разрешению практических политических задач, буржуазия отказалась от ею же провозглашенных пышных принципов. Отсюда целый ряд противоречий между декларацией и конституцией 1791 г. Сохранение короля, сохранение за ним больших прав, ограничение избирательного права жестким цензом — все это противоречило народному верховенству, равенству всех граждан перед законом, праву сопротивления угнетению. Это противоречие между конституцией и декларацией ясно показывает лживость буржуазной демократии. Буржуазная демократия есть лишь форма буржуазной диктатуры. Пролетарская диктатура, наоборот, есть форма пролетарской демократии.

Марат отлично понимал принципиальное различие между декларацией и конституцией. В феврале 1791 г. он писал в своем „Друге народа“: „Я клянусь до последнего вздоха своего уважать единственно те декреты национального собрания, которые сочетаются с декларацией прав, единственным законным основанием конституции; поддерживать те из них, которые не идут в разрез с ней; затоптать те из них, которые ей противоречат, и не успокаиваться до тех пор, пока они не будут аннулированы“. В сентябре 1791 г. по тому же поводу Марат писал, что его обвиняют „в отсутствии преклонения перед законами (т. е. декретами национального собрания С. Л.). Они грубо ошибаются; я преклоняю колена перед тем законом, который декларирует права человека; но они (члены собрания С. Л.) безбоязненно затоптали в грязь свои наиболее прекрасные законы, нанеся этим ущерб сотне последующих законов.² Могут ли они мне поставить в вину, что я не больше их самих уважаю их собственные творения и топчу ногами те из их декретов, которые покушаются на основной?“.

Одновременно с разработкой конституции Учредительное собрание занялось также новым административным устройством Франции. Вся Франция была разбита по декрету 15 января 1790 г. на 83 департамента (губернии), которые были названы по имени рек и возвышенностей, находившихся в их пределах. Этим был положен конец вековой раздробленности Франции.

14 декабря 1789 г. было установлено положение о новой коммунальной организации. Согласно этому положению в каждом населенном пункте (город, село) должен был быть организо-

выборщики местного самоуправления. На первых порах к власти пришли верхи буржуазии. Памфлет, выпущенный в Бордо, говорит: „Не заменит ли в Бордо аристократия богатых аристократию дворян?“.

Париж для выборов в Генеральные штаты в 1789 г. был разбит на 60 округов. После выборов выборщики не разошлись и составили как бы районные самоуправления. По закону 1789 г. Париж был разделен на 48 секций вместо 60 районов. Эти 48 секций выделяли по два представителя, которые вместе с городскими чиновниками составляли генеральный совет Парижской коммуны. Секциям Парижской коммуны было суждено сыграть огромную роль в революции. Они стали центрами самостоятельности Парижских масс.

Наряду с существовавшей регулярной армией стихийно возникла национальная гвардия, которая получила свой устав 29 сентября 1791 г. накануне закрытия Учредительного собрания. Национальная гвардия строилась по округам и кантонам. В нее под страхом лишения избирательных прав должны были записываться все активные граждане. По специальному декрету Учредительного собрания от 28 апреля 1791 г., принятому вопреки протестам Робеспьера и жирондиста Бюзо, пассивные граждане лишались доступа в Национальную гвардию.

Таким образом Национальная гвардия представляла собой местное ополчение имущих граждан. Вполне понятно, против кого и против чего она предназначалась. Как в Национальной гвардии, так и в местных самоуправлениях устранялись от участия пассивные граждане. Еще бы! Против них ведь и направлялись эти организации, создаваемые буржуазией в целях укрепления и организации своего господства. Однако, как мы в дальнейшем увидим, логика развертывающейся классовой борьбы была сильнее расчетов правящих кругов, и секциям Коммуны, так же как и Национальной гвардии, пришлось в дальнейших событиях сыграть значительную роль в борьбе народа с буржуазией за поступательное движение революции.

Рабочее законодательство Учредительного и Законодательного собраний

Мы уже упоминали, что годы 1790 и 1791 были годами реакции. Вместе с тем это были годы некоторого хозяйственного подъема; так например внешняя торговля Франции с конца 1789 г. до 1792 г. выросла на 600 млн. ливров. Мы

¹ См. стр. 104.

² Надо иметь в виду, что конституция создавалась постепенно.

помним, что в начале революции были организованы обобщившие благотворительные мастерские и что уже осенью 1789 г. они были закрыты; вместо них были организованы мелкие районные мастерские, которые 16 июня 1791 г. были также закрыты. Но еще до этого буржуазия постаралась всячески обезопасить себя от вредного действия мастерских, заключавшегося в том, что они уменьшали конкуренцию среди рабочих и тем самым мешали установлению низкой заработной платы.

Вследствие того, что 1790 и 1791 гг. были временем некоторого хозяйственного оживления, буржуазии требовались свободные и к тому же дешевые рабочие руки. Поэтому еще до окончательного закрытия мастерских 31 августа 1790 г. Национальное собрание издало декрет, по которому прием в благотворительные мастерские был ограничен: получать работу могли только живущие в Париже и в нем родившиеся. Еще более любопытна вторая часть декрета, согласно которой заработная плата в мастерских должна была всегда устанавливаться ниже средней цены рабочей силы в данной местности. Этим буржуазия открыто признала, что благотворительные мастерские должны исчезнуть потому, что они мешают свободной эксплуатации рабочей силы. В результате 16 июня 1791 г. мастерские были закрыты окончательно, несмотря на ряд петиций об их сохранении.

Рабочая политика Национального собрания увенчалась принятием 14 июня 1791 г. так называемого (по имени разработавшего его депутата) закона Ле-Шапелье. Закон этот категорически запрещал всякие объединения и союзы, так как они, мол, ограничивают свободу личности и свободу конкуренции. Однако классовая направленность и этих принципов и принятого на основе их закона исключительно против рабочих видна из того, что автор его — Ле-Шапелье — внес одновременно предложение в виде поправки к закону о решении собираться коммерческим палатам, т. е. объединениям крупной буржуазии.

Стаечное движение, которое сильно развилось весной 1791 г., было окончательно подавлено при помощи этого закона. Французская буржуазия в самом начале революционной бури решила отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Законом от 14 июня 1791 г. она объявила, что все рабочие коалиции — „преступление против свободы и декларации прав человека, караемое штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданина на один год“. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные

пережил все революции и смена диктатур. Даже правительство террора оставило его неприкосновенным. Лишь совсем недавно он вычеркнут из уголовного „уложения“ (Маркс).¹

Революционная печать возражала против закона 14 июня 1791 г. Робеспьер в связи с этим законом вновь вернулся к своей агитации против ценза за всеобщее избирательное право. Правые газеты обвинили по этому поводу демократов и революционеров в покушении на частную собственность — в „анархизме“.

Религиозная политика

В главе об идеологии третьего сословия мы уже говорили, что буржуазия в борьбе с феодализмом вела боевую антирелигиозную пропаганду. Посмотрим, как она, придя к власти, применяла на практике свой атеизм (безбожие).

При абсолютизме церковь, служившая опорой трона, получала в свою пользу десятину с населения, владела огромными, в частности земельными, имуществами, была совершенно свободна в своей организации, подчиняясь не королю французскому, а папе римскому — главе всей черной рати мира.

Атеизм, проведенный на практике, предполагает полное отделение церкви от государства. Отделение церкви от государства означает, что церковь становится частной организацией, не пользующейся финансовой поддержкой правительства и не имеющей никаких формальных прав, не пользующейся никаким покровительством закона.

Национальное собрание лишило церковь ее могущественного экономического положения. 2 ноября 1789 г. были конфискованы все церковные земли, которые составили фонд национального имущества, предназначенного к продаже французским гражданам.

Конфискация церковных земель была безусловно революционным мероприятием. Однако оно исходило в значительной мере из соображений финансовых и в минимальной степени затрагивало принцип собственности. Докладчик, предложивший — в поисках выхода из финансового кризиса — конфискацию церковного имущества, особенно подчеркнул последнее положение: „Имеется один грандиозный и обладающий решающим значением ресурс, пользование которым, по моему

¹ Закон Ле-Шапелье отменен лишь в 1864 г.

мнению, совместимо с строгим уважением к праву собственности, — этим ресурсом являются церковные имущества“.

Духовенство, великолепно понимая, что Национальное собрание более всего чувствительно к принципу собственности, попыталось его запугать. Представитель духовенства — аббат Мори — говорил: „Наша собственность гарантирует вашу. Теперь производится нападение на нас; но не сомневайтесь, что если мы будем ограблены, то и вас в свою очередь постигнет такая же судьба“.

На это ему отвечали, что лица и корпорации отличаются друг от друга. Права отдельных лиц на собственность не созданы законом, а лишь охраняются им. Корпорации же существуют только в силу закона, создавшего их, поэтому власть закона над ними безгранична. Так же как закон может наделить их собственностью, так же он может отнять ее у них. Наконец духовенство теперь не является уже сословием, следовательно не может обладать своей сословной корпоративной собственностью.

Итак, Национальное собрание всячески пыталось обезопасить себя от того, чтобы конфискация церковных земель не повлекла за собой отобрания феодальной дворянской собственности. При всем том сама по себе конфискация церковного имущества являлась мерой безусловно революционной.

Учредительное собрание запретило также монашеские обеты, тем самым уничтожив притоны ханжества и разврата. Но на отделение церкви от государства буржуазия не пошла, наоборот, она тесно связала церковь с государством, изъяв духовенство из подчинения Риму и подчинив его французскому государству, введя так называемое гражданское устройство духовенства. Церковные епархии были сведены к районам департаментов, и священнослужители должны были избираться населением независимо от вероисповедания избирателей. При этом католицизм был объявлен единственным, находящимся на содержании государства культом. Таким образом католическая церковь объявлялась церковью национальной, изъятой из подчинения Риму. Объявление католической религии единственной поддерживаемой государством религией противоречило принципам атеизма.

Отказ буржуазии от атеистических принципов объяснялся ее боязнью революционного движения, необходимостью сохранить религию, как оплот „порядка“, как „род духовной сивухи“ (Ленин). Сам принцип гражданского устройства духовенства с откровенной циничностью обнаруживал, что буржуа-

зия сохраняла церковь не из убеждений, а по нужде: католические священники должны были избираться населением независимо от религиозного вероисповедания избирателей, что грубо нарушало принцип свободы культа.

Готовясь к свержению феодализма, буржуазия развивает материалистическую, атеистическую философию. Ставу власти, она не смеет уже провести в жизнь свои предреволюционные принципы. Однако кой на что она еще дерзает: она изымает церковь из централизованного подчинения папе, лишает ее экономического могущества, организует ее как национальную церковь и требует от священников присяги на верность революции. Даже от всего этого буржуазия впоследствии откажется. На склоне своих лет буржуазия опирается на церковь, в самых откровенных формах выражая свои почтительнейшие симпатии наместнику бога на земле (папе), приветствуя дымок из церкви Святого Петра как пришествие нового божьего царства.¹

Папа конечно возражал против гражданского устройства духовенства — не только потому, что оно подрывало его авторитет, и не только потому, что оно было принципом явно не монархическим, но и потому, что у него были непосредственные интересы, связанные с боязнью революции. Папская область восстала и требовала присоединения к революционной Франции. Папа хотел выторговать у Франции помощь в подавлении восстания. Он пригрозил Людовику XVI отлучением от церкви в случае утверждения им положения о гражданском устройстве духовенства. Любопытно, что Учредительное собрание фактически пошло на уступки папе, присоединив его область к революционной Франции только в сентябре 1791 г.

Около половины всего духовенства, в том числе все высшее, отказалось от присяги на верность революции. Священников, отказавшихся от присяги, называли „неприсяжными“. В эту эпоху духовенство выполняло целый ряд общественных обязанностей, как-то: официальные записи крестин, венчаний, похорон и т. д. Среди населения на религиозной почве часты были расколы даже в пределах одной и той же семьи, причем женщины обычно обращались к неприсяжному духовенству, в то время как среди мужчин процент обращавшихся к присяжному духовенству был значительно выше. Возникло выпол-

¹ При папе существуют кардиналы, из среды которых по смерти папы избирается новый папа. Когда выборы закончены, сжигаются все избирательные записки. Таким образом население „Святого города“ — Рима — по дыму, идущему из церкви святого Петра, где происходят выборы, узнает о пришествии в мир нового папы.

нение целого ряда тайных обрядностей у неприсяжного духовенства.¹

В лице неприсяжных священников создавалась армия пропагандистов и организаторов контрреволюции.

Итак, несмотря на атеистические заявления буржуазии перед революцией, она оставляет религию нетронутой и не пытается произвести отделение церкви от государства. Но, на что она дерзает, представляет собой лишь попытку обезвредить церковь как оплот абсолютизма, сохранив ее однако в качестве оплота частной собственности.

Финансовая политика

Национальное собрание, как мы уже знаем, конфисковало церковное имущество и пустило его в продажу. Одновременно были выпущены так называемые ассигнаты, которые принимались в уплату за покупаемые национальные земли. Скоро ассигнаты стали бумажными деньгами, ходившими наравне с металлическими, и подвергавшимися быстрому обесценению. Так как ассигнаты обесцениваясь теряли в своей стоимости, а принимались они в уплату за национальные земли по официальной стоимости, то было выгодно закупать национальное имущество у государства и затем перепродавать их по полной цене. Таким образом возникла спекуляция национальными землями. Однако до тех пор, пока управление конфискованным церковным имуществом сохранялось в руках духовенства, продажа национального имущества шла не очень бойко, ибо покупщики боялись претензий со стороны старых владельцев. Весной 1790 г. церковные земли были освобождены от всех долгов, церковь отстранена от управления ими и духовенство взято на государственный бюджет. Эти мероприятия, вследствие которых торговля национальным имуществом пошла значительно более бойко, не вывели все же страну из того финансового кризиса, в котором она очутилась. Золото и серебро естественно постепенно исчезли, ибо их можно было переплавлять в слитки, да к тому же часть населения, не будучи уверена в прочности революции, предпочитала сохранять королевские деньги. Декрет мая 1790 г.

¹ Это положение отчасти напоминает то, что происходило несколько лет тому назад в Советском союзе, когда „живая“ и „мертвая“ церковь боролись за свое влияние среди той части населения, которая еще склоняется к религии, причем среди верующих большая часть именно женщин обращалась к церкви „мертвой“.

разрешил открытую торговлю металлическими деньгами и их обмен на ассигнаты. Учредительное собрание платило за долги старого правительства, и поэтому много звонкой монеты уходило за границу. Инфляция усугублялась также тем, что банкам разрешалось выпускать билеты, которые имели хождение наравне с ассигнатами, причем банки при этом занимались еще соответствующей финансовой спекуляцией.

Кроме того Собрание, отменив продажу должностей, взяло на себя обязательство выкупа ранее приобретенных должностей, и долговые расписки за купленные должности принимались наравне с ассигнатами в уплату за приобретаемое национальное имущество. Ко всему этому еще прибавлялась факрификация фальшивых ассигнатов, которой занимались эмигранты, наводняя ими революционную Францию. При таком положении конечно те или иные мероприятия борьбы вроде запрещения частным лицам выпускать кредитные билеты или решения чеканить мелкую звонкую монету из металла колоколов закрытых церквей, не могли вывести страну из инфляции. К январю 1792 г. цена ассигнатов дошла примерно до 44% номинала во Франции, и еще более низко пала за границей.

В силу буржуазного характера революции и в силу того, что власть в этот период была в руках умеренной крупной буржуазии, революция лишила себя целого ряда защитительных мер из-за боязни затронуть собственность и тем самым подвергла революционную Францию всем тяготам инфляции.

Аграрное законодательство

4 августа 1789 г. Национальное собрание отнюдь не в порыве энтузиазма, а в страхе перед крестьянскими восстаниями, объявило об уничтожении феодальных повинностей. Тем же постановлением отменялись титулы и сословия. Буржуазия всегда изображала ночь 4 августа как акт величайшего и мудрейшего самопожертвования со стороны имущих классов. Так например один историк восклицает: „феодальная башня проклиналась каждое утро, каждый вечер — тысячу лет, может быть и больше. Пришел день, когда она упала. Как ты медлил прийти, великий день!..“ Между тем феодальная башня рушилась под напором крестьянских восстаний, а отнюдь не от осторожного и бережного обращения с ней Национального собрания. Пышные декларации ночи 4 августа, заканчивавшиеся словами: „Национальное собрание провоз-

глашает Людовика XVI восстановителем французской свободы", были конкретизированы в постановлениях 4—11 августа. Согласно этим постановлениям без выкупа отменялись только личные повинности, а все остальные так называемые реальные повинности подлежали выкупу. Под личной повинностью Национальное собрание понимало крепостную зависимость, барщину и феодальную юстицию, т. е. право помещика самому на своей территории творить суд. Понятием „реальные повинности“ охватывались все остальные феодальные повинности. Устанавливая такое деление на реальные и личные повинности, буржуазия исходила из того, что личные повинности являются незаконным насилием одной личности над другой. Что же касается всех остальных феодальных повинностей, так называемых реальных, как например чинш, шампар и др., то буржуазия молчаливо согласилась подразумевать, что таковые являются плодом некогда происшедшей сговоренности между помещиком и крестьянином. При этом подразумевалось, что в каком-то прежнем поколении безземельные крестьяне были облагодетельствованы помещиками землей, согласившись на этом основании на вечные временные благодарности в форме феодальных повинностей. В действительности дело происходило наоборот, и если вся земля оказалась господской, то это являлось результатом ограбления в начале развития феодализма некогда свободных крестьян. Декреты 4—11 августа 1789 г. отменяли без выкупа кроме личных повинностей (т. е. барщины, крепостной зависимости и помещичьего суда), еще право господской охоты на крестьянских полях и право разведения господских голубей специальною которых было уничтожение этих полей.

Церковная десятина, отменяемая в принципе, пока что сохранялась.

Таким образом результаты прославляемой „ночи 4 августа“ были более чем скромны. Крестьяне были освобождены только от некоторых пережитков крепостничества, к тому же во многих местах уже вышедших из употребления. Но феодальные отношения и следовательно феодальная собственность оставались в неприкосновенности, т. е. попрежнему помещик был собственником земли, а крестьяне — лишь ее пользователями, обязанными за это пользование феодальными повинностями. Недаром Марат писал после 4 августа: „Над вами нет более тирана, но вы испытываете еще действительности тираннии; над вами нет больше господина, но вы ощущаете зло угнетения; вы обладаете лишь призраком свободы, и вы дальше от счастья, чем когда-либо...“

Марат был прав. Еще в начале 1790 г. в некоторых местах (например в Пуату) сеньоры практиковали свой сеньориальный суд

Однако, если рассматривать постановления 4 августа не в плоскости разрешения аграрных задач Французской революции, а в свете их международного значения, то следует учесть, что в окружающих странах Европы господствовала глухая феодальная ночь, и признание верховным Национальным собранием самого принципа отмены феодальных повинностей имело за границей огромное революционное значение.

Само крестьянство поняло ночь 4 августа как сигнал к уничтожению феодальных повинностей, и крестьянские восстания участились. В Перигоре, Креси и других местах крестьяне в начале 1790 г. восстают, отказываясь платить феодальные повинности. Тогда господствующие классы, удивившись в провале своего тактического хода от 4 августа, решили бороться с восстаниями административным путем, отказавшись от дальнейших „жертв“. Последующее законодательство фактически уничтожало и то немногое, что давали законы 4—11 августа 1789 г. Февральский закон 1790 г. разрешал крестьянам выкупать феодальные повинности только одновременно, сразу. Этот закон затруднил для крестьян выкуп реальных прав (т. е. феодальных повинностей) настолько, что сделал его фактически невозможным. Декреты, опубликованные в феврале и марте 1790 г., возлагали на крестьян обязательство представления доказательств, что права, на отмену которых они претендовали, являлись личными, а не реальными, т. е. что они произошли не в результате договора. Естественно, что крестьяне были бессильны перед юстицией привести соответствующие доказательства. Таким образом и личные права (барщина, монополия и др.) подлежали отныне выкупу. Административное собрание департамента Нижних Альп в своем заседании от 29 ноября 1790 г., протестуя против декрета 15 марта 1790 г., пишет: „Чем сомнительнее и фантастичнее было основание феодального права, тем большим количеством актов признания запасались, и нет ни одного из бывших сеньоров, кто бы не принял в этом отношении своевременных мер.“

Приход Кодан жалуется 14 мая 1790 г. на сохранение до сих пор барщины.

18 июня 1790 г. Национальное собрание обращает внимание властей на необходимость жесткого взимания всех неотмененных феодальных повинностей, причем споры по поводу сохранения тех или иных повинностей не должны были при-

останавливать их взимания. Прав историк, считающий дока- зательством уверенности собственников классов в неотмене — по крайней мере без выкупа — феодальных повинностей тот факт, что в 1791 г. наблюдался целый ряд случаев покупки прав на земельную ренту, т. е. на феодальные повинности.

Декреты 18—29 декабря 1790 г. запрещали сдавать землю в вечную аренду за повинности, которые бы не подлежали выкупу. Таким образом законом разрешались и косвенно поощрялись самые тяжелые феодальные формы аренды, ибо он запрещал только установление вечных, невыкупаемых повинностей, следовательно невечные, выкупаемые, могли вновь устанавливаться.

Тем помещикам, документы которых были сожжены, законодательство Национального собрания давало право путем свидетельских показаний установить, что они ими владели. Те помещики, которые отказались от реальных прав в результате угроз или страха (подразумевались крестьянские восстания), в течение трех лет могли ходатайствовать о признании недействительности их отказа. Национальное собрание запретило муниципалитетам мешать взыскиванию помещиками повинностей с крестьян. Таким образом Собрание ревниво оберегало феодальные права против покушения на них крестьянства. Крестьянство же не переставало на них „покушаться“.

В сентябре 1790 г. о крестьянских восстаниях сообщают из департамента Ло: „... Народ снова начинает сажать „майские деревья“, что является общим сигналом к восстанию... воздвигаются виселицы для тех, кто будет платить ренты, и для тех, кто будет их собирать“.

Мерилом темпов и размеров „уничтожения“ Национальным собранием феодальных повинностей является закон 1 марта 1790 г., по которому — примерно через год после начала революции — Национальное собрание удосужило отменить без выкупа плату помещикам за право крестьян зажигать огонь в избе и держать собаку во дворе. Тогда же (9 марта 1790 г.) были отменены платежи за пользование дорогами, каналами, переездами. Но это мероприятие проведено было в непосредственных и неотложных для буржуазии интересах развития свободной торговли.

Лишь Законодательное собрание 14 июня 1792 г. меньше чем за месяц до установления республики, и только пользуясь случайным отсутствием некоторых правых, провело закон о безвозмездной отмене некоторых лич- ных феодальных прав — одновременных платежей за полу- чение крестьянином наследства, за вступление в брак и т. п.

Для аграрного вопроса громадное значение имел также способ распродажи национальных земель. Осенью 1789 г., когда были конфискованы церковные земли, Учредительное собрание установило льготные условия их продажи. Но уже весной 1790 г. эти условия были отменены и земли стали продаваться большими участками при тяжелых условиях вы- платы. Тем самым крестьянское население было оттеснено от покупки земли, которая приобреталась буржуазией. Но крестьянство, жадно ринувшееся к земле, придумывало вся- ческие способы конкуренции с буржуазией в деле покупки земли. Так как земли продавались крупными недоступными крестьянству участками, то крестьяне придумали объединяться для покупки земли в ассоциации. Такая ассоциация, соста- влявшаяся из 20, 40, а иногда и 100 членов, выступала на аукционе, приобретала продававшийся крупный участок земли и затем распределяла его в виде мелких участков между своими членами. Но на этой же почве (продажа земли круп- ными участками) возникла спекулятивная горячка: некоторые капиталисты скупали крупные участки земли только для того, чтобы с соответствующей надбавкой продать их мелкими участками крестьянам. Насколько ограничены были возмож- ности крестьян в отношении размеров покупаемой земли видно например из того, что в одной местности на юге Фран- ции с 1790 по 1792 г. 4787 крестьян приобрели 23 тыс. арпан земли, а 171 буржуа — 18 тыс. арпан. В версальском округе ^{6/7} распроданной земли было приобретено кучкой буржу- азии, а ^{1/7} крестьянами.

Итак, до революции 10 августа 1792 г. вопрос о действи- тельном освобождении крестьянства продвигался весьма мед- ленно или вернее почти не был продвинут вовсе. Причиной этого являлась отчасти заинтересованность буржуазии в со- хранении феодальных повинностей на приобретенных ею зем- лях, а главным образом боязнь прецедента покушения на буржуазную собственность.

Даже в такую раннюю и классическую буржуазную револю- цию, какой являлась Великая французская, буржуазия не могла сама пойти на радикальное разрешение стоящих перед револю- цией задач из-за боязни массового движения, из-за боязни за свою собственность. Любопытно, что в ночь 4 августа, когда феодализм „отменялся“ в принципе, но не на деле, буржуазия отменила все сословные привилегии, титулы, все феодальные гербы и т. д. Буржуазия хотела обезвредить феодализм настолько,

¹ Арпан — примерно ^{2/5} десятины.

отдушину развитию капитализма, но полностью расчистить ему путь она была не в состоянии. Вооруженная передовой идеологией, но в то же время из-за боязни за свою собственность останавливающаяся перед разрешением насущных задач революции, буржуазия естественно не могла сама возглавить поступательное движение революции, хотя она питала ее своими идеями, хотя в ее интересах она совершалась, хотя в начале революции она была одной из движущих сил ее и на протяжении всей революции, даже в моменты борьбы с ней, объективно ее общим, идейным руководителем.

Тогда попросту окажется, что буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу, что без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неминуемо одержал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с дворянством победила бы революцию, и что таким образом только эти плебеи совершили революцию“.

(Письмо Энгельса к Каутскому от 20 февраля 1889 г., „Историк марксист“ № 3, 1933, стр. 42).

Политическое положение и социально-политические движения в 1789—1792 гг.

1789 г. был годом хозяйственного и революционного кризиса. 1790 и 1791 были годами хозяйственного подъема и политической реакции. Взятие Бастилии было началом революции. Основной движущей силой этой революции были городские и деревенские массы мелкой буржуазии и нарождающегося рабочего класса.

„Не надо скрывать от себя: именно пролетарии разрушили Бастилию и ниспровергли деспотизм в то время, как состоятельная буржуазия в глубине своих жилищ ждала, на чьей стороне останется победа“—писала газета „Парижские Революции“ в апреле 1791 г., критикуя закон Собрания о лишении „пассивных“ граждан права голоса и права ношения оружия. Девизом этой газеты значилось: „Великие мира сего нам кажутся великими только потому, что мы стоим на коленях. Подымемся же!“

Мы только что указывали, что в 1790 и 1791 гг. шла борьба между буржуазией и массами за гегемонию в революции. Это значит, что буржуазия активно боролась против масс за руководство событиями. Ограничиваясь самыми не-

обходимыми ей завоеваниями революции, будучи заинтересована в том, чтобы „добиться их медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции“ (Ленин), она, идейно возглавляя все движение, стремилась оборвать поступательный ход революции, боясь самостоятельности масс, активно действующих в ее же интересах, но вместе с тем угрожающих неприкосновенности ее собственности.

Мы должны помнить, что в различные периоды революции постепенно отходят от нее различные фракции буржуазии. Последняя наиболее радикальная фракция буржуазии (жирондисты) окончательно отошла от поступательного хода революции лишь после 10 августа 1792 г. До этого времени она борется частенько вместе с левыми за развертывание демократии, хотя не способна на радикальное разрешение основных вопросов и, главное, аграрного.

Но народ не устал от борьбы, он не хочет ослаблять борьбу, пока не добьется нужных революции завоеваний и не закрепит их. Таким образом народ борется за революционную гегемонию для того, чтобы повести революцию вперед, к новым успехам и победам. Исход этой борьбы между буржуазией и народом за гегемонию в революции предрешается победой народа в революции 10 августа 1792 г., которая в свою очередь имела на своем пути трагическую репетицию в бойне 17 июля 1791 г. на Марсовом поле.

Выше уже говорилось о том, что правом выбора обладали только активные граждане, к которым причислялись все те, кто платил прямой налог в размере трехдневной заработной платы. Но рабочие, не платившие прямых налогов, не хотели удовлетворяться отведенной им буржуазией ролью „рабочих машин“. Исходя из формального признака, что уплата прямого налога дает право выбора, рабочие требовали обложения их единым прямым налогом взамен угнетавших их косвенных налогов и предоставления им тем самым права голоса. Надо сказать, что буржуазное государство всегда переобременяет массы косвенными налогами, а не прямыми. Дело в том, что прямыми налогами невозможно переобложить небольшие доходы (какими являются доходы рабочих); косвенные налоги дают значительно большую возможность переобложения масс, так как потребитель платит их с ценой товара, от потребления которого он отказаться не может. Вот почему косвенные налоги, взимаемые буржуазным государством с товаров широкого потребления, являются бичом рабочих, и рабочие партии всегда вели с ними жестокую борьбу.

Уже в эпоху Великой французской революции рабочие были переобременены косвенными налогами. И вот рабочие неоднократно предлагают обложить их вместо косвенных налогов единым прямым, тем самым избавив их от тяжести косвенных налогов и одновременно введя в круг „великих акционеров общественного предприятия“.

В июне 1791 г., когда в Париже должны были избираться выборщики, целый ряд секций выступил за всеобщее избирательное право. По поводу декрета 28 апреля 1791 г., лишавшего „пассивных“ граждан права вооружения, Робеспьер говорил: „Одно из двух — или законы и конституция выработаны в общих интересах, и в таком случае охрана их должна быть делом всех граждан, или же они установлены в интересах известного класса людей, — и в таком случае это плохие законы... Кто же совершил нашу славную революцию? Разве богатые, сильные люди? Лишь народ мог пожелать ее и совершить ее, так как лишь народ может ее поддержать“.

Национальное собрание, в котором в пользу этих петиций за всеобщее избирательное право раздается только одинокий голос Робеспьера, оставалось глухо к ним.

В то же самое время контрреволюционные брошюры старались играть на бедственном положении масс, для того, чтобы отвлечь массы от политической борьбы. Брошюра 1790 г., подделываясь под тон масс, писала: „О, возвратите нам наши оковы и дайте нам хлеба“, т. е. возвратимся к рабству, но только к более сытному. В том же 1790 г. был организован монархический клуб, называвшийся беспартийным и завлекавший рабочих раздачей бесплатного хлеба.

Политическая реакция этого периода имела множество проявлений. Так например в армии подняло голову офицерство, и когда в августе 1790 г. солдаты в г. Нанси потребовали от офицеров отчета о зарплате, выдававшейся им, офицеры жестоко расправились с ними. Через несколько дней Национальное собрание приказало организовать расправу над солдатами, осмелившимися выступить со своими требованиями. Парижская Национальная гвардия устроила панихиду по убитым солдатам той армии, которая расправилась с восставшими. В то время как в Национальном собрании Робеспьер молчал подобно всем депутатам, парижские массы 2 и 3 сентября демонстрировали свое сочувствие восставшему и разгромленному полку. Перед беспорядками в Нанси происходили солдатские волнения в Метце и других местах, вызванные аналогичными причинами, но события в Нанси были наиболее значительными.

В этот период (лето 1790 г.) происходили жестоко подавлявшиеся революционные выступления рабоче-ремесленной массы в провинции. В Сент-Этьене ремесленные рабочие, бывшие в большом числе безработными, восстали 5—6 августа, захватили власть, установили свой революционный муниципалитет и грозили сжечь дома богатых буржуа. Восстание было подавлено при помощи войск, и 4 ноября были казнены организаторы восстания: 4 ремесленных рабочих, в числе их 1 женщина. В июле 2000 лионских рабочих разгромили арсенал, обстреляли национальную гвардию и разошлись только под натиском вызванных войск.

Рабочие королевских мануфактур гобеленов просили заменить сдельную плату поденной. Директор ответил им (в мае 1790 г.), что мануфактура существует лишь по милости короля и может быть им уничтожена, а посему рабочие не должны „забывать благодарности, которую они обязаны королю“. Это письмо вызвало бурный протест, охарактеризованный директором как „род восстания“.

Мы уже указали (в главе о рабочем законодательстве), что в апреле-мае 1791 г. в Париже возникло сильное стачечное движение. Забастовали рабочие ряда профессий: плотники, столяры, портные, сапожники, кузнечные подмастерья, шляпники и т. д.

Хозяева кузниц, подавшие петицию в Национальное собрание, указывают, что в коалиции вовлечено 80 тыс человек. Хотя эта цифра преувеличена в целях устрашения членов Национального собрания и быстрейшей победы предпринимательской справедливости, но несомненно плотничьи подмастерья, наиболее активно бастовавшие, не были одиноки.

30 апреля 1791 г. парижские предприниматели-плотники представили коммуне жалобу на рабочих-плотников. Они с негодованием сообщали, что рабочие плотники устраивают собрания, „чтобы принимать там постановления, во всех отношениях абсолютно противоречащие интересам общественного порядка и жителей Парижа“. Далее предприниматели рассказывают, что рабочие установили минимум зарплаты и решили не допускать работы по более низкой цене. „Вследствие подобных постановлений, — негодуяще сообщают авторы жалобы, — рабочие-плотники врывались в понедельник 18 апреля и в следующие дни в разные парижские мастерские и прибегали к насилию, чтобы удалить рабочих, которые мирно трудились там“. Предприниматели заявляют: „Не должно существовать никаких коалиций, никаких общественно-установленных цен; конкуренция будет естественным путем

определять взаимные интересы". Они требуют, "чтобы муниципалитет предписал уничтожение и закрытие собрания рабочих-поденщиков плотников, так как оно незаконно и так как оно нарушило права человека и посягнуло на индивидуальную свободу".

Рабочие кузниц обращаются в июне 1791 г. к мэру, прося его быть посредником в их делах. Они жалуются на низкую зарплату, на невыносимо длительный рабочий день от 4 утра до 7 вечера. Кузнечные подмастерья просят начинать рабочий день с 5 часов утра и повысить зарплату. В ответ на их петицию хозяева кузниц обращаются к муниципалитету с высоко-авторитетным разъяснением, что — мол — „разврат и распутство в этой профессии, как и во всех других“, разрушает здоровье рабочих „больше чем работа“. Хозяева жалуются, что рабочие организовали коалицию, „которая является настоящей инквизицией“ и во всяком случае должна быть запрещена в „момент всеобщей свободы“. Бальи — мэр Коммуны, по приказанию которого через месяц будет расстреливаться народ на Марсовом поле, — ответил рабочим, что он „не может располагать ни рабочими руками, ни кошельками тех, кто их нанимает; цены могут быть установлены только совместно, по соглашению“.

Рабочие-плотники, сорганизовавшись, заседают, вырабатывают петицию требуют установления минимума дневной зарплаты в 50 су взамен фактически существовавшей зарплаты в 30 су. Однако муниципалитет возражает: „все граждане равны в правах, но не в возможностях, талантах и средствах. Коалиция рабочих, желающая устанавливать единообразную зарплату и заставить подчиниться всех лиц одинакового положения этой фиксации оплаты, была бы очевидно противоположна их действительным интересам“.

Хозяева в униссон с муниципалитетом декларируют, что „рабочие не должны быть рабами“, но „закон и общественная сила должны быть употреблены, чтобы привести их к исполнению обязанностей“. Они восхваляют свободную конкуренцию как регулятор взаимоотношений между предпринимателями и рабочими.

Предприниматели негодуют во имя свободы, которая для них является свободой эксплуатации, — „политический вопрос о правах человека заключал в себе социальный вопрос о свободной конкуренции“ (Маркс).

27 мая рабочие-плотники в ответ на жалобу предпринимателей подают в Коммуну свой доклад, в котором сообщается что „вполне подчиняясь законам, они собрались, предупредив

Предварительно муниципалитет“: „Собравшись, они пригласили предпринимателей совместно с ними выработать постоянные регламенты относительно рабочего дня и заработной платы; но предприниматели отвергли приглашение под тем предлогом, что они не считали это собрание законным. Рабочие, увидя, что даже те, которые, будучи обязаны им своим состоянием, должны были бы дорожить ими и уважать их, относятся к ним с презрением, дали предпринимателям почувствовать всю несправедливость их поведения всеми способами, которые диктовались благоразумием, и не выходя из пределов, предписанных законами...“

Таким образом рабочие по-своему понимали свободу, как свободу сопротивления эксплуатации, как право борьбы за улучшение своего положения. 2 июня 1791 г. бастовавшие рабочие-плотники заявляют, что предпринимателям легче собираться: 5—6 человек, собравшись за чашкой чая, способны определить голодный минимум рабочих Рабочие заявляют, что без организации они ничего не могут поделать с этими „мощенниками“, и в подтверждение этого ссылаются на то, что некоторые рабочие договорились с мастерами о зарплате, а по истечении 15 дней хозяин заплатил им ровно столько, сколько он пожелал. Они утверждают, что их низкая зарплата — база для больших барышей предпринимателей. Очень интересно заявление рабочих, что бывшие мастера до сих пор привержены к старым цеховым привилегиям и что „корпорации были нашим (т. е. рабочих С. Л.) несчастьем“.

Как мы видели, муниципалитет достаточно энергично поддерживал предпринимателей. Однако последние считали его усердие недостаточным

Заявление хозяев от 7 июня говорит о слабости муниципалитета, медлившего с запрещением собраний и опомнившегося лишь, будучи „просветлен всеобщим криком“ хозяев. Это „просветление“ выразилось в закрытии залы епископства, в которой собирались рабочие, в обращении за „помощью“ к Национальной гвардии и в признании недействительным постановления „различных профессий“ о фиксировании минимума зарплаты.

Когда 5 мая депутация из 500 рабочих, работавших на городских работах на мосту Людовика XVI, просила о повышении зарплаты с 30 до 36 су, мэр ответил, что регулирование зарплаты подлежит только личному соглашению и что всякие коалиции преступны. Через два дня однако муниципалитет повысил зарплату рабочих моста Людовика XVI: для одних категорий с 28 до 32 су, для других — с 30 до 36 су.

гесмотрия на репрессии все же весеннее забастовочное движение привело к некоторому повышению зарплаты и к некоторому сокращению рабочего дня.

Весенние забастовки выявили рост самосознания рабочих. Можно привести и другие примеры. Так, рабочие знаменитых мануфактур гобеленов требуют создания рабочего комитета. Они требуют также поденной платы, вместо сдельной ввиду того, что нарушение производства во время революции мешало им выработать норму. Предприятие вынуждено уступить, и предприниматель жалуется, что после введения с 1 января 1791 г. поденной оплаты труда выработка пала наполовину.¹

В требованиях замены сдельщины поденной платой выражалось стремление рабочих к организованному отпору предпринимателям. Рабочие начинают уже сознавать свое особое положение в обществе, но они не понимают еще, что в этом положении они противостоят всем господствующим классам общества. 2 июня 1791 г. бастующие рабочие-плотники заявляют, что они создали состояния хозяев и что „эти большие состояния не в интересах революции“. Таким образом у рабочих пробивается сознание своей роли как создателей всего общественного богатства, но они не всегда противопоставляют себя всей крупной буржуазии, а стараются порой найти общий язык со всеми слоями, заинтересованными в какой-либо степени в революции. „Эти большие и быстро составленные состояния — не в духе революции“, пишут рабочие, направляя таким образом удар еще не против всего класса капиталистов, а главным образом против владельцев спекулятивно нажитых состояний. Надо отметить, что в борьбе против этой группы буржуазии рабочие имели союзника в лице мелкой буржуазии, с которой зарождающийся рабочий класс еще был связан целым рядом переходных ступеней.

Однако мы имеем и значительно более категорические заявления рабочих, вроде письма некоего рабочего в „Друге народа“ от 25 марта 1791 г. Жалуясь на притеснения, он заявляет: „В Париже нас 20 тыс. сильных и энергичных рабочих, которые когда-нибудь положат конец всем этим приди-

кам; мы перестанем позволять буржуазии усыплять нас, как это было до сих пор“.

Пример этого заявления (как и многих ему подобных) лишь один раз доказывает, что революционное чутье и революционная практика рабочих опережают осознание ими своей исторической роли. Обобщая такие настроения, Марат, бывший сторонником мелкой собственности, но чрезвычайно тесно связанный с массами и своим великолепным революционным темпераментом аккумулировавший действительную энергию масс, смог написать:

„Они (т. е. беднота) свергли с себя иго дворянства, а впоследствии свергнут и иго богатых“.

Ответом на забастовки и следствием хорошей хозяйственной ситуации явился не только закон Ле-Шапелле, но и роспуск 16 июня 1791 г. благотворительных мастерских. Рабочие, поддержанные клубом кордельеров, обращаются в Национальное собрание с просьбой не закрывать мастерских. Рабочие протестуют и через газету Марата — „дорогого пророка, истинного защитника класса неимущих“, как они его называют.

Но Собрание непреклонно. Балли, буржуазный мэр Коммуны, обращается к Лафайету, архибуржуазному начальнику Национальной гвардии, прося прислать военную силу, „могущую сдерживать рабочих“. Но „разве можно штыками сдерживать крики нужды“ вопрошает газета „Парижские Революции“.

Национальное Собрание усиливает борьбу с рабочим движением. 10 мая 1791 г. оно запрещает подачу коллективных петиций и предлагает Коммуне и секциям ограничить круг своих забот только муниципальными вопросами. Против этого декрета возражали в Собрании Робеспьер и Бюзон, за стенами Собрания — революционная печать и конечно Марат.

Как мы уже указали, плотной против прорывающегося рабочего движения буржуазия 14 июня 1791 г. выставила закон Ле-Шапелле, с помощью которого ей удалось свести на нет попытки рабочих к самостоятельной профессиональной организации. На заре рабочего движения именно экономические нужды являются теми непосредственно ощутимыми нуждами, которые толкают рабочих к организации и самозащите. Поэтому задолго до оформленной рабочей партии появляются первые рабочие организации в виде зачатков профессиональных союзов, направляющих свои усилия на борьбу за удовлетворение непосредственных экономических нужд рабочих, но тем самым воспитывающих и организующих рабочих. Если сейчас революционные профсоюзы, руководимые компартией, являются „школой коммунизма“ для широких масс, для кото-

¹ Здесь необходимо указать, что в капиталистическом обществе, где рабочий не заинтересован в максимальном повышении производительности труда, служащем только к выгоде предпринимателя, где, с другой стороны, условия труда не ограждают здоровья рабочего, рабочие организации всегда боролись против сдельщины, которая капиталистами превращается в потогонную систему быстрого изнашивания рабочей силы во славу капитализма. Только социал-фашисты додумались до теории, что рабочий заинтересован в сохранении и усилении потогонной системы на капиталистических предприятиях, так как он вместе с их хозяевами будет „вращать“ в социализм.

рых они служат приводными ремнями к партии, то при рождении рабочего класса профорганизации выполняли функции школы элементарного классового самосознания, классовой солидарности. Законом Ле Шапелье буржуазия выбила из рук рабочих это мощное оружие.

Маркс квалифицирует закон Ле-Шапелье как „буржуазный государственный переворот“. Этим Маркс фиксирует наше внимание на том, что буржуазия, пригнув феодализм, но не имея решимости круто расправиться с ним, обладала достаточной решимостью для расправы с рабочим классом и начала свое утверждение с установления вполне „свободных“ отношений между трудом и капиталом. Вся меткость Марксова определения ясна при беглом взгляде на перипетии революционной борьбы, хотя бы в том же самом 1791 г.

Двор все время находился в связи с эмигрантами. Его интриги были столь интенсивны, что в конце 1790 г. слухи о них проникли в печать, которая предсказывала побег короля.

В это же время уже намечалось республиканское движение. У реакционеров особенной ненавистью пользовался Марат, который постоянно твердил о наступившей реакции и звал народ на борьбу. В январе 1790 г. фельян Лафайет, начальник Национальной гвардии, разгромил типографию Марата. Марат вынужден был уехать в Англию до мая, а когда 18 мая вновь вышел „Друг народа“, — это было радостным политическим событием для парижских масс. 26 июля 1790 г., разоблачая козни короля, Марат писал: „Вы погибли, если вы не возьметесь за оружие, если вы вновь не обретете в себе того героизма, который уже дважды спасал Францию: 14 июля и 5 октября“. На Марата вновь обрушились репрессии.

В октябре 1790 г. происходили продовольственные беспорядки, и вновь было введено военное положение. 28 февраля 1791 г. в Тюильерском дворце была арестована вооруженная банда дворянской молодежи, между тем как король усиленно старался в этот день избавиться от отрядов Национальной гвардии находившихся во дворце, предложив им разойтись по домам.

Весной 1791 г. жестким репрессиям был подвергнут клуб кордельеров; видные члены его были подвергнуты аресту, помещение было опечатано.

Марат предупреждает о готовящемся заговоре, — и рабочие-корреспонденты, намекая на предательство буржуазии, предвидя ее отношение к королю, пишут:

„Чем объясняется, дорогой Марат, что из Вашего подделья вы гораздо лучше видите все происки контрреволюционеров, чем наши патриоты, которые, находясь так близко от них, следят за всеми их действиями?“

В это же время (в марте) „Парижские Революции“ помещают „предлагаемый одним подписчиком“ „декрет об уничтожении королевской власти“. Видным сотрудником „Парижских Революций“ был кордельер Шометт.

Между тем произошло предсказанное левой печатью бегство короля. Еще на пасху 1791 г. король собрался поехать в монастырь Сен-Клу, но народ схватил его лошадей под уздцы и заставил короля вернуться.

Тогда Людовик решил усыпить бдительность нации. 23 апреля 1791 г. король известил все державы, что он совершенно свободен и искренен в своих заявлениях, заверяющих в преданности революции. Между тем как уже в 1790 г. был решен вопрос о тайном отъезде за границу, чтобы оттуда подать революцию, Людовик заявил депутации Учредительного собрания, что если бы Собрание могло читать в глубине его души, то „оно нашло бы только чувства, оправдывающие доверие нации“.

Обезопасив себя такими заявлениями, король решил действовать. Но достаточного опыта у тогдашних королей еще не было. Бегство было организовано чрезвычайно „кустарно“. Королевская семья уехала под видом семьи русской графини Корф, которую изображала сестра короля. Королева изображала гувернантку, а король — лакея графини. Задержка в бегстве вышла из-за того, что еще не был готов туалет королевы, дальнейшие запоздания произошли из-за плохой сговоренности о месте отъезда. Так, королева два часа блуждала по улицам Парижа, прежде чем найти экипаж. Сам экипаж был новосооруженной огромной машиной, по бокам которой скакали военные. Недалеко от границы короля должна была ждать армия контрреволюционного генерала Булье. Отряды ее в условленное время и в условленные места были высланы навстречу королю. Выезд короля задержался, а рыскавшие неизвестно для чего по лесам группы военных не могли не вызвать подозрения у местного населения.

Когда тяжелая колесница „графини Корф“ въехала, громкая, в спящую деревню Варенн, один из добрых патриотов, подозрительно настроенный, сравнил изображение короля на монете с круглоголовым лакеем графини Корф. Сравнение не оставило в нем никаких сомнений. 21 июня 1791 г. король был задержан местными властями при активной поддержке

населения, разбуженного гулом олоколов. Король, который сначала настаивал на том, что он лакей графини Корф, затем заявил, что он просто хотел проехаться и что он, как король, имеет право свободного передвижения. Вскоре из Парижа приехали представители революционных властей и увезли короля обратно в столицу, где он был заключен в свой Тюильрийский дворец.

„Король предполагает, а народ располагает“ — ликовала по этому поводу революционная газета „Парижские новости“.

Учредительное собрание, при протесте 290 правых депутатов, объявило себя несменяемым, свои заседания — непрерывными, а декреты впредь до нового распоряжения не требующими подписи и согласия короля. Однако уже 14 сентября, в день присяги короля окончательно принятой конституции, Учредительное собрание восстановило короля во всех его правах и „обязанностях“. Буржуазия больше всего боялась остаться без этой иконы, которую она выставляла против революционного движения масс. В то время как „пассивные“ восружались, разрушали статуи короля и стирали упоминание о нем с дощечек улиц, Национальное собрание по инициативе Баля пустило версию о похищении короля генералом Булье, который и должен был вместо короля предстать перед верховным судом. Еще 15 и 16 июля были изданы декреты, оправдывающие короля, а буржуазный журналист с откровенной циничностью писал: „Лучше король — чурбан, чем республиканский журавль“. Еще бы! „Король-чурбан“ охранял собственность, а „республиканский журавль“ мог бы запустить в нее свои длинные ноги.

Однако парижские массы чувствовали непреодолимое влечение к этому „республиканскому журавлю“. 21 июня кордельеры расклеивают на улицах воззвание, в котором объявляют, что в их клубе „столько же тираноубийц, сколько и членов“. 22 июня они подзют петицию в Учредительное собрание: „Мы были рабами в 1789 г., мы воображали себя свободными в конце 1791 г.“ — и просят о провозглашении республики.

В тот же день кордельер Робер, выступая от имени своего клуба у якобинцев, говорит об уничтожении монархии. Якобинцы встречают его негодующими возгласами.

Многие провинциальные клубы вслед за Собранием говорили о „похищении“ короля. Но значительное меньшинство стояло на решительной позиции кордельерского клуба и требовало республики. Сюда относятся клубы Метца, Монпелье, Тулона, Лиможа, Перпиньяна, Доля и других мест.

Настроения кордельеров отражают настроение масс. Фельяне говорят: „Удалось возмутить довольно значительное число рабочих из разных мастерских вблизи Парижа, которые, хотя все они были люди неимущие, большую частью неизвестного происхождения, как думали до сих пор, — люди, политически неразвитые, тем не менее они будто весьма заинтересовались наказанием тирана“.

Во все последующие дни кордельеры наводняют клуб якобинцев, воздействуя на него. 16 июля якобинцы, увлеченные кордельерами, идут на Марсово поле подписывать петицию против монархии, но эта петиция крайне умеренная и не имеет успеха. Вечером обсуждается новая петиция — и якобинцы в нерешительности. 17 июля кордельеры устраивают массовую, но мирную демонстрацию на Марсовом поле. Они подают новую петицию о введении республиканских форм управления. Петиция покрывается массой подписей, во главе которых находятся подписи Шометта, Эбера, Робера и других кордельеров, но ни Дантон, ни Бриссо, ни Робеспьер не подписались под этой петицией и якобинский клуб отказался от участия в демонстрации.

Буржуазная Национальная гвардия, во главе с Лафайетом, при полном согласии фельянского мэра Баля, напала на безоружную толпу и расстреляла ее. 16 июля 1791 г. фельяне, отделившись от якобинцев, организовались самостоятельно, а 17 июля 1791 г. они вступили в открытую борьбу с народом.

День 17 июля разбил иллюзии о солидарности классов бывшего третьего сословия. Буржуазия и народ открыто противостояли друг другу в борьбе за руководство революцией. „Со времени бойни на Марсовом поле завеса иллюзии разорвалась“ (Марат, сентябрь 1791 г.).

Национальное собрание целиком поддержало Лафайета. 18 июля оно распорядилось об аресте на месте и доставке в революционный трибунал всех „нарушителей общественного спокойствия“. Робеспьер молчал. Кордельерский клуб вечером 17 июля был закрыт. Реакция была так сильна, что пришлось скрываться и лицам, не принимавшим непосредственного участия в событиях на Марсовом поле: Робеспьер скрылся у столяра Дюпле, Дантон уехал в Англию. Даже Марат собирался скрыться в Англию.

Однако народное движение было столь сильно, что в конце сентября Национальному собранию пришлось амнистировать всех арестованных по делу 17 июля, ибо суд над ними грозил вызвать антиправительственную демонстрацию.

Марат, не успевший еще уехать в Англию, возвращается в Париж. „Да, я говорю это со всей искренностью моего сердца, — писал он 28 августа 1791 г., — так как наша единственная надежда — на гражданскую войну, то я высказываю живейшие пожелания, чтобы она скорей разразилась“.

Неутомимый Шометт, несмотря на реакцию, ведет работу в войсках, справедливо полагая, что единение войск с народом обеспечит поступательное движение революции. Талантливый и преданный революционер Шометт и в данном случае проявил замечательную дальновзоркость.

В то время как парижские массы подвергаются расстрелам и репрессиям, в провинциях происходят голодные бунты: народ грабит транспорты хлеба и подчас заставляет местные власти назначать таксы на продовольствие. Национальное собрание в сентябре 1791 г., в ответ на голодные волнения, постановило вознаградить всех собственников зерна, пострадавших от народных выступлений.

С ноября 1791 г. до весны 1792 г. по всей Франции прорывается волна беспорядков, причем крестьяне в этих выступлениях помимо обычных требований резко выставляют требование об отобрании эмигрантских земель.

Учредительное собрание еще до бегства короля подготовило проект о конфискации эмигрантских имуществ. Судьба этого проекта показательна для охвативших буржуазию — после бегства короля и республиканской манифестации — реакционных настроений. Так например еще 7 июля 1791 г. одна из буржуазных газет приветствовала проект декретов об эмигрантских имуществях, а уже 19 июля (т. е. через два дня после Марсовой бойни) эта же газета писала: „Было бы не безразлично столкнуться с эмигрантами, которые не являются нашими врагами“. А когда в сентябре король принял конституцию и был восстановлен в своих правах, Национальное собрание на радостях и в знак примирения с королем приняло всеобщую, распространявшуюся и на эмигрантов, амнистию. Реакция торжествовала, и о декрете против имуществ конечно не было и речи.

Крестьянские восстания жестоко подавлялись, и Робеспьер боролся не против самого подавления их, а только против излишней жестокости их подавления. В этом сказалась перешитость мелкой буржуазии перед лицом массового народного движения.

В октябре 1791 г. собралось новое собрание — так называемое Законодательное собрание, избранное на основе цензовой конституции 1791 г. Оно поклялось охранять эту кон-

ституцию, лишившую избирательных прав большинство народа. „Эта комедия — писал Марат, — означает, что свободу похоронили. Цена вновь избранным законодателям совершенно такая же, как и прежним“.

В январе и феврале 1792 г. продовольственные волнения происходят в самом Париже. В январе 1792 г. в Париже неожиданно сильно поднялись цены на сахар и на остальные колониальные товары, в том числе и на кофе. Поводом к этому послужила гражданская война в колониях, производящих сахар. Гражданская война бушевала там с 1791 г. в связи с сохранением рабства и отказом от предоставления политических прав даже освобожденным неграм и другим цветнокожим, если они не родились от свободных матери и отца. Гражданская война в колониях, грозившая приостановкой дальнейшего подвоза сахара, была только поводом к спекулятивному вздорожанию сахара, ибо Париж в данное время был завален сахаром. Сахарные волнения длились около недели. В ответ на требования рабочих предместий о принятии закона против спекуляции Законодательное собрание заставило Национальную гвардию подавлять беспорядки.

В то время как жирондисты открыто расправлялись с движением, якобинцы призывали к жертвам и воздержанию и выставляли демагогический лозунг: „Герои 14 июля не дерутся за конфеты“. Газета Марата была закрыта правительством, но газета видного кордельера Эбера — „Отец Дюшен“ — яростно боролась против спекуляции. Эбер писал: „Мы раздавили дворянство, членов парламента, духовенство — и пощадим эти темные души? — Трепещите, чудовища!“ Этот призыв „Отца Дюшена“ подтвердил опасения буржуазии, всегда боявшейся, что народ политические требования свяжет с социальными.

Только 9 февраля Законодательное собрание выполнило требование крестьянских восстаний об отобрании эмигрантских земель. Но так как к этому времени не были еще отменены феодальные повинности, то крестьянские волнения не прекратились. В этих крестьянских восстаниях любопытна часто наблюдавшаяся солидарность между крестьянами и городскими рабочими. Так например, когда в один городок вошли требовавшие повышения зарплаты дровосеки, то их горячо поддержало местное рабочее население, и для того чтобы справиться с их объединенными силами, пришлось прибегнуть к вызову регулярных войск.

В этой обстановке обострившейся гражданской войны началась война Франции, все же революционной Франции, с феодальной Европой. Война была объявлена 20 апреля

1792 г., и естественно, что в обстановке войны и революционной обороны с особенной силой должны были обостриться все существующие противоречия.

Проблемы войны и интриги двора

Мы уже указывали, что после 14 июля 1789 г. началась волна эмиграции. К концу 1791 г. в маленьком пограничном городке Кобленце сосредоточилось уже около 20 тыс. эмигрантов. В Кобленце был заведен „почетный список защитников алтаря и трона“. Если эмигрант, явившись в Кобленц, в течение двух дней не заносил себя в этот список, то его объявляли подозрительным. Если какой-нибудь „благородный“ задерживался во Франции, то ему посылались прялка — в знак того, что его считают бабой и трусом. Эмигранты имели своего претендента на престол, так как Людовик XVI считался в плену у французского народа. В Кобленце расцвел второй монархический центр, подражавший во всем первому, настоящая „Малая Версалия“, как называл кобленцкий двор русский дипломатический представитель князь Безбородко.

Эмигранты полагали вначале, что революция является плодом деятельности кучки злонамеренных бунтовщиков. „Достаточно показать бунтовщикам саблю, белый платок, сапог принца Конде и на 6 франков веревки, чтобы повесить вожakov революции, и все явятся с повинной“. Так полагали эмигранты — и таковы были их вождения. Мечтая о реставрации, каждый из них прежде всего мечтал о восстановлении феодальных прав. „Все знают, что монархическая преданность не может обойтись без десятины и барщины“ (Маркс).

Чтобы показать непокорной Франции „сапог принца Конде“, эмиграция вела личрадоочные переговоры с европейскими державами о вторжении в революционную Францию и формировала собственные отряды. При этом строго соблюдался „принцип крови“: „неблагородные“ элементы эмиграции третировались ею так же, как на родине. Умеренных монархистов в своей среде эмиграция ненавидела не меньше конституционалистов. Эмиграция не обладала никакими средствами и лихорадочно развивала попрошайническую деятельность. Щедрее всех на субсидии эмигрантам оказалась русская царица Екатерина II.

Бывший божок светского Версаля — предреволюционный министр Калон, — который выходил из финансовых затруднений за счет неоплатных долгов, исполнял теперь свою роль доброго гения при кобленцком дворе. Он заключил столько

займов у банкиров сочувствовавшей контрреволюционерам Англии, что глава эмиграции — брат Людовика XVI — граф д'Артуа — не мог в 1793 г. высадиться в Англии, так как ему розила долговая тюрьма.

Организуя вторжение в революционную Францию, ведя переговоры с иностранными дворами, дворянство показало полное отсутствие какого бы то ни было национального чувства. Оно было охвачено лишь чувством звериного класcового самосохранения. Так например по поводу крупного поражения французской армии вскоре после начала войны один эмигрант писал: „50 тыс. патриотов¹ полегли на месте. Это стоило жизни 10 тыс. австрийцев. Какая потеря — гибель этих 10 тысяч храбрых солдат!“.

В отличие от буржуазии того времени для дворянства родина не существовала постольку, поскольку она перестала быть объектом их эксплуатации. Буржуазия же знала, что создается ее царство, и потому, в отличие от дворянства, ни при каких условиях не была согласна на территориальные жертвы. Когда Дантона, ставшего вождем правых, революционные якобинцы предадут казни, он в ответ на советы друзей спастись бегством скажет: „Родину нельзя унести на подошвах сапог“. Для дворян же родина, охваченная революцией, не представляла никакого интереса; национальный принцип выдвигался ими только в агитационных целях, в то время как их переговоры с державами о вторжении в революционную Францию предусматривали территориальные жертвы в пользу иностранных интервентов.

Отношение французского дворянства к целостности революционной Франции точно воспроизводится ныне российскими белоэмигрантами в отношении Союза советских социалистических республик.

Аппетиты эмиграции были столь неуемны, их взгляды столь ультрареакционны, что за исключением Екатерины II, которая была особенно заинтересована в быстрейшей интервенции, остальные правители не могли не видеть, что связывать свой крестовый поход с бредовыми идеями эмиграции не вполне целесообразно. Эмигранты хотели вернуть короля на престол в качестве абсолютного монарха, и когда прусский король спросил эмигрантов, не требует ли благоразумие, чтобы некоторые злоупотребления старого порядка были принесены в жертву нации, эмигранты ответили: „Никакой уступки,

¹ Патриотами назывались в то время сторонники революционной Франции.

важе величество, никаких поблажек!». Австрийский монарх благодарно рекомендовал управительнице Голландии ограничить материальную помощь эмигрантам исключительно парадными обедами в их честь.

Мы знаем, что Национальное собрание не принимало мер по борьбе с эмиграцией, и в этом, как и в других вопросах, инициатива масс далеко опережала инертность Национального собрания. Обычным явлением, особенно со второй половины 1791 г., стали самочинно производимые народом обыски и реквизиции у эмигрирующих за границу. Лишь 9 февраля 1792 г. Национальное собрание решилось на секвестр эмигрантского имущества.

Хотя между двором и эмиграцией с самого начала возник ряд недоразумений, проистекавших из того, что эмигранты имели своего собственного претендента в лице брата короля, но все же двор был в активных сношениях с эмигрантами, как с центром организации вторжения в революционную Францию. Двор хотел войны, так как надеялся, опираясь на интервенционистские войска, подавить революцию.

Жиронда тоже хотела войны. Отчасти из-за непосредственных экономических интересов буржуазии, отчасти надеясь в войне обуздать короля и одновременно отвлечь массы от внутренних революционных событий.

Мелкая буржуазия — Гора — не хотела войны и боролась против нее. Это объяснялось отчасти тем, что она экономически в ней не была заинтересована, отчасти тем, что она не решилась еще идти на развязывание гражданской войны внутри, которая была единственным условием победоносной войны во вне. Заслугой мелкобуржуазной Горы было однако четкое понимание того, что без активизации революционных масс, без усиления гражданской войны внутри страны, нельзя успешно вести гражданскую войну во вне ее.

Как не избежать войны между капиталистическим миром и победившей в одной стране пролетарской революцией, так же не могло не быть войны между феодальным миром и буржуазной революцией. Советская Россия была окружена капиталистически развитыми странами с развитым пролетариатом, который выказывал пролетарской революции живейшие симпатии, боролся против интервенционистской войны — и сам в это время в ряде революций (Германия, Австро-Венгрия) активно боролся со своей собственной буржуазией. Такое положение давало возможность Ленину — в противовес Троцкому и левым коммунистам — ставить вопрос о временной передышке.

Положение революционной Франции было совершенно иным. Она была окружена феодальными странами, внутри которых она имела сравнительно слабую поддержку. Единственная капиталистическая страна того времени — Англия — была не другом и союзником, а жесточайшим соперником Франции, объединившимся с феодальными государствами Европы для подавления Французской революции. «Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций...» (Сталин).

Борьба Англии против революционной Франции объяснялась тем, что Англия была экономической соперницей Франции и что в Англии у власти стояли консервативные элементы, также боявшиеся французской революционной заразы. То обстоятельство, что старейшая капиталистическая страна стала душой союза феодальных стран против революционной Франции, является примером того, как в силу всеобщей анархии и конкуренции при капитализме буржуазия различных стран не способна к объединенным классово-солидарным действиям, если ее к этому не побуждает непосредственное совпадение экономических и политических интересов.

Помимо мощного рабочего движения против войны с СССР, помимо основного фактора, заключающегося в непрерывном возрастании нашей силы, одной из причин нашей передышки является трудность для буржуазии основных империалистических стран преодолеть свои противоречия в целях соединенной борьбы против СССР. Конечно это отнюдь не означает, что нам не предстоит еще пережить попыток империалистической интервенции. Само существование нашей социалистической страны представляет такую угрозу разваливающемуся капиталистическому миру, что временное объединение капиталистических стран или части стран в попытке задушить нас неизбежно. Характерно, что в теперешний период жесточайшего кризиса, когда много предприятий крахнуло и большинство работает с недогрузкой, единственно процветающими и расширяющимися капиталистическими предприятиями являются военные заводы.

У Англии и Франции была полная противоположность экономических интересов. В результате ряда войн XVIII в. Англия уничтожила Францию как большую колониальную державу и отняла у нее морскую гегемонию. Ей отнюдь не хотелось увидеть воскрешенной мощи Франции на новой свободной, капиталистической основе. Этим объясняется то, что Англия смогла стать душой враждебного революционной Франции союза феодальных государств, которому она много

помогла своим золотом, своей передовой капиталистической техникой. При таких условиях не могло быть сколько-нибудь длительной отсрочки вооруженного столкновения.

Ленин, борясь против Троцкого и левых коммунистов, ни на минуту не упускал из виду, что гражданская война во вне неизбежна, что столкновение между капиталистическим миром и социалистическим — неминуемо. В ответ на резолюцию московского областного бюро об отказе подчиниться постановлению ЦК о мирном договоре с Австро-Германией Ленин писал:

„Вся суть моих тезисов и моих доводов и состоит в указании на необходимость принять архаичкий мир *сейчас*, в данную минуту, при одновременной серьезной подготовке революционной войны (а также именно в интересах этой серьезной подготовки)“.

Революционная мелкая буржуазия не понимала неизбежности схватки двух миров, ей казалось, что можно спрятаться в свою национальную скорлупу и не быть никем тронутым извне. Но — повторяем — Гора отдавала себе отчет о связи между внутренней и внешней гражданской войной и в результате этого после объявления войны она смогла возглавить революционную оборону. Она была также права, утверждая, что обороноспособность Франции была чрезвычайно низкой, и что требовалась поэтому напряженнейшая реорганизация.

В марте 1792 г. король призвал в министерство жирондистов, и 20 апреля 1792 г. Законодательное собрание объявило войну Австрии, с которой у Франции были старые счеты. Еще в 1756 г. Франция заключила с Австрией невыгодный договор, который, полагали, послужил основой поражения Франции в семилетней войне.

Один из пунктов принятой Законодательным собранием резолюции об объявлении войны гласил:

„Настоящая война — не война одной нации против другой, она является справедливой самозащитой свободного народа против нападения королей“.

Отсюда со времени войны революционной Франции пошло понятие „справедливой“ войны.

Для той эпохи этот термин в случае борьбы стран угнетенных освобождающихся против стран феодальных был правилен. Но затем оппортунисты перенесли это понятие в новейшую эпоху для прикрытия своего шовинизма, подпадая в этом под влияние буржуазии своей страны, затемняя империалистический характер современных войн.

— Ленин следующим образом характеризует отличие войн „справедливых“ от войн империалистических:

„Новую эпоху в истории человечества открыла Великая Французская революция. С этих пор и до Парижской коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета.“

Эпоха 1789—1871 гг. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности „оборонительной“ войны по отношению к войнам той эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под „оборонительной“ войной „справедливую“ в этом смысле войну (В. Либкнехт однажды так и выразился). Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость „защиты отечества“ или „оборонительной“ войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы „справедливые“ „оборонительные“ войны, независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских „великих“ держав.

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более „справедливый“ передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия „оборонительной“ войны или „защиты отечества“ было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством „национальной“ идеологии и понятия защиты отечества теперешняя империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства“ (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 193—194).

Начав войну, жирондисты, имевшие непосредственно экономические интересы в войне, вместе с тем понимают, что война Франции есть оборонительная война против окружающего феодализма, и в то же время война освободительная не только для Франции, но и для угнетенных классов других стран.

В этом сознании сказывалась мощь восходящей буржуазии. Бриссо, вождь Жиронды, писал:

„Эта война-потоп обновит лицо мира и водрузит знамя свободы на дворцах королей, на серале султана, на замках мелких феодальных тиранов, на храмах пап и муфтиев“.

В начале войны революционная Франция выкинула лозунг: „Мир хижинам, война — дворцам“. Это был призыв к угнетенному крестьянству, к страдающим народным массам феодальных стран.

Несмотря на то, что у жирондистов были непосредственно экономические интересы и интересы контрреволюционного порядка (отвлечь внимание народных масс от внутренней гражданской войны), толкавшие их на объявление войны, несмотря на это, война с самого начала была войной освободительной. К тому же мы должны помнить, что нападение на революционную Францию со стороны реакционной феодальной коалиции было неизбежно и все время подготавливалось этой коалицией.

„В революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это несколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм старой, крепостнической Европы“ (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 193).

Однако жирондисты в силу своей буржуазной классовой природы, толкавшей их (наиболее прогрессивную фракцию буржуазии) на „тревожную осмотрительность“ (Маркс), не смогли сами пойти на то революционное обновление внутри Франции, которое только одно могло обеспечить успешное ведение революционной войны. Понадобились две революции — 10 августа 1792 г. и 31 мая — 2 июня 1793 г., из которых первая свергла монархию, а вторая, расправившись с жирондистами, установила революционную диктатуру якобинцев, для того чтобы „революция сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру; тут и лежит одна из ее больших заслуг“ (Ленин).

Революция 10 августа

Революционная Франция первое время после объявления войны терпела поражения. Армия была составлена частью из старых солдат, называвшихся линейными войсками частью, из волонтеров (добровольцев), т. е. национальных гвардейцев. Но все в армии было еще не устроено: новое еще не установилось, старое расшаталось. Армия была слабо вооружена и плохо снаряжена. Старое офицерство эмигрировало, а выдвигению нового мешал контрреволюционный генерали-

тет, стоявший во главе армии. При таких условиях армия терпела поражения, вселяя в сердца коалиции обманчивую надежду на возможность быстрой победы над революционной Францией.

К началу революции армия состояла из так называемых основных войск, комплектовавшихся путем вольного найма солдат из числа французов и иностранцев, и милиции, набиравшейся путем жеребьевки. Командные места в армии продавались, и продвижение по лестнице чинов происходило не в соответствии с военными заслугами, а в зависимости от родовитости происхождения и „покупательной способности“ офицера.

Условия жизни солдат были настолько плохими, что при численности мирного состава линейных войск в 172 тыс. человек, а военного в 211 тыс. человек — армия от болезней и дезертирства теряла ежегодно до 20 тыс. человек.

В начале революции многие войсковые части „разложились“. Часть солдат перешла в Национальную гвардию, другая сбросила военный мундир и вернулась к мирным занятиям, совмещаемым с революционной борьбой. За первый год революции из армии ушло 30 тыс. человек. К этому времени вновь возникшая Национальная гвардия охватывала 271 тыс. человек. В старой армии наиболее „устойчивыми“ частями были иностранные, в частности — швейцарские, которые в революции использовывались реакцией для борьбы с народом.

С самого начала революции Национальное собрание старалось приобщить армию к новой Франции. Оно потребовало например, чтобы каждый полк прислал своих депутатов на праздник федерации, приуроченный к годовщине взятия Бастилии, т. е. 14 июля 1790 г. В войсках стали появляться выборные полковые комитеты. Левые клубы вели революционную работу в войсках и рассылали литературу. В период реакции, после избиения на Марсовом поле, Шометт ставил своей специальной задачей работу в войсках.

Гражданская война, разыгравшаяся в стране, таким образом проникла и в армию, и если солдаты переходили на сторону революции, то офицерство, в особенности высшее, эмигрировало за границу. В первые же годы из 9000 офицеров эмигрировало 6000. Эмигрировавшие замещались из рядов низшего офицерства, из активных граждан. В конце 1791 г. старые войска были реорганизованы в три армии восточного фронта: северную — начальник граф Рошамбо, центральную — маркиз Лафайет и рейнскую — начальник, немецкий офицер

Люгер. Все три командующих армиями были сторонниками аристократически-буржуазного государства — умеренной монархии. Мы помним, что Лафайет в качестве начальника Парижской национальной гвардии расстрелял народ на Марсовом поле в июле 1791 г., т. е. за полгода до своего нового назначения.

Не ограничиваясь реорганизацией старой армии, Национальное собрание создало и новый род войск — в виде волонтерских, т. е. добровольных батальонов. 21 июня 1791 г. был отдан приказ о формировании 163 волонтерских батальонов. Запись в них была исключительно добровольной и шла с большим успехом. Начальство в волонтерских батальонах было выборным, материальное содержание было значительно лучше, чем в линейных войсках.

Командование волонтерских батальонов, как и сами батальоны, было — в отличие от командования линейных войск — революционным. Еще в 1790 г. Марат писал про некоего поручика линейных войск, не раз заявлявшего, что „он скорее распорет живот собственной матери, чем позволит себе пойти против приказаний государя“. Для того чтобы волонтерские батальоны могли выполнить свое назначение, необходимо было к их революционности присоединить соответствующую выучку и дисциплину. Эту работу, гигантскую работу по созданию единой дисциплинированной революционной армии, проделала французская революция на ходу в обстановке гражданской войны внутри и во вне, причем каждый раз, когда революция подымалась на высшую ступень, она приобретала новые возможности борьбы с реакцией внутри самой армии, новые возможности революционной борьбы и наступления.

В начале войны существовал план начать наступление с нападения на промышленную Бельгию, принадлежавшую Австрии и представлявшую лакомый кусочек для французской буржуазии. Основная тяжесть кампании пала на армию центра под командой маркиза Лафайета.

В первые же дни кампании французская армия дала много примеров своей недисциплинированности. Поднялся вой о „растлении“ революционерами „военного духа армии“. Трагедия была в том, что до тех пор, пока не была завоевана революционная диктатура якобинцев, — до тех пор невозможно было по-настоящему наладить дисциплинированную революционную армию.

У нас после Октября 1917 г. диктатура пролетариата могла быстро превратить партизанскую красную гвардию

в дисциплинированную, революционную Красную армию, потому что классовый состав и революционная направленность той и другой были одинаковы, потому что государственная власть была в руках пролетариата, который вместе с рабоче-крестьянской армией боролся против общего врага, изгонявшегося как из армии, так и из тыла. Иначе обстояло дело во французской революционной армии, в особенности до периода якобинской диктатуры. Якобинцы „разлагали“ армию, но не могли же они ее консолидировать в руках становившегося противником революции командного состава! В этом была одна из причин долгого противодействия Горы необходимой для армии реформе — слиянию волонтерских и линейных частей.

К тому же до эпохи якобинской диктатуры у крестьянина не было еще достаточного стимула драться с врагами революционной Франции — он еще земли целиком не получил.

1 мая 1792 г. Робеспьер выступил в Якобинском клубе с предупреждением против контрреволюционных замыслов Лафайета, осуществленных им впоследствии через 10 дней после революции 10 августа 1792 г., когда Лафайет перебежал в интервенционистский лагерь. Однако жирондисты поддержали Лафайета, и еще за два дня до революции 10 августа провели в Законодательном собрании резолюцию доверия ему. Между тем королевский двор усиленно организовывал помощь контрреволюции, а королева переслала Австрии план военных действий. Король отказывался утвердить ряд декретов, изданных Законодательным собранием в интересах обороны, в частности декрет от 26 мая — об изгнании неприсяжных священников и от 8 июня — об организации в Париже лагеря из 20 тыс. федератов, т. е. вооруженных добровольцев из провинции. Король дал отставку жирондистским министрам. Жирондисты при таких условиях не возражали против инициативы рабочих предместий воздействовать на короля.

Еще с весны в секциях и в клубе кордельеров непрерывно заседал народ. В клубе кордельеров было изготовлено красное знамя — служившее в то время символом военного закона против народа — с надписью: „Военный закон против короля“. 20 июня 1792 г. большая народная демонстрация пошла ко дворцу. Король чуть не братался с народом, но твердо продолжал отстаивать свои позиции. Он чувствовал за собой поддержку Лафайета, который командовал армией центра.

В процессии носили маленькие изображения Бастилии — символ победы народа над абсолютизмом — и знамена с раз-

личными надписями, одна из которых гласила: „Санкюлоты не выпустят свободы из своих рук, они уцепятся за ее лохмотья“.

Затем вооруженный народ парижских предместий продефилировал через залу Законодательного собрания. Петиция народа требовала принятия срочных мер для обороны страны и крутой расправы с интригами двора. Но в петиции звучала и угроза Законодательному собранию в случае, если оно не сумеет мобилизовать революционных сил и средств против реакции. „Народ твердо держится на своем посту,— говорилось в петиции,— он не изменил самому себе и не остановится перед крайними мерами для мести за свое оскорбленное величество. Не думают ли враги отечества, что люди 14 июля уснули?“

Однако жирондисты испугались именно этого „величества“ и пытались вновь договориться с двором. В начале июля со стороны жирондистов слышались еще редкие высказывания в пользу республики, а к концу июля и к началу августа они, напуганные революционным движением масс, вновь группируются вокруг двора. Положение революционной Франции становится все более угрожающим, и Законодательное собрание 11 июля специальным постановлением объявило отечество в опасности.

Одновременно с объявлением „отечества в опасности“ Законодательное собрание провозгласило второй призыв волонтеров, названных волотерами 1792 г.

В конце июня и в течение июля в Законодательное собрание сыпались петиции революционных предместий. В петиции от 25 июня говорилось, что „народ парижских предместий превратился в семью героев“. Против этой семьи героев, которая своей борьбой спасала и углубляла революцию, направился гнев всей реакции.

27 июня Лафайет приехал из армии в Париж и явился в Собрание. Он повторил свои нападки на якобинцев и заявил от имени „армии“ протест против событий 20 июня. Большинство Собрания одобрительно прислушивалось к нему.

Между тем в Париж прибывали „федераты“ — вооруженные добровольцы из провинции. „30 июля — писал Шометт — молодцы марсельцы прибыли наконец в Париж к великой радости уставших от притеснения патриотов... Казалось, батальон этот, славный своими подвигами на юге Франции, приносил с собой те громы, которым суждено было поразить тиранию и освежить атмосферу свободы“.

30 июня секция Французского театра, на территории которого помещался клуб кордельеров, заявила: „Граждане, изве-

стные на аристократическом жаргоне под названием „пассивных“, являются такими же французами, как и другие, и должны следовательно быть призваны и призваны уже фактически как к ношению оружия в рядах Национальной гвардии, так и к участию в политических прениях на заседаниях секций и первичных собраний“. Эта декларация была расклеена на улицах, читалась в других секциях и во многих из них вызвала сочувствие и подражание. В конце июля объединились комиссары большинства парижских секций для подготовки петиции о низвержении короля и организации этого низвержения. В петиции комиссары требовали низложения короля и энергичной революционной обороны: „Пусть каждый из нас, испуская последний вздох, прославит свою память убийством раба или тирана“. Но народ не мог и не желал тратить свою кровь по пустому, будучи предаваем на каждом шагу.

4 августа в Законодательное собрание явились представители секции гравильеров с заявлением, что „пока они еще предоставляют законодателям честь спасти отечество“. „Но если вы откажетесь,— прибавляли они,— то нам придется спасать себя самим“. Секция Монкосейль заявила, что будет „мирно и блительно ждать решения Национального собрания до 11 час. вечера следующего четверга (9 августа), но если Законодательное собрание не удовлетворит справедливых требований народа, то час спустя, в 12 час. ночи, будет пробит сбор, и все восстанут“.

Между тем Законодательное собрание не собиралось идти навстречу требованиям революционного народа. В утреннем заседании Законодательного собрания от 4 августа жирондист Верньо предложил „отвергнуть и признать неконституционными все резолюции и петиции, клонящиеся к низвержению короля“.

Законодательное собрание, в том числе и жирондисты, защищено Лафайета. Один из вождей жирондистов — Кондорсе — писал: „Является ли господин Лафайет врагом свободы? — Нет“.

Вызывающее отношение Лафайета, его дерзкие послания Законодательному собранию являлись для Кондорсе просто „ошибкой“, исправить которую, по его мнению, Лафайет может, „публично и безоговорочно порвав с дураками и мошенниками, толкнувшими его на эту ошибку“. „Это попросту, — совершенно правильно заявляет Шометт, — значит следующее: пусть Лафайет примкнет к нашей партии, и мы его сумеем спасти. Он нам услугу, а мы — ему“.

8 августа Законодательное собрание обелило Лафайета, отказавшись предать его суду.

„Но скромные достоинства и истинная талантливость не спали, к счастью, под кровлями хижин и на народных собраниях. Оттуда то и раздавался тревожный сигнал — призыв к решительному наступлению против всех пороков. Рука неведомой и презираемой добродетели метнула молнию в королевский дворец“ (*Шометт*).

Набат призывавший народ к восстанию, зазвучал в ночь с 9 на 10 августа. В ночи собиралась пестрая армия „мятежников“, а на рассвете она отправилась к Тюильерийскому дворцу. Среди повстанческой армии были люди, бросавшиеся в бой с тросточками и палками вместо оружия, — так велико было воодушевление масс.

Тюильерийский дворец был вооруженной крепостью, охранявшейся наемными швейцарскими войсками, жандармерией и гвардейцами — всего около 7000 человек. Борьба была жаркая, и после того, как народу пришлось под натиском гвардейцев отступить, он с еще большею яростью бросился в атаку. С той минуты победа была решена. Народ круто расправился с дворцовой охраной и не пощадил нарядных помещений дворца, убивая однако „всякого, уличенного в присвоении дворцового имущества“.

Документы и драгоценности, взятые во дворце, народ приносил в Законодательное собрание. Когда председатель предложил некоему бедняку из повстанцев пару золотых монет, он услышал ответ: „Для золота у нас нет карманов, но для свободы место найдется“. Говорят, что некий молодой человек, наблюдавший за осадой дворца, скромно заметил, что при наличии у швейцарцев хорошего командира, они могли бы победить. Автором этого замечания будто был Наполеон Бонапарт — будущий император Франции.

Королевская семья, не считавшая события серьезными, не хотела удаляться из дворца. Только когда слова одного чиновника: „весь Париж идет на вас, сударыня!“ были подкреплены шумом топоров, ломавших стены дворца, королевская семья удалилась под защиту Законодательного собрания. Обычно король по приходе в Собрание садился по правую руку председателя; сейчас королевская семья была заперта в ложу для корреспондентов. Неудобства нового местопребывания вознаграждались для короля вкусной курицей, которую он потребовал, почувствовав внезапный голод. Смакуя курицу, король слушал, как Законодательное собрание отрешало его от престола. Один эмигрант писал по этому поводу: „Король

узнал с своей обычной тупостью, что он уже больше не король“. Эмигранты, исходя из своего представления о революции, полагали, что все зависит от личной энергии короля и что при соответствующем характере он мог бы справиться с народом.

В этот же вечер 10 августа, в вечер победоносного восстания, при отсветах еще не затихшего пожара дворца, Законодательное собрание приняло постановление о временном отрешении короля, о размерах содержания короля на время его отстранения, о способах воспитания наследника. После принятия всех этих — отнюдь не решительных положений, „скорбным тоном“ прочитанных жирондистом Верньо, — Законодательное собрание приняло декрет о всеобщем избирательном праве, о признании действительными декретов, не утвержденных королем, и о созыве конвента.

В лице короля революционные массы видели воплощенную измену революции. И поскольку жирондисты прямо или косвенно его защищали, постольку революция 10 августа 1792 г., проведенная парижскими низами под руководством кордельеров, не могла не поколебать авторитета жирондистов.

Так же точно эта революция поколебала неизбежность парламентского авторитета и парламентской неприкосновенности, поскольку народ после решительных требований к Законодательному собранию вынужден был восстать, чтобы добиться исполнения своих требований.

После революции 10 августа, введенной явочным порядком республику, не могла не разгореться последняя яростная схватка между мелкобуржуазной Горой и все еще поддерживавшей короля и „порядок“ Жирондой. Эта борьба кончилась решительной победой масс в революции 31 мая—2 июня; 10 августа 1792 г. было только этапом — и крупным этапом — на пути к якобинской диктатуре.

10 августа предрешило спор между буржуазией и массами за гегемонию. Она оказалась в руках масс, но для того чтобы ее реализовать, нужна была еще одна революция 31 мая—2 июня 1793 г., отдавшая власть в руки этих масс, разделившихся с последней, наиболее прогрессивной фракцией буржуазии — жирондистами. Отныне буржуазная революция будет твориться „плебейским методом“, хотя и во имя буржуазии и под руководством его идей.

„Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии“ (*Маркс*).

ОТ РЕВОЛЮЦИИ 10 АВГУСТА 1792 г. ДО РЕВОЛЮЦИИ 31 МАЯ — 2 ИЮНЯ 1793 г.

Десять месяцев, отделяющих революцию 20 августа 1792 г. ниспровергшую монархию, от революции 31 мая—2 июня, установившей диктатуру мелкой буржуазии (якобинскую диктатуру), наполнены ожесточенной борьбой масс за реализацию добытой ими фактической гегемонии. На этом пути им противостоит последняя, не отброшенная еще от кормила власти фракция буржуазии — жирондисты. До сих пор массы были господами улицы, и эта улица решала во все критические моменты дальнейшую судьбу революции. Так было во все великие дни — 14 июля, 5—6 октября, 17 июля, наконец 10 августа. Однако каждый раз после своей победы массы очищали улицы, почтительно пропуская по ним парламентариев. Но после революции 10 августа 1792 г., поставившей резко вопрос о гегемонии масс, прежнее положение не могло продолжаться. Особый интерес этому периоду придает радикализация Горы-якобинцев. Сначала якобинцы пытаются продолжать прежние парламентские традиции. Они хотят утвердиться в парламенте и без помощи масс и их представителей — парламентским путем разрешать свой спор о гегемонии с жирондистами.

Однако революция 10 августа широко развязала самостоятельность масс. Не стало короля, — следовательно буржуазия лишилась оплота против масс. Введено было всеобщее избирательное право, — следовательно не стало пассивных и активных граждан, а остались только патриоты и аристократы. Массы, бывшие вчера „рабочими машинами“ сегодня наводят секции Парижской коммуны, считая, что только они являются настоящими акционерами „великого общественного предприятия“. Между Горой и Жирондой в качестве решительного

судьи становятся массы и новая партия, являющаяся выразителем воли этих масс, — „бешеные“.

Жирондисты после революции 10 августа более чем сыты. Вождь жирондистов Бриссо пишет: „Революция должна остановиться, так как иначе ею будет порождено опасение — не ниспровергла бы она все, после того как всему ею даны новые опоры“.

В то же время лагерю революции ясно, что дело на 10-м августа не может остановиться, что на очереди необходимость устранения жирондистов, и Марат предвидит неизбежность нового восстания. В декабре 1792 г. Марат, отвечая одному из своих многочисленных корреспондентов, обращавшихся к нему с жалобами на притеснения, пишет:

„Надо подождать, мой доблестный согражданин, казни бывшего монарха и окончательного ниспровержения партии Ролана,¹ тогда мы посмотрим, как установить царство равенства и свободы, ибо мы все еще пребываем в царстве злоупотреблений, беспорядков и анархии. Если усилия Конвента окажутся бесплодными, придется подождать событий, которые во всяком случае произойдут, ибо народ хочет быть свободным. И вот, как только восстание станет повсеместным, тогда придет время призвать к ответу ваших утеснителей, этих опор старого порядка. Народу давно уже следовало бы взяться за это, — без этого нечего надеяться ни на мир, ни на свободу, ни на счастье“.

Уже на следующий день после революции 10 августа в экстренном выпуске „Друга народа“, посвященном событиям 10 августа, Марат предупреждает народ о необходимости очистить Национальное собрание от жирондистов.

До тех пор, пока Гора держалась строго парламентской почвы, пока она боялась развязывания революционной активности масс и не шла на соединение с бешеными, до тех пор ее спор с Жирондой оставался неразрешимым. Гора пошла на соединение с бешеными, и только этот вновь составившийся левый блок смог добиться решительной развязки, утвердив якобинскую диктатуру. Только соединившись с массами, Гора смогла возглавить революционный блок и поднять революцию на исключительную высоту. Первым этапом на этом пути была борьба с Жирондой и победа над ней.

Ленин говорил о Горе и Жиронде социал-демократии, обозначая этим ее революционное и оппортунистическое крыло. Называя меньшевиков „неисправимыми жирондистами“

¹ Т. е. жирондистов, одним из вождей которых был Ролан.

социализма“, Ленин использовал опыт борьбы революционной Горы с соглашательской, уступчивой в отношении старого режима Жирондой для доказательства необходимости решительного, вплоть до организационных выводов отпора оппортунизму в рабочем движении. Такая постановка вопроса естественно вызвала „возмущение“ оппортунистов.

„Рабочему делу“ — писал Ленин, — в особенности не нравится склонность „Искры“ и „Зари“ пророчить разрыв между Горой и Жирондой международной социал-демократии“.

Коммуна и Законодательное собрание

Коммуна, вышедшая из нелегальной повстанческой организации 10 августа 1792 г., олицетворяла концентрированную энергию революционных масс и их решимость довести революцию до конца. Жирондисты видели в Коммуне своего смертельного врага.

Революция 10 августа дала жирондистам свое министерство, куда входил и правый горец Дантон; массы же получили в лице Коммуны свою боевую организацию. Столкновение между жирондистским правительством и Коммуной было неизбежно. Но в борьбе между массой и Жирондой Гора пока занимала еще колеблющуюся позицию: скорее против развязывания этой борьбы, чем за нее. Сам Робеспьер советовал мятежной Коммуне подчиниться постановлениям Законодательного собрания о самороспуске.

В качестве штриха, характеризующего различную социальную сущность интересов Коммуны и Собрания, любопытно подчеркнуть, что, начиная с 10 августа, Парижская Коммуна помечала свои документы: „четвертый год свободы — первый год равенства“, а Конвент, который открылся 21 сентября 1792 г., помечает свои документы: „Четвертый год свободы — первый год французской республики“. Таким образом Коммуна подчеркивала социальный характер революции, а буржуазия — политический.

Отсутствие поддержки со стороны левой Законодательного собрания и чрезвычайно слабо еще оформленное руководство массовым движением ведут к тому, что Коммуна, начав 17 августа с приказа опубликовать монархические петиции в пользу короля, подписанные двадцатью восемью тысячами подданных, в целях применения репрессий против подписавших, заканчивает тем, что 19 сентября клянется охранять собственность и, и в конце-концов, подчиняется распоряжению Законодательного собрания о своем роспуске.

Под влиянием революции 10 августа Законодательное собрание было вынуждено пойти на некоторые революционные мероприятия. Так 17 августа был создан чрезвычайный революционный трибунал, прекративший однако фактически свою деятельность уже к концу этого месяца.

Революция 10 августа естественно вновь выдвинула на одно из первых мест аграрный вопрос. Крестьянство требовало своей доли в завоеваниях революции 10 августа. 18 июля 1792 г. Законодательное собрание отменило без выкупа лишь побочные единовременные платежи, за исключением случаев, когда сеньер документально мог доказать свои права.

После революции 10 августа Собрание 20—25 августа распространило декрет 18 июля и на многие основные феодальные повинности. Для сохранившихся еще феодальных повинностей был установлен облегченный выкуп: разрешено было выкупать их не „скопом“, а по одиночке; к тому же устанавливалась рассрочка в уплате выкупной суммы. Декрет 28 августа 1792 г. возвращает общинам ограбленные у них сеньерами по закону 1667 г. земли, но только в том случае, если сеньер не владел ими в течение сорока лет до революции, ибо в последнем случае декрет считал их уже собственностью сеньеров.

Законодательное собрание после революции 10 августа провело энергичные мероприятия в отношении эмиграции и церкви, что объяснялось крайне тяжелым положением на фронтах.

14 августа оно распорядилось раздробить эмигрантские земли на мелкие участки для распродажи их. Таким образом эмигрантские земли, в отличие от церковных земель, которые продавались только крупными участками, служили фондом для удовлетворения крестьянской нужды. Земля эмигрантов попадала в руки крестьян — и крестьяне получали дополнительный стимул драться за революцию.

15 августа были установлены концентрационные лагеря для родственников эмигрантов, а 30 августа были декретированы жесточайшие меры против лиц, помогающих и помогавших эмиграции. Законодательство об эмигрантах сопровождалось соответствующим законодательством в области религиозной. До сих пор требование присяги священников распространялось только на священников, находившихся на службе. Законодательное собрание распространило его на всех. 14 августа и 16 сентября на изготовление военного снаряжения и для финансовых нужд обороны были конфи-

серебряная утварь церквей. Было введено гражданское совершение обрядностей. Запись свадбе, похорон и т. д. отныне была отнята у духовенства и отдана светским чиновникам. Наконец декрет 26 августа обрекал всех священников, не желавших подчиниться присяге, на высылку. Из Франции выселилось около 25 тыс. священников, причем радушнее всего эта черная эмиграция была принята в Англии, которая и в наши дни дала приют последнему Бурбону — бывшему испанскому королю Альфонсу XIII.

Итак, религиозная политика Законодательного собрания продолжала политику Учредительного — религию политически обезвредить, но сохранить.

В это время внешнее положение Франции обострялось. Неприятельская армия с успехом наступала. 19 августа неприятель перешел границу и осадил важную крепость Лонгви, которая пала 23-го. В этот же день бежал Лафайет.

Уже после 20 июня он хотел вместе с Люкнером двинуть свои армии на Париж. 10 августа переполнило чашу его монархического терпения. Обладавший „собачьим аппетитом“ к власти, он возомнил себя „спасителем отечества“ (монархического). Но армия за ним не пошла. Еще 25 июня главнокомандующий австро-прусской армией герцог Брауншвейгский издал манифест, в котором объявил о беспощадном разрушении Парижа, в случае нанесения королю и его семье малейшего ущерба. В штаб этого герцога Брауншвейгского бежал „красный“ маркиз Лафайет — „нечаянный герой многих громких дел“, из которых наиболее „славным“ был расстрел безоружной толпы на Марсовом поле. В то время как буржуазные журналисты даже в августе 1792 г. обеляли Лафайета, Марат еще в ноябре 1790 г. писал про него: „Вскоре он будет вынужден искать спасения в бегстве, и он пойдет, подобно многим другим презренным слугам двора, покрытый позором и бесчестьем прогуливать в чужой стране свой стыд и свою безнадежность“.

30 августа началась осада крепости Верден, взятие которой грозило непосредственно революционному Парижу. В этот день Законодательное собрание не нашло ничего лучшего, как вновь предложить Коммуне разойтись.

Некоторые города защищаются с редким героизмом, причем французский юмор даже в эти тяжелые минуты не покидает их. Осажденный в сентябре Тионвиль выставил на стены деревянную лошадь с привязанным к ней пучком сена и с надписью: „Возьмете Тионвиль, когда я съем свое сено“.

Но трудно армии защищаться, когда штаб изменяет и предают. Таким изменяющим революции штабом было Законодательное собрание.

Верден пал 30 сентября, и уже в этот же день слухи о его падении распространились по Парижу. Неприятельская армия зашла в тыл французским войскам, и герцог Брауншвейгский готовился 10 октября вступить в Париж.

У парижских масс было достаточно поводов к недовольству и достаточно причин не доверять Законодательному собранию. Это недоверие усилилось под влиянием неблагоприятных известий с фронта. Коммуна предложила парижским санкюлотам организовать отряд в 60 тыс. человек и послать его навстречу врагу. Но прежде чем отправиться на фронт, санкюлоты хотели обеспечить тыл. По призыву Марата народ поднялся. Набат гудел над Парижем, и народ правил свой суд над многочисленными контрреволюционерами, сидевшими в тюрьмах. Революционный трибунал, созданный непосредственно после 10 августа, не только бездействовал, он прямо таки потворствовал контрреволюции, оправдав несколько подсудных ему контрреволюционеров. Народ исправил его преступления. Дни 2—3 сентября вошли со слов буржуазных современников в книги буржуазных историков под названием „резни“ 2—3 сентября.

Буржуазия изображала сентябрьский народный суд как зверскую разбойничью расправу находившейся во власти темного, кровожадного инстинкта толпы. Интересно сопоставить это мнение буржуазии, которой народ всегда кажется кровожадным животным, если не лижет покорно ее пяток, с показанием одного монархиста-офицера, который сидел в тюрьме в ночь с 2 на 3 сентября. Он записал в своих воспоминаниях: „И вот меня потащили на этот быстрый и кровавый суд, где самой лучшей протекцией было не иметь ее вовсе, и все ресурсы высшей изобретательности становились ничем, если не основывались на истине“. К этому надо еще добавить, что, выяснив его монархические убеждения, но полную непричастность к каким-либо контрреволюционным деяниям, „кровожадный“ суд народа освободил его, считая, что судить следует только за дела, а не за убеждения.

Напуганная буржуазия прекрасно поняла социальный характер движения 2—3 сентября: в разгар „беспорядков“ Законодательное собрание издало декрет об амнистии всем тем, кто был привлечен за нарушение правил свободной торговли и за преступления против собственности, желая тем самым уменьшить гнев народа.

Маркс в предисловии к книге по Великой революции писал о сентябрьских днях: „Если бы они были подавлены, угасла бы всякая общественная жизнь“.

С 3 по 25 сентября в Париже ежедневно раздавалось гулко эхо двух тысяч пар ног: то волонтеры, подорвав внутреннюю контрреволюцию, отправлялись к границам навстречу врагу.

В августе и в сентябре Париж вновь охвачен революционными волнениями, возникшими на почве недостатка продовольствия и спекуляции им. В это время парижские массы приобретают своих непосредственных представителей в лице бешеных. „Бешеные“ были представителями ремесленников и рабочих и требовали мероприятий по укреплению и улучшению положения масс. Под влиянием агитации бешеных, а также в виду крайних нужд военной обороны, Законодательное собрание было вынуждено несколько отойти от своей непримиримой обусловленной якобы высокими принципами политики в вопросах свободной торговли. Цена этим „принципам“ (выражавшим единственное правило: не мешай мне накоплять и грабить народ) видна из того, что буржуазия впервые пошла на ограничение свободной торговли в интересах самих промышленников. Еще 28 февраля 1792 г. Законодательное собрание запретило экспорт шерсти, пеньки, кожи и хлопка, т. е. промышленного сырья, необходимого для французских фабрик. Но свобода торговли там, где дело шло не об интересах промышленников, а об интересах масс, была для буржуазии неприкосновенна. Против этой неприкосновенности однако восставали массы. Их протест не ограничивался заявлениями и просьбами: они подтвердили его революционными событиями 2—3 сентября.

Законодательному собранию пришлось на время отступить. 4 сентября было разрешено устанавливать в принудительном порядке по твердым ценам продажу продуктов для военных нужд. Далее 9 и 13 сентября были изданы законы, устанавливавшие реквизицию хлеба для снабжения рынков. Под реквизициями понималось лишь понуждение собственников вывозить хлеб на рынок без установления цены, по которой он должен был продаваться. Только тот, кто не повиновался этому предписанию, подвергался действительной конфискации имущества и привлекался к принудительным работам. Это сентябрьское законодательство было однако чрезвычайно неполным, ибо, во-первых, не устанавливало твердой цены на хлеб и, во-вторых, устанавливало реквизиции только в пределах одного департамента; таким образом голодный

департамент не мог воспользоваться изобилием своего соседа.

Сентябрьская „резня“ вызвала сильнейшую реакцию и сплочение всех имущих. Используя эту обстановку, а также разединенность Горы и бешеных, Жиронда еще раз одержала верх и к открытию Конвента сумела обуздать непокорную Коммуну.

Начало деятельности Конвента

Конвент, избранный на основе всеобщего избирательного права (этого добились горцы после революции 10 августа), состоял из 745 членов. Из них 165 жирондистов, около 80 членов Горы, т. е. собственно якобинцев (ибо к октябрю 1792 г. якобинский клуб был уже очищен от жирондистов), и 500 человек центра, который называли болотом или брюхом, а его членов — болотными жабами. На 745 депутатов приходилось всего два рабочих: один оружейник и один чистильщик шерсти.

Конвент собрался 21 сентября, на второй день после победы при Вальми, — победы, открывшей эру успехов французской армии. Битва при Вальми, обратившая в бегство прусскую армию, имела громадное моральное значение. До тех пор прусский наемный вышколенный из под палки солдат считался идеалом пушечного мяса. И вдруг против него выступили люди, знающие, за что они дерутся, и несмотря на плохое снаряжение и обмундирование обратившие в бегство прусскую армию — этот шедевр военного искусства немецкого абсолютизма. Один из величайших гениев человечества — поэт Гете — находился в прусской штаб-квартире во время сражения при Вальми и на недоуменные вопросы ошеломленного в своей спеси офицера ответил: „Господа, вы присутствуете при рождении нового мира“.

Новый буржуазный мир нарождался, старый — феодальный — не без сопротивления погибал. В начале октября распались эмигрантские отряды. Эмигранты оказались в настолько бедственном положении, что один из них писал: „Мы в очень печальном положении. Мне остается только съесть свою лошадь“. Прусский майор Мессенбах писал после битвы при Вальми: „Мы потеряли не только сражение. 20 сентября произошло поворот в истории, это — важнейший день века“. После Вальми французская армия взяла обратно крепости Лонги и Верден. Революционный Париж был вне опасности.

В октябре начались две большие наступательные кампании: 1. Северной армии под начальством Дюмурье (заместитель Лафайета) на Бельгию — и новосозданной Вогезской армии под начальством генерала Кюстина в области Верхнего Рейна, т. е. в области германских владений. К концу ноября вся Бельгия была завоевана французской армией, а Кюстин сделал значительные завоевания на Рейне. Плохо снабженные, слабо обученные армии добились этих побед благодаря своей революционной устремленности и вследствие вялости своего противника.

Бельгия открыла дорогу в Голландию. Бельгия и Голландия были лакомым куском: развитая торгово-промышленная жизнь, старинные гавани, развитая торговля деньгами. Депутат в английской палате общин говорил:

„Франция — наша естественная соперница — при республике еще больше, чем при монархии. Труднее угадать, где может остановиться народ, чем где захочет остановиться король“.

Англия запретила вывоз хлеба во Францию и рядом провокационных действий принудила ее к войне.

„Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций, — но английская буржуазия не любит воевать собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками. Так было дело и во время Великой французской революции, когда английской буржуазии удалось создать союз европейских государств против революционной Франции“ (Сталин).

Мы хорошо помним роль Англии в интервенции против нашей пролетарской революции. На блокаду и интервенцию против пролетарской революции Англия затратила один миллиард золотом. В наши дни английские твердолобые совместно с германскими фашистами снова становятся во главе интервенционного блока.

Война с Англией началась в феврале 1793 г. Отныне революционному Парижу противостояла цементированная золотом Англия феодальная коалиция, в которую помимо Англии входили: Австрия, Пруссия, Россия, Испания, Голландия, германские княжества по Рейну, Сардиния, Пьемонт, Рим, Неаполь.

„Война 1792 г. была династической войной неограниченных королей-крепостников против республиканской Франции, испугавшихся революционного пожара в последней. Целью войны было потушить этот пожар, восстановить во Франции старые порядки и тем гарантировать перепугавшихся королей от революционной заразы в их собственных государствах. Именно,

Поэтому сражались так самоотверженно революционеры Франции с войсками королей“ (Сталин, Сб. „На путях к Октябрю“, изд. 2, стр. 2).

На данном этапе революции сопротивление ее поступательному движению оказывали жирондисты. Жирондистский памфлет в октябре 1792 г. говорит: „Три революции нужны были для спасения Франции. Первая низвергла деспотизм. Вторая уничтожила королевскую власть. Третья должна убить анархию, и вот этой то третьей революции, начиная с 11 августа, я посвятил свое перо и все свои силы“.

Другими словами, жирондисты считали революцию законченной на 10-м августа, как в свое время верхушечная часть буржуазии хотела ее закончить 14-м июля. Жирондисты — партия буржуазной священной собственности, один из лидеров которой — Ролан — еще до революции сетовал о стеснениях в деле интенсивной эксплуатации женского труда, не могла не понять, что ей предстоит упорная и длительная борьба. Внешние обстоятельства только благоприятствовали обострению борьбы.

Конвент не по собственному желанию, а по необходимости провозгласил республику, провозгласил ее без восторга и без шума. „Республика украдкой пробралась между партиями“ — говорил Робеспьер.

Жирондисты яростно пропагандировали в эту пору преклонение перед собственностью. Так, во время одного шествия они несли плакаты, на которых вместо „свобода, равенство и братство“ было написано: „Свобода, равенство и собственность“. Жирондисты после 10 августа вели энергичную агитацию против „аграрного закона“. Аграрным законом называлось требование радикального передела всей земли. Партии, которая бы поддерживала тогда это требование, не было. Робеспьер называл аграрный закон „пугалом, созданным сумасшедшими, для того чтобы пугать глупцов“. Даже „бешеные“ не выдвигали требования аграрного закона. Его сторонниками были полукоммунистические мыслители-одиночки. Лишь в лице одного официального лица — комиссара Конвента кордельера Моморо — аграрный закон был провозглашен публично. Конвент отозвал Моморо.

Господами положения в Конвенте были пока жирондисты. При открытии (21 сентября 1793 г.) Конвент прежде всего подчеркнул, что считает себя призванным охранять собственность. Дантон, великий оппортунист революции, проделавший в революции путь от кордельера до правого якобинца, говорил: „До сих пор народ всячески возбуждали, так как надо было

его поднять на борьбу с тиранами. Теперь необходимо, чтобы законы были так же беспощадны к тем, кто посмеет посягнуть на завоевания народа, как был беспощаден сам народ, уничтожая тиранию. Итак, решительно откажемся здесь от всяких крайностей,—провозгласим, что всякого рода собственность—земельная, личная, промышленная—должна на вечные времена оставаться неприкосновенной.“

Эта формулировка показалась слишком „крепкой“ даже большинству Конвента. Конвент постановил: „Личность и собственность должны находиться под охраной нации“.

В этот же период (25 сентября) Дантон в Конвенте отмежевывается от близости к Марату и мимоходом очень легко подчеркивает, что он вообще не депутат Парижа, а парижского департамента. Так Дантон стал относиться к парижскому народу, быть избранником которого считали за честь все революционеры.

В сентябре, при выборах в Конвент, во время которых вожди Жиронды избирались по нескольку раз, жирондисты стали питать „величайшие надежды“ на Конвент. Однако уже в октябре прокурором Комунны избирается Шометт, этот „коршун коммуны в день 2 сентября“, как его назвал вождь Жиронды Бриссо. Бриссотинцы начинают понимать, что спор не разрешится в недрах Конвента. Еще 23 сентября Ролан (жирондист) потребовал создания особой стражи для Конвента. На следующий день жирондисты предложили организовать особые вооруженные силы из департаментов, которые находились бы в ведении Конвента. Борьба разгоралась.

Дело короля

Дело короля было одним из тех процессов, когда с парламентской трибуны ярко освещается перед массами вся глубина предательства руководящей партии.

Дело короля несомненно имело большое воспитательное значение. „Горцы“ добились публичности заседаний Конвента, и таким образом члены парламента в присутствии народной массы должны были открыто высказать свое мнение. Робеспьер доказывал, что короля нельзя и не к чему судить, что его просто надо убить как врага. Соратник Робеспьера Сен-Жюст говорил о виновности короля: „Невозможно вообще править невинно: сумасшествие это слишком очевидно. Всякий король есть мятежник и узурпатор“.

С другой стороны, жирондисты были против суда Конвента над королем, считая, что высочайшая особа его непод-

судна суду народа. „Не на другой ли планете поискать судей?“—спросил выведенный из себя якобинец. 3 декабря 1792 г. Конвент наконец постановил судить короля.

„Я поверю в республику только тогда, когда голова Людовика XVI не будет больше на его плечах“,—писал в это время Марат. А обратившимся к нему с предложением продать и спасти короля роялистам, он ответил: „Я принадлежу народу, я всегда буду принадлежать только ему: таково мое исповедание веры“.

Король обвинялся в измене революционной Франции, в грубом нарушении им же принятой конституции. Несмотря на арест, которому король был подвергнут с 10 августа, он продолжал поддерживать сношения с эмиграцией. Документы, обнаруженные в железном потайном шкафу, выдавали интриги двора, подкуп королем членов учредительного и Законодательного собраний.

Еще в 1791 г. один видный эмигрант из умеренных монархистов в ответ на запрос короля о наиболее целесообразной для него в революции тактике, убеждал короля пожертвовать дворянством и церковью и заключить союз с буржуазией. Он указывал что буржуазии нужен монарх как оплот против народа—и поэтому король при желании легко мог бы сыграть новую роль. Буржуазия действительно именно по этому протала ему измены, закрывала на них глаза и слепо цеплялась за него. „Правящие классы революции были монархическими, а монарх упорно изменял революции“. Даже теперь, когда король перед лицом всей Франции должен был ответить за свои проступки, даже и теперь буржуазия пыталась его спасти. Это было не так легко, ибо в те дни на Конвент были обращены взоры всей страны. В этих условиях надо было хитрить, маневрировать. Жирондисты, а вместе с ними заодно и Дантон, превратившийся из кордельера в правого якобинца, пытались все же спасти короля.

10 декабря Конвент начал творить свой суд. На первый вопрос о виновности короля в виду явных и неоспоримых улик все члены Конвента ответили утвердительно. После этого начались увертки. Прежде всего жирондисты предложили передать приговор на утверждение народа, как говорили—апеллировать к народу. За апелляцию к народу голосовало большое количество болота и жирондистов, но большинство Конвента отвергло апелляцию. Другим маневром жирондистов были выпады против герцога Орлеанского, состоявшего членом якобинского клуба. Наконец после различных маневров пришлось подойти к голосованию решительного пункта: „Какому

наказанию подлежит Людовик?». Некоторые депутаты голосовали за смерть из боязни за свою собственную участь. Сийес, автор деления граждан на активных и пассивных, бросил находку: «Смерть без фраз — и исчез как привидение или выходец из ада».

Но и голосование за смертную казнь не покончило с увертками. Многие голосовали за условную смертную казнь. Вожди жирондистов, например, Бриссо, Верньо, голосовали сначала за смерть, а потом за отсрочку. Жирондисты грозили, что казнь короля навлечет на Францию войну с Англией, Испанией, Голландией. Дантон, который сначала вместе с жирондистами пытался спасти короля, увидев, что дело проиграно, со свойственным ему оппортунизмом заявил ультрареволюционно, «Бросим державам перчатку так, чтобы ею служила голова тирана».

Все попытки спасти короля были отбиты, и 21 января 1793 г. Людовик XVI был казнен.

На примере дела короля мы видим, что не только в более поздние революции, в которых рабочий класс, как класс для себя, противостоит буржуазии (как в революции 1905 г. в России), но и в такую классическую буржуазную революцию, какой была Великая французская, буржуазия идет на компромисс со старыми господствующими классами во избежание угрозы собственности. «Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата — например, на монархию, на постоянную армию т. д.» (Ленин).

Вопросы социально-экономической политики от сентября 1792 г. до апреля 1793 г.

Осенью 1792 г. экономическое положение было чрезвычайно тяжелым. В результате революции 10 августа была установлена республика, но что она дала рабочим? К концу 1792 г. ассигнаты пали на 50%, и дороговизна увеличилась. В это время у власти стояло жирондистское министерство, возмущенное в результате революции 10 августа. Массы волновались и выдвинули в качестве своих руководителей бешеных. В Конвенте боролась Гора, тщетно уповая, что ей удастся побороть Жиронду без радикальной поддержки требований масс и без их помощи. Рассмотрим соотношение этих трех сил и прежде всего обратимся к положению рабочего вопроса в этот период.

В августе 1792 г. в виду военной угрозы было решено приступить к сооружению военного лагеря под Парижем. К ра-

ботам, которые начались 29 августа, было привлечено около 600 безработных, и жирондистский мер Петион писал: «Возбуждение умов (рабочих) незаметно обращается на пользу общества, направляясь против общего врага».

Это было не мерой помощи безработным, а необходимой мерой обороны от врага. 12 депутатов Конвента ежедневно являлись на работу, чтобы «подавать пример усердия». Но как только непосредственная угроза миновала, Конвент решил прекратить общественные работы, так как для обороны они уже были не нужны, а помощь безработным принципиально не одобрялась жирондистами, ибо она противоречила свободной конкуренции на рынке труда. Недаром вожди жирондистов Бриссо еще в 1789 г. назвал рабочих благотворительных мастерских «дикой ордой, стоящей у ворот цивилизованного города». Жирондист Ролан, бывший министром внутренних дел и ведавший рабочим вопросом, еще в 1789 г., будучи инспектором лионских мануфактур, протестовал против выдачи безработным некоторого вспомоществования.

11 октября было объявлено об окончательном прекращении общественных работ, причем труд рабочих за последние дни считался добровольным и даровым. Рабочие просили о сохранении работ, согласившись даже на сдельную оплату, против которой они раньше протестовали. 18 октября Конвент категорически прекратил работы, ограничившись единовременным «пособием» в размере трехдневной заработной платы и оставив неоплаченной работу с 8 до 18 октября. Так жирондисты отблагодарили рабочих за революцию 10 августа.

Отнюдь не этого ждали рабочие от республики. С самого начала рабочие смотрели на республику как на правление, которое должно изменить их тяжелое положение. Позже, в революции 1848 г., пролетариат, уже выросший и окрепший, выставил лозунг «социальной республики», т. е. республики, уничтожающей эксплуатацию и в корне изменяющей условия существования пролетариата. Рабочие 1789 г. еще не могли выставить такой лозунг, но их смутные чаяния также выражали требование социальных перемен, и только в этом свете они воспринимали республику, только для этого они выступали в дни революции 10 августа. Рабочие одной из мануфактур пишут после 10 августа:

«Справедливое наказание короля-заговорщика ужаснет всех тиранов. Но, уничтожив самого лицемерного из тиранов, вам остается еще дать французам испытать выгоды республиканского правительствa, обеспечив гражданам, занятым в промыш-

ленности, средства к существованию". Рабочие не представляли себе республики, ее укрепления и расцвета без улучшения их социально-экономического положения. Они, как мы видим, чрезвычайно недвусмысленно намекают на то, что их еще ничем не заинтересовали в этой республике. Но буржуазия и ее представительница—Жиронда—ожидали выгод от республиканского образа правления как раз в обратном—в полном осуществлении своих принципов свободной, неограниченной конкуренции, обязательной составной частью которой была свободная, ничем не ограниченная эксплуатация рабочей силы.

Ролан вел себя чрезвычайно агрессивно в отношении рабочих и в частности—в отношении подчиненных ему национальных (ранее королевских) мануфактур. Рабочие мануфактуры гобеленов не могли себе представить, как это власть, рожденная революцией, может действовать не в их интересах. Они предполагают, что тут какое-то недоразумение, они обращаются к Ролану с разъяснением, что деятельность их будет вполне соответствовать интересам революции. Они хотят отныне «передавать потомству подвиги, совершенные для свободы, вместо памятников гордости, которые они принуждены были так долго создавать». Это ничуть не убеждает Ролана. В конце 1792 г. он восстанавливает сдельную плату, отмены которой рабочие добились в 1791 году. Больше того, он требует под угрозой увольнения подписи рабочих о согласии подчиниться введению сдельщины. Он отказывается даже принять и выслушать рабочую депутацию, и рабочие с горечью вынуждены заметить, что их принимал и выслушивал даже монархический министр.

Однако, несмотря на свое стремление к поденной заработной плате,—сохранение которой соответствовало интересам рабочих, поскольку предприятия были капиталистическими,—рабочие успели показать примеры героизма, когда вопрос шел о революционной обороне и когда они для пополнения вооружения не скупались на сверхурочную работу.

Итак, в области рабочего законодательства жирондисты вели активное наступление на рабочий класс. Такова же была их линия поведения и в продовольственном вопросе. Мы помним, что под влиянием революции 10 августа, сентябрьской «резни» и тяжелого положения на фронтах Законодательное собрание пошло на некоторые меры регламентации торговли предметами продовольствия. Но обстоятельства на фронтах резко изменились к лучшему. Коммуна была усмирена, в Конвенте господами положения были жирондисты. 31 октября жиронди-

стское правительство обращается с воззванием к населению: «Граждане, проникнитесь хорошенько тою великой истиной, что торговля может сделаться процветающей только вследствие самой неограниченной свободы».

В декабре 1792 г. Ролан провел декрет, по которому смертная казнь грозила всякому вывозящему хлеб за границу, но также и всякому препятствующему свободному обращению хлеба внутри страны. В тот же день были отменены декреты Законодательного собрания от 9 и 16 сентября, предписывавшие принудительную продажу хлеба.

Жирондисты в борьбе с Горой возбуждали департаменты—и 9 января 1793 г. жирондистская газета писала: «Общественное мнение начинает с той же силой выступать против анархии, как 10 августа против королевской власти... Законодатели—так во имя отечества зывают храбрые граждане Нанта—спасите республику: вы трепещете перед трибунами, заставьте их трепетать перед вами».

Это было открытым призывом к расправе с парижским революционным народом и его партиями. Провинциальные адреса требуют расправы с якобинцами, с Робеспьером, в особенности с Маратом.

«Слово «народ»,—писал Бриссо в январе 1793 г.,—означает то же самое, что и слово «нация». Французский народ состоит из всего французского населения, из всех 25 миллионов. Невозможно представить себе ничего более абсурдного, чем словарь наших демагогов, которые массу называют народом».

Жирондисты таким образом возражают против разделения нации на классы, ибо «народ» в устах революционеров того времени был, хотя и расплывчатым, но все же классовым обозначением, особенно у Марата и Шометта, которые много яснее других видели классовое расслоение общества. «Неверно, будто вся нация восстала против тиранов: опорой и защитой деспотизма осталось дворянство, духовенство, сословие юристов, финансы, капитал, ученые, литераторы. И если некоторые образованные, состоятельные, но и проницательные люди из высших классов сначала восстали против тиранов, то это длилось недолго.»

«Революцию совершили только низшие классы общества: рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, словом низший слой, беднота, которую богатые называют канальями и которых римское бесстыдство некогда называло пролетариатом».

Так писал Марат.
Единая «нация» нужна была жирондистам для того, чтобы ее именем править, устранив, как неправомочных, всех револю-

ционеров, истинных представителей народа. Это была демагогия жирондистов, противопоставлявшаяся революционным требованиям народа. Сами жирондисты, между тем, прекрасно отдавали себе отчет в своих классовых интересах и в классовости этих интересов. В адресе одного из провинциальных клубов говорилось:

„Парижане! Постоянные смуты только изгоняют из ваших стен приезжих капиталистов, а за ними в непродолжительном времени последуют торговцы, фабриканты и художники. Только порядок способен удержать их и изгнать из вашей среды чудовищ, которые бесчестят вас, проповедуя вам свои преступные воззрения и каннибальские вожделения...“, т. е. изгоните якобинцев, представителей народа в Конвенте, и заставьте молчать его представителей вне Конвента.

Между тем массы знали только одно: они совершили революцию 10 августа, чтобы в лице короля уничтожить угнетение и голод и спасти революцию, активными творцами которой они являлись. А иначе какой бы она имела смысл? После казни короля вождь бешеных—Жак Ру—говорил: „Для того ли вы отрубили голову тирану и уничтожили тиранию, чтобы вас каждый день медленно пожирал спекулянт-монополист“?

Раньше король был для масс воплощением тех преступлений, которые ввергли их в нищету и бедствия. Но король был казнен, а бедствия не устранялись. Раньше между народом и буржуазией стоял король, теперь народ оказался лицом к лицу с буржуазией и все явственнее сознавал, что только в борьбе с ней он может улучшить свое положение. Что казнь короля приведет именно к тому результату, т. е. к обнажению противоречий между буржуазией и народом, это прекрасно понимали жирондисты. Так например один из вождей Жиронды Верньо говорил перед казнью короля:

„Хлеб дорог,—причина этого, говорят, в короле. Но придет день и скажут: хлеб дорог,—причина в Конвенте“.

Массы во главе с бешеными противопоставляют буржуазной свободе торговли, покрывавшей фактически свободную эксплуатацию масс в угоду накоплению капитала,—ограничение этой свободы, регламентацию торговли в интересах улучшения положения масс. Одна петиция за другой подавались Конвенту. Особенно мощной была демонстрация с петицией о максимуме 12 февраля 1793 г. Петиция от имени всех 48 секций заявляла: „Вы говорили, что хороший закон о продовольствии невозможен. Это все равно, что сказать, что когда сброшена тирания—невозможно управлять государством.“

Народ все вновь и вновь связывал вопрос о хлебе с вопросами республики, он правильно связывал вопросы экономические и политические; буржуазия же предпочитала заниматься только „чистой“ политикой, ибо все экономические выгоды были и так на ее стороне.

Жирондист Бюзо в ответ на петицию вспоминает слова Верньо, сказанные перед казнью короля, что если теперь говорят о вине короля, то придет время, когда будут говорить о вине Конвента. В самом деле, ведь народ покушается на свое верховное представительство! Вместе с представителями 48 секций Парижа пришли федераты, заявлявшие, что они представляют департаменты Франции. Но кого же тогда представлял Конвент? Члены Конвента были возмущены как настоячивыми требованиями максимума,¹ так и претензией пришедших представлять Францию.

Возмущение жирондистов было поддержано и монтаньярами. Даже левый вождь, руководитель сентябрьской расправы, Марат возмутился претензией пришедших, обвиняя представителей секции и „бешеного“ Ру в том, что они аристократы. Конвент обошелся с депутацией очень холодно. Между тем одно народное воззвание в феврале 1793 г. говорило:

„Народ знает, что ораторы, выступающие в народных собраниях с красивыми речами и наставлениями, получают ужин“.

Единственным результатом депутации 12 февраля 1793 г. было увеличение пособий с 4 до 7 млн, отпускаемых Конвентом Коммуне для продажи в городских пекарнях хлеба по более низкой цене. Однако рабочие требовали не подачек, не милостыни. Они ушли уже далеко от требований деклассированной толпы древности, которая кричала: „хлеба и зрелищ!“ Рабочий класс требовал законодательного ограничения собственников в интересах революции, а интересы революции отождествлялись для него с его собственными интересами.

В конце февраля в Париже вновь вспыхивают волнения, начавшиеся с волнений прачек, сетовавших на дороговизну мыла. Движением руководили „бешеные“. Робеспьер еще видел в „бешеных“ агентов контрреволюции. 1 марта якобинский клуб издает редактированный Робеспьером циркуляр к народным обществам, в котором „бешеные“ изображаются как контрреволюционеры.

¹ Т. е. твердой предельной цены, выше которой не разрешалось брать при продаже. „Максимум“ дословно значит — „наивысший“, „наибольший“.

Жирондистская газета пишет по поводу волнений:

„Негодяи, проходимцы кричат о хлебных спекулянтах и о роланистах, хотя только их кровавые анархические учения прогоняют хлеб с рынка“.

И жирондисты объявляют Марата подкупленным агентом заграничной контрреволюции.

А Марат отвечает по поводу тех же волнений от 25 февраля: „Еще немного терпения и поймет наконец народ ту истину, что только сам он может освободить себя“.

2 марта Марат вновь напоминает, что гуманность вообще хороша, но только не в отношении врагов и предателей народа: „всякая снисходительность в отношении негодяев становится варварской в отношении народа; необходимо, чтобы мы их развеличили, или же мы сами будем раздавлены“.

Всего через какой-нибудь месяц изменится и отношение якобинцев к „бешеным“, ибо они увидят, что справиться с Жирондой без народных масс они не в состоянии.

Якобинцы видят, что своим отказом поддержать требования бешеных они теряют доверие революционной массы и становятся беззащитными перед Жирондой. 6 марта Робеспьер-младший (брат Максимилиана Робеспьера) пишет:

„Вы отрубили голову тирану,—говорят нам,—теперь вы могли бы упрочить счастье народа. Эти упреки, которые кажутся справедливыми, охлаждают доверие народа к депутатам-монтаньярам. Мы постоянно в меньшинстве. Мнимые патриоты, притворяющиеся в некоторых обществах бешеными, доводят свои принципы до нелепости и создают систему полной дезорганизации. Это доходит до того, что Гора считается умеренной и что правая сторона участвует в ужасной попытке все разрушить и низвергнуть с целью восстановить деспотизм или чтонибудь подобное.“

Якобинцы хотят продолжить, углубить революцию и в лице жирондистов встречают к этому решительное препятствие. Окончательно убедившись в невозможности самим справиться с Жирондой, они пойдут на блок с бешеными, и в свою очередь жирондисты объявят их агентами аристократов, выполняющими происки контрреволюции.

Борьба левого блока с Жирондой и революция 31 мая — 2 июня 1793 г.

Особенность этого периода революции, длящегося примерно с начала апреля 1793 г. до революции 31 мая — 2 июня 1793 г., состоит в том, что борьба Горы с Жирондой, которая

велась до сих пор главным образом в рамках парламента, перерастает в острую борьбу по всем вопросам революции.

Одновременно с этим якобинцы вступают в блок с бешеными и только при их помощи побеждают. Поэтому мы будем говорить не о борьбе Горы с Жирондой, а о борьбе левого блока с Жирондой.

Самым крупным и решающим шагом по пути к соединению Горы с бешеными было присоединение Горы к требованию бешеных о введении максимума. Остановимся на вопросе о максимуме.

Великая Французская революция была революцией буржуазной, задачей которой было утвердить новую общественно-экономическую формацию — капитализм. Франция была в окружении феодальных государств. Рабочий класс только еще складывался как класс. Следовательно, никакой речи о перерастании этой буржуазной революции в революцию пролетарскую, социалистическую быть не могло. Вопрос о перерастании может стать только тогда, когда капитализм уже достигнет известного уровня развития и рабочий класс формируется уже в класс для себя.

Миновать же стадию капитализма и перейти сразу к социализму та или иная колониальная или полуколониальная отсталая страна может только в том случае, когда капитализм уже вступил в период своего загнивания (стадия империализма) и когда существует уже где-либо диктатура пролетариата, которая может оказать этой стране братскую помощь при активной поддержке „международного пролетарского движения вообще“ (программа Коминтерна).

Ни того, ни другого условия, как мы видим, в то время еще не было. Следовательно рабочий класс, бывший еще классом в себе, не мог ставить вопроса о национализации производства, об экспроприации буржуазии. Но вместе с тем рабочий класс, связанный еще с нищающими слоями мелкой буржуазии, не мог конечно не противопоставить своих интересов интересам буржуазии.

Требование максимума, требование жесткой регламентации торговли было характерно для тогдашнего уровня развития рабочего класса. Не осознав еще своих классовых интересов, что вытекало из относительно еще слабого развития промышленности (мы помним, что Франция находилась еще только в мануфактурной стадии капитализма), рабочий класс не мог выставлять требований в отношении изменения способа производства. Требования, которые он выставлял, были требованиями не производителя всего общественного богатства, а тре-

бованиями потребителя. Это также как нельзя лучше выражает связанность рабочего класса того времени с нищающими слоями мелкой буржуазии, которые только и могли выступать как потребители. Однако рабочие, выставляя требование максимума, обозначали этим свою роль в революционном движении, смутно прозревали свое истинное положение в обществе.

Представителями рабочего класса и с ним связанных слоев нищающей мелкой буржуазии были бешеные, резко ставившие вопрос о максимуме, т. е. об установлении твердых цен, о борьбе со спекуляцией, о классовой борьбе со всеми проявлениями контрреволюции. „Депутаты Горы, говорил впоследствии вождь бешеных Жак Ру, — напрасно вы не поднимаетесь с третьего до девятого этажа домов этого революционного города, вы были бы тронуты слезами и стенаниями огромного множества людей, лишенных хлеба и одежды, приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и спекуляцией. Законы ведь жестоки по отношению к бедняку, они ведь созданы богатыми и только ради богатых“. Представителями народа, ютящегося в мансардах верхних этажей, и были бешеные.

Якобинцы и в частности их господствующая фракция — робеспьеристы — были представителями более устойчивых групп мелкой буржуазии. Они были за собственность, за свободу оборота и поэтому против максимума, так как в максимуме они видели анархию и покушение на собственность. Но вместе с тем они были противниками крупных состояний, противниками спекуляций, разоряющих мелкого буржуа. Они были за собственность, но предпочитали собственность мелкокрестьянскую крупной земельной собственности — дворянской и даже буржуазной; они были за собственность, но предпочитали собственность устойчивого кустика, ремесленника, лавочника — собственности крупного капиталиста, в особенности — спекулирующего капиталиста.

В принципе они были враждебны максимуму; постольку, поскольку максимум был частично и в их интересах, ибо он лишал спекулятивный капитал его возможностей и задерживал обесценение денег, они могли пойти на восприятие требований бешеных. Помимо всего этого — якобинцы были за углубление революции, а на данном этапе это означало — союз с бешеными.

Между всеми слоями крестьянства, выразителем интересов которого также были якобинцы, и рабочими городов на данном этапе было полное единение, поскольку основ-

ным вопросом революции оставался вопрос о радикальной ликвидации феодализма в деревне.

5 апреля якобинцы рассылают народным обществам, т. е. местным клубам, циркуляр, в котором они выдвигают требование „смены руководства“, т. е. удаление из Конвента главварей жирнодистов, присоединившись таким образом к требованию бешеных.

28 апреля якобинцы присоединились к очередной петиции о максимуме, поданной в Конвент.

1 мая секция Сент-Антуанского предместья вновь подала петицию о введении максимума и прогрессивного налога на крупные состояния, заканчивавшуюся следующими многозначительными словами:

„Если вы их („мер к спасению родины“) не примете, то мы, желающие это дело спасти, объявляем, что находимся в состоянии восстания“.

Вновь и вновь массы подчеркивают, что меры, которые они требуют, являются не вымоганием общественной благотворительности, а актом, необходимым для спасения революции. Экономическое подавление богатых и улучшение положения бедных есть акт подавления класса, враждебного революции, во имя спасения класса — носителя революции, и тем самым он неотделим от самой революции.

Под влиянием угрожающей активности масс и присоединения к ним якобинцев Конвент вынужден был 4 мая 1793 г. принять декрет о максимуме на зерно. Декрет 4 мая предписывал произвести учет зерна у собственников и для контроля за правильностью учета производить домашние обыски. Однако власти задерживали составление таблицы цен максимума, и таким образом хлеб уплывал в тот департамент, в тот округ, где еще не было таксы, или же, так как такса устанавливалась по отдельным департаментам, — в тот департамент, где она была выше. Таким образом решительно продвинуть к проведению максимума могла только победа левого блока, так же как только эта победа могла обеспечить революционную победу на фронтах.

В марте война вновь переносится на территорию Франции.

Осенние победы 1792 г. сменились поражениями весной 1793 г. Виной этому были неорганизованность армии и новые изменения ее руководящего состава. Жирондисты не могли решительно, революционно реорганизовать армию, потому что сами доверяли генералам, враждебное настроение которых в отношении революционных масс разделялось жирондистами.

Генерал Кюстин сдал обратно немцам ряд крепостей по Рейну, а армия генерала Дюмурье, после поражения при Нервинде (март 1793 г.) очистила Бельгию.

10 марта в Вандее (на западе Франции) началось восстание, поводом (но только поводом) к которому послужило объявление нового рекрутского набора. В Вандее часть кулацкого крестьянства подпала под влияние духовенства и дворянства. Организовалась королевско-католическая армия, которая вела ожесточенную войну против революционной Франции. К весне 1794 г. в Вандее были одержаны решительные победы революционными войсками. Однако вандейское восстание затянулось на много лет и продолжалось после термидорианской контрреволюции. Слово „Вандея“ стало обозначением контрреволюции.

В начале 1793 г. положение французской армии было плачевно. Зимняя стоянка в Бельгии была очень тяжелой. Попрежнему неразрешенным оставался вопрос о необходимости слияния волонтеров—революционных, но недостаточно дисциплинированных войск—с линейными, дисциплинированными, но отнюдь не всегда, особенно в своем командном составе, революционными войсками. Слияние конечно должно было произойти на базе первых.

Один из обследователей „синих мундиров“ (цвет формы волонтеров в отличие от белого цвета линейных войск) писал:

„Дух армии превосходен, но выправка волонтеров вызывает возмущение. Я видел здесь, что волонтерские батальоны везут за собой по двадцати и больше телег, когда они находятся в движении, и что эти телеги так полны женщинами, детьми, колыбелями, что не остается никакого места для больных и для солдатской клади“.

Линейные войска часто были настроены монархически и расстраивали революционный фронт. Например 11 мая 400 линейцев дезертируют к неприятелю, переходя на сторону вандейцев.

Плачевно обстояло дело и с войсковым комплектованием: в одной роте в начале 1793 г. оказалось только два человека. Пополнение затруднялось опять таки разъединенностью войск, так как молодежь шла только в волонтерские батальоны.

24 февраля 1793 г. Конвент принял декрет об „амалгаме“, т. е. о слиянии линейных и волонтерских частей, но осуществить его сумела только якобинская диктатура.

24 же февраля Конвент издает декрет о новом рекрутском наборе в 300 тыс. человек и для его выполнения рассылает по департаментам комиссаров Конвента. Интересно, что де-

крет Конвента о рекрутском наборе вначале допускал так называемый налог крови, т. е. за известное вознаграждение богатый мог вместо себя послать бедняка. 13 мая Конвент, по инициативе одного из департаментов, предложил производить рекрутский набор путем прямого назначения рекрутов, создав для этого особый комитет.

Примерно в марте у генерала Дюмурье созрел план реставрации монархии при помощи враждебной австрийской армии. В Конвент дошли слухи о его переговорах с австрийцами. Посланных к нему трех комиссаров от Конвента и военного министра он арестовал и препроводил австрийцам со следующей запиской: „Завтра я выступлю против столицы, чтобы положить конец этой гнусной анархии“. Однако Дюмурье, так же как раньше и Лафайет, ошибся в своих расчетах на армию. Волонтеры встретили его в штывки, и ему в сопровождении нескольких офицеров, в числе которых был будущий король Франции Луи Филипп, пришлось спасаться бегством в австрийский лагерь.

Так же, как Марат заблаговременно предупреждал о готовящейся измене Лафайета, так же он предупреждал и об измене генерала Дюмурье. 8 августа 1792 г. он писал в своей переименованной в „Газету республики“ газете: „Сто против одного, что Дюмурье убежит раньше конца будущего марта“. Марат не ошибся даже в сроках.

Как только в начале апреля стало известно о новой измене одного из главных руководителей армии генерала Дюмурье, „бешенный“ Варле в тот же день организовал тайный центральный революционный комитет из представителей всех секций. 15 апреля в Конвент был подан адрес, в котором наравне с требованием террора против скупщиков выдвигалось требование ареста главарей жирондистов. Как мы указали, якобинцы присоединились к требованиям бешеных о решительной расправе с жирондистами еще 5 апреля 1793 г.

Жирондисты обороняются и наступают. Они идут на создание диктаторского революционного органа для руководства обороной революции—и 5 апреля декретируют создание Комитета общественного спасения. Из якобинцев в Комитет общественного спасения вошел только правый—Дантон. Этот Комитет общественного спасения, вследствие своего классового состава, не смог конечно повести решительную революционную линию.

Комитет общественного спасения доверяется стороннику аристократов и генералу Кюстину. 9 апреля генерал Кюстин, подражая прежнему поведению Лафайета, шлет Конвенту на-

Глое письмо, выступая против горцев и предлагая вручить ему единственную военную диктатуру. Конвент отпечатал его письмо в Национальном бюллетене и ограничился посылкой к нему комиссаров. Состоящие при армии Кюстина радикально настроенные якобинцы-комиссары писали, что если Кюстин послал бы это письмо им, а не Конвенту, то они препроводили бы его в революционный трибунал. „Но что мы можем сделать, если Конвент сам остается неподвижен и вместо того, чтобы прибегнуть к аресту, печатает в Национальном бюллетене вещи, которые должны были бы явиться мотивами обвинительного декрета“. Это письмо комиссарами было написано в первой половине мая; оно очень показательно для господствовавших тогда настроений и полностью соответствовало настроению подпольного повстанческого комитета.

Жирондистов давно уже обвиняли в явности с контрреволюционными генералами. Еще в январе 1792 г., т. е. до объявления войны, Робеспьер разоблачал доверие вождя жиронды Бриссо к контрреволюционному военному министру и генералам. „Парижские революции“ еще весной 1792 г., указывая на благоговение жирондистов перед генералитетом, ставили вопрос, не изменники ли сами жирондисты. После этого жирондисты последовательно покровительствовали изменникам и контрреволюционерам: Лафайету, Дюмуре, Кюстину. Жирондисты отказывались идти навстречу требованиям масс. Жирондисты не могли окончательно разрешить аграрного вопроса. Жирондисты колеблются, виляют, и эти колебания неизменно направлены в сторону от революции. Революция сметет в сторону их самих.

Между тем Жиронда, видевшая в народе лишь „взрывчатую массу, с помощью которой можно разрушать Бастилию“, попыталась перейти в решительное наступление против этой массы.

18 мая жирондисты, пользуясь отсутствием в Конвенте многих якобинцев, постановляют созвать в городе Бурже новый Национальный конвент из заместителей депутатов. На следующий день якобинцам удалось отменить эту меру, но в Бурже все же состоялся съезд контрреволюционно настроенных депутатов.

Одновременно Жиронда решила напасть на революционных вождей. Готовился арест Марата. С неизменявшим ему инстинктом вождя улицы (а не парламентского вождя) Марат обратился к Конвенту:

„Я вовсе не имею в виду уклоняться от своих судей, но я не совершу такой глупости, чтобы отдать себя в руки яростных своих врагов, изменников отечества“. Пока Барбару.

отдавший батальону марсельцев приказ захватить ведущие к Конвенту улицы, чтобы добиться постановления об апелляции к народу, пока Жансонне, находившийся в преступной переписке с изменником Дюмуре, пока Лясурс, способствовавший бегству Валанса и предупредивший Дюмуре о направлении против него приказа; пока Бриссо, Гаде, Бюзо, Верньо, заседавшие по ночам с генералами — заговорщиками — и еще две недели назад защищавшие Дюмуре в Комитете обороны, — пока все эти вероломные господа, заклеянные общественным мнением как изменники отечества, не будут сидеть в тюрьме Аббатства, до той поры я и не подумаю отдаваться под стражу в угоду акту произвола, облеченного в форму декрета, изданного против меня беспощадными моими врагами“...

Декретом 12 апреля Марат был передан суду и скрылся в подполье. Из подполья Марат 17 и 18 апреля вновь обращается к Конвенту и вновь называет жирондистов преступной, заговорщицкой, роялистской шайкой.

Один из защитников Марата говорил: „Марат не может быть врагом республики, ибо все люди, которые ее предавали, являются его врагами“.

Состоявшийся в конце концов суд над Маратом превратился в сплошной триумф для него.

Когда народ после суда привел Марата в Конвент, сапер, шедший во главе национальных гвардейцев, заявил: „тот, кто захочет иметь голову Марата, получит одновременно и голову сапера“.

Затем Жиронда учредила „Комиссию 12“ для расследования преступлений якобинцев и Коммуны и арестовала первого вождя Коммуны Эбера.

Незадолго перед своим арестом Эбер писал: „Это в Конвенте, — да, черт дер! — это среди депутатов теперь находится очаг контрреволюции. Яд умеренных более опасен, чем железо Австрии. Победите — и все департаменты вас признают; но прежде всего куют железо, пока оно горячо. Если вы будете спать еще некоторое время, то бойтесь проснуться рабами, черт дер!“

25 мая в Конвент явилась депутация, требовавшая освобождения Эбера. С согласия Конвента жирондист Иснар ответил: „Если вечно повторяющиеся мятежи приведут к посягательству на народное представительство, то от имени Франции предупреждаю вас, что недалеко то время, когда по берегам Сены тщетно будут разыскивать самое местонахождение Парижа“.

Это было сказано весьма недвусмысленно. Но что стояло за этим заявлением жирондистов? Тени, съезжавшиеся в Бурже. На стороне же повстанческого комитета стоял вооруженный революционный Париж, стояла революционная крестьянская Франция.

Но прежде чем дело пришло к окончательной развязке, Комитет общественного спасения, при активном участии (и это чрезвычайно характерно) Дантона, сделал попытку примирить непримиримое и избежать неизбежного. 29 мая докладчик КОСа (комитета общественного спасения) выступил с порицанием Парижской коммуне и с призывом к примирению, — и 30 мая в состав КОСа, в знак доверия и желания примирения, Конвент ввел 5 представителей якобинцев. Но повстанческий комитет и Коммуна хорошо понимали, что это только маневр жирондистов, желавших оттянуть события в надежде получить подкрепление от единомышленников из провинции.

Буржуазия в провинциях активизировалась. Верньо 5-го мая писал в Бордо: „Будьте наготове: если меня принудят, я с трибуны обращусь к вам с призывом, чтобы притти на защиту к нам, если хватит время, чтобы отомстить за свободу, уничтожая тиранов“. Ответный адрес прибыл в Париж 14 мая.

Буржуазия Бордо заявляла, что она явится для защиты Конвента, если он сам не расправится с Горой. Одновременно Якобинский клуб получил сообщение из Бордо, что около двух месяцев тому назад прибыло 400 кавалеристов, желавших отправиться в Вандею, но департамент их отослал обратно. Муниципалитет, дистрикт, департамент полны негодями: „Большинство этих господ, — пишут бордосские якобинцы, — являются заговорщиками и купцами“.

Администраторы Бордо перепечатали и распространяли письмо из Ренна, которое также призывало к мести и гражданской войне.

20 мая в Якобинском клубе зачитывалось письмо, сообщавшее о совершающейся в Марселе контрреволюции. Во главе контрреволюции стоит „Партия Барбару“ (т. е. жирондисты). Патриотов называют интриганам. Секции захвачены аристократами Сжигаются все издания и воззвания Марсельского якобинского общества.

29 мая в Лионе началось буржуазное роялистское контрреволюционное восстание. Об этом Конвент узнает 2 июня в разгар революции.

В самом Париже буржуазная „золотая“ молодежь настолько активизировалась, что позволила себе избить на улице Ма-

рата, громко требуя его гильотинирования. Момент для подготавлившегося восстания настал.

26 мая Робеспьер говорил в якобинском клубе: „Бриссонцы ловки, но народ еще более ловок чем они. Помните, что народ Парижа еще существует... Необходимо, чтобы народ знал свои права, так как верные депутаты бессильны без народа“.

Якобинское общество объявило себя в состоянии восстания против „развращенных депутатов“, т. е. против жирондистов. Жирондисты призвали батальоны из департаментов Жиронды, Финистера и других, но, придя в Париж, эти батальоны примкнули не к жирондистам, а к революционному парижскому народу.

В ночь с 30 на 31 мая повстанческий комитет велел запереть заставы и ударить в набат. Командующим вооруженными силами был назначен якобинец Анрио. 31 мая народ заполнил залу Конвента и расселся в перемежку с депутатами. Конвент отказывается выдать народу требуемых 22 жирондистов и только отменяет „Комиссию 12-ти“, выделенную Конвентом для борьбы с якобинцами. 1 июня повстанческий комитет решил действовать энергичней. Сам Марат ударил в набат, и 2 июня восставшие вооруженные силы секций обложили Конвент. В ночь с 1-го на 2-е комитет арестовал жирондистских министров Клавьера и Ролана.

Еще 31 мая восставшие выставили свои требования: предание суду 22 вождей жирондистов, создание революционной армии, установление твердых цен на хлеб, увольнение дворян, чистка аппарата и робкое требование временного сохранения права голоса только за санкюлотами.

Председатель Собрания потребовал, чтобы Анрио убрал войска. Дантон, услышав, что депутаты лишены возможности свободно выходить из Конвента, воскликнул: „Французский народ оскорблен в лице своих представителей. Он требует грозной кары“.

Марат сговорился с Анрио, чтобы он не выпускал ни одного члена Конвента, пока требования восставших не будут удовлетворены. Когда Конвент шествовал к войскам, чтобы „уговорить“ их, Анрио отдал приказ: „Канониры, по местам. К оружию!“

Под напором направленных на Конвент пушек последний вынужден был уступить, и Марат сам редактировал список подлежащих аресту жирондистов. Всего было арестовано 29 человек.

„Только вмешательство крестьянства и пролетариата и плебейского элемента городов способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию“ (Ленин).

Именно таким вмешательством и при том чрезвычайно резким вмешательством была революция 31 мая—2 июня, установившая якобинскую диктатуру, при помощи которой городская и сельская демократия Франции (рабочие, крестьяне, ремесленники, городская мелкая буржуазия), „вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии“ (Ленин), „плебейским способом“ радикально разрешала задачи буржуазной революции.

Событиями 31 мая—2 июня руководили бешеные, которые входили в повстанческий комитет и, с другой стороны, Марат, которому никогда не изменял инстинкт вождя улицы.

Робеспьер поддержал восстание внутри Конвента.

Революция 31 мая—2 июня была народной революцией, совершенной против жирондистов, ставших препятствием на пути к развитию и углублению Французской революции. Революция 31 мая—2 июня явилась и конечным выводом революции 10 августа.

Контрреволюционный Лионский памфлетист писал во время Лионской контрреволюции в июле 1793 г.:

„Их отвратительная фракция (речь идет о клубах)... изоняет из Франции всякий внутренний мир, распространяя наиболее горькую неблагонадежность вокруг священного имени собственности, вооружая неимущего против богатого... Обычные наименования аристократа и патриота были заменены более выразительными наименованиями санкюлотов и собственников“.

Эти жалобы современного революции контрреволюционера хорошо выражают происшедший сдвиг.

Буржуа могли быть патриотами и бороться против аристократов; но буржуа никак не могли быть санкюлотами и ни в коей мере не могли бороться против собственников. Центр руководства резко переместился. Он перешел от буржуазии—к народу. Власть перешла в руки „общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии“ (Ленин).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ГЛАВА I

ЯКОБИНСКАЯ ДИКТАТУРА ЛЕТОМ 1793 г.

2 июня открывает наиболее напряженную и трагическую страницу революции—страницу, в силу которой сама революция получила название *Великой*. Якобинцы победили жирондистов, считавших, что „нет постоянной работы, где нет постоянной безопасности для собственности богачей“ (Бриссо). Но, победив, они оказались в чрезвычайно сложной обстановке: мрачная европейская феодальная реакция, представляемая внутри Франции вандейской королевско-католической армией; восстания буржуа портовых городов, знаменами которых была неограниченная прибыль, а символом веры—рабство в колониях; многомиллионные массы крестьян, обрабатывавшие уже землю как свою, ибо они добыли себе это право в революционной борьбе при зареве пожаров, в которых подвергались одинаковому уничтожению как феодальные грамоты, так и их обладатели, но желавшие, жаждавшие закрепить за собой это право, наконец—голодная и полуголодная масса разоряющейся мелкой буржуазии и рабочего класса.

Робеспьеристы, которые были представителями мелко-буржуазного середняка, оказались во главе блока, в который кроме них входили массы разоряющейся мелкой буржуазии и рабочего класса и который был призван спасти Францию. И в этот час, когда вопрос „кто кого“ представлялся в образе борьбы трехцветного знамени на свободной крестьянской земле с белым крестом на дворянско-помещичьем мундире „королевско-католической“ армии, в этот час мелкая буржуазия, верная двойственности своего экономического положения и обусловленному им оппортунизму, пыталась, с одной стороны, углубить революцию, удовлетворив крестьян, а с дру-

гой стороны — обезопасить себя от буржуазии, попытавшись некоторыми уступками оторвать часть ее от контрреволюции.

Сама эта попытка была вполне естественной и закономерной, так как мелкая буржуазия даже XVIII века участвует в революции все же с оглядкой, и на „последний и решительный бой“ она пойдет только исчерпав все предварительные средства, пойдет только тогда, когда революционные массы, отчаявшиеся в выходе из все вновь возникающего тупика, заставят ее разжечь во Франции костер гражданской войны и этим спасти революцию.

Якобинцы стали на место жирондистов по праву сильного, но силу их праву давала та масса, выразителем которой были бешеные. Однако нельзя было протягивать правую руку на примирение с частью буржуазии, а левой ласкать бешеных, ибо буржуазию пугали „крайности“ бешеных, а бешеных возмущали уступки якобинцев буржуазии.

Отсюда три линии в политике якобинцев летом 1793 г.:

- а) политика удовлетворения требований крестьянства;
- б) политика некоторого успокоения части буржуазии; в) борьба с бешеными.

Мы заранее укажем на то, что попытка успокоения некоторой части буржуазии должна была потерпеть неудачу, ибо буржуазия смертельно боялась революционной „анархии“, боялась нападков на собственность, — и поэтому на якобинские попытки примирения она отвечала восстаниями, охватившими в середине июня около 65 департаментов из 83-х.

Крестьянская политика

10 июня крестьянам были возвращены общинные земли, которые в свое время по закону 1669 г. усердно захватывались помещиками. Декрет 10 июня устанавливал для крестьян двойную возможность пользоваться общинными землями: либо сообща, как ими пользовались в старину, либо разделив земли между крестьянскими семьями.

По вопросу о способах раздела общинных земель выявилось несколько точек зрения: кулачество возвестило о своих стремлениях предложением разделить земли пропорционально имуществу крестьян, таким образом больше всего получили бы богатые, а беднота была бы обойдена; беднота говорила устами депутата Марена: общинные земли должны делиться обратно пропорционально имущественному положению крестьян: таким образом беднота должна была быть вознагра-

ждена за свое безземелие, а кулачество фактически осталось бы в стороне от раздела общинных земель. Принят был однако третий, компромиссный способ раздела: земля должна была делиться поровну, по числу душ.

Наконец 17 июля революционная Франция окончательно сбросила с себя наиболее тягостное воспоминание о прошлом. Декрет гласил: „Ст. 1. Все бывшие сеньюральные платежи, чиншевые и феодальные права как постоянные, так и случайные, даже те, которые сохранены в силе декретом 25 августа прошлого года, отменяются без всякого вознаграждения“.

Декрет предлагал одновременно сжечь все записи, относящиеся к фиксации феодальных повинностей. И в далеких, отрезанных от мира деревушках люди собирались для сжигания грамот на сосредоточено-радостные гражданские празднества, приобщаясь к жизни новой, свободной Франции.

Но получение крестьянами земель не только ликвидировало положение дворян, „единственным трудом которых было родиться на свет“, оно ликвидировало и вновь приобретенные привилегии буржуазии, которая, покупая землю из фонда национальных имуществ, теперь в своей плебейской руке держала аристократические привилегии. И когда буржуазный Тулон заблокируется с монархистами, направляя пушки на революционный Париж, это будет боевым крещением новой группировки классовых интересов и классовых сил.

В борьбе против якобинской диктатуры буржуазия объединилась с монархистами и пользовалась поддержкой интервентов, в частности Англии. Настолько сильна в буржуазии, бывшей идейной вдохновительницей и руководительницей революции, боязнь временных жертв, боязнь за сохранность ее собственности!

17 июля превратило крестьян в свободных мелких собственников земли. И с этих пор они будут бороться за свой клочок земли, внося вплоть до эпохи созревания пролетариата, в социальную жизнь элемент консервативной устойчивости.

Это — одна из центральных проблем исторического развития Западной Европы. Французский крестьянин получил землю не из рук пролетариата, ибо тогда еще не было пролетариата как класса, который мог бы быть самостоятельным гегемоном революции. Поэтому крестьянство не чувствовало себя обязанным пролетариату и привязанным к нему. Поэтому в конечном результате революция привела „...к громадному усилению политического веса буржуазии.“

В России, наоборот, буржуазная революция дала прямо противоположные результаты. Революция в России привела

не к усилению, а к ослаблению буржуазии как политической силы, не к умножению ее политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства. Буржуазная революция в России выдвинула на первый план не либеральную буржуазию, а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство. Этим между прочим объясняется тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата" (*Сталин, "Основы ленинизма," стр. 38—39*).

Освобождением крестьян, превращением их в мелких собственников земли мелкобуржуазная диктатура разрешила основную и важнейшую задачу буржуазной революции. Но что она, мелкая буржуазия, могла дальше предложить крестьянству? Ничего. И крестьянство замыкается всецело в заботы о своей наконец приобретенной собственности — и относится враждебно ко всем мероприятиям и событиям, могущим нарушить свободу и безопасность этой собственности. Единственная борьба, которая его вдохновляет, это борьба против иностранного вторжения, против возвращения помещиков и господ. Но в углублении „внутренней“ революции оно, за исключением бедноты, в эту эпоху не было заинтересовано.

Мелкое свободное землевладение, дающее крестьянину свободный выход на рынок, усиливает его расслоение. Углубить революцию в деревне — значило поддерживать это расслоение, углубить классовую борьбу в деревне. Но класса, который мог бы идти во главе этого движения, — пролетариата как класса для себя еще не было, да и обстановка была не та, вопрос шел еще только об утверждении капитализма в стране, окруженной феодальными державами.

Поэтому от свержения феодализма и до эпохи созревания пролетариата, который сумеет возглавить гражданскую войну в деревне во имя социализма, крестьянство, ставшее мелким собственником, будет консервативной силой, дерущейся и борющейся в тисках нужды за свой клочок земли.

Иначе дело обстояло в России. Это своеобразие заключается в том, что в России многомиллионное крестьянство еще в борьбе с феодализмом сплотилось вокруг пролетариата и что в силу этого „буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок" (*Сталин*), и объясняется тем, что „буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе, что русский пролетариат

успел уже превратиться к этому времени в самостоятельную политическую силу, между тем как либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, растеряла подобие всякой революционности (особенно после уроков 1905 г.) и вступила в союз с царем и помещиками против революции, против рабочих и крестьян" (*Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 39*).

Неверие троцкизма в силу пролетариата выражается в неверии в его руководящую роль в отношении крестьянства в пролетарской революции, в непонимании русского своеобразия, а также в капитулянтских установках в отношении западно-европейского крестьянства. Отсюда тянется соединительная ниточка между непризнанием построения социализма в одной стране, в частности в СССР, и капитуляцией перед германским фашизмом.

Неверие в возможность построения социализма в нашей стране есть неверие в возможность для пролетариата сохранения союза с крестьянством, которое контрреволюционный троцкизм предлагает эксплуатировать как колонию. Капитуляция перед фашизмом — это неверие в способность пролетариата оторвать от фашизма, как открытой диктатуры крупного капитала, временно увлеченную им часть городской и деревенской мелкой буржуазии.

Ко времени установления якобинской диктатуры перед революционной Францией стоял вопрос о борьбе и расправе с внутренней и внешней контрреволюцией. В этой борьбе освобожденное крестьянство было кровно заинтересовано. И оно составляет поэтому сильнейшую революционную силу эпохи якобинской диктатуры. Армии, борющиеся с внешней и внутренней контрреволюцией, состоят в основном из крестьянства. Радикально покончив со всеми остатками феодального угнетения крестьянства, якобинская диктатура выполнила в основном то, о чем говорил Энгельс: „Исполнившая метла французской революции XVIII столетия вымела весь отживший сор давно минувших веков...“

Мало было вынести постановление об освобождении крестьян: надо было на деле отстоять их от всех покушений контрреволюции. Это и сделало крестьянство под руководством „плебейского элемента городов“.

„Побежденный феодализм и сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа „чудес“ 1792—1793 г. в военной области“ (*Ленин, Соч., т. XXII, стр. 263*).

Только якобинская диктатура могла дать полный стимул крестьянину — драться за революцию.

Продовольственное положение и продовольственная политика

К середине июня 1793 г. продовольственная нужда в Париже вновь обострилась. Еще 15 июня секция прав человека, в которой сильнейшим влиянием пользовался „бешеный“ Варле, послала в Коммуну адрес с требованием принятия энергичных мер против скупщиков и введения всеобщего максимума, т. е. твердых цен на все продукты и товары. 28 вспыхнули общие продовольственные волнения. Бешеные стояли в главе движения, требуя принятия всеобщего максимума и энергичных мер по борьбе со спекуляцией.

Иначе сперва отнеслись к движению стоявшие во главе Коммуны левые якобинцы—кордельеры Эбер и Шометт. 28 июня Эбер поклялся от имени Коммуны свято охранять частную собственность, а еще 26 июня Коммуна фактически восстановила военный закон, отмененный только три дня назад, в день принятия Конвентом новой конституции.

В разгар беспорядков горцы с трибуны Конвента приписывали беспорядки контрреволюционерам, причисляя таким образом к их числу бешенных, а совет Коммуны сместил Жака Ру с поста редактора „Бюллетеня Коммуны“, выражая ему тем самым недоверие и отмежевываясь от него. Таким образом в июне левые якобинцы еще не были согласны с насильственными, революционными мерами бешеных. Но нужда наступала, и массы знали только два средства борьбы с нею. Об этих средствах им постоянно говорили друзья: самоотверженно-преданный священник Ру, его сподвижник Леклерк и молодой энтузиаст Варле: во-первых,—всеобщий максимум, во-вторых,—борьба со спекуляцией. И на следующий день после того, как Коммуна отмежевывалась от Ру, комиссары 33 парижских секций, собравшись вместе, вновь потребовали всеобщий максимум и—как меру борьбы со спекуляцией—всеобщие обыски у частных лиц.

Якобинцы ожесточенно травили бешеных и в этот же вечер сумели добиться у левого клуба кордельеров исключения из их среды бешеного Ру, который три дня перед тем выступал в этом клубе с резкими нападками на правого якобинца Дантона и его друга Лежандра. Разя бешеных, якобинцы на этом этапе не только не воспринимали их лозунгов, но явно шли на смягчение максимума, что соответствовало взятой якобинцами после своей победы линии на некоторое успокоение зажиточных классов.

1 июля Генеральный совет Коммуны выносит порицание Жаку Ру. В Якобинском клубе против него выступает левый, близкий к эбертистам Колло д'Эрбуа. Скрываясь за этой дымовой завесой, Конвент издает декрет о разрешении департаментам производить закупки у частных лиц, а 5 июля о разрешении военным организациям производить закупки помимо рынков. По закону о максимуме на зерно от 4 мая закупки и продажу разрешалось производить только на рынках, ибо только в общественном месте мог быть осуществлен контроль над соблюдением твердых цен (максимума). Тем самым законы 1 и 5 июля, разрешавшие покупки и продажи помимо рынков, фактически сводили на-нет максимум цен на зерно, установленный 4 мая.

Положение с продовольствием после этого не только не облегчилось, но осложнилось настолько, что 18 июля Коммуна постановила заслушивать ежедневно сообщения о продовольственном положении. Вполне понятно! В условиях гражданской войны только твердая регламентация продажных цен была той классовой политикой, которая могла бы обеспечить некоторый прожиточный минимум для масс.

Из прессы Горы мы узнаем, что 21 июля некий, гражданин был убит толпой, защищая хлеб, приобретенный им для себя и своей семьи. В тот же день была сломана рука другому гражданину при таких же обстоятельствах. Беременная женщина во время давки из за хлеба была ранена, а ребенок ее задушен в утробе. Такие сцены происходили из-за „отсутствия“ хлеба. Между тем хлеб был, но кулаки и торговцы бросали его в воду. Несколько подобных случаев было документально установлено.

Так же вели себя торговцы мясом. Стояла сильная жара. Вместо того чтобы снизить цены и распродавать мясо, сделав его доступным беднякам, мясники предпочитали сгноить мясо и затем выбросить его. Газета Горы пишет, что эти „коварные“ маневры направлены к тому, чтобы „внушить народу недоверие к своим избранникам и наказать его за спокойствие“, а также помешать празднованию 10 августа.

В двадцатых числах стали поговаривать о предстоящем повторении „сентябрьской резни“. Дальше якобинцы не могли полностью противостоять требованиям своих вчерашних союзников (бешеных), не подвергаясь опасности самим быть сметенными. 27 июля, по предложению того самого Колло д'Эрбуа, который за месяц до этого выступал в Якобинском клубе с нападками против Ру, Конвент учредил институт комиссаров по борьбе со спекуляцией, а за участие в спекуляции

установил смертную казнь. На комиссаров по борьбе со спекуляцией возлагалась также обязанность следить за исполнением максимума, и властям предписывалось контролировать обращение предметов первой необходимости.

26 июля был издан декрет против скупщиков. Все собственники предметов первой необходимости были обязаны сделать о них декларацию властям. Не сделавшие декларации о своих товарах, а равно уничтожающие или прячущие их объявлялись скупщиками и подлежали смертной казни.

Эти меры однако напоминали собой скорее декларации, рассчитанные на успокоение бешеных, нежели реальные мероприятия,

В то время как Жак Ру конкретно предлагал организовать революционную армию, которая занялась бы выкачиванием хлеба из деревень, Конвент 28—31 июля обсуждал вновь продовольственное законодательство—(законы 4 мая и 1 и 5 июля),— и высказался в общем скорее за смягчение, нежели за усиление максимума. А 31 июля вновь собрались комиссары секций и вновь говорили о продовольствии и о своих неудовлетворенных требованиях.

1 августа по требованию Коммуны были закрыты городские заставы, чтобы продовольствие не могло вывозиться из Парижа. Несмотря на закрытие застав, вывоз хлеба продолжался. В Париже благодаря доплате, выдававшейся Коммуной булочникам, хлеб стоил 3 су за ливр.¹ Вне Парижа этот хлеб продавался за 8—11 су. Таким образом, вывозя хлеб из столицы и обрекая бедноту на голод, хлебом спекулировали. 2 августа народ самовольно устанавливал на рынках таксу на мясо и яйца.

„Парижские Революции“ писали в начале августа:

„Не следует ли упрекнуть жителей соседних деревень в использовании обстоятельств для учетверения своей прибыли? Если бы они обладали некоторым патриотизмом и некоторою гуманностью, разве они вели бы себя так в отношении своих братьев, которые свершили революцию и несут ее тяжести! Жители соседних коммун—разве не обязаны были бы они довольствоваться умеренной прибылью? Далекие от этого, они приходят забирать хлеб в Париж.. В самом деле, люди деревни очень виновны, тем более, что благодеяния революции распространились почти исключительно на них. Города несли все издержки, деревни извлекали всю пользу“.

¹ Ливр равен был 1½ фунта.

Положение оставалось настолько обостренным, что 9 августа Конвент принял меры по охране тюрем—так настойчиво опять носилась в воздухе мысль о повторении „сентябрьской резни“, ибо народ чувствовал вновь необходимость самому расправиться с врагами. Якобинцы должны были либо итти на полный раскол левого блока и соединиться с побежденными врагами—жирондистами,—либо уступить массам. Якобинцы естественно пошли по второму пути.

14 августа Конвент декретировал строгое исполнение закона о максимуме от 4 мая. 16 августа Конвент постановил произвести всеобщий учет зерна и обмолотить его, для чего была объявлена мобилизация рабочей силы. 17 августа, в день, когда Ж. Ру напечатал угрожающую статью по продовольственному вопросу, Конвент еще раз подтвердил свое постановление о всеобщем учете зерна и установил кару в 10 лет тюремного заключения за неправильные заявки. Затем были установлены твердые цены-максимум на топливо и на овес.

В это время настроение столицы было настолько возбужденным, что эбертисты перешли на точку зрения бешеных, фактически подчинили Якобинский клуб своему влиянию, и 20 августа депутация Якобинского клуба, с трибуны которого до сих пор бешеные за это самое требование назывались контрреволюционерами, требовала введения всеобщего максимума.

Чем объяснить, что эбертисты перешли на сторону бешеных? Эбертистами мы называем левых якобинцев, кордельеров, возглавлявшихся руководителями Коммуны Эбером и Шометтом.

Укоренившееся в литературе название „эбертисты“—не вполне точное, ибо соратник Эбера—Шометт—был более глубоким и последовательным революционером, чем Эбер. Но объективно они делали одно и то же дело—они были выразителями чаяний революционных масс и, в качестве таковых, до конца толкачами революции, революционной основой стоявшей у власти мелкой буржуазии. Надо решительно отвергнуть попытки социал-фашистских историков исходить из психологической, а не социальной трактовки политических течений, что приводит к отрыву эбертистов от бешеных и Эбера от Шометта, причем Эбер оказывается попросту анархистом-интеллектуалом.

Надо решительно подчеркнуть, что независимо от оттенков (а мелкобуржуазная интеллигенция вообще очень индивидуалистична и дает множество идеологических оттенков) Эбер и Шометт возглавляли одно и то же направление и что после

разгрома бешеных они остались выразителями стремлений тех социальных слоев, которые представлялись бешеными.

Таким образом якобинцы делились теперь на 3 фракции: господствующей фракцией были робеспьеристы (представители мелкобуржуазного середняка), правую составляли дантонисты (вождь Дантон), т. е. переродившиеся якобинцы—представители той части мелкой буржуазии, которая в революции сомкнулась с крупной, преимущественно спекулятивной буржуазией; левую фракцию составляли представители нищающих слоев мелкой буржуазии и рабочего класса—эбертисты.

Стоя во главе Коммуны, Эбер и Шометт теснейшим образом были связаны с массами. С самого начала революции они работали в клубе кордельеров, бывшем всегда левее и революционнее клуба якобинцев. Поэтому, проявив в начале якобинской диктатуры некоторые колебания в отношении бешеных, поразивших резкостью своих выступлений (и показавших тем самым свою дальновидность и правильную ориентировку в событиях), эбертисты смогли очень скоро перейти на их позиции. Это объяснялось тем, что эбертисты были выразителями тех же масс, на которые опирались и бешеные, т. е. рабочих и нищающих слоев мелкой буржуазии. Они были выразителями социальных групп, которые объективно по своему положению в обществе были левее и революционнее того мелкобуржуазного середняка, который в лице робеспьеристов стоял у власти. В характере якобинизма и его фракционной борьбы ярко отражается характер эпохи—незрелость развития капитализма и пролетариата.

Руководителем якобинской диктатуры был мелкобуржуазный середняк, руководителем пролетарской диктатуры является пролетариат. Якобинцы XVIII века были пестрой массой, в которой толкачами были как раз те группы (выразители их — бешеные и эбертисты), которые объективно, по своему положению в обществе, были революционнее и левее группы стоявших у власти робеспьеристов. Якобинцы XX века — большевики — представители того класса, левее и революционнее которого нет класса в обществе — пролетариата. Только контрреволюционная троцкистская фальсификация истории может нарочито не понять этого.

В конце августа Эбер писал:

„У купцов, чорт их дерн, нет отечества. Пока они думали, что революция будет им полезна, они поддерживали ее; они протягивали руку санкюлотам, чтобы уничтожить дворянство и парламенты, но все это только для того, чтобы самим занять место аристократов. С тех пор как активные граждане

уже не существуют, с тех пор как несчастный санкюлот пользуется такими же правами, что и богатый вымогатель, все они, будь они прокляты, отвернулись от нас и употребляют всякие меры к уничтожению республики“.

Под влиянием возбуждения масс, шедших за требованиями бешеных, даже Барер, недавно перешедший от жирондистов к якобинцам и 6 июня, не без согласия правого якобинца Дантона требовавший роспуска революционных комитетов и свободы прессы, выступил в Конвенте с предложением Коммуны отменить декрет от 1 июля о праве бесконтрольной купли-продажи на дому. Конвент отменил декрет 1 июля — и только теперь, введя вновь обязательство продажи исключительно на рынках и тем самым дав возможность контроля за продавцами, по-настоящему восстановил максимум на зерно. Это было 25 августа. В тот же день Конвент создал комиссию по выработке проекта всеобщего максимума.

Напомним, что всеобщий максимум означал, во-первых, установление максимума на все товары и продукты и, во-вторых, выработку единой таблицы цен или хотя бы единых принципов для установления твердых цен по всей республике. До установления всеобщего максимума производители и торговцы могли легко отказаться от торговли нормированным товаром, перейдя на торговлю другими товарами. Кроме того цены, устанавливаемые местными властями, далеко не всегда удовлетворяли потребителя. Естественно, что максимум мог быть осуществлен по-настоящему только централизованным путем, т. е. введением всеобщего максимума.

На примере продовольственного законодательства мы опять убеждаемся в том, что, придя к власти, якобинцы колеблются и пытаются выбрать более удобную и спокойную дорогу. Но, видя непримиримость требований левого союзника, они уступают ему, жертвуя в интересах укрепления союза с массами своей попыткой — уступками замирить враждебную, после революции 31 мая — 2 июня, собственническую Францию.

Финансовая политика лета 1793 г.

Социальный характер революции 31 мая — 2 июня 1793 г. был настолько ярко выражен, что биржа — чуткий барометр социальной жизни — не преминула на него немедленно отозваться. Курс ассигнаций до и после 2 июня 1793 г. был следующим:

Январь — 51, февраль — 52, март — 51, апрель — 43, май — 52, июнь — 36, июль — 23, август — 23.

Это означало недоверие „денежных“ людей к „санкюлотской“ революции. Правда, обесценение ливра на первых порах помогло подъему торговли, промышленности и экспорта но более или менее длительным этот нездоровый подъем мог быть только в том случае, если бы само правительство поощряло спекуляцию и развернутое капиталистическое накопление. Но против этого как-раз боролись те массы, которым удалось направить политику якобинцев, да и сама мелкая буржуазия не была заинтересована в инфляции.

Инфляцией называется обесценение денег, которое возникает в результате расстройства товарообращения; при инфляции деньги теряют свое реальное обеспечение. В такие эпохи (так оно и было в этот период) государство вынуждено все в больших размерах выпускать бумажные деньги (ассигнаты и были такими бумажными деньгами) для обеспечения быстро возрастающей потребности в денежных знаках.

Нам хорошо памятливы годы гражданской войны, когда мы все были миллионерами и когда месячная зарплата заполняла чуть ли не целый портфель. Эпоху сильнейшей инфляции пережила и послевоенная Европа и в особенности побежденная Германия.

Однако естественно, что инфляция эпохи военного коммунизма в СССР никак не может быть сравнена с инфляцией в капиталистических странах. В СССР, где существует диктатура пролетариата, вся экономическая политика была направлена на то, чтобы обезвредить влияние тогдашней инфляции на положение трудящихся. В капиталистических же странах инфляция, в смысле обесценения денег и вздорожания товаров, жестоко бьет по карману рабочий класс и мелкую буржуазию, которые, как потребители, несут на себе все ее тяготы. Одновременно инфляция служит средством накопления для промышленников и крупных торговцев, в особенности экспортеров. Для этих групп буржуазии инфляция является способом перекачки средств из карманов рабочего класса и мелкой буржуазии во славу увеличения прибылей. Промышленники, пользуясь обесценением денег, преобразуют и расширяют свое производство; товары, обесцененные на внутреннем рынке, они и торговцы-экспортеры сбывают за твердую валюту за границу, почему в эпоху инфляции процветает экспорт. За счет инфляции послевоенная Германия смогла восстановить, укрепить и расширить свою промышленность, ввергнув массы в нищету.

Иное положение было в эпоху якобинской диктатуры. Якобинское правительство боролось за оздоровление финансов,

хотя энергия его порой сдерживалась в этот период боязнь решительно задеть собственность. Уже 7 июня Конвент в целях мобилизации ресурсов обещал всем погасившим досрочно свою задолженность по национальным имуществам $\frac{1}{2}$ % премии.

27 июня Конвент закрыл Парижскую биржу, которая была центром ажиотажа и спекуляции. Это было мероприятием, проведения которого давно требовали бешеные. Наряду с этим был консолидирован государственный долг. Дело в том, что старый режим оставил в наследство революции, в виде одного из результатов своей расточительной политики, целую массу кредиторов по самым различным займам, заключенным Людовиком XVI и его предками. Конвент консолидировал эти разрозненные долги старого режима в единый республиканский долг, записанный в так называемую „Большую книгу государственного долга“.

Консолидация долга означает, что государство сводит все долги к единообразному способу выплаты, одновременно облегчая его. Так, по „Большой книге государственного долга“ Республика обязалась выплачивать вместо долга вечные проценты. Таким образом она упростила свои обязательства и вместе с тем поставила кредиторов старого режима в зависимость от себя положения.

Состояние ассигнаций было очень тревожным. Наравне с республиканскими ассигнациями ходили королевские, которые часть населения, верившая в восстановление королевской власти, предпочитала и которые были устойчивее в цене.

Помимо того, эмигранты организовали целые фабрики по выпуску фальшивых ассигнаций, которыми они наводнили революционную Францию, увеличивая инфляцию и финансовый кризис.

Декретами 31 июля и 17 августа было покончено с королевскими ассигнациями, подлежавшими полной отмене с 1 января 1794 г. Но интересно, что по декрету 31 июля они все же принимались в уплату за национальные имущества, по налогам и вообще по расчетам с государством. Тем самым лица, явно не доверявшие государству, имели возможность ничего не терять при отмене революционным правительством королевских ассигнаций. Декрет 17 августа только ограничил это право обмена 1 января 1794 г.

Ко всему этому надо прибавить право банков выпускать денежные знаки. Банки широко пользовались этим правом, занимаясь при том спекуляцией.

В этих условиях огромное значение приобретала реализация принятого в принципе еще 20 мая по требованию Ком-

муны принудительного займа в 1 миллиард франков. 22 июня при бурных аплодисментах Конвент принял следующий порядок распределения займа: „Национальный Конвент декретировал, что естественным следствием торжественно провозглашенной декларации, подтвержденной конституцией, является стремление сохранить неприкосновенной земельную, торговую и индустриальную собственность. Поэтому распределение миллиарда, составляющего принудительный заем по декрету 22 мая 1793 г., не будет возложено на собственность и капиталы, а только на доходы с движимости и недвижимого имущества, сбор с которых совершается по правилам, достойным свободного народа“.

Декрет этот был составлен явно в целях успокоения собственников. Оппозиция возражала, что этот заем не даст нужных результатов, что он выгоден собственникам, ибо они отдадут государству свои ассигнации в обесцененном виде, а вернут их себе когда финансы будут укреплены.

Но Гора настояла на своем, ибо как мы уже указывали, после победы левого блока, после установления якобинской диктатуры, якобинцы пытались замирить часть буржуазии. Однако и в этот период был проведен ряд революционных мероприятий, как например закрытие биржи. Таким образом мы и на примере финансового законодательства видим, что якобинцы отнюдь не склонны были приостанавливать революцию, но со свойственными всякой мелкой буржуазии колебаниями они хотели попытаться некоторыми мероприятиями отколоть часть буржуазии от контрреволюции.

Конституция 1793 г.

Конституция вырабатывалась Комитетом, который был избран еще 29 сентября 1792 г., т. е. через пять дней после открытия Конвента. К весне 1793 г. были представлены соответствующие проекты, и с конца апреля жирондисты торопили Конвент со скорейшим утверждением конституции, ибо быстрое принятие конституции, говорили они, помогло бы разгрому фракций, успокоило бы собственников и тем самым уменьшило бы дороговизну.

Горцы нарочито медлили с обсуждением конституции, ибо большинство их депутатов было в командировках в связи с рекрутским набором.

После 2 июня положение оказалось иным: теперь горцы торопили Конвент с принятием конституции; они хотели

успокоить часть буржуазии департаментов демонстрацией законности своей власти.

Налицо были два проекта конституции: один — выработанный жирондистом Кондорсэ, второй — выработанный горцем Эро-де Сешелем.

Спорными были вопросы формулировки права собственности и организации власти.

Начнем с последнего вопроса.

По проекту жирондистов министры выбирались не собраниями, а прямыми всеобщими выборами. Монтаньяры справедливо возражали, что жирондисты хотят установить диктатуру министров, ибо при этой системе министры не подчинялись бы Конвенту или парламенту.

Проект жирондистов хотел также уменьшить роль городского населения, объединив города с сельскими местностями в большие коммуны; при этом городское население потонуло бы в сельском.

Не довольствуясь этим, они предлагали еще разбить города на совершенно самостоятельные избирательные округа, а также устанавливали сложную систему выборов с предварительными собраниями, против чего якобинцы возражали, справедливо указывая, что бедноте фактически придется отстраниться от этой аристократической процедуры.

В монтаньярской конституции было меньше показной демократии, но зато в ней больше обеспечивались элементы централизованной революционной демократии. Министры утверждались Конвентом и были ему подотчетны. За городами и в частности за Парижем было обеспечено решающее значение.

Если монтаньярам удалось после 2 июня отстоять в конституции принцип наиболее централизованной демократии, то иначе дело обстояло с формулировкой социально-экономических положений.

Выступая 24 апреля в Конвенте, Робеспьер выдвинул вопрос о прогрессивном обложении, дав свою формулировку права собственности, значительно отличавшуюся от формулировки жирондистов.

Жирондисты особенно настаивали на гарантиях собственности, ибо, как заявил, обнажая классовую правду, жирондист Иснар, в будущем демократическом режиме собственность будет особо угрожаемой.

В декларации прав, предпосланной конституции 1793 г., в качестве естественных и неотъемлемых прав человека значились: равенство, свобода, безопасность собственности.

Но все дело было в том, как определить эту неотъемлемую и священную собственность.

Следующая таблица показывает, как различно ее определяли Робеспьер и Кондорсэ. Мы увидим также, что в окончательной редакции, принятой после 2 июня, формулировка собственности совпадала не с проектом Робеспьера, а с проектом Кондорсэ.

Проект Робеспьера

Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать частью своего имущества, обеспеченного за ним законом.

Право собственности, подобно другим правам, ограничено обязанностью уважать права чужие. Оно не может наносить ущерба ни существованию, ни собственности подобных.

Всякое владение, всякая сделка, нарушающие этот принцип, незаконны и безнравственны по существу. Для того чтобы права народа были не призрачны, чтобы равенство не было химеричным, общество должно давать общественным должностным лицам жалование и устроить так, чтобы граждане, живущие своим трудом, могли присутствовать в общественных собраниях, в которые призывает их закон, без ущерба для их существования и их семей.

Люди всех стран — братья, и различные народы по мере сил должны помогать один другому, как граждане одного и того же государства.

Кто угнетает хотя бы одну нацию, является врагом всех народов.

Конституция 1793 г.

Право собственности есть принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, доходами, плодами своего труда и промысла.

Промышленной деятельности граждан не может быть воспрещена никакой род труда, культуры и торговли.

Французский народ есть естественный друг и союзник свободных народов. Он отнюдь не вмешивается в управление других народов.

Он не допускает, чтобы другие народы вмешивались в его управление.

Проект Кондорсэ

Право собственности состоит в том, что человек волен располагать по своему усмотрению своим имуществом, своим капиталом и продуктами своего производства.

Человеку не может быть воспрещен никакой род труда, торговли и культуры; он может производить, выделять и развивать предметы всякого рода производства.

Для английской, как и для французской, революции вопрос собственности стоял в свободе конкуренции и уничтожении всех феодальных отношений собственности: помещичьей власти, цехов, монополий и т. д., которые превратились в цепи для развившейся в течение XVI—XVIII веков индустрии. Вопрос собственности всегда был жизненным вопросом того или другого — в зависимости от степени развития промышленности — класса.

В XVII—XVIII веках, когда речь шла об отмене феодальных отношений собственности, вопрос собственности был жизненным вопросом буржуазии. В XIX веке, когда идет об отмене буржуазной собственности, вопрос собственности является жизненным вопросом рабочего класса (Маркс).

Задаче утверждения буржуазной собственности конституция вполне удовлетворяла. Пункты, которыми мелкая буржуазия хотела ввести некоторое ограничительное понимание частной собственности, направлялись против крупных, главным образом, спекулятивных состояний — в защиту мелкой частной собственности. Партии, в принципе отрицавшей частную собственность, еще не было и по объективным условиям быть не могло. Таким образом самая передовая буржуазная конституция, выработанная в период господства революционной мелкой буржуазии, является конституцией, охраняющей частную собственность.

Иначе и быть не могло. Но с XIX века речь пошла об отмене буржуазной собственности, вопрос собственности стал „жизненным вопросом рабочего класса“. Рабочий класс в конституции своего советского государства признает только общественную собственность. В противовес „священной частной собственности“ пролетариат СССР признал „социалистическую общественную собственность священной и неприкосновенной“.

Оставался еще вопрос о налогах. Ст. 101 принятой конституции гласила: „Ни один гражданин не освобождается от почетной обязанности участвовать в несении государственных налогов“.

Вопрос прогрессивности обложения выпал, и Робеспьер, который сам его предлагал 24 апреля, в своей речи от 14 июня при окончательном обсуждении конституции умолчал о нем. Левые якобинцы, которые настаивали на установлении прогрессии налогов и на освобождении бедноты от налогов, удостоились высокомерного разъяснения Робеспьера, что это означало бы устранение бедных от общественных дел и установление аристократии богатств.

Итак, несмотря на то, что якобинцы, в частности робеспьеристы, в эпоху создания конституции сделали уступки буржуазии в части социально-экономических формулировок, все же в результате конституция 1793 г. явилась образцом наиболее законченной буржуазной демократии. Она явилась одним из тех творений высшего периода Великой французской революции, про который Ленин говорил, что весь XIX век „во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, подделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами: свобода, равенство, братство (Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 305).

Этой конституции 1793 г. так и не было суждено войти в жизнь, — сначала по соображениям революционным, потом по соображениям контрреволюционным. Сначала конституция покоилась „запертая в ящике кедрового дерева перед бюро председателя Конвента“, впитывая в себя благоговейное умиление всех революционеров; потом она была извлечена и предана поруганию справлявшей свою оргию „пробуждения к жизни“ золотую молодежь.

Пролетарская диктатура является формой пролетарской демократии, буржуазная демократия является формой буржуазной диктатуры. „Буржуазная демократия, будучи величайшим историческим прогрессом по сравнению с средневековым, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных“ (Ленин).

Пролетарская диктатура является правлением большинства для подавления эксплуататорского меньшинства, поэтому она обращена стороной насилия лишь к этому эксплуататорскому меньшинству: что же касается трудящегося большинства, то впервые в истории человечества оно обладает не показной, а настоящей пролетарской демократией. „Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения — для эксплуатируемых и трудящихся“ (Ленин).

Буржуазная демократия — формальная, потому что в условиях безраздельной экономической диктатуры буржуазии пролетариат и трудящиеся лишены возможности пользоваться благами демократии. Помимо этого весь аппарат насилия находится в руках буржуазии, и поэтому буржуазия

под прикрытием буржуазной демократии проводит свою диктатуру. Только сейчас — в период последних решительных схваток труда с капиталом — буржуазия отказывается от завуалированной в форме демократии диктатуры и переходит к методу открытой террористической диктатуры — к фашизму. Социал-демократия, переросшая в социал-фашизм, хваталась за обрывки буржуазной демократии, „полагая“, что в условиях существования буржуазного государственного аппарата, в условиях полной экономической гегемонии буржуазии и подавленности рабочего класса последний сможет в конце концов завоевать большинство и „врасти“ в социализм.

Исходя из этих предпосылок и своей боязни перед революцией, социал-демократия создала теорию „меньшего зла“. Эта теория заключалась в том, что для избежания вооруженной борьбы пролетариата с фашизмом социал-фашисты должны соглашаться на всякие уступки в смысле ущемления положения рабочих, отказа от самостоятельной политики рабочего класса, лишь бы сохранить видимость демократии и отсрочить открытый приход к власти фашизма. Эту тактику уступок за счет обнищания и подавления рабочего класса они называли „меньшим злом“ по сравнению с немедленной открытой фашистской диктатурой.

Совершенно ясно, что социал-фашистская теория меньшего зла деморализует пролетариат в борьбе с фашизмом и помогает фактически мирному приходу фашизма к власти. Таким образом теория меньшего зла превращается в теорию максимального зла, в сковывание энергии пролетариата в его борьбе с фашизмом.

В наши дни, когда приход власти фашистов в цитадели II Интернационала — Германии — стал кровавым фактом, когда господа социал-фашисты смиренно пресмыкаются перед „вождем“, ¹ покупая себе амнистию за счет предания рабочих в руки фашистских палачей в самом буквальном смысле этого слова, — в наши дни реализованная в практике социал-фашистов теория наименьшего зла предстала перед мировым пролетариатом во всей своей проверенной историей позорной сущности.

В наши дни кровавой фашистской диктатуры в Германии, возрождающей в борьбе с пролетариатом давно забытые формы средневекового варварства, суеверий и тьмы, социал-фашисты приобрели огромный кроваво укатанный плацдарм для показа

¹ Так фашисты называют Гитлера.

своей муштровки перед фашизмом, для последнего, постыдного обнажения себя перед рабочими всех стран.

Кровавыми язвами исполосованных спин, увеличением нищеты, обезображенными трупами своих лучших представителей—расплачивается рабочий класс за доверие социал-демократии, которая сменила красное знамя марксизма на черную свастику фашизма, которая „спасала“ рабочий класс от диктатуры пролетариата, чтобы привести его к „террористической диктатуре крупного капитала“—к фашизму.

Политическое положение и политика якобинцев летом 1793 г.

2 июня были побеждены жирондисты, и вожди их арестованы. 75 жирондистов, арестованных за заявленный ими 6 июня протест против „насилий“ (т. е. ареста жирондистских депутатов), учиненных над Конвентом, были спасены от эшафота самим Робеспьером. Мягкое отношение к арестованным жирондистам было одним из политических приемов, при помощи которых робеспьеристы хотели замирить часть буржуазии.

Это однако не означало, что робеспьеристы были готовы уступить завоевания революции. Между тем кое-кто вздумал воспользоваться обстановкой, чтобы бить отбой по всему революционному фронту. 6 июня Барер (который только-что отошел от жирондистов, как раньше отошел от фельяно, и которого Марат характеризовал как политика „тонкого и хитрого“) предложил распустить революционные комитеты, установить свободу прессы и отпустить арестованных жирондистов, отослав их в избравшие их департаменты. Дантон, который за день до этого подвергся серьезной критике за умеренность в Якобинском клубе, поддержал предложение Барера. Итак, с самого начала правые якобинцы-дантонисты пытаются приостановить реализацию добытой диктатуры.

Клуб кордельеров немедленно обрушился на Дантона и был поддержан в своих нападках на Дантона Робеспьером. 8 июня Робеспьер в сильной речи громил предложения Барера. Робеспьер хотел повести поезд революции по наиболее гладкому профилю пути, но отнюдь не сводить его с рельс. Но революция никогда не лежит на гладких путях и всегда мстит за слабость и бесхарактерность. Плохо охраняемые жирондистские депутаты бежали в департаменты и там организовали восстания против революционного Конвента (Лион, Марсель, Тулон и т. д.), блокируясь с дворянско-монархиче-

ской контрреволюцией. В городе Канне они создали нечто вроде 2-го Конвента восставшей против революции собственнической Франции. 7 июня восстал департамент Гаронна, в котором орудовал лидер жирондистов—Бриссо; 13 июня жирондист Бюзо поднял восстание в Эвре, в середине июня восстал Тулон.

Бюзо, Гора, Петион, Луве, Барбару, Гаде и другие жирондисты бежали в Эр и Кальвадос. Мельян и Дюшатель, не будучи арестованы, бежали из Конвента, чтобы поднять восстание в Бретани. Бирото и Шане поехали в Лион, Рабо Сент-Этьен,—в Ним, Бриссо—в Муэн.

Бордо, Лион, Ним, Марсель, были объаты восстанием. В Лионе контрреволюционное восстание произошло 29, 30 и 31 мая. Был смещен генеральный совет Коммуны, перебиты патриоты и установлены перманентные заседания секций, захваченных и наводненных „аристократами“.

1 июля в помещении Лионской Коммуны водворилась „народная и республиканская комиссия общественного спасения департамента Роны и Лауры“, как называли себя новые контрреволюционные департаментские власти. В изданном воззвании говорились:

„Граждане! не оставим оружия, пока не победим анархию и не уничтожим деспотов всякого рода!“

Этот же департаментский орган объявил, что считает Конвент насильственным, несвободным, и что декреты, изданные начиная с 31 мая, „рассматриваются как неизданные“.

Повстанцы Лиона избрали генералом известного роялиста. В Каене двоим комиссарам Конвента удалось бежать, двое других были арестованы и сообщение об этом прибыло в Конвент 13 июня. В Каене жирондисты Бюзо и Петион были избраны командующими вооруженными силами Бретани и Нормандии. В Тулузе были освобождены все фельяны и арестованы патриоты. Марсель был охвачен восстанием. Из Нима сообщают 12 июня, что „в эту ночь жесткая экспедиция была направлена против маратистов (т. е. сторонников Марата) и все негодяи были разоружены“.

6 июня администраторы Бордо писали Конвенту по поводу расправы с жирондистами: „Крики ярости и мести слышатся во всех публичных местах вплоть до наших недр“.

9 июня Конвент получил адрес из Ренна: „Уничтожьте одиозный декрет, который подвергает аресту наших наиболее неподкупных защитников, верните их республике. Вы ответите своими головами!“

Представители департаментов съехались в Ренн для заключения контрреволюционного бретонского союза.

В этих условиях якобинцы, в качестве залюга умиротворения Франции и доказательства законности правления, выдвинули принятие новой конституции. Конституцию мы подробно рассмотрим в следующем параграфе, сейчас укажем только, что задачи, которые якобинцы себе ставили при принятии конституции, не могли не отразиться на воздержании от фиксирования в ней социальных требований масс. Но как раз против этого бешеные повели энергичную борьбу.

Жак Ру требовал добавления к конституции пункта о борьбе с ажиотажем и скупкой. 20-го июня Жак Ру добился принятия этого добавления клубом кордельеров, причем характерно, что Эбер поддержал его. 21-го Ру выступил с требованием этого добавления в Коммуне. 25-го Ж. Ру выступил в Конвенте от имени кордельерского клуба. В своей речи Жак Ру говорил:

„Свобода — пустая иллюзия, если один класс людей может безнаказанно подвергать другой мукам голода. Равенство — пустая иллюзия, если богатый, пользуясь монополией, держит в своих руках власть над жизнью и смертью своих ближних. Республика — пустая иллюзия, если республика изо дня в день оказывает содействие таким ценам на продовольственные продукты, которые непосильны для $\frac{3}{4}$ всех граждан. Чтобы привлечь санкюлотов к революции и конституции, необходимо воспрепятствовать коммерческой разбой, который как то надо отличать от чистой торговли, и понизить цену продовольственных продуктов..

Или состояние мошенника в самом деле священнее, чем жизнь человека? Административные власти должны обладать правом производить реквизицию средств существования — совершенно так же, как могут располагать вооруженной силой. Законодатель имеет право объявить войну, т. е. объявить приказание убивать людей. Почему же нет у него права воспрепятствовать тому, чтобы людей эксплуатировали и подвергали мукам голода, и права защищать их очаг? Итак, народные избранники, было бы трусостью, преступлением против народа продолжать проявлять свою беззаботность. Не надо бояться ненависти богатых, т. е. злых. Не надо бояться жертвовать политическими принципами во имя спасения народа, которое является высшим законом.

Прикажете же! еще просим вас — и санкюлоты своими пиками заставят повиноваться вашим декретам“.

Жак Ру требует от имени секций Гравильеров, Бон Нувель и клуба кордельеров, чтобы в конституцию был внесен пункт о запрещении ажиотажа, барышничества, продажи денег. Ру прямо намекает на то, что он говорит от имени масс, совер-

шивших революцию 31 мая — 2 июня. Он говорит о пиках, уничтоживших гнойник „комиссии 12-ти“ и крамольную партию „государственных людей“, т. е. жирондистов.

Но мы уже знаем, что робеспьеристы пытаются пойти по линии „золотой середины“, — Робеспьер отвечает Ру холодной отповедью. Он говорит о „коварных намерениях оратора (т. е. Ру), желающего бросить на патриотов тень модерантизма, которая лишила бы их доверия народа“.

27 июня Ру выступил против Дантона. Эбер и Шометт частично уже склонились на сторону социальных требований бешеных, но мы помним, что 29 июня и 1 июля генеральный совет Коммуны демонстрировал свою враждебность к Ж. Ру. 4 июля с обвинительным актом против Ру выступил Марат, в тот же день секция Гравильеров (секция Ру) приняла конституцию, демонстрируя тем самым отказ от добавления Ру, а 11 июля и клуб кордельеров высказался против ранее принятой им петиции Ж. Ру. Эти события свидетельствовали об обострении классовой борьбы. К этому же времени ухудшилось и военное положение

28 мая на севере пала крепость Валансьен. 18 июля — пала крепость Конде. 23 июля австрийцам сдался город Майнц, на юге испанская армия перешла границу Франции. В Тулоне происходили казни республиканцев и торжественная встреча дружественной жирондистам англо-испанской эскадры, высадившей 12-тысячный десант. Пять вражеских армий находились теперь на территории Франции.

„Якобинцы 1793 г. были представителями самого революционного класса XVIII века — городской и деревенской бедноты. Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер — вплоть до гильотины, против этого истинно-революционного класса XVIII века шли войной объединенные монархи Европы“ (Ленин, Соч., т. XX, стр. 505).

„Этот класс“ отчаянно боролся с контрреволюцией, и вскоре эта борьба привела к первым победам.

17 июля Конвент получил сообщение, что республиканские войска заняли главный город департамента Эвр — и что повстанцы преследуются на территории Кальвадоса. Конвент принял постановление уничтожить дом Бюзо в Эвре и поставить надпись: „Здесь жил Бюзо, который замышлял гибель французской нации“.

28 июля сдались власти Кальвадоса, признав свое восстание „заблуждением“.

24 августа республиканские войска взяли Марсель, годовившийся принять английский десант. 30 сдался Бордо. Осада Лиона, затянувшаяся на 2 месяца, началась 8 августа.

Эти победы над внутренней контрреволюцией достигались громадным напряжением революционных масс. Марат, как и бешенные, все время требовал усиления террора против контрреволюции. 4 июня Леклерк (бешеный) говорил в Коммуне: „Все ли подозрительные арестованы? Я сомневаюсь. Не возможно ли, что арестованные депутаты уже сбежали? Э! почему вы так медлите с расправой над вашими врагами? Почему вы боитесь пролить несколько капель крови?“

Якобинская диктатура освободила крестьян, и освобожденный крестьянин, как возрожденный великан, дрался с контрреволюцией. Крестьянство составляло не только костяк регулярной армии — оно составляло партизанские отряды помогавшие армии в борьбе с внутренней контрреволюцией.

Однако тяжелое положение было не только на фронтах внутренней контрреволюция также отнюдь не была усмирена; пылала Вандея, не полностью еще был усмирён Кальвадос, держались Лион, Тулон и др. 11 июля в самом Париже был раскрыт роялистский заговор.

В обстановке обостренной опасности робеспьеристам удалось изолировать бешеных, но вместе с тем та же обстановка способствовала быстрейшему переходу на позицию бешеных левых якобинцев-эбертистов.

13 июля Марат был убит молодой буржуазной республиканкой Шарлоттой Кордэ, которая хотела спасти Францию от гражданской войны и которая перед казнью писала жирондисту Барбару: „Какой жалкий народ для республики! Надо установить хоть мир, а уж там образ правления устроится как-нибудь“.

„Устроится как-нибудь“ — это значило: „лучше примириться с ограниченной монархией, чем подвергнуть свою нормальную, деловую жизнь страстям гважданской войны“. Так полагала Шарлота Кордэ, которая хотела и смогла убить Марата; так же полагали жирондисты, которые хотели но не смогли убить революцию.

На суде Шарлотта Кордэ держала себя очень спокойно и заявила: „Я убила одного человека, чтобы спасти сотни тысяч других.. убила негодяя, свирепое, дикое животное, чтобы спасти невинных и дать отдых моей родине. Я была республиканкой до революции. У меня никогда не было недостатка в энергии“.

Признание Кордэ, что она „была республиканкой до революции“, вместе с другим ее замечанием („а там уж образ правления устроится как-нибудь“) проливает достаточно яркий

свет на идеологию и полтику жирондистов. Перед революцией буржуазия могла возноситься и до мечтаний о республике, но встретившись лицом к лицу с народом и такими его представителями, как Марат, она от революционной республики отстранилась, стараясь всадить ей нож в спину, не останавливаясь перед развязыванием и организацией контрреволюционных сил, перед организацией и поддержкой интервенции, восстаний и убийств из-за угла. Такова диалектика истории: республика, бывшая идейным творением буржуазии, на практике предавалась ею же.

Тело Марата с открытой раной было в течение нескольких дней выставлено, и ему приходили поклоняться все те, защитой которых он заслужил свою мученическую смерть. Первым у гроба получил слово председатель секции прав человека. „Умер друг народа! Умер от руки убийцы.. Не будем говорить ему похвального слова.. похвальное слово ему — это его жизнь, его сочинения, его кровавая рана — его смерть!.. Марат был наш друг, друг народа, для народа он жил, для народа и умер... Но довольно стенаний! Внемлите великому духу Марата, он пробуждается и говорит вам: республиканцы, перестаньте лить слезы! Республиканцам подобает пролить не более одной слезы и затем думать о благе отечества. Не меня хотели убить, а республику, не за меня должно мстить, а за республику, за народ, за вас!“

Для настроения робеспьеристов лета 1793 г. характерно, как они хотели использовать и трактовать смерть Марата. Марат после установления якобинской диктатуры оказался в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, он был одним из вождей революции 31 мая — 2 июня, приведшей к установлению якобинской диктатуры. С другой — он не мог быть согласен с той частью политики робеспьеристов лета 1793 г., которая была рассчитана на успокоение части буржуазии. С одной стороны, он был согласен со многими лозунгами бешенных, с другой — ему было чуждо решительное нападение бешенных на якобинцев, в частности на робеспьеристов, он не желал идти вместе бешеными и, как мы помним, открыто выступил против Ж. Ру.

Отчасти в этом повидимому сказалась тесная связь Марата с якобинским клубом. И хоть он часто сам подталкивал якобинский клуб, в направлении революционных мероприятий, но ему было трудно решиться на резкое и решительное выступление против него.

Марат, как и робеспьеристы, был принципиальным противником максимума. Несмотря на это, он однако был согласен

с требованиями бешеных о более решительных мерах по борьбе с буржуазией, перешедшей в лагерь контрреволюции.

Последние дни своей жизни он был оторван в силу болезни от Конвента, но ни на минуту не прекращал напряженной деятельности по служению революции. В то же время ему приходилось оправдываться от обвинений в требовании диктатуры, которое вновь было выдвинуто против него. Эти обвинения были основаны на том, что Марат всегда выдвигал вопрос о твердом революционном руководстве. Эти обвинения поддерживались жирондистами, а теперь раздавались даже с трибуны якобинского клуба.

20 июня Марат шлет письмо Якобинскому клубу, которое было прочитано в клубе 24 июня и затем выпущено отдельной брошюрой.

„Братья и друзья, я в постели, у меня воспалительный процесс, результат бессонных ночей, которые я вот уже четыре года посвящаю защите свободы, да тех мук, которые я испытываю уже девять месяцев, работая над ниспровержением партии „государственных людей“ (т. е. жирондистов). Если неизменные доказательства моих гражданских чувств, явленные мною до сего дня, недостаточны, чтобы подтвердить чистоту моего сердца в глазах друзей отечества, то я конечно поступил неразумно, заслужив проклятье за стремление свое отвести это самое отечество от края пропасти; огорчения, мною испытанные, перешли всякую степень возможности, и не слишком ли много бороться одновременно со злобой врагов и с ослеплением друзей“.

2 июля Марат пишет Конвенту:

„О чем думает ваш комитет общественного спасения? Спит он или отказывается действовать?“

Марат требует, чтобы на борьбу с жирондистскими восстаниями в департаментах были мобилизованы санкюлоты смежных департаментов.

4 июля Марат обратился к Конвенту с письмом, в котором требует „немедленного смещения Бирона и Кюстина, которые готовятся повторить роль Дюмурье“.

Он предлагает также объявить вне закона всех Капетов, т. е. всех членов семьи казненного короля. Это письмо не было до конца зачитано в Конвенте под предлогом, что Марат должен лично, а не письменно сноситься с Конвентом. По этому поводу Марат 5 июля письменно обращается к председателю Конвента:

„Мне было очень прискорбно, что вы не распорядились прочитать Конвенту письма, адресованные ему мною. Если

это письмо постигнет та же участь, то завтра утром я прикажу отнести себя прямо на постели в залу собраний, чтобы пожаловаться на нарушение моих депутатских прав. Обратите же заботливое внимание Конвента на угрожающие отечеству опасности и на средства, способные отвратить их, и докажите народу, что я не виноват, если их не принимают после того, как я столько раз предлагал их“.

Согласие Марата с основными лозунгами бешеных, его авторитет революционного глашатая побудили бешеных после его смерти воспользоваться его именем. Робеспьеристы, которых Марат при жизни часто шокировал своей революционной решимостью вождя улицы, хотели воспользоваться смертью Марата, чтобы смягчить непримиримо резкие контуры его революционного образа и принципиально противопоставить его бешеным.

Фигура Марата была исполинской — за нее стоило драться. Прежде всего Робеспьер отклонил предложение о перенесении праха Марата в Пантеон. Брат и соратник Робеспьера — Робеспьер младший — писал, что в конце концов смерть Марата будет полезна республике, так как даст возможность „демаратизировать Марата“ и тем самым лишить жаждущих крови его авторитета. Это сказано более чем откровенно.

В комиссию по редактированию воззвания Якобинского клуба по поводу смерти Марата, наряду с Робеспьером, вошел соратник Дантона — Камилл Демулен. В воззвании между прочим было сказано: „С Маратом в могилу сойдет, без сомнения, клевета и зависть“. „Клевета“ не замедлила явиться. Жак Ру стал выпускать продолжение газеты Марата под названием „Тень Марата — Друга народа“. Якобинцы по поводу смерти Марата допросили Жака Ру. Конечно, его пришлось оправдать, но само привлечение его к следствию характерно.

3 августа Дантон говорил о Марате: „Его смерть принесла еще больше пользы делу свободы, нежели его жизнь, так как она показала, откуда нам грозят убийцы“. Оппортунист Дантон враждебно относившийся к Марату, подло алгал: разве до убийства Марата не ясно было, откуда грозят убийцы, и разве не сам Марат все время на это указывал?

Марат был вождем улицы. Еще до революции, будучи ученым физиком, (в числе его учеников были между прочим вожди Жиронды Бриссо и Барбару), он пропагандировал революционное насилие для освобождения народа. В отличие от Робеспьера, который был парламентским вождем мелкой буржуазии, Марат был вождем революционного действия революционной улицы.

На следующий день после похорон Марата — 17 июля — были без выкупа отменены Конвентом все феодальные повинности. 27 июля Робеспьер вступил в Комитет общественного спасения, и отныне до весны 1794 г. он стал самым влиятельным членом правительства, фактически — его главой. Но этим отнюдь еще не разрешилась политическая линия диктатуры. 4 и 5 августа бешеный Леклерк напал на правого якобинца Дантона и его друга Делакруа, а Робеспьер в Якобинском клубе защищал Дантона и Делакруа от нападков бешеных и эбертиста Венсена, называя последних агентами Кобурга (центр эмиграции) и Питта (английского премьера, стоявшего во главе похода против революционной Франции).

6 августа Леклерк пробовал защищаться от обвинений Робеспьера, а неутомимый Ру требовал гильотины для генералов-изменников и ареста всех банкиров. 8 августа Робеспьер инсценировал выступление у решетки Конвента вдовы Марата — Симоны Эврар — против бешеных, действовавших именем Марата.

Но и в самом Конвенте не все было спокойно. 11 августа дантонисту Делакруа удалось в опустевшем ночью зале Конвента провести постановление о немедленном созыве, согласно конституции, нового Собрания. Робеспьер при помощи федератов (т. е. приехавших в Париж для участия в празднике федерации делегатов первичных собраний) сумел ликвидировать это постановление. Страна в опасности, и новые выборы могут только подвергнуть ее новым испытаниям. Таким образом мелкая буржуазия в решительную минуту сумела отказаться от фетиша буржуазной демократии и стать на точку зрения революционной диктатуры.

„Характерной чертой революционных движений, например во Франции, является тот несомненный факт, что там временные правительства обыкновенно возникали на баррикадах и, в виду этого, являлись революционными, во всяком случае — более революционными, чем создаваемые ими впоследствии учредительные собрания, создаваемые обыкновенно после успокоения страны. Этим собственно и объясняется, что наиболее опытные революционеры тех времен старались осуществить свою программу еще до созыва учредительного собрания, при помощи революционного правительства, оттягивая этот созыв. Этим они хотели поставить учредительное собрание перед фактом уже осуществленных реформ“ (Сталин).

12 августа федераты требуют в Конвенте всеобщей мобилизации; того же требовала еще 5 августа Коммуна. 15 августа те же федераты, но уже при поддержке 48 секций Парижа, вновь ставят вопрос о всеобщей мобилизации.

„Полумеры всегда убийственны в моменты смертельной опасности. Всколыхнуть всю нацию легче, чем расшевелить одну часть граждан. Если вы потребуете 100000 солдат, вы их не найдете. Но ударьте тревогу — и на нее отзовутся миллионы“
23 августа Конвент декретирует всеобщее ополчение Франции.

Ст. 1 этого декрета гласила: „С настоящего времени, впредь до изгнания врагов с территории республики, все французы должны находиться в постоянной готовности к службе в армии. Молодые люди должны отправиться воевать, женатые будут изготавливать оружие и перевозить продовольствие, женщины будут шить палатки и одежду и служить в госпиталях, дети будут щипать из старого белья корпию,¹ старики будут в общественных местах возбуждать мужество воинов, ненависть к королям и взывать к единству республики“.

Ст. 2 „Национальные здания будут превращены в казармы, общественные места — в мастерские по выделке оружия, почва в погребках будет подвергнута выщелачиванию для извлечения из нее селитры“.

Дальше говорилось, что для внутренней службы будут использованы только охотничьи ружья и холодное оружие, что лошади будут реквизированы для кавалерии, что Комитету общественного спасения поручается в срочном порядке организовать заводы и мастерские для производства военного снаряжения. В первую очередь будут призваны холостые граждане и бездетные вдовцы в возрасте от 18 до 25 лет. По этому же декрету для обеспечения мобилизованных продовольствием устанавливалось, что арендаторы и управляющие национальными имуществами будут доставлять продукцию зерном, а все вообще собственники и арендаторы должны все невиденные налоги выплатить в зерне.

Первый набор дал 450 тыс. человек. В конце 1793 г. армия насчитывала 642 тыс. человек. Еще в мае 1793 г. в связи с набором Конвент выпустил воззвание к населению: „Дело идет не об интересах нашего времени, а об интересах веков, не о свободе одного народа, но о свободе нас. Ваше поражение повергнет вселенную в траур и слезы. Вас уже не будет в живых, а несчастные люди долго еще будут являться на свет божий, чтобы греметь цепями над вашими могилами и проклинять вас... Но если вы победите, — тираны погибнут“.

Осуществление такой широкой мобилизации масс могла дать только якобинская диктатура.

¹ Корпия — материал для перевязок.

Всеобщая мобилизация произвела огромное впечатление. Комиссар Конвента писал 31 августа из Нанси: „Границы Рейна покрыты колоннами патриотов. Ничто не может сравниться с их пылом и их бесстрашием. Они устремились в бой, они бились как львы, и произвели страшный разгром среди австрийцев. Один мэр убил 17 человек, другой гражданин—9. Это все факты, которые я могу удостоверить, потому что я был на поле сражения“.

Об этом энтузиазме часто вспоминал Ленин: „Весь народ и в особенности массы, т. е. *униженные* классы были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы“ (Соч., т. XXI, стр. 190). Энтузиазм вызывался тем, что армия теперь была единой с властью. Крестьянин—костяк армии—получил землю и знал, за что борется.

„Во всех этих великих буржуазных революциях (Германии—XVI в., Англии XVII в., Франции XVIII в.) крестьяне поставляют армии для битв“ (*Энгельс*). Якобинцы всячески воспитывали дух армии. Комиссары раздают революционные газеты и разъясняют смысл революции 31 мая—2 июня. Комиссары при Северной армии доносят военному министру:

„Трудно изобразить вам, с какой радостью приняли солдаты эти издания и какое впечатление произвело на них чтение о фактах, которые в них заключаются... Мы осведомили солдат о дне 31 мая, относительно которого их пытались ввести в заблуждение. В армии теперь мыслят и рассуждают совершенно так же, как и в Париже, и общественный дух, царящий среди солдат, тот же, которым одушевлены добрые республиканцы... мы думаем, что ничто не способствует так укреплению общественного духа, который распространяется в армии, как чтение газет, и „Отец Дюшен“¹ особенно производит наилучшее действие“.

Эти же комиссары (Селье и Варен) при Северной армии 24 июня 1793 г. пишут: „Необходимо изгнать без сожаления из армии всех дворян, какие бы они ни занимали должности... Дворянство в глазах санкюлотов является патентом на отсутствие гражданских чувств... Пусть же дворяне исчезнут из армии, пусть линейные войска сольются с волонтерскими батальонами“.

Конвент в июне разрешил немедленное производство амальгамы (объединения линейных и волонтерских частей).

В августе и сентябре происходила чистка командного состава. За один месяц были сменены 4 командующих армиями, в том числе аристократ Кюстин. § 110 конституции 1793 года гласил: „Должности генералиссимуса не существует“. Этим избавлялись от чрезмерного влияния одного, к тому же—возможно—враждебного лица. Армии были подчинены непосредственно КОСу (Комитету общественного спасения).

Энергичные революционные мероприятия, революционный энтузиазм санкюлотов и революционная решимость крестьянства дали свои плоды, и в первую очередь—в борьбе с восстаниями в тылу. В августе было подавлено восстание в Марселе, который готовился уже принять десант интервенционистских английских войск. В октябре, после жестокой борьбы, в которой огромную роль сыграли городские санкюлоты и крестьяне окружающих районов, сдался мятежный жирондистский Лион.¹ Однако это отнюдь не было еще концом внутренней контрреволюции.

26 августа англичане вошли в Тулон, охваченный буржуазно-дворянской контрреволюцией. К этому времени эбертисты, выступая против Жака Ру, фактически однако восприняли его лозунги. Общество революционных республиканок, целиком находившиеся под влиянием бешеных, пользовалось теперь покровительством Эбера, сам же Эбер завоевал к концу августа большое влияние в Якобинском клубе (доказательством чего служит усыновление 2 сентября Якобинским клубом общества революционных республиканок, несмотря на то, что это общество было тесно связано с бешеными). Бешеные теперь требовали введения в жизнь конституции 1793 г., т. е. демократических конституционных свобод, и это требование, хотя было неправильным, но субъективно оно не было реакционным и контрреволюционным, ибо бешеные представляли класс, который объективно, по своему положению в обществе, был более революционен, чем стоявшая у власти мелкая буржуазия. Вместе с тем этот класс был еще не сложившимся и не мог еще четко осознавать свое положение и свою тактику. Бешеные и массы, стоявшие за ними, видели, что террор направляется также и против них, а требования их пробивали себе дорогу медленно и отнюдь не в желательном объеме; они стали считать, что единственным выходом для них является установление конституционных свобод

¹ „Отец Дюшен“— массовая боевая газета, издававшаяся Эбером.

¹ Подробнее об этом см. § 4 главы II.

в пределах которых массы могли бы отстаивать свои требования. Мы не должны забывать, что у власти стоял не пролетариат, а мелкая буржуазия.

Максимально развернутая буржуазная демократия создает наиболее благоприятные условия для развертывания политической борьбы пролетариата. Но в условиях 1793 г. немедленное внедрение конституционных свобод означало бы жертвование конечными интересами ради временных, означало бы разоружение революции. Поэтому требование бешеных было глубоко ошибочным. Будучи, с одной стороны, гениальным прозрением молодого рабочего класса, оно, с другой стороны, ярко отражало его незрелость, неспособность к маневрированию; в этом требовании отразилось паникерство характерное для идеологии мелкой буржуазии, с нищающими слоями которой рабочий класс был еще органически связан.

Таким образом летом 1793 г. робеспьеристы (господствующее течение якобинцев — представители мелкобуржуазного середняка) пытались энергично бороться с контрреволюцией и вместе с тем отеснить своего левого союзника. Но союзник этот представлял самую решительно-настроенную, революционную массу, без участия которой нельзя было оградить революцию от покушений контрреволюции. И характерно: только, казалось, удало отеснить бешеных — на их место, в качестве выразителя тех же масс стали эбертисты. И вновь во второй раз на протяжении 1793 г. робеспьеристы столкнулись с положением: дальше противиться левому союзнику значило разорвать с ним и в данных условиях — сдать на милость победителя — реакции, контрреволюции. И в этих условиях робеспьеристы вновь доказали, что они являются „якобинцами с народом“, дав 5 сентября доказательство своего союза с ним.

Теперь программу бешеных воспринял эбертисты. 28 августа Эбер предложил в Якобинском клубе составить адрес Конвенту с требованием чистки штабов, отрешения от должности всех дворян и вообще проведения мер общественного спасения. Представитель федератов произнес угрожающую по адресу Конвента речь. Не обошлось и без неприятных для робеспьеристов ссылок на Марата. „Напрасно его не слушались, — говорил оратор, — у нас не принято слушать тех, кто говорит в данный момент: надо умереть, чтобы быть услышанным. Пусть террор наконец будет поставлен в порядке дня!“

Робеспьеристы пытались бороться с охватившим Якобинский клуб „эбертистским“ настроением, но тщетно. Сам Робе-

спьер пытался говорить о „заговоре“, предостеречь от новой „смуты“, обещая через Комитет общественного спасения помочь народу. Его не слушали, а косвенно даже нападали на него, напомнив ему, что в КОСе есть Барер, который держался „кривых путей в революции“.

Отныне Якобинский клуб был в боевой готовности для выступления против Конвента. Возбуждение было настолько сильно, что даже оппортунист Дантон пошел по течению, заявив 30 августа, что в случае нужды Конвент совершит новую — третью — революцию вместе с народом.

4 сентября официально подтвердился факт взятия англичанами Тулона. В этот день происходили бурные беспорядки рабочих на продовольственной почве. Эбертисты сняли слесарей и строителей с работы. Шометт предложил потребовать немедленной организации продовольственной революционной армии. Эбер предложил рабочим на завтра не выходить на работу, а идти всем вместе в Конвент со своими требованиями.

События 4—5 сентября

Бешеные, как мы видели, все время вели кампанию за усиление террора. 27 июля Леклерк потребовал ареста всех подозрительных и 31 июля заявил: „Меня называют кровавым человеком потому, что я объявил во всеуслышание, что каждый истинный революционер должен в случае надобности хладнокровно принести сто тысяч извергов в жертву революции. Пусть будет так. Французы, узнайте всю глубину моей души. Я вам предсказываю: вас доведут до того, что вам уже не придется выбирать между своей смертью и смертью своих врагов... Я утверждаю, что одно лишь сохранение дворян во главе наших армий погубило 150 тысяч наших борцов“.

Так же ставил раньше вопрос Марат. 21 сентября 1792 г. он писал: „Если я советовал отрубить 500 преступных голов, то я делал это исключительно для того, чтобы сохранить головы миллиона невинных“.

На рабочем митинге 4 сентября Шометт сообщил собравшимся, что Конвент обещает ввести максимум на все предметы первой необходимости. Рабочие ответили, что им нужны не обещания, а хлеб „и притом немедленно“. Шометт поддержал рабочих: „Я тоже был беден и потому знаю, что значит бедность. Здесь происходит открытая война богатых против бедных, они хотят уничтожить нас. Хорошо же; нужно только

определить их — нужно уничтожить их самих: сила в наших руках“.

Вслед за Шометтом выступил Эбер: „Пусть народ завтра массой двинется к Конвенту. Пусть он окружит его, как он это делал 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и пусть он не покинет своего поста, пока депутаты не примут мер, которые единственно могут нас спасти“.

5 сентября с утра собралась огромная толпа — рабочая и мелкобуржуазная толпа секций Парижа — сентября 1793 г. Мощная демонстрация двинулась в Конвент во главе с Эбером, Пашем и Шометтом, руководителями той самой Коммуны, которая год назад в пылу реакции на сентябрьские убийства поклялась защищать святость частной собственности. Манифестанты несли плакаты: „Война тиранам!“, „Война аристократам!“, „Война скупщикам!“.

По приходе к Конвенту первым, от имени демонстрантов, берет слово прокурор Коммуны Шометт: „Граждане-законодатели! Жители Парижа, измученные тем, что их судьба остается так долго изменчивой и неупроченной, хотят наконец установить ее неизменно“. Он требует налаживания продовольствия, а для этого придания силы законам, путем организации революционной армии: „Декрет о ней, — говорит Шометт, — уже издан вами, ¹ но его значение сведено к нулю вследствие нерешительности и того страха, которой испытывали виновные... Она будет состоять из республиканцев и если какой-нибудь смельчак дерзнет сказать „моя армия“, то он будет тотчас же умерщвлен“. Революционная армия должна служить к обузданию и уничтожению „всех скупщиков и богатых фермеров, которые отказываются доставлять нам продовольствие“.

Вслед за Шометтом выступил представитель Якобинского клуба, пришедшего вместе с комиссарами 48 секций. Он требует постановки террора в порядок дня, изгнания со всех постов в республике дворян. „Приспешников тиранов, опустошающих наши границы, — говорит он, — нужно меньше бояться, чем тех предателей, которые волнуют нас внутри страны... Пора, чтобы железный меч равенства прошел над всеми головами. Пора устранисть заговорщиков. Законодатели, поставьте террор в порядок дня! Будем действовать революционно, так как все враги наши замышляют контрреволюцию. Пусть меч закона обрушится на всех преступников“.

В этот „эбертистский день“ фактически было положено начало революционному порядку управления, путь к которому был проложен революцией 31 мая — 2 июня, хотя общее постановление о нем будет принято только 10 октября, а временная „конституция“ революционного правительства — только в декабре.

По требованию масс в этот знаменательный день были провозглашены следующие мероприятия:

а) Арест всех „подозрительных“. Во исполнение этого 17 сентября был введен закон о „подозрительных“, по которому подозрительными и подлежащими в качестве таковых задержанию были объявлены те, которые устно или письменно проявили себя врагами свободы, те, которые не смогут доказать законных средств к существованию и выполнению ими гражданских обязанностей; должностные лица, уволенные по предложению Конвента или его комиссаров и не восстановленные в правах, бывшие дворяне и их родственники, „которые не проявляли постоянной преданности революции“, наконец — эмигранты. Выполнение этого закона, т. е. выявление подозрительных и их задержание возлагалось на революционные комитеты секций.

б) Секвестр имущества иностранных поданных враждебных стран (а надо сказать, что до сих пор в ответ на репрессии иностранных государств революционная Франция вела себя преступно-либерально).

в) Создание революционной армии. Закон о революционной армии был издан в самый день 5 сентября. „В Париже будет создана армия, оплачиваемая из государственного казначейства и состоящая из 6000 человек, 1200 пушкарей, предназначенных для подавления контрреволюционеров, для приведения в исполнение всюду, где это понадобится, революционных законов и мер общественного спасения, декретированных национальным Конвентом, и для помощи в деле снабжения продовольствием“. Свою конкретизацию этот закон получил в декрете о создании революционной армии, изданном 9 сентября. Революционная армия была далеким зародышевым прообразом наших прототипов эпохи военного коммунизма.

г) Усиление деятельности революционного трибунала, для чего он был разбит на 4 секции, которые должны были работать одновременно. К тому же Конвент отменил статью прежнего декрета, согласно которой трибунал мог судить за участие в заговоре и государственных преступлениях не иначе, чем на основании обвинительного декрета, вынесенного Конвентом.

¹ Действительно еще 2 июня был издан декрет о революционной армии, но он не был приведен в исполнение.

д) Установление смертной казни за спекуляцию ассигнатов и поделку их.

е) Чистка административного аппарата.

ж) Предание суду жирондистских министров Клавьера и Лебрена.

з) Оплата членов революционных комитетов секций, тех самых комитетов, упразднения которых в июне добивались Барер и Дантон.

Однако ко всем этим революционным мероприятиям прибавилось еще два — отнюдь не революционных: во-первых, арест Ж. Ру в Якобинском клубе в тот же вечер и, во-вторых, по предложению Дантона — постановление, что все участники секционных собраний будут оплачиваться в 40 су за заседание, но зато число секционных собраний будет сокращено до 2 в декаду. Робеспьеристы молча поддержали предложение Дантона, и уже 9 сентября оно было оформлено в закон. Это значило — под видом оплаты санкюлотов сократить, сковать самостоятельность секций, в которых сильны были левые. Только левый монтаньяр Ромм предложил вместо этого декрета лучше „повысить заработную плату рабочих“. Его голос повис в пустоте.

„Этот декрет, — говорил Варле, — бесчестит народ Парижа и предаст его презрению и возмущению всех народов...“

Оратор считает перманентность заседаний секций сейчас более необходимой, чем когда-либо, и требует восстановления ее „во имя санкюлотов Парижа“.

Робеспьер и другие жестко, холодно и категорически возражают. Они говорят что санкюлот — трудящийся и не имеет времени бывать всегда в секции, а при таком положении аристократы могут захватить влияние в них. Они ссылаются на пример Лиона и Марсея, где секции попали в руки аристократов.

Исход борьбы за перманентность секционных собраний показывает незрелость и слабость рабочего класса, ибо существовало одно положение, которое могло бы сразу убить аргументацию робеспьеристов. Это положение гласило: временное сохранение права голоса *только за санкюлотами*. Оно было робко выставлено повстанцами 31 мая, но, не находя отклика, не было поддержано даже самими выставившими его.

Поздним сожалением об этом акте революционного самоубийства звучит заявление, сделанное Конвенту левым — так называемым электоральным клубом 10 октября 1794 г., через два с половиной месяца после свержения термидорианской

контрреволюции: „Верните Парижу его секционные собрания, которых едва хватает для обсуждения текущих дел“.

Что представляют собой события 5 сентября, который одним историком назван „эбертистским днем“?

В этот день массы, стоящие левее той мелкой бжуазии, которую представляли робеспьеристы, т. е. массы разоряющихся ремесленников и существовавших уже пролетариев, навязали Конвенту и робеспьеристам свои требования, свою программу. Но сила робеспьеристов состояла именно в том, что они дали себе ее навязать, что они смогли ее воспринять. Робеспьеристы смогли ее воспринять в силу своей социальной природы. Будь они представителями кулачества, они не могли бы этого сделать, ибо кулачество смыкается со спекулятивной бжуазией, которая не может пожертвовать никакими временными интересами. Робеспьеристы же были представителями средних слоев мелкой бжуазии, интересам которой не противоречили мероприятия, предлагавшиеся левыми, тем более, что сама мелкая бжуазия была заинтересована в ударе по спекуляции и в ограничении крупных накоплений.

Характерно отношение к максимуму правых якобинцев — представителей переродившейся вправо части мелкой бжуазии. Дантон откровенно выразил этого в заседании Конвента от 3 сентября.

„Народ не забыл о нас, и мы не должны забывать о народе, — не то он сумеет и сам постоять за себя. Мы вынесем это постановление (о максимуме) в интересах самих аристократов для спасения их жизни, ибо во время беспорядков, которые вспыхнут вследствие бедствий голода, народ, который знает своих врагов, прежде всего расправится с аристократами“.

Иначе отнеслись к максимуму робеспьеристы. Их идеологии он также не соответствовал, он им был навязан, но они восприняли его не из страха перед массами, не для спасения аристократических шкур (как дантонисты), а потому, что максимум являлся условием союза с революционными массами (условием, выдвинутым представителями этих масс — бешеными и эбертистам), а вне этого союза не могло быть спасения революции.

Таким образом робеспьеристы делали революционное дело своими руками, но сами эти руки направлялись массой, стоявшей как в классовом, так и в партийном отношении левее их.

Не следует упускать из виду, что если бы дантонисты стояли у власти, они вообще не сохранили бы союза с левыми.

Эта масса не могла еще выставить самостоятельную, пролетарскую выдержанной программы, программы социалистического строительства, программы национализации производства. Капитализм, а вместе с ним рабочий класс, еще только развивались, и не было еще никаких — ни объективных, ни субъективных — предпосылок для перехода к социализму. Наоборот, задачей эпохи была максимальная расчистка путей развития капитализма. Вот почему революционные требования, выдвигавшиеся низами, служили не установлению пролетарской диктатуры, а только лучшей расправе со старым обществом.

Но радикальная расправа со старым обществом не может не задевать интересов буржуазной собственности, ибо период этой расправы неизбежно сопровождается гражданской войной. Вот почему сама буржуазия не только не возглавляет революционный режим, объективно борющийся за ее интересы, а сама борется против него. Вот почему только санкюлоты, которые не были заинтересованы в неприкосновенности буржуазной собственности, могли довести борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией. „... Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы...“ (Письмо Энгельса к Каутскому от 20 февраля 1884 г. „Историк-марксист“, 1933, № 2, стр. 42).

Программа, выставленная левыми и принятая робеспьеристами, была программой победы над внешней и внутренней контрреволюцией. Все это и выразил Маркс, сказав: „Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом покончить с врагами буржуазии“.

День 5 сентября был по существу логическим выводом из революции 31 мая — 2 июня, выводом, резче оттенившим социальный смысл этой революции, классовую базу робеспьеризма и характер существовавшего блока.

„Бескровность“ дня 5 сентября доказала, что попытки робеспьеристов летом 1793 г. пойти на некоторые уступки буржуазии и разделаться с левым союзником были обусловлены лишь их мелкобуржуазной природой, но отнюдь не означали измены революции. Как только вопрос о союзе стал как вопрос о продолжении или окончании революции, робеспьеристы немедленно сумели вновь закрепить его.

В самое героическое время якобинцы, в частности робеспьеристы, сумели возглавить союз, призванный спасти Францию.

Толкачами в этом союзе были революционные массы, стоявшие левее мелкобуржуазного середняка — робеспьеристов. Во Франции „большой частью демократическое, ультра-

демократическое и слишком пламенное плебейство объединило разнородные элементы низов“ (Ленин). Ленин, определяя задачи буржуазной революции 1905 г. под гегемонией пролетариата в союзе с крестьянством победить старый строй для того, чтобы перейти к пролетарской революции, в борьбе с меньшевизмом — приводит пример „плебейской расправы“ со старым обществом.

„Удастся решительная победа революции — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски“. „Весь французский терроризм, — писал Маркс в знаменитой „Новой Рейнской газете“ в 1848 г., — был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством“. Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом „якобинизма“ в эпоху демократической революции?

Жирондисты современной русской социал-демократии, но-воискровцы, не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них. А освобожденцы, т. е. представители либеральной буржуазии, хотя и разделаться с самодержавием мягко, по реформаторски, уступчиво, не обижая аристократии, дворянства, двора — осторожно, без всякой ломки, — любезно и вежливо, по-барски, надевая белые перчатки...

„Якобинцы современной социал-демократии, большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уже, как сказать, хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую способность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией „по-плебейски“, беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства человека над человеком“ (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 64).

5 сентября поставило, согласно требованию масс, в порядок дня „настоящий террор, которым прославилась себя Великая французская революция“ (Ленин).

День 5 сентября реализовал до конца победу революции 31 мая — 2 июня. „Во время террора неумирующие массы Парижа захватили на минуту власть и смогли таким образом направить буржуазную революцию вопреки самой же буржуазии...“ (Энгельс, Соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 260).

Исключительная роль, которую это положение сыграло в судьбах революции и Франции, подчеркнута *Лениным*:

„Буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или иной минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории *не* к буржуазии, а к „низам“ — к „плебейству“ XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков“ (Соч., т. XV, стр. 196).

5 сентября определило восходящую линию развития революции. С этого дня и до весны 1794 г. идет линия усиления революционного напряжения. С ранней весны начинается новый период в якобинской диктатуре, период, который оборвался катастрофой 9 термидора. Таким образом 5 сентября 1793 г. мы можем рассматривать как начало второго этапа якобинской диктатуры.

И.Токин. Ленин о Великой французской революции (полемика с Ц.Фридляндом)
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана (при Старом порядке)
СТАРЫЙ ПОРЯДОК во ФРАНЦИИ (история в источниках, сост. С.Сказкин)
НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г.
НАЦИОНАЛЬНОЕ (УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ) СОБРАНИЕ: АВГУСТ 1789 г.
ПОСТАНОВЛЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС
Хроника вареннского бегства
«ОТЕЧЕСТВО в ОПАСНОСТИ!»: международное и военное положение 1791-92 гг.
Процесс и казнь Людовика XVI в документах и письмах (по Г.Ландауэру)
«London Times» о событиях 21 января 1793 г.
КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешеные»
«London Times» о событиях 13 июля 1793 г.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.)
ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО
Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.
ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ (ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ)
ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ (Париж, Тюлле, Лимож)
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ (из АРХИВА ШОМЕТТА)
ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
Сложение сана священниками в Конvente
Адрес Нэжона Национальному собранию
Прокламация Фуше в Невере и Мулене 19 брюмера II года
«ТЕРРОР в ПОРЯДОК ДНЯ!»
ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ
ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления

ГЛАВА II

ЯКОВИНСКАЯ ДИКТАТУРА ОСЕНЬЮ И ЗИМОЙ 1793/94 Г.

(сентябрь—февраль) —

Социально-экономическая политика Конвента и классовая борьба в деревне

11 сентября был окончательно принят декрет о максимуме на зерно и муку. Статья первая: „Запрещается продавать зерно и муку где-либо кроме рынков“. Зерно и муку разрешалось продавать только на рынке, ибо только на рынке мог быть проведен контроль над соблюдением установленных твердых цен (максимума). За нарушение максимума налагался штраф в двойном размере. Все владельцы зерна и муки должны были подать заявления о наличных запасах для всеобщей переписи зерна и муки, причем муниципалитеты обязаны были посредством домашних обысков проверять правильность данных запасов. Администрация получила также право производить реквизицию зерна и муки, войска должны были снабжаться исключительно путем реквизиции. Министерство внутренних дел уполномочивалось „накладывать на департаменты с избытком зерна все реквизиции, необходимые для снабжения нуждающихся департаментов и дистриктов“.

Администрации также было представлено право реквизиции рабочей силы для обмолота зерна в снопах. Затем этим законом устанавливались единые твердые цены на зерно, муку, фураж на территории всей республики.

Между тем Коммуна и секции торопили Конвент с введением всеобщего максимума, обещанного еще 4 сентября. Он был декретирован 29 сентября, причем все процессы по фальсификации продуктов и незаконным надбавкам на товары должны были подлежать суду революционного трибунала.

По закону 29 сентября максимум цен на товары должен был быть равен „цене этого товара в 1790 г., установленной по торговым записям и рыночным ценам каждого департамента с надбавкой $\frac{1}{3}$ этой цены“. Штрафы за нарушение цены, обязательство продажи на рынке, право реквизиции — все эти положения, установленные законом 11 сентября, сохранялись и утверждались законом 29 сентября. Однако новой в этом законе была постанова рабочего вопроса. Если в законе 11 сентября глухо говорилось только о праве реквизиции молотильщиков для срочного обмолота зерна, то законом 29 сентября устанавливались регламентация заработной платы и право широкой мобилизации рабочих. Нижеследующие статьи декрета так решали этот вопрос:

Ст. 8: „Максимум или предельная ставка вознаграждения, жалованья, заработной и почасовой платы в каждой местности фиксируется генеральным советом Коммуны, начиная со времени опубликования настоящего декрета до сентября следующего года; эта ставка равна заработной плате 1790 г. с надбавкой в $\frac{1}{2}$ этой цены“.

Ст. 9: „Муниципалитеты могут реквизировать и наказывать, смотря по обстоятельствам, тремя днями ареста рабочих, ремесленников и других занимающихся физическим трудом лиц, если они без уважительных причин откажутся от исполнения своих обычных работ“.

Таким образом в дополнение к максимуму на продовольствие, которого требовали санкюлоты, был введен максимум на зарплату и право фактического прикрепления рабочих.

Правда, отношение между максимумом заработной платы и ценой товаров было в пользу рабочих. На товарные цены 1790 г. накидывалась только $\frac{1}{3}$, а на заработную плату 1790 г. — $\frac{1}{2}$, но если мы учтем, что товарный максимум значительно легче поддавался нарушению в виду разрозненности производителей, нежели максимум на заработную плату объединенных в местах производства рабочих, то мы поймем, что эти статьи закона (т. е. статьи о максимуме на зарплату) должны были послужить в дальнейшем одним из крупных пунктов раздоров внутри того блока, который образовался. Мы увидим в дальнейшем, что пока во главе Коммуны были левые, они проводили закон 29 сентября в пользу рабочих, строго следя лишь за соблюдением максимума на товары и продукты. После их разгрома положение резко изменилось.

2 октября Конвент разъяснил, что все съестные припасы подлежат таксации по максимуму, а 3 октября предписал

Исполнительному комитету принять меры к скорейшему его введению. 9 октября была предписана отмена всех новых рынков, ибо установление новых рынков было уловкой для избежания реквизиции. Комиссары (депутаты Конвента, посланные в качестве полномочных представителей в департаменты) также принимали разнообразные меры по смягчению кризиса. Ярый террорист (но будущий термидорианец) Фуше предписывал булочникам печь только один сорт хлеба из непросеянной муки — этот хлеб называли хлебом равенства. Тот же Фуше предписал в Ниевре принудительный обмен звонкой монеты на ассигнации; то же делал Сен-Жюст, который был в миссии на Рейне. Характерно, что Дантон (1 декабря) оспаривал принудительный обмен ассигнаций.

В Париже таксы были обнародованы 12 октября, но торговцы всячески пытались их саботировать.

17 октября Коммуна приняла постановление о том, что торговцы, отказывающиеся от своей торговли или нарочито сводящие ее к нулю, объявляются подозрительными.

27 октября делегации секций вновь направились в Коммуну ходатайствовать о строгом соблюдении максимума. Пути обхода максимума были различны и многочисленны. Вот лавочка продает худую фланель по цене высокосортной фланели, вот булочник просеивает муку и через черный ход продает сдобную булку, а виноторговец попросту разбавляет вино водой и подсыпает порошок. Виноградное вино является во Франции чрезвычайно распространенным народным напитком и Коммуна считала необходимым установить специальных чиновников для пробы вина. 28-го числа Конвенту уже пришлось рассматривать экспонаты фальсифицированных в связи с установлением максимума продуктов.

Торговцы прячут продукты и делегаты секций требуют введения домашних обысков для обнаружения спрятанных товаров. Положение напряженное, и Комитет общественного снабжения принужден идти на некоторые смягчения максимума: так 7 ноября он декретирует, что суда нейтральных стран, привозящие предметы первой необходимости, имеют право продавать свои товары правительственными агентам по вольной цене и должны покупать у них по свободной цене. С другой стороны, КОС усиливает меры по реквизиции продовольствия и по борьбе с спекуляцией.

25 ноября было усилено положение о реквизициях: раньше крестьянину полагался определенный семейный запас, освобожденный от реквизиции, теперь он отменялся. (Мы еще раз напоминаем, что реквизиция означала лишь при-

нуждение к продаже, а не бесплатное изъятие, каким является конфискация).

28 декабря Конвент улучшает законодательство о спекуляциях. До сих пор единственной карой за спекуляцию был смертный приговор, но так как для мелких дел это было явно слишком жестоким приговором, то почти все подсудимые судом освобождались. Теперь, в отмену закона от 27 июля, устанавливались различные кары.

Два обстоятельства ухудшали продовольственное положение: а) реквизиционная неразбериха — вследствие того, что три инстанции были уполномочены производить реквизицию продовольствия, б) отсутствие твердого максимума для всех районов. До сих пор существовал только один принцип: цена 1790 г. + 1 з, и на этом основании местные власти устанавливали максимум. Получилась весьма пестрая картина, при которой страдала и хозяйственная жизнь на местах и снабжение продовольствием. Вот как один из членов Конвента, посланный в командировку, описывает это положение в своем письме от 26 октября 1793 г.: „Вы с трудом найдете обед в харчевне, а яйцо почти так же трудно найти, как и быка.. Повсюду устанавливается различный максимум на яблоки или груши, в другом месте даже на лесные орехи...“

Таксация цен на местах приводила к тому, что администрация устанавливала высокие цены на товары местного производства и низкие на ввозные предметы. Не существовало соответствия между изделиями промышленности и сельского хозяйства.

В начале февраля усиливается продовольственный кризис в Париже. Дело доходит до того, что толпы парижских женщин часто расхватывают продукты прямо с возов, не оплачивая их.

Необходимо было установить твердые цены для всех районов с тем, чтобы существовало соответствие между сырьем и выработанным продуктом, между земледельческим продуктом и продуктом промышленности. Надо было скорей привести максимум к единообразной строгой системе — и для этого 12 ноября было организовано специальное бюро максимума.

Наконец 26 февраля в Конвент была представлена таблица цен на все товары во всех дистриктах. Эта грандиозная работа была проделана в три месяца. Барер произнес по этому поводу восторженную речь, в которой заявлял, что исчезнут посредники и прибыль будет умеренной.

„Естествоиспытатели, врачи, — говорил он, — ценой долгих работ составили таблицы смертности рода человеческого; мы за два месяца составили таблицы жизни народа...“

По поводу принятия всеобщего максимума в Конвент поступил ряд поздравительных и благодарственных адресов. Якобинцы Бона пишут: „Ваш декрет хорош уже потому, что богатые его осуждают и клеветают на него. Обездоленные, бедняки, народ благословляют закон о максимуме, а одобрение народа — лучшая из всех санкций.“

Но именно потому, что закон о максимуме был ярко „санкюлотским“, он не мог не вызвать сопротивления торговцев и собственнического крестьянства. Безансонская газета пишет, обращаясь к сельским жителям: „Вы заперли ваши амбары и покинули наши рынки; зато вы поспешили в наши города, в наши бакалейные лавки, чтобы забрать оттуда масло, мыло и даже сахар“. Клуб якобинцев Безансона предлагает, чтобы торговцы имели право продавать деревенским жителям товары только в тех случаях, когда последние смогут доказать, что привезли в город продукты сельского хозяйства.

Барер еще в речи 22 октября говорил: „Продукция нашей территории является собственностью всей нации. Революция и свобода являясь первыми кредиторами граждан и республика должна иметь первенство в своих покупках“. Это было обоснованием реквизиции. Но именно реквизиции вызвали ожесточенное сопротивление и гражданскую войну в деревне. Крестьянство получило землю в собственность. Крестьянство имело возможность приобретения земель из национального фонда. Ноябрьские и декабрьские декреты распространили разрешение дробления эмигрантских земель на все виды национальных имуществ. Кроме того декрет 13 сентября разрешил бедноте коммун, не имеющих общинных земель, приобретать земли стоимостью до 500 ливров с рассрочкой на 20 лет и без процентов.

Однако лучше всего могло воспользоваться распродажей земель более зажиточное крестьянство. Например в северном департаменте более 49% всей приобретенной крестьянством земли попало в руки 4,5% крестьян, т. е. деревенской верхушки; 62% крестьян являлись покупателями мелких участков, составивших в общей сложности до 17% всей приобретенной крестьянством земли. Таким образом верхушка крестьянства приобрела около 1/2 всей купленной крестьянством земли, а широкие круги бедноты приобрели менее одной пятой. К тому же зачастую бедноте, не имевшей собственных угодий

производства и скота, приходилось сдавать свои земли в аренду более зажиточным соседям и эта земля часто застревала у арендаторов.

Якобинская диктатура старалась помочь маломощному крестьянству в сохранении им своей самостоятельности. По декрету 16 сентября 1793 г. земли ушедших в армию, а также земли наименее обеспеченных граждан, которые не могли справиться с посевами, должны были обрабатываться кончившими обработку своих полей согражданами, начиная с самых зажиточных. Несмотря на поддержку неимущих центральной властью и на часто благоприятствующую их интересам политику представителей Конвента, среди которых было много левых, в деревне осуществлялось сильнейшее сопротивление максимуму и реквизициям. Активное сопротивление организовывалось кулаками, неприсяжными священниками, буржуазией, приобретавшей землю, и особенно теми городскими богатеями, которые из боязни городских «эксцессов» выселялись в деревню.

В вопросах сопротивления реквизиции и максимуму — деревенской буржуазии, т. е. кулачеству, зачастую удавалось сплотить вокруг себя и середняцкое крестьянство. Это объяснялось тем, что не было поощряемого властью и поддерживаемого господствующей партией организованного движения неимущих, бедноты, которая могла бы сплотить вокруг себя середняцкое крестьянство. Иногда даже беднота, чрезвычайно заинтересованная в максимуме, участвовала в сопротивлении реквизициям. Это случалось тогда, когда реквизиции предназначались для вывоза, и беднота боялась остаться без продовольственных ресурсов. Основной базой сопротивления однако, естественно, оставались кулаки. Формы сопротивления редко были открытыми, чаще они принимали форму саботажа, «вредительства».

Санкюлоты из департаментов указывают якобинскому клубу, что богатые собственники, арендующие бывшие церковные земли, обратили их в пастбище, чтобы не платить аренды зерном. Некоторые зажиточные крестьяне, в то время как деревенская беднота вынуждена была питаться овсом, уничтожали рожь на корм лошадям, чтобы не продавать ее по максимуму.

В одной коммуне зерно находят спрятанным в навозе, в другой — в бочках, покрытых бельем. В ряде коммун происходит умышленная порча урожая. Некоторые передают хлеб на съедение червям; приносят зерно в грязной таре, чтобы оно испортилось; по ночам зерно вывозится и прячется в риге

т. д. Но иногда дело доходило и до открытой борьбы. 20 января в Сент-Илер-де-Бриуз при отправке реквизированного хлеба произошел открытый бунт. Некий кулак со всей своей семьей забаррикадировался в своем доме, не желая сдать по реквизиции хлеб. Осаду его дома национальной гвардии пришлось вести по всем правилам военного искусства, ибо кулак и его сыновья были вооружены.

Этампский дистрикт 22 февраля сообщает о коалиции между торговцами маслом и торговцами яйцами, организованной для продажи выше максимума и бойкота снабжения Парижа.

Депутат Конвента Робер, у которого при участии комиссара по борьбе с спекуляцией был конфискован большой запас рома, писал, жалуясь на это Конвенту: «Жена моя заболела и выздоровеет может быть только тогда, когда восстановят мои права». Зажиточное крестьянство тоже «заболело». К сожалению его зачастую подлечивали местные муниципалитеты, которые большей частью состояли из представителей наиболее имущего крестьянства. Реквизиция налагалась на дистрикт. Администрация дистрикта распределяла ее по коммуна, а уже муниципалитет коммун доводил ее «до двора». Зачастую богатей старались переложить реквизиции на бедноту. В октябре 1793 г. чиновник из Антиньи пишет, обращаясь к центральной власти: «Он (бедняк) не получает поддержки со стороны ни одного должностного лица, которыми обычно являются богатые или зажиточные молодые люди. Все муниципальные власти являются нарушителями ваших мудрых законов».

«В коммуне Леньи назначена была реквизиция в пользу департамента Куланж-сюр-Ионн. Эта реквизиция могла состояться лишь после того, как смещены были все муниципальные чиновники и в Леньи прибыл отряд из 50 национальных гвардейцев».

Мэр Понт Сэнт — Максенс — осмелился сказать: «Когда нам из Парижа пришлют сахар — тогда мы посмотрим, пошлем ли мы им наши яйца и наше масло».

Декреты 5 ноября, 5 декабря и 7 апреля устанавливали различные кары для администраторов за противодействие или недостаточное усердие в учете зерна и его реквизиции.

В северном департаменте представитель Конвента 11 января приказывает арестовать 23 мэров деревенских коммун. Представитель Конвента Лорен приказал в каждой невыполнившей разверстки коммуне арестовать мэра и «первейшего и самого богатого из крестьян». Тот же метод репрессий в отношении кулачества применялся и в некоторых других местностях.

Однако такая антикулацкая политика центральной власти и некоторых представителей этой власти на местах не сопро-вождались, как мы уже указывали, организацией бедноты и попытками сплотить вокруг этой бедноты середняцкую массу. Кроме того центральное правительство, стремясь к поддержке маломощного крестьянства, вело в то же время определенно репрессивную политику в отношении сельскохозяйственных рабочих — поденщиков и батраков. Между тем ясно, что невозможно политически отделить вопрос о бедноте от вопроса о сельскохозяйственных рабочих. Не результатом твердых политических директив центра, а следствием инициативы отдельных представителей власти были такие явления, как приказ представителя Конвента в департаменте Йонны, согласно которому учет зерна контролировался помимо чиновников и гражданскими информаторами, которые должны были избираться из числа деревенской бедноты. Тот же представитель Конвента грозил „алчным фермерам“ „вооруженной силой, составленной из добрых санкюлотов“, которые „скоро сумеют вернуть изобилие и равенство в среду граждан“.

Народные общества зачастую тоже стояли на точке зрения муниципалитетов. Но так как в народные общества легче было проникнуть санкюлотам, то в некоторых случаях народные общества проводили санкюлотский контроль над муниципалитетами.¹ Конечно и некоторые муниципалитеты были составлены из представителей неимущих и тогда борьба с кулачеством шла успешней и гражданская война в деревне углублялась. Некоторые администраторы, например, производили расчет за реквизированное зерно, начиная с наименее состоятельных граждан. Закон разрешал живущим в деревне рабочим приобретать хлеб по реквизиционным бонам у односельчан. Некоторые коммуны выдавали бедноте реквизиционные боны на получение у имущего крестьянства молочных продуктов. Но так как беднота в целом была не организована, то борьба ее велась стихийно, без ясной цели и какого-либо политического плана.

В этой расстановке, соотношении и поведении классовых сил в деревне сказывается весь характер революции и эпохи. Не было осознанного свои интересы пролетариата, который мог бы, опираясь на бедноту, заключить и сохранить союз с середняком. Если иногда и происходило раскулачивание, то

¹ Например народное общество коммуны Лензи превратилось в настоящий союз сельскохозяйственных рабочих.

во имя чего? Перспектив, выходящих за пределы мелкой собственности, не было.

Важнейший участок аграрного вопроса и классовой борьбы в деревне дает нагляднейшую картину всего кардинального различия между великой французской революцией, буржуазной революцией, проводившейся „плебейскими методами“, и нашей революцией, пролетарской революцией, проводимой под гегемонией пролетариата в союзе с крестьянством. Вместе с тем классовая борьба во французской деревне эпохи Великой революции дает богатейший материал для учета опыта ведения этой борьбы. Мы видим, как отрицательно отзывалось на разворачивании гражданской войны в деревне отсутствие единой, руководящей пролетарской партии; мы видим, как отсутствие организации деревенской бедноты помогало кулаку захватить влияние над середняком.

Противодействие имущего крестьянства нормировке и реквизициям не означает, что в якобинский период крестьянство перестало быть движущей силой революции. Основная масса крестьянства продолжала ею быть и мужественно боролась с контрреволюционным нашествием во вне и внутри, ибо контрреволюция угрожала только-что завоеванному праву мелкой частной собственности. Крестьянская армия одерживает победу за победой над внутренней и внешней контрреволюцией. Но кулак зачастую отказывался даже от борьбы с интервентами.

Представитель Конвента пишет из Сент-Этьена, что призыв августа 1793 г. переполнил оружейные предприятия „большим числом молодых буржуа и зажиточных крестьян, которых защита границ мало одушевляла“.

Итак, даже в такую раннюю революцию после уничтожения в основном феодальных пут, разные группы крестьянства различались в своем отношении к руководимой городом революции, и кулачество организует активное сопротивление таким революционным мероприятиям, как максимум, столь необходимый для организации снабжения армии и городов.

Мероприятия Конвента в области промышленности

В эпоху якобинской диктатуры, являвшейся боевой организацией руководства гражданской войной внутри и во вне Франции, революционная практика естественно приводила к мысли о частичной национализации производства.

Особенно ярко эта тенденция выразилась у левого деятеля Коммуны — соратника Эбера Шометта. Так например 14 октября

Шометт, предложив национализировать покинутые владельцами предприятия, заявил, что у республики хватит рук, чтобы их пустить. Но не только Шометт, который особенно часто возвращался к этой мысли, но и другие деятели революции ставили этот вопрос и частично пытались претворить его в жизнь.

Огромную роль в постановке данного вопроса играли нужды обороны, но наравне с ними также и социальные требования, — необходимость дать работу безработным и нуждающимся. Наконец навстречу инициативе руководящих деятелей Коммуны и Конвента поднималась инициатива снизу, инициатива рабочих.

К вопросам национализации правительство подходило в различных формах. Некоторые отрасли производства правительство целиком взяло в свои руки: сюда относятся главным образом военные предприятия и дорожное дело.

По организации производства военного снаряжения была развита огромная деятельность.

3 ноября 1793 г. Карно делал доклад о выполнении постановления Конвента от 23 августа об организации в Париже оружейной фабрики, рассчитанной на производство тысяч ружей в день. Немедленно все было мобилизовано для обеспечения этого предприятия сырьем и рабочей силой. Комиссары по борьбе со спекуляцией были обязаны изъять из магазинов своего района все железо, годное для выделки оружия. Небольшое число опытных рабочих были использованы как инструктора для обучения менее опытных.

Для обеспечения сырьем были мобилизованы горны и железоделательные заводы на землях национального фонда. Организация был ряд мастерских для производства пушек. Часть из них сконцентрирована была в бывшем монастыре и „это помещение, — докладывал Карно, — посвященное некогда тишине, бездействию, скуке, сожалениям, ныне, содрогаясь от шума молотов, представляет зрелище активности, наибольшей полезности и картину счастливого населения“.

Докладчик обещает, что тысячи ружей, выходящих из парижского оружейного завода, будут вскоре лучшим в Европе. На помощь организации военной промышленности были призваны работники науки, которые дали много ценных указаний для „ударного“ строительства военных заводов. Якобинская диктатура с присущей ей энергией мобилизовала все силы, используя опыт, знания и таланты старых рабочих-инженеров, ученых. Строя свою военную промышленность, она завоевывала независимость от стран контрреволюции.

в смертельной борьбе с которыми она находилась. Карно докладывал: „фабрикация стали например, большое потребление которой держало нас в покорной и нелепой зависимости от Англии и Германии, не оставляет желать большего: ученые..., призванные вашим комитетом... освободили нас от этого рода дани...“

Союз труда и науки освобождает так же во время нашей революции первую страну социализма от зависимости от капиталистических стран, готовящих новую войну против нас.

Доклад Карно сопровождался торжественной демонстрацией первых шести ружей, изготовленных правительственным парижским оружейным заводом.

4 июня 1794 г., в виду почти полного отсутствия частных сталелитейных мануфактур, КОС (Комитет общественного спасения) декретировал организацию в департаменте Мон-Блан мануфактуры стальных изделий.

Конвент был очень озабочен также строительством и ремонтом мостов и шоссе дорог. Дороги издавна были запущены, но в то время как раньше они нужны были только для местных частных перевозок, сейчас они были необходимы для спасения республики. 6 декабря особым декретом Конвент берет в свое ведение мосты и шоссе дороги. 18 января КОС постановил мобилизовать дезертиров на общественную работу и в первую очередь на починку дорог и мостов. 29 января КОС снова возвращается к этой проблеме и декретирует реквизицию людей и материалов для починки дорог.

Та же практическая необходимость работы на оборону привела Коммуну к организации довольно значительной группы коммунальных предприятий — пошивочных мастерских. Нуждающиеся члены секций могли приходить туда и по удовлетворению своей секции получать работу.

Таким образом организация Коммуной пошивочных мастерских преследовала и удовлетворение нужд обороны и помощь нуждающимся. Из тех же соображений например депутат Сент-Андре по специальному поручению разрабатывал государственными средствами рудник в Бретани, чтобы дать заработок рабочим.

Но если якобинская диктатура не подошла и не могла вплотную подойти к обобществлению производства, то меры контроля и организации она применяла.¹ „Фабриканты — не пат-

¹ Декрет 1 марта 1794 г. объявлял в состоянии реквизиции все сапожные мастерские и обязывал каждую из них еженедельно сдавать две пары сапог для нужд армии.

риоты, они не желают работать, их приходится принуждать к этому", — писали 14 декабря Сен-Жюст и Леба Робеспьеру. Еще 1 ноября 1793 г. Конвент объявил, что будет считать подозрительными всех хозяев предприятий, которые закроют свои мастерские. Во исполнение этого декрета производственная комиссия в инструкции от 4 ноября, адресованной агентам, направленным в город Труа для налаживания текстильной промышленности, указывала, что если собственники промышленных заведений будут пренебрегать ими, то комиссары реквизируют помещения и оборудования этих мануфактур "....выберут из рабочих наиболее разумных и патриотически настроенных граждан с тем, чтобы поставить их во главе мануфактур и обеспечить им все необходимое для продолжения работы".

Эта инструкция является одним из наиболее ярких примеров того, как практика ожесточенной гражданской войны вплотную подводила к национализации предприятий. Нельзя не указать при этом, что на мысль о выдвигании рабочих к управлению предприятием, высказанную в данной инструкции, правительство натолкнула практика самого рабочего движения. Например на Севрской мануфактуре по требованию рабочих в 1793 г. в каждой из шести мастерских был организован выборный рабочий совет во главе с начальником мастерской для выявления нужд рабочих и „содействия по ряду и успеху мануфактуры“. На той же Севрской мануфактуре рабочие после революции 10 августа 1792 г. произвели очистку ее состава от „подозрительных“ и заменили их политически надежными из своей среды. По этому поводу один анонимный автор писал, что некоторые лица прогнаны со своих мест и заменены людьми, „у которых есть патриотизм но нет талантов и специальных качеств“.

Если мы примем во внимание, что патриотизмом тогда называлась преданность революционной власти, то эта фраза напомнит нам вопли нашей саботировавшей в начале революции интеллигенции о том, что все производство погибнет так как „чумазый“ взялся за руководство им.

Случай организации работы в Труа отнюдь не был единичным. 27 октября 1793 г. Альбит, представитель Конвента в „Освобожденном городе“ (Лионе), обещал организацию национальных мастерских „чтобы уничтожить жизненную зависимость бедняков от миллионеров“.

Лионский дистрикт в начале апреля 1794 г. просил разрешить ему организовать мануфактуры, которые находились в его ведении.

17 ноября 1793 г. якобинцы Гренобля потребовали национализацию предприятий, владельцы которых перестали их вести. Они требовали, чтоб сами хозяева этих предприятий были поставлены в качестве рядовых рабочих на службу нации.

Любопытно, что военная обстановка (мобилизация мужчин на фронт) выдвигала вопрос об усиленном втягивании женщин, работавших в светелках кустарей помощницами мужей, в концентрированные производственные предприятия. Представители Конвента в Тулузе организовали обширные ткацкие предприятия, в которых они собрали для работы детей и женщин. Представитель Конвента в Руане собрал в организованные им парусные мастерские бретонских женщин.

Одной из наиболее контролируемых отраслей производства стало хлебопечение.

3 ноября 1793 г. Безансонский муниципалитет вынес ряд постановлений, вводивших контроль над производством и распределением хлеба. Пункт IX этого постановления гласил:

„Пекарь, уличенный в выпечке хлеба плохого качества или с примесями, лишается права продолжать свое ремесло. За его счет нанимают рабочих, которые продолжают печь хлеб в его хлебопекарне. Хлеб, выпеченный этим пекарем, конфискуется и на дверях его жилища делается надпись: „Этот пекарь злоупотребил доверием общества, он — враг народа“.

Клуб Нанси предлагает Конвенту национализировать снабжение хлебом и мясом, превратив булочников и мясников из торговцев в рабочих, распределяющих среди граждан то, что они получили.

На ряде приведенных нами сейчас примеров мы видим, как контроль над производством и попытки его организации стихийно подводили вплотную к вопросам национализации производства.

Все же исключительной являлась в то время высокая сознательность, проявленная одним провинциальным клубом, заявившим: „Если бы нация смогла занять всех рабочих, она одним ударом уничтожила бы аристократию во всех ее проявлениях и предупредила бы возможность ее возвращения“. То есть: только национализация предприятий обезоружит капиталистов.

Перед правительством очень остро стоял и вопрос о руководстве сельским хозяйством. Вопрос о хлебе, а в связи с ним об обработке земли и о посевах не мог не быть одним из центральных вопросов хозяйственной деятельности. 16 сен-

тября 1793 г. Конвент постановил, что муниципалитеты обязаны обрабатывать пустующие земли и помочь путем мобилизации рабочей силы обработке земель тех хозяйств, которые лишились из-за войны рабочей силы, а также оказать помощь маломощным хозяйствам, не могущим самим справиться с посевом.

На местах велась война против появления виноградников и пастбищ в тех случаях, когда они возникали на земле, ранее употреблявшейся для разведения хлебных злаков. Народные общества вместе с администрацией борются за уменьшение земель, лежащих под паром.

1 ноября были разосланы инструкции о посевах, 4 декабря издан декрет об осушке болот и прудов для расширения посевной площади, ибо «рыбы, разводимые в прудах, — предмет роскоши, ее не видят бедняки». Для пропаганды картофеля, плебейского и жароустойчивого овоща, КОС постановил 19 февраля 1794 г. сделать насаждения картофеля в Париже, в Тюльерийском и Люксембургском садах.

Было предложено использовать под огороды пустопорожни земли в Париже и под Парижем.

В провинции сельским хозяевам за развитие огородничества раздавались премии.

Во всей этой деятельности живейшее участие принимали клубы. Клуб деревушки Гоголен, объявив борьбу с сельскохозяйственными вредителями, вырабатывает подробный индекс премий, в котором различные суммы полагаются в вознаграждение за их уничтожение.

Для мелкобуржуазной диктатуры характерно, что она легче и ближе подходила к вопросам национализации производства, чем потребления и торговли.

Обращение продовольствия и товаров, взятое по требованию масс под жесточайший контроль государства, однако не изымалось из рук частных лиц. Но торговля была большей частью в руках мелких торговцев, а владельцами мануфактур были крупные капиталисты; поэтому якобинской идеологии легче было подойти вплотную к вопросу национализации промышленности, чем торговли. В последней под особо жесткий контроль была взята внешняя торговля, которой занимались промышленники и крупные торговцы — экспортеры.

Интересно, что вопросы национализации очень часто связывались с требованиями эгалитаризма. Эта связь очень характерна для идеологии той эпохи, когда рабочий класс еще был заражен мелкобуржуазной идеологией уравнилства. Якобинцы Лиона например осенью 1793 г. заявляют, что следует

уравнять состояния, лишить крупных предпринимателей их экономических привилегий для того, чтобы не было богачей, «могущих держать рабочих в нищете и угнетении».

Но этот освобожденный рабочий не мог конечно фигурировать в представлении якобинцев Лиона как полноправный рабочий-хозяин обобществленного пролетарским государством предприятия, ибо не было еще представления о таком государстве. Он представлялся им как почтенный трудолюбивый мелкий собственник.

Само собой понятно, что в обстановке еще недоразвившегося капитализма и несозревшего рабочего класса не могла осуществиться национализация производства и обращения, особенно производства. Тем более любопытно, что уже в этот ранний период революционная практика стихийно наводила на этот путь.

Революционный порядок управления; гражданское законодательство

7 5 сентября поставил в порядок дня террор. Социальные мероприятия — максимум и революционная оборона настоятельно требовали его. Необходимо было ввести революционный порядок управления. Фактически орган диктатуры в лице КОСа существовал. С 14 сентября КОС уже избирал членов всех других комитетов, а 20 сентября из КОСа выбыл последний дантонист Тюрио. 10 октября Сен-Жюст выступил в Конвенте с большой речью о принципах революционного порядка управления. «Законы, — говорил Сен-Жюст, — революционны, но их исполнители — плохие революционеры».

«Нельзя надеяться на благоденствие, пока дышит хотя бы последний враг свободы. Нужно карать не только предателей, но и равнодушных; надо наказывать всякого, кто равнодушен к республике и ничего не делает для нее».

«Граждане! Все враги республики находятся в составе администрации. Канцелярии заменили собою монархию; дух канцелярщины объявил нам войну, он до сих пор не подчинен ничьему руководству».

«Нужно в корне реформировать все правительство для того, чтобы уничтожить склонность к тиранам, которую стараются придать ему наши враги».

«Вы должны гарантировать себя от независимости администрации, раздробить власть, отождествить ее с революционным движением и с вами — и ее умножить».

Постановление Конвента гласило:

Ст. 1. „Временное правительство Франции будет революционным до заключения мира“.

Ст. 2. „Временный исполнительный совет министров, генералы и все учреждения подчиняются надзору Комитета общественного спасения, который представляет Конвенту еженедельный отчет об их деятельности“.

Более резко выразил мысль о классовом, санкюлотском революционном аппарате власти Эбер. 3 октября он писал: „Если бы администраторы в общем стоили администрируемых, дела пошли бы хорошо и республика была бы спасена“.

18 ноября левый Бильо-Варенн повторил как нападки Сен-Жюста на администрацию, так и его требование чистки административного аппарата, которая вскоре стала проводиться со всею жесткостью военного времени.

4 декабря Конвент принял разработанный Бильо-Варенном декрет о революционном порядке управления, эту „временную конституцию“, которая должна была пока заменить принятую, но отсроченную по обстоятельствам революционного времени конституцию 1793 г.

25 декабря 1793 г. Робеспьер в своем докладе о революционном правительстве установил следующие основные положения:

„Теория революционного правления так же нова, как революция, которая ее призвала к жизни“.

„Цель конституционного правительства — сохранить республику; цель революционного правительства — основать ее. Революция — это борьба свободы против ее врагов; конституция — это правление свободы, уже одержавшей победу и установившей мир“.

„Если революционное правление должно быть более активным в своих действиях и более свободным в своих движениях, чем обычное правление, является ли оно из за этого менее справедливым или законным? Нет, оно опирается на наиболее священный из всех законов — на спасение народа, на наиболее неотразимое из всех правооснований — на необходимость“.

Все органы власти были отданы под надзор КОСа, который должен был отчитываться перед Конвентом. Однако, хотя Конвент и значился, согласно 1-й статьи декрета „единственным центральным органом правительственной власти“, но фактически в продолжении всего этого времени до весны 1794 г. КОС был полнсмочным и полновластным руко-

водителем государственной жизни, а Конвент только послушно штемпелевал его постановления.

Согласно декрету 4 декабря о революционном порядке управления — во главе муниципалитетов становились национальные агенты. То же было с управлением дистриктов и департаментов.

Еще в сентябре революционные комитеты секций были непосредственно подчинены КОСу. Шометт хотел вновь объединить их вокруг Коммуны. По его предложению Генеральный совет Коммуны постановил созвать совещание всех революционных комитетов на 4 декабря. Утром 4 декабря Конвент запретил это собрание, а по декрету того же дня о революционном порядке управления было запрещено каким бы то ни было органам созывать объединенные собрания революционных комитетов секций и устраивать центральное объединение народных обществ.

И хотя диктатура сделала своим лозунгом: „слово «невозможно» — не слово республиканца“, хотя основой революционного правительства было действие широчайших масс, тем не менее оно порой пыталось сковывать самодеятельность масс, в отличие от пролетарской диктатуры, которая в качестве своей основы имеет „широчайшую самодеятельность широчайших масс“. Это отличие объясняется тем, что диктатура якобинцев была диктатурой мелкой буржуазии, которая с опаской оглядывалась на своего союзника слева.

Тем не менее якобинская диктатура сумела показать величайший пример чудес, создаваемых развязыванием революционной энергии широчайших масс при отказе от фетиша буржуазной демократии, в формальном противоречии с которой стояла отсрочка введения в жизнь принятой конституции и установление революционного порядка управления.

„Всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс“ (Ленин).

Маркс, Энгельс и Ленин всегда ссылались на пример как централизации, так и фактической демократии, господствовавшей в эпоху якобинской диктатуры.

Одновременно с установлением революционного порядка управления более усиленно заработала гильотина — на основе приведенного нами закона от 17 сентября о подозрительных.

24 сентября 1793 г. был заслушан обвинительный доклад против жирондистов. Конвент удалил 136 своих членов: 41 были преданы суду ревтрибунала, 19 были поставлены вне закона, 76 протестовавших против революции 2 июня не угодили на эшафот только благодаря заступничеству Робес-

пьера, который и сейчас еще пытается обезоружить врагов некоторыми уступками. С 24 по 30 октября продолжался процесс жирондистов — и 31 октября 21 жирондист были казнены.

Незадолго до казни жирондистов была гильотинирована королева. Многие из бежавших жирондистов были пойманы и казнены, некоторые покончили с собой.

Один из приговоренных к казни жирондистов сказал, обращаясь к судьям: «я умираю в такую минуту, когда город потерял здравый смысл, а вы умрете, когда он опомнится».

Классовое предвидение было верным. Буржуазный Париж опомнился через восемь месяцев, чтобы в крови революционеров потопить воспоминание о своих «мучениях».

В это время не было забыто и гражданское законодательство. Конвент ограничил право дарений, а также урегулировал наследственное право в том смысле, что завещатель должен был распределять наследство между своими родственниками, имея право только небольшой частью наследства распорядиться по собственному усмотрению. И право наследования, и право дарения должны были служить наивозможно большему раздроблению крупных состояний.

«Вы ничего не сделали для общего счастья, если сами институты не пытаются разрушить это слишком большое неравенство состояний» (Сен-Жюст).

Нельзя не отметить еще один чрезвычайно важный акт Конвента.

4 февраля 1794 г. Конвент уничтожил рабство во французских колониях. В колониях рабы боролись за Францию, прося в награду освобождение. Представитель колонии Сан-Доминго умолял Конвент удовлетворить их просьбу. При всеобщем энтузиазме Конвент принял решение освободить негров на всей территории французских владений. Было постановлено, что «все люди без различия цвета кожи, живущие в колониях, являются французскими гражданами и будут пользоваться всеми правами, обеспеченными конституцией».

В некоторых английских колониях рабство существует и поныне, в наши дни. В колониях империалистической Франции, которая полтора столетия назад, в высшем фазисе революции, отменила рабство, еще сейчас оно фактически процветает. Губернатором одной из этих колоний состоит французский социал-фашист Варенн, для вида исключенный, а затем вновь восстановленный в французской социалистической партии.

Революционный порядок управления как нельзя лучше обеспечивал победоносное ведение войны с контрреволюционной коалицией. Все руководство армиями было сосредоточено в КОСЕ (комитете общественного спасения). Командующего всеми армиями не было. КОС руководил непосредственно военными операциями, комплектованием и снабжением армий.

Летом и осенью 1793 г. французская армия получила передышку, потому что среди союзников происходили трения на почве соперничества между Австрией и Пруссией. Яблоком раздора между ними был вопрос о Польше. В начале 1793 г. стал известен тайный договор между Пруссией и Россией о разделе Польши без участия Австрии. В силу этих разногласий союзники плохо поддерживали друг друга в военных действиях против революционной Франции.

Пользуясь этой относительной передышкой, КОС реорганизовал армию. Он завел жесткую дисциплину и зорко наблюдал за командным составом. Генералам не прощались не только измена, но и неверие в успех.

В циркуляре генералам (декабрь 1793 г.) КОС провозгласил: «Революционное правительство, в составе которого нет предателей, увеличивает силы великой нации и удваивает ее способность одержать победу. Эта нация имеет право сказать тем, кому она вверила свою защиту: «Я приказываю вам одержать победу».

Республиканская армия выдвинула на руководящие посты ряд талантливых людей из низшего комсостава.

Революционная армия создала новую тактику. Этой тактикой было наступление глубокими колоннами, которые бросались каждый раз на самый опасный участок боя. Такая концентрированная атака требовала больших людских жертв, но производила огромное впечатление на малоподвижного противника.

Тактика революционной армии была тактикой быстрых маневров, собирания в кулак отдельных армий наибольшего количества людских сил.

«Дело, начатое американской революцией, было дополнено Французской также и в военной области. Опытным набранным войскам коалиции она точно так же могла противопоставить лишь неопытное, но многочисленное ополчение целой нации. С этой массой было необходимо однако защищать Париж, т. е. охранять определенную область, что не могло быть выполнено без победы над неприятельским войском».

в открытом поле. Одних стрелковых отрядов тут было недостаточно, требовалось найти новую форму для употребления в дело, и она была найдена в колонне. Построение в колонны позволяло даже неопытным войскам двигаться в порядке и притом с ускоренной быстротой (100 шагов и более в минуту), оно позволяло разрывать старые окаменелые формы линейного строя и сражаться на любой совершенно неудобной для линий местности, группировать солдат сообразно с обстоятельствами и, в соединении со стрелковыми отрядами, задерживать неприятельские линии, занимать их, утомлять, чтобы прорвать наконец, в решительном пункте оставшимися в резерве массами. Этот новый способ войны, основанный на соединении стрелков с колоннами и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия отряды или корпуса, был в тактическом и стратегическом отношении доведен до совершенства Наполеоном, но необходимость его была создана французской революцией, изменившей свойства солдат" (Энгельс, соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 171—172).

Девизом революционной войны было наступление. Сен-Жюст и Леба писали Робеспьеру, что усвоить оборонительную тактику значило бы погубить республику. Энгельс всегда хвалил революционную тактику наступления. Конечно самая возможность этой тактики была создана освобождением крестьян, существованием революционной диктатуры. Для армии было создано новое уголовное уложение согласно которому телесные названия отменялись, а за насилие над подчиненным полагалось трехлетнее тюремное заключение.

Огромную роль в деле снабжения армий и их организации играли комиссары Конвента.

Сен-Жюст и Леба были посланы комиссарами в Рейнскую армию в тяжелый момент ее больших неудач в октябре 1793 г. Сен-Жюст проводил в Страсбурге твердую революционную линию и решительными мерами поднял снабжение армии на должную высоту.

Приведем пример некоторых распоряжений Сен-Жюста. Распоряжение 1 ноября: „Будет произведен заем в 9 миллионов у жителей Страсбурга и контрибуция будет произведена в 24 часа. Два миллиона будут предварительно вычтены из этой контрибуции для нужд неимущих патриотов Страсбурга. Один миллион будет употреблен на укрепление местности, шесть миллионов будут отданы в кассу армии“.

6 ноября:

„Мэр Страсбурга должен распределить 100 тыс. ливров из займа на богатых между секциями названного города, для упо-

требления их к помощи неимущим патриотам, вдовам и сиротам солдат, умерших за дело свободы“.

7 ноября:

„Имущества тех, которые купят предметы вещевого довольствия солдата, будут конфискованы в пользу республики“.

17 ноября. „Самый богатый из невыполнивших налог будет завтра выставлен к позорному столбу. За каждый день промедления во взносе налога полагается месяц тюрьмы“.

15 ноября Сен-Жюст пишет муниципалитету „10 тыс. людей в армии без сапог. Необходимо, чтобы вы разули всех аристократов Страсбурга и чтобы завтра к 10 час. утра 10 тыс. пар обуви было по дороге в штаб-квартиру“.

24 декабря комиссары приказывают снести дома всех граждан, уличенных в ажиотаже или в продаже товаров по ценам, превышающим максимум.

Недаром Ленин говорил, что якобинцы „... умели устанавливать революционный контроль за богатыми и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир“.

Категорические меры, принятые по организации революционной обороны, принесли свой плоды.

8 сентября победоносные бои при Гондшооте стали началом успехов, а к середине октября французская территория была очищена от иностранных войск. В то же время при активном участии санкюотов департаментов были одержаны победы над внутренней контрреволюцией.

Очень длительной была контрреволюция в Лионе и Тулоне. Лион был взят 9 октября и Конвент постановил переименовать его в „Освобожденный город“.

Во главе лионской контрреволюции стояла богатая лионская жирондистская буржуазия. Эта буржуазия развивала активную деятельность по привлечению на свою сторону крестьян и рабочих. Для привлечения на свою сторону безработных, она подчас выплачивала им жалование, несмотря на приостановку работы, а кроме того создавала благотворительные общества. У этой буржуазии было в высшей степени ясное представление о ее социальном соотношении с рабочими. Во время кризиса 1792 г. Лионская жирондистская газета обращалась со следующим призывом к буржуазии:... „ваши интересы требуют в данный момент, чтобы вы раскошались. Сумейте остеречься того, чтобы крайняя нищета не заставила народ скалькулировать ваши богатства, углубившись в их происхождение, и тогда народ предоставит вам свободно наслаждаться излишком, на который он быть может имел бы право“.

Итак, необходимы социальные подачки для приручения рабочих и для их обезвреживания. Одних слов мало, ибо, как пишет та же газета лионских жирондистов: „голодный желудок не имеет ушей“. Лионская буржуазия обращается и к крестьянам, пугая их аграрным законом и „анархией“. Якобинцы, говорят они, „обращаются к бедным и поденщикам, чтобы их науськать против собственников. Они еще следеют сумасшедшую мечту разграбить города и поделить земли. Граждане! Интересы городов и деревень необходимо едины и нераздельны; везде собственность является частью существования и всякий из нас гарантирует всем существование и собственность“...

Однако трудящиеся тоже осознавали свои классовые интересы. Лионские добровольцы, ушедшие еще осенью 1791 г. в армию, пишут 19 июля 1793 г. из военного лагеря, обращаясь к восставшей лионской буржуазии: „Скажите, скажите откровенно, что вы скорбите о своих прошлых привилегиях: об этом жестоком господстве над бедным рабочим, которое вы жаждете осуществлять и сейчас. Не испытали ли вы боязнь перед необходимостью признать своего равного в бедном, являющемся по вашему мнению существом нисшим по отношению к вам?“

Большинство лионских безработных буржуазии так и не удалось вооружить против революции. Своих приверженцев и борцов она рекрутировала главным образом среди темных и коррумпированных масс: носильщиков, домашней прислуги, служащих магазинов, как и среди стряпчих, приставов, богатых сынков—„мюскаденов“ и т. д.

Самыми активными разведчиками республики, сносившимися из Лиона с осаждавшей его революционной армией, были лионские рабочие; крестьяне департаментов Роны и Луары, городом которого был Лион, равно как и крестьяне окружающих департаментов, составили $\frac{3}{4}$ той армии, которая осаждала мятежный Лион. Комиссар Конвента 20 сентября 1793 г. доносит Конвенту, что обращение к крестьянам данного и соседних департаментов нашло широкий отклик. Из них составилась „превосходная армия в 30 тыс. человек и двинулась в путь со своей провизией. Таким образом все горы и все ущелья были заняты с расчетом помешать большому отходу мюскаденов из Лиона во внутренние департаменты и помешать их снабжению в Лионе продовольствием, большую часть которого мы перехватили. Сообщения Лиона с окружающими департаментами нам удалось прервать“.

Последним из городских центров внутренней контрреволюции пал Тулон. Секции Тулона тоже были охвачены контр-

революцией. Они объявили сына казненного Людовика XVI Людовиком XVII и впустили в Тулон десант англо-испанской эскадры.

Тулон был взят 24 декабря и Конвент постановил переименовать его в „Порт Горы“.

19 октября было нанесено сильное поражение вандейской контрреволюций.

Энгельс писал о лионском и тулонском восстаниях как о восстаниях, „в которых объединились на время все политически побежденные классы и партии“ (*Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 472*). Этому объединению сил контрреволюции противостояло объединение сил революции.

На примере Лиона мы видим, что борьба с департаментской контрреволюцией велась при широчайшей активности народных масс, что и явилось причиной быстрых побед революции.

Фракционная борьба

„Революция, дав богатым свободу, дала им бесконечно много: она дала также бедным свободу, равенство, но, чтобы быть свободным, надо существовать, а если нет правильного отношения между ценой труда бедных и ценой съестных припасов, необходимых для их существования, бедные не могут жить“. Так говорил Шометт 27 февраля 1794 г. Таково было мнение всех левых—членов кордельерского клуба, стоявших во главе Коммуны, составлявших наиболее энергичных деятелей революционного режима.

„Правильное соотношение между ценой труда и ценой съестных припасов“ приводило к требованию неослабного контроля над торговлей, приводило к нападкам на всех занимающихся частной торговлей.

„Я не буду щадить зеленщика больше, чем самого крупного купца, ибо—чорт возьми—я вижу единый фронт всех продавцов против покупателей, я нахожу у мелких лавочников столько же злой воли, сколько у крупных торговцев“—писал Эбер.

Робеспьеристы пошли на максимум, вынужденные обстановкой, но сами они ему не сочувствовали, хотя и старались честно его проводить. Однако при таком отношении к максимуму они естественно не были согласны с эбертистской политикой дальнейшего наступления на торговлю и торговцев. Это отнюдь не означает, что робеспьеристы были сторонниками возвращения свободной игры капиталистических сил. Робеспьеристы

были за ограничение состояний, за борьбу с крупною собственностью и охрану мелкой, но все дело в том, что „Робеспьер в великой нищете и огромных богатствах видел лишь препятствие для чистой демократии“ (Маркс), то есть для Робеспьера уравнивание состояний было лишь средством для достижения добродетельной мелкобуржуазной демократии.

Эбертисты же хотели социально-экономического уравнивания как самоцели для улучшения и изменения положения масс, хотя они и не имели сколько-нибудь ясного представления о формах желаемого. Мы знаем, что официальных сторонников аграрного закона не было. Даже бешеные не были его сторонниками. Но в массах идея аграрного закона бродила и по временам находила свое выражение. Постольку поскольку эбертисты были представителями этих масс, они хоть и не выступали в защиту аграрного закона, не провозглашали его, но порой все же довольно явственно на него намекали.

Один из самых видных эбертистов—кордельер Моморо—еще в сентябре 1792 г., будучи комиссаром в департаменте Эр, объявил, что „нация гарантирует также неприкосновенность того вида собственности, который неправильно называют собственностью на землю, впредь до издания новых законов по этому предмету“. Таким образом Моморо более чем ясно намекнул на всеобщий передел, т. е. на аграрный закон.

Якобинцы Лиона, которые по духу своему были близки к эбертистам, говорили: „Мы уничтожим трутней, которые хотят, не работая, пользоваться трудами нашей работы“. Лионские жирондисты обвиняли лионских якобинцев в приверженности к аграрному закону: „Грабеж и дележка являются их лозунгами; грабеж в городах, дележка в деревнях. Этой разрушительной для всякого общества надеждой питается алчность тех, кто их слушает“. Конечно, жирондисты преувеличивали. Буржуазия всегда, когда массы активно участвуют в революционном движении, вопит об „анархии“ и „грабежах“. Но лионские якобинцы стояли на крайней уравнивательной—относительно к существовавшим группировкам—точке зрения. И если они прямо аграрного закона не выдвигали, то нотки его частенько звучат в их выступлениях.

Робеспьер был за уравнивание состояний путем законодательства о наследствах, путем наделения неимущих имуществом, конфискованным у подозрительных. Но вся экономическая политика весны 1794 г. показывает, что Робеспьер отнюдь не собирался лишать имущества „честных“, не конспирирующих против республики и не спекулирующих собственников.

Между тем выдвигаемое лионскими якобинцами требование установления максимума на имущество влекло за собой законодательную конфискацию имущества независимо от „честности“ его обладателя.

Такой же характер имело высказывание Эбера о торговых делах. Именно в этих различных позициях робеспьеристов и эберистов и сказывается то положение, что для Робеспьера преодоление неравенства было средством для достижения „чистой демократии“, а для Эбера и Шомета демократия была средством, становившимся не нужным, если оно не вело к цели—экономическому уравниванию, высвобождению масс из под угнетения имущих. Любопытно, что Робеспьер нащупывал классовую подоплеку развившихся разногласий с левыми, хотя и не мог об этом прямо возвестить, так как, выдвигая лозунг единой нации („есть только хорошие и дурные граждане“), не мог допустить существование отдельных социальных групп этой единой нации.

Говоря о фракциях, Робеспьер указывал:

„Две соперничающие коалиции шумно борются в течение некоторого времени; одна (дантониисты С. Л.) тянет к модернизму¹), а другая (эбертисты С. Л.)—к крайностям, в патриотическом отношении контрреволюционным... Патриотизм, который она (т. е. фракция эбертистов С. Л.) хвалится, ни абсолютен, ни всеобщ; он разряжается только в определенных обстоятельствах и замирает в сфере интересов секты. Он не имеет ничего общего с республиканской добродетелью.

Одна (т. е. дантониисты С. Л.) ищет злоупотребить своим кредитом или своим присутствием в национальном Конвенте; другая (т. е. эбертисты С. Л.)—своим влиянием в народных обществах... Одна старается испугать Конвент, другая внушить беспокойство народу“...

— 20 марта Робеспьер говорил на ту же тему:

„Республика находится между мяскаденами, аристократами и фракцией Эбера и его сообщников... Для заграницы безразлично, какая бы фракция ни торжествовала. Если бы Эбер,—Конвент был бы опрокинут, патриоты перебиты, Франция впала бы в хаос, и тирания была бы удовлетворена. Если бы умеренные,—Конвент потерял бы свою энергию, преступления аристократов были бы безнаказаны, и они торжествовали бы“. И, подражая пафосу Робеспьера, ему вторит Сен-Жюст: „...Все европейские враги Французского народа облачились в траур: преступление в трауре плачет над нечестивой могилой

¹ Умеренности.

заговорщиков". Таким образом Робеспьер, вопреки своему желанию, все же чувствовал различную классовую базу враждебных группировок.

Робеспьеристы отдавали классовое предпочтение крестьянам перед рабочими. В своем докладе об организации национальной благотворительности от 22 флореаля Барер говорил: „В порядке национальной благотворительности деревни должны пойти раньше городов. Деревни являются благодарными и плодovitыми кормилицами; города часто являются неблагодарными и бесплодными детьми...Мы перенесем наши утешающие взоры на этот интересный и полезный класс городских ремесленников; но предпочтение для крестьян, пастухов и деревенских ремесленников слишком справедливо, слишком неотложно, чтобы быть оспариваемо“.

Лионский жирондист писал:

„Равенство.. размещает всех французов на том же уровне перед законом, чтобы выразить, что они равны только перед ним“. Тот же автор заявлял, что „без уважения к собственности (автор, конечно, подразумевал крупную собственность) нет ни республики, ни вообще какого-либо правления“.

Но революционная мелкая буржуазия иначе смотрела на вопрос о собственности. „Равенство—говорил Сен-Жюст—состоит не в том, чтобы все были высокомерны, оно состоит в том, чтобы все были скромны“.

Робеспьеристы—вожди революционной мелкой буржуазии—стояли за мелкую частную собственность. „Робеспьер в великой нищете и огромных богатствах видел лишь препятствие для чистой демократии“ (Маркс). При этом робеспьеристы относились к самому принципу священной частной собственности с огромным уважением, и нам совершенно незачем подозревать в контрреволюционности Лиможский клуб, который 8 октября 1793 г. призвал к порядку некоего члена, посмеявшегося предложить изъятие из формулы присяги слов „уважение к собственности“. Бешенные и левые тоже не выступали принципиально против частной собственности, ибо, лишь став классом для себя, пролетариат противопоставляет собственности частной собственность коллективную, социалистическую.

Если жирондисты стремились к политическому равенству, если якобинцы стремились к чистой демократии как к цели и во имя этого—к экономическому уравниванию, то группы, стоявшие левее якобинцев, стремились к экономическому уравниванию как к цели, и к экономическому—как к средству и поэтому практически относились к частной собственности

с меньшим уважением, чем робеспьеристы. Это различие социальных установок нашло свое выражение и в том, что робеспьеристы отдавали политическое предпочтение крестьянам, а бешенные и эбертисты—рабочим.

Жак Ру вновь и вновь выдвигает вопрос о недостаточности политического уравнивания и политической борьбы: „не всегда королевство уничтожено возведением короля на эшафот. Не всегда тирания раздавлена уничтожением контрреволюционной группы“,—пишет он, требуя законодательной борьбы со скупкой и ажиотажем. Жак Ру избочлчает всех „лицемеров, которым общественное уравнивание кажется химерой... всех.. эгоистов, банкиров, скупщиков, тех, кто имеет революцию в уме и контрреволюцию в сердце“. Жак Ру подчеркивает, что богатые венчались с революцией по расчету, а бедные—по любви, он подчеркивает, что богатые в лучшем случае только терпят революцию, извлекая попутно и временные выгоды (спекуляция), но мечтая о скорейшей ее стабилизации, бедные же заинтересованы во всемерном углублении ее.

В петиции от 25 июня Жак Ру вновь подчеркивает неудовлетворительность формального равенства в правах и необходимость фактического равенства.

Как мы знаем, эбертисты полностью переняли позицию бешеных.

Никакого или почти никакого принципиального идеологического разграничения между якобинцами и левыми (в смысле принципиального отношения к частной собственности) не было,—все дело заключалось в различной акцентировке. Но эта различная акцентировка все же обуславливалась различным социальным базисом. И если Парижская коммуна при руководстве левых настаивает на строгом выполнении товарно-продуктового максимума и сквозь пальцы смотрит на максимум заработной платы, а при руководстве робеспьеристов ведет прямо противоположную политику, если робеспьеристы, скрепя сердце, вынуждены воспринять максимум, объявляя его впоследствии плодом „происков Питта“, а клуб Бона восторженно приветствует декрет о всеобщем максимуме, который он считает „хорошим хотя бы уже потому, что богатые клеветают на него“, то в этой цепи фактов (которую можно во много удлинить) мы не можем не видеть грани между робеспьеристами и левыми якобинцами.

Если у мелкой буржуазии была хотя и утопичная, хотя и стоявшая в противоречии с объективной действительностью и со своей собственной объективной ролью программа, то у рабочих, естественно никакой определенной программы буду-

щего еще быть не могло. Было ощущение враждебности к буржуазии, блеснули гениальные зарницы значения обобщенного производства, было кровное осознание, что политические победы без социальной реализации—ничто, но не был еще пролетариат классом для себя, не было еще предпосылок для перерастания революции буржуазной в революцию социалистическую и поэтому естественно не могло быть у пролетариата его программы научного коммунизма. Тем более любопытно, что практика революционного строительства стихийно выдвигала зародыш мысли о перерастании, о перманентности революции.

Очень часто об этом говорил Марат. Он пишет: „Законы обладают силой лишь до тех пор, пока народы согласны подчиняться. И если они сбросили ярмо дворянства, то могут сбросить и то иго, под которым их держит богатство... Беднота может обратиться к началам свободы и равенства, чтобы положить конец привилегиям и грабительству богатых: точно так же, как к этим началам обратилось третье сословие, уничтожая привилегии дворян“.

Но не только вожди рабочих, даже великий оппортунист Дантон высказывал мысли о необходимости вслед за совершением вместе с богатыми революции против дворянства приступить к революции против богатых.

31 августа 1793 г. (не забудем, что это канун „эбертистских дней“ 4 и 5 сентября) Дантон говорил: „Народ—один он сражался за свободу и в награду получил меньше всех. Лавочники и богачи хотели революции только для того, чтобы воспользоваться привилегиями дворян и священников, присвоив их богатства. Если они отказываются нам помочь в уплате государственных долгов и в устранении огромной массы ассигнаций... если на долю санкюлотов не осталось никаких выгод, нам ничего не остается, как начать *против капиталистов и банкиров такую же революцию, какую проделали в союзе с ними против аристократии и церкви*“.

Едва ли не более показательны для бывших в этом отношении настроений предложение во время революции 31 мая—2 июня Революционного комитета Епископства (в котором заправляли бешеные) сохранить право голоса только за санкюлотами. Робость этой попытки, показывает незрелость условий. Но сама попытка интересна тем более, что ей в эпоху якобинской диктатуры довольно часто вторят частичные требования разных организаций. Так находившаяся под эбертистским влиянием секция Ломбарда просит лишить куп-

цов права голоса, следовательно устранить их от жизни секций и клубов.

Но так как в силу незрелости рабочего класса эбертисты не могли противопоставить робеспьеристам принципиально, четко отграниченную программу, то разногласия частенько выявлялись по отдельным политическим вопросам. Сами робеспьеристы были заинтересованы именно в эту плоскость отводить разногласия, так как на этой почве им было легче и удобней вступать в бой с эбертистами.

В числе эбертистов было много эмигрантов-иностранцев, которые естественно жаждали увидеть свою родину освобожденной от феодального ига.

Робеспьеристы, будучи ограниченными националистами, обвиняли эбертистов в связи с их интернационалистическими тенденциями, в империалистических стремлениях и в пренебрежении к Франции. Так в призыве эбертиста Клоотца к организации республики всего рода человеческого они видели империалистическую химеру, могущую восстановить иностранные державы против Франции.

Аргументация Робеспьера против левых в этом отношении целиком заимствовалась из контрреволюционной газеты „Старый кордельер“, которую 5 декабря 1793 г. стал издавать соратник Дантона—Камилл Демулен.

Камилл Демулен, так же как и Дантон, был когда то видным кордельером и террористом. За время революции они, как и вся фракция дантонистов, переродились и сделались умеренными. Камилл называл себя и свой орган „Старым кордельером“; его правильно называли „состарившимся кордельером“. Революционную массу кордельерского клуба Дантон и Камилл теперь презрительно называли „патриотами 3-го призыва“, намекая на их руководящую роль в третьей революции—революции 31 мая—2 июня. Таким образом то, что было похвалой в устах всякого революционера, в их устах дышало презрением.

Во втором номере от 10 декабря Демулен писал о Клоотце, обвиняя его в милитаризме: „и это не его вина, если правители Дании и Швеции сохраняют нейтралитет и не возмущаются тем, что Париж горделиво считает себя метрополией Стокгольма и Копенгагена“.

Робеспьер целиком заимствовал его аргументацию против левых.

25 декабря Робеспьер говорил:

„Иностранцы оказались на некоторое время арбитрами общественного спокойствия; деньги циркулировали или исче-

зали по их желанию. Когда они хотели, народ находил хлеб, когда они хотели, народ его лишался; хвосты у дверей булочных создавались и исчезали по их сигналу“.

В требовании революционной войны до конца — мелко-буржуазный, национально-ограниченный робеспьеризм видел проделки иностранной контрреволюции. Любовь к родине, которая для робеспьеристов отождествлялась с любовью к революции (и в этом была их великая сила), однако никак не совмещалась для них с мыслью о Франции, как центре освободительного движения. Любовь к родине и ко вселенной для них была несовместима. Иностранец, эбертист Клоотц горячо любил Францию как мировой революционный центр. На вопрос судьи о месте рождения Клоотц ответил: „Я происхожу из Пруссии, будущего департамента Франции“, а Сен-Жюст 31 марта упоминает Клоотца, „который любил вселенную, исключая Францию“. „Чтобы быть счастливыми, надо себя возможно больше изолировать от других государств“, говорил Сен-Жюст.

В вопросах войны Энгельс целиком стоял на стороне Клоотца и Парижской Коммуны: „Трагично то, что партия войны до конца, войны за освобождение народов, оказывается вполне права, и республика побеждает всю Европу, но только уже после того, как эта партия уже давно обезглавлена, и вместо войны для революционной пропаганды наступает Базельский мир и буржуазная оргия диктатуры“ (Письмо Энгельса к Адлеру. „Письма“ под редакцией Адоратского. Соцэргиз, 1931, стр. 363).

Эбертисты вели антирелигиозную пропаганду, проводя „дехристианизацию“. т. е. старались парализовать христианство. Они закрывали церкви, запрещали богослужения и т. п. На место христианской религии они выдвинули культ разума, т. е. поклонение всемогуществу человеческого разума. В этом выразилась незрелость развития только зарождавшегося рабочего класса. Левые наивно верили, что разумными законами можно приостановить развитие капитализма и защитить разоряемые им массы ремесленников. Против антирелигиозной политики эбертистов, так же как и против их культа разума, со всей резкостью восстал Робеспьер, который выдвинул культ верховного существа и природы. Культ верховного существа был признанием бога. Правда, это не был обычный церковный бог, восседающий где то на небе и рассылающий свои чудотворные портреты в виде икон по церквам. Но все же это был бог; это было признанием высшей, надземной мировой силы, карающей и направляющей.

Робеспьер обрушился на дехристианизаторов, повторяя слова Вольтера: „если бы не было бога, то нужно было бы его выдумать“. Бог для Робеспьера был утешением бедняка и охраной моральных устоев. „Моральные устои“ — это уважение к частной собственности. Робеспьер был сторонником частной собственности, правда мелкой, но тем более требующей покровительства высшего существа и обуздывания „анархии“, т. е. народной непочительности к собственности.

В этот период происходит окончательная ликвидация и самоликвидация бешеных. Уже 8 сентября была организована следственная комиссия по „делу“ Ж. Ру и было объявлено, что эта же комиссия принимает заявления и на Леклерка. На следующий день секция Гравильеров, которая все же в основном осталась верна себе и своему вождю, ходатайствовала об освобождении Ж. Ру. 5 сентября Леклерк обрушился в своей газете против проводимого террора, но с этого же дня прекратил ее издание. Ж. Ру — храбрее и устойчивее Леклерка — не переставал из тюрьмы агитировать против террора.

4 сентября общество революционных республиканок потребовало у Конвента: а) заключения в тюрьмы публичных женщин, б) ареста жен эмигрантов. Депутация от клуба корделлеров поддержала их требования. Однако вечером в Якобинском клубе раздаются упорные предложения о закрытии общества революционных республиканок. Ж. Ру из тюрьмы протестовал против этого.

30 октября предписано было закрытие общества революционных республиканок и всех его отделений. 5 ноября депутация революционных республиканок появилась в Конвенте, чтобы защитить себя от возводимых на общество обвинений и просить о том, чтобы его вновь открыли. Буржуа Конвента со смехом прогнали их. Но к этому времени, как мы знаем, левая оппозиция полностью переняла лозунги бешеных и пользовалась настолько большим влиянием в Якобинском клубе, что 9 ноября видный эбертист Клоотц был избран председателем клуба. Робеспьеристы объявили эбертистам жестокую войну и примерно через месяц — 12 декабря — Клоотца исключили из Якобинского клуба. Атмосфера в столице накаляется. 19 февраля полицейский агент доносит: „Народ говорит, что аристократы подобны стае голубей, которые опустошают поля: для них нужно пугало, и это пугало — гильотина“.

Этой обстановкой воспользовались правые и 16 ноября Шабо сделал донос, в котором он объявил максимум контрреволюционным мероприятием и старался прикрыть дантонистов, которые были замешаны в некрасивых коммерческих операциях

Индийской компании. Близорукость Робеспьера, обусловленная его желанием сохранить примирительное равновесие, его боязнью левых эксцессов, выразилась в этот период в его отношении к фракциям.

Мы уже указывали на издание дантонистом Камиллом Демуленом „Старого кордельера“. Закон о революционном правительстве был издан 4 декабря, а первый номер „Старого кордельера“ появился 5 декабря. Еще за две недели до этого тот же Демулен требовал ограничения террора или, как он выражался, „экономии крови людей“. Это было вскоре после издания закона о „подозрительных“. В первом номере „Старого кордельера“ Камилл, обвиняя эбертистов, писал: „Я, француз, я Камилл Демулен, не буду так же свободен, как английский журналист? Я возмущаюсь при этой мысли“. Мы помним, что Дантон через несколько дней после революции 31 мая—2 июня уже ставил вопрос о свободе прессы. Мы должны также помнить, что в Англии, которой завидовал Демулен, в это время стояла у власти аристократия.

Первый номер „Старого кордельера“ наполнен выпадами против Эбера и Шометта, которых Демулен называет агентами Питта.

За два дня до выхода „Старого кордельера“ Дантон в полном соответствии с Демуленом говорил:

„Я предлагаю не верить тем, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультра-революционные меры“.

Второй номер „Старого кордельера“ был насыщен напаками на эбертиста Клоотца. Демулен возражал против ликвидации Коммуной домов терпимости, так как шометтисты этим отталкивали от республики соответствующую группу „потребителей“. В этом протесте как нельзя лучше видна буржуазная сущность дантонистов, жаждавших прекращения революции, восстановления „нормального“ порядка, свободной стихии капиталистической конкуренции. А ведь в свободном капиталистическом обществе проститутка является „свободной“ жертвой экономической борьбы (резервная армия труда, безработица) и вполне „добровольно“ вступает в торговую сделку с покупателем. Дантонист Демулен, представитель переродившейся и сомкнувшейся со спекулятивной буржуазией части мелкой буржуазии был со своей точки зрения прав, когда протестовал против запрещения проституции: оно противоречило свободной игре капиталистических сил.

В вышедшем 10 декабря втором номере „Старого кордельера“ Камилл Демулен сообщает, что он с детства республиканец, что оба его брата погибли на революционных фронтах. Он таким образом полагает, что его прежняя деятельность приведет к тому, что ему будет позволено беспрепятственно вонзить нож в спину революции, ибо он воображает себя не убийцей, а хирургом. „И если я начну исследовать язвы государства, зонд хирурга не смешают с кинжалом убийцы“.

Несмотря на все это, Робеспьер продолжал еще некоторое время защищать дантонистов. Дантон искусно старался заслужить доверие Робеспьера. Например 22 ноября Дантон осудил творимые эбертистами и неодобряемые робеспьеристами насилия в отношении церкви.

В № 3 „Старого кордельера“, в котором Камилл Демулен утверждал, что террор нужен был только для основания республики, он писал:

„Без сомнения правилом республики является: лучше не наказывать нескольких виновных, чем захватить одного невиновного. И, наоборот, правилом деспотизма является: лучше чтобы несколько невиновных погибло, чем чтобы ускользнул один виновный“.

Робеспьер после чтения № 3 „Старого кордельера“ заявил: „Питт и Кобург, огорченные угрозой тронам и триумфом дела разума, не имеют других средств, чем уничтожение национального Конвента. Все усилия фракций направляются к этой единой цели, но двоякого рода фракции руководятся иностранной партией“.

Тем самым Робеспьер ставил в один враждебный ряд переродившихся дантонистов и представителей революционных масс — эбертистов.

В № 4 „Старого кордельера“ Демулен писал:

„Народ свободен с того момента, когда он захотел быть свободным. С 14 июля 1889 г. он вновь вступил в полное обладание всеми своими правами“. Демулен требует освобождения подозрительных, ибо в декларации прав, которую он считает высшим благом, ничего не сказано об аресте подозрительных. „Из ваших врагов среди вас остались только больные и трусы. Храбрые и сильные эмигрировали“. Итак, больше якобы некого преследовать, а посему надо террор приостановить.

Только 3-й и 4-й номера „Старого кордельера“ с открытыми нападками на якобинскую диктатуру открыли наконец глаза Робеспьеру. В конце декабря — начале января робеспьеристы дают некоторый крен влево.

26 декабря из комиссии по расследованию аферы индийской компании был выведен сам замешанный в этом деле

дантонист Фабр Д'Эглантин; 12 января он был арестован; 2 февраля, несмотря на противодействие дантонистов, из тюрьмы были выпущены эбертисты Ронсен и Венсан.

11 и 12 января Робеспьер объявил в Якобинском клубе, что „новые бриссотинцы“¹ (т. е. правые, дантонисты) еще более опасны, более коварны, чем прежние“. Запоздалое признание! Эбер еще в августе называл Дантона и его друзей бриссотинцами. Тогда же эбертист Венсан выступил против Дантона и его друга Делакруа.

Дантон израсходовал на покупку национальных имуществ и на всякого рода другие дела по крайней мере 50 тыс., происхождение которых никакими легальными путями нельзя объяснить. Когда он 3 декабря отрицал у якобинцев приписываемое ему имущество, он попросту солгал. Средства Дантона черпались одно время из ресурсов королевского двора, затем пополнялись участием во всякого рода спекуляциях. (Дантон например и его друг Делакруа притащили из завоеванной Бельгии тюки с дорогими полотнами, вся дантоновская клика была замешана в нечистых делах индийской компании).

Однако дело конечно не в личной продажности Дантона и его клики, а в том, что он был вождем и идеологом переродившейся вправо части мелкой буржуазии. Эту функцию он мог бы выполнять с тем же успехом при условии абсолютной личной честности.

26 ноября 1793 г. Дантон очень пространно выступает о терроре, но все же понятно, что он хочет смягчения, а не усиления террора. Левый горец Файо разоблачает его: „В то время, когда народ должен быть неумолимым, Дантон призывает его к милосердию“.

При развертывании дальнейших событий Робеспьер пытается встать на одинаковом отдалении как от левой, так и от правой фракции, согласно провозглашенным им 25 декабря, т. е. после выхода в свет 3-го и 4-го номеров „Старого кордельера“, принципам: „Оно (революционное правительство) должно избегать двух подводных камней: слабости и безрассудной отваги, модерантизма и эксцессов, того модерантизма, который похож на умеренность не больше чем бесилие на целомудрие, и тех эксцессов, которые похожи на энергию не более, чем здоровый человек на страдающего водяной“.

¹ Бриссотинцами называли жирондистов по имени их вождя — Бриссо.

Сочувствие Робеспьера при этом отнюдь не склонялось в сторону представителей „эксцессов“, как он определял левых. Характерно, что на этом этапе продолжается глухая борьба против „маратизма“ (идеологии Марата), которым заражен кордельерский клуб, являющийся наравне с Коммуной цитаделью эбертистов. Так, когда 20 января 1794 г. в Конвент пришла делегация клуба кордельеров ходатайствовать о переиздании сочинений Марата как в целях пропаганды маратовских идей, так и для оказания материальной помощи его вдове, петиция эта была попросту положена под сукно.

Рассматривая фракционную борьбу якобинцев, носителей мелкобуржуазной диктатуры, мы ни на минуту не должны забывать разницу между мелкобуржуазной и пролетарской диктатурой.

Якобинцы были мелкобуржуазным объединением. Часть мелкой буржуазии, представителями которой являлись робеспьеристы, была самой левой из могущих по условиям той эпохи стать у власти классовых прослоек, но отнюдь не самой левой из существовавших в обществе. Левее их находились: зарождающийся рабочий класс, тесно связанный с нищающими слоями мелкой буржуазии и их представители — бешеные и эбертисты. Следовательно объективно в обществе существовали классы и партии левее того класса и той партии, которая стояла у власти. Между тем диктатура пролетариата — это диктатура самого левого из существующих в обществе классов. Левее и революционнее пролетариата нет в обществе класса. Вот почему выступления слева против якобинской диктатуры были правомерны и не контрреволюционны, а всякие выступления „слева“ против диктатуры пролетариата — откровенно контрреволюционны и являются „левыми“ только по фразе, а по существу всегда суть только выразители сопротивления классового врага, добываемого пролетарской диктатурой.

Союзники слева — революционные союзники — выступили против мелкобуржуазной диктатуры и неизбежно вступили в борьбу с робеспьеристами. Союзники справа — дантонисты — представляли собой переродившуюся в революции часть мелкой буржуазии, спящую с крупной спекулятивной буржуазией. Это возможно было потому, что мелкая буржуазия по самому своему экономическому положению является двойственной и расслаивается в сторону пролетариата и частично в сторону буржуазии. Пролетариат же является классом монолитным по своему положению в производстве и в общественных производственных отношениях. Вот почему в отличие от

без конца расслаивающегося мелкобуржуазного якобинизма, пролетарская, большевистская партия должна и может быть цельной и единой. Вот почему фракционную борьбу эпохи якобинской диктатуры нельзя сравнить с контрреволюционными попытками фракционной борьбы в ВКП(б).

Троцкисты в своих контрреволюционных нападках на партию „сравнивали“ большевистское руководство т. Сталина с мелкобуржуазным руководством Робеспьера. В угоду этому сравнению, они совершенно исказили понятие центризма, „приняв“ его не за политическое, а за пространственное понятие. „Есть „левые“ — это, дескать, „мы“ — троцкисты, „настоящие ленинцы“, „есть правые“ — это все остальные, есть наконец центристы которые колеблются между левыми и правыми. Можно ли считать правильным такой взгляд на нашу партию? Ясно, что нельзя. Так могут говорить лишь люди, у которых смешались все понятия и которые давно уж порвали с марксизмом. Центризм не есть пространственное понятие: на одном месте сидят, скажем, правые, на другом — „левые“, а посередине — центристы. Центризм есть понятие политическое. Его идеология есть идеология приспособления (Сталин. „Вопросы ленинизма“ изд. 7, стр. 524“).

ГЛАВА III.

ВЕСНА И ЛЕТО 1794 г:

(февраль—июль)

Этот период начинается разгромом эбертистов и вантозовскими декретами, а кончается 9 термидора, который был началом конца революции.

„Робеспьер, видевший в великой нищете и огромных богатствах препятствие для чистой демократии“, отвергавший — в отличие от великого Марата — в теории борьбу классов, с весны 1794 г. стал усиленно пропагандировать идею единой трудолюбивой нации, идею национальных жертв.

На местах в якобинских клубах выявлялось все наиболее революционное. И подчас мы находим местные клубы, в которых весьма явственно чувствуется влияние идей эбертистов, но это именно и беспокоило робеспьеристов. Например клуб Ош не принимает раньше трех лет ни одного интеллигента, а санкюлотов принимает по прежнему для того, чтобы „устранить всех тех, кто мог бы опасным образом влиять на мнения“. Разве это постановление не перекликается с робкой попыткой бешеных в революции 31 мая — 2 июня потребовать сохранения права голоса только за санкюлотами?

Клуб Косад взимает членский взнос в зависимости от дохода или заработка.

Клуб Монпазье (Дордонь) размежевывал санкюлотерию „на санкюлотов рожденных и санкюлотов, сделавшихся такими“, кладя таким образом в основу своего деления признак социальный („хорошие и дурные граждане), как это сделали весной 1794 г. робеспьеристы, стремясь уравновесить классовые противоречия в лоне единой добродетельной нации. Классовые тенденции левых вызвали особое озлобление буржуазии. Некий лионский современник писал, что санкюлоты обладают „кастовым духом, напоминающим дух старого порядка, и следовательно, вредным для республик“.

„Кастовый дух“ был духом революционного напряжения, революционной решимости.

Хотя робеспьеристы сумели воспринять программу эбертистского дня 5 сентября, тем не менее они не без тревоги оглядывались на своего союзника слева. Эбертисты в свою очередь стали им не доверять.

Расправа с фракциями

22 февраля 1794 г. Эбер выступил в Кордельерском клубе с речью против «усыпителей». Дантонистов называли „снисходительными“, хотя робеспьеристов, которые по мнению Эбера потеряли революционную бдительность, нашли слово „усыпители“. Кордельеры потребовали увеличения революционной армии для наказания скупщиков. Под влиянием Кордельерского клуба 23 февраля в Конвент явилась депутация от парижских секций требовать наказания спекулянтов, т. е. строгого проведения закона о скупщиках, а также заказов для пошивочных мастерских парижских секций. 1 марта появились воззвания с призывом к войне против Конвента. Предполагалось, что авторство этих воззваний принадлежит эбертистам. 2 марта эбертист Ронсен в клубе кордельеров заявил, что необходимо повторить 31 мая. Наконец 4 марта, в день, когда Барер заявил в Конвенте, что необходимо истребить торговлю, а не убивать ее, сторонники восстания взяли верх в клубе кордельеров. 5 марта эбертист Моморо сумел увлечь секцию Марата, которая затем безуспешно попыталась побудить Коммуну к восстанию.

7 марта клуб кордельеров как будто бы удалось смирить. К кордельерам явилась делегация Якобинского клуба, и кордельеры покаялись, сняв в знак примирения траурную ленту, которой они завесили конституцию 1793 г. Но покаяние это повидимому было мало искренним, ибо 9 марта Венсан пытается в клубе вновь перейти в наступление. В этот же день издается приказ по Национальной гвардии — следить за спокойствием и не допускать беспорядков. 11 марта комитеты (КОС и КОБ) как-будто бы узнали, что эбертисты готовят восстание.

12 марта КОС принял постановление об аресте Эбера и ряда его друзей (Моморо, Клоотца, наиболее усердного из комиссаров по борьбе со спекуляцией Дюкрокэ и др.). В ночь с 13 на 14 марта это постановление было приведено в исполнение. А 15 марта депутация эбертистской секции Бон-Нуviel входит в Конвент с петицией, требующей, чтобы

„торговцам вплоть до заключения мира запретили выполнение всяких общественных функций“. Ответом на это требование явилась речь, произнесенная Робеспьером на следующий день в Конвенте. Он заявил, что если считать торговца плохим гражданином, то будет приостановлен естественный обмен, уничтожится возможность нормальной жизни, это будет для врагов достижением их цели, ибо враги стремятся разрушить торговлю, для того чтобы уморить народ. „Разрушая торговлю, они (эбертисты) хотели уморить народ голодом и вернуть его таким образом к рабству“.

Давно уже робеспьеристы называли левых агентами Питта, проводниками контрреволюции так же точно, как Робеспьера впоследствии обвинят в том, что он добивался королевской власти и даже хотел породниться с королевской семьей. 18 марта был арестован Шометт, с 21 по 24 марта длился процесс эбертистов.

Когда приводили в тюрьму кого-нибудь из санкюлотов, арестованные торжествовали. „Но—пишут сидевшие в тюрьме аристократы—эти маленькие радости были ничем по сравнению с радостью, которую причинило известие об аресте Эбера, Венсана и Моморо“. Когда эбертистов повезли в трибунал, аристократы (по тюремным воспоминаниям): „ждали с живым терпением исхода дела Эбера и компании, новость об их казни будет днем праздника для всех заключенных“.

24 марта были казнены эбертисты (за исключением Шометта, который был казнен 13 апреля), а 27 марта была ликвидирована революционная армия. Еще в октябре Робеспьер заносит в свою записную книжку: „...Революционная армия внушает беспокойство“.

Однако, вслед за эбертистами были разгромлены дантонисты. 30 марта был арестован Дантон и те из людей его фракции, которые не были в числе арестованных по делу Индийской компании. 16 марта Конвент заслушал обвинительный доклад против дантонистских мошенников по делу Индийской компании. 2 и 3 апреля вновь были подвергнуты аресту некоторые уцелевшие бешеные, хотя с политической сцены они уже давно сошли.

5 апреля были казнены дантонисты. 31 марта Барер говорил о взаимоотношениях Дантона с жирондистами: „Ты без конца протягивал им оливковую ветвь, без конца боролся с союзом с ними, против народа и суровых республиканцев“.

Однако, когда 9 апреля в секции Ломбар некий Левьер предложил произвести чистку купцов, его на следующий день арестовали по приказанию КОСа. Хотя дантонисты были

казнены, но эбертистскому „охвостью“ отнюдь не следовало думать, что оно смеет поднять голову,

Робеспьер, нащупывая разницу между социальной базой и целеустремленностью дантонистов и эбертистов (см. выше), считал их одинаково опасными для установления отгороженной от страстей внешнего мира добродетельной республики, в которой не должны были резко сказываться социальные противоречия.

Эбертисты были представителями революционной массы и звали вперед; дантонисты были „жирондистским охвостьем“, представителями переродившейся и сомкнувшейся со спекулятивной буржуазией части мелкой буржуазии, и звали революцию назад.

Одной из причин гибели эбертистов была обусловленная эпохой смутность их идеологии и организационная их неопределенность. Более или менее организационно оформлены они были только в Париже. Несомненно эбертисты были объективно выразителями и беднейшего крестьянства, но они не смогли четко формулировать своих положений, потому что сама идеология их по условиям эпохи не могла не быть смутной.

Энгельс, критикуя Каутского, утверждавшего, что требованием санкюлотов было «благополучие для всех на основе труда», писал: „Благополучие для всех на основе труда“ даже черезчур определенно выражает стремление тогдашнего плебейского братства. Чего они хотели — никто сказать не мог до тех пор, пока Бабеф, спустя долгое время после падения Коммуны, не придавал этому определенной формы“ (Энгельс, письмо к Каутскому „Историк-марксист“, 1933, № 1—2, стр. 43).

Если эбертисты могли бы например поставить вопрос о поддержании гражданской войны в деревне, то их разногласия, их классовая разграниченность была бы значительно ясней и робеспьеристы были бы лишены возможности изображать их просто „анархистами“ и иностранными агентами.

Любопытно, что буржуазные и мелкобуржуазные историки, включая и историков II Интернационала, охотно переняли у робеспьеристов трактовку разгрома эбертистов как необходимую расправу с „анархическим союзником“. Социальная целеустремленность этой точки зрения — ясна. Эти историки сочувствуют национальной „бургфриденской“ идее политической программы робеспьеризма. К сожалению, антимарксистское, антиленинское представление об эбертистах, как об анархическом союзнике, с которым необходимо было разделиться, проникло частично и в советскую историографию.

Показательно, что при сравнении с диктатурой пролетариата — виднейший, близкий к социал-фашистам историк французской революции Матьез договорился до того, что отождествил разгром эбертистов с разгромом кронштатских мятежников, а вождя пролетариата — Ленина — с вождем радикальной мелкой буржуазии — Робеспьером. Как известно, то же в отношении и Ленина и т. Сталина в своих контрреволюционных наскоках на партию сделал Троцкий.

Гибель дантонистов не помешала совершенно контрреволюции (это не значило конечно, что их не следовало казнить), гибель эбертистов ускорила ее (нейтрализовав в значительной мере расправу с дантонистами).

Вантозовские декреты

Вантозовские декреты (именуемые так по названию месяца, когда они были проведены)¹ представляют собой один из важнейших документов эпохи весны — лета 1794 г.

Не разобравшись в них, мы ничего не смогли бы понять ни в социальной сущности программы робеспьеристов, ни в причинах и ходе подготовки термидорианской контрреволюции. 26 февраля 1794 г. Сен-Жюст выступил с большой речью, в которой он заявил: „Сила обстоятельств приведет нас, быть может, к таким выводам, о которых мы никогда и не думали. Богатство сосредоточено в руках многочисленных врагов революции, нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Не думаете ли вы, что государство может существовать, когда гражданские отношения противоречат форме его правления?. Собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков должно пойти в пользу нуждающихся. Нуждающиеся — властители мира. Они имеют право говорить тоном хозяев с правительствами, которые их игнорируют“.

Согласно его предложению, был принят декрет, что имущество врагов революции конфискуется, а сами они до мира заключаются в арестные дома, а по заключении мира изгоняются из Франции. Их имущества должны быть переданы инакомыслящим. Следовательно, должна быть произведена двойная операция: 1) с одной стороны, дела врагов революции, которые в качестве подозрительных уже были арестованы, должны быть срочно рассмотрены и разбиты на три категории: а) невиновных, б) подлежащих ссылке, в) подлежащих

¹ Вантоз — месяц с 19 февраля по 20 марта.

передаче в революционный трибунал. Эту подготовительную работу должны проделать так называемые народные комиссии, которые согласно декрета 13 марта должны быть созданы в числе шести; 2) с другой стороны, надо было выявить нуждающихся, и еще 3 марта всем коммунам предложено было срочно представить списки неимущих, которые должны были быть наделены землей и другим имуществом осужденных. Идея вантозовских декретов была задумана авторами как широкое социальное преобразование, как крупное перемещение имуществ, в результате которого неимущие должны были стать собственниками. По мысли авторов этих проектов осуществление их явилось бы плотиной, задерживающей бурное капиталистическое развитие, связанное с разложением мелкого буржуа.

Таким образом вантозовские декреты доказывают наличие у робеспьеристов элементов эгалитарной, т. е. уравнилельной утопии. Эгалитаризмом называется учение, считающее идеалом общественного устройства — равные, мелкие состояния, а основным классом общества мелких товаропроизводителей, т. е. мелких буржуа. Естественно, что фабрики и заводы не могут составить мелкой равной собственности, они могут находиться либо в руках капиталистов, либо быть обобществлены. Поэтому уравнилель — не только противники капитализма но и в некоторой степени противники городской культуры, городской жизни.

Поскольку строй мелких товаропроизводителей невозможен, ибо мелкая буржуазия неизбежно расслаивается на пролетариат и буржуазию, уравнилельное учение называется уравнилельной (эгалитарной) утопией.

Робеспьеристы не были законченными уравнилельями, они не звали к общему, радикальному переделу, наоборот они резко возражали против „аграрного закона“, предлагавшего всеобщий передел земли.

Но вантозовские декреты были все же крупным шагом в направлении уравнилельности. Поэтому мы говорим о наличии у робеспьеристов элементов уравнилельной утопии.

Мысль о вантозовских декретах не возникла внезапно накануне выступления Сен-Жюста 26 февраля (8 вантоза). Она давно носилась в воздухе, являясь логическим выводом из жесткой политики подавления контрреволюции в тогдашних исторических условиях неразвитого капитализма. Еще в августе 1793 г. Ж. Ру предлагал после войны разделить имущество контрреволюционеров среди неимущих санкюлотов.

8 мая 1793 г. робеспьерист Кутон предложил обложить подозрительных контрибуцией и за их счет оплатить посы-

лаемых на борьбу с восставшей Вандеей санкюлотов. Через два дня, 10 мая Коло д'Эрбуа предложил конфисковать $\frac{1}{3}$ имущества подозрительных для нужд революционной войны. По предложению Шометта Коммуна в ноябре просила Конвент предложить всем уехавшим из Парижа вернуться, а в случае невозвращения национализировать их имущество. Еще в октябре некоторые депутаты Конвента, работавшие комиссарами в департаментах, сами производили секвестр имуществ подозрительных.

Якобинцы Лиона в декабре 1793 г. публикуют письмо в газету: „Необходимо, чтобы был закон, фиксирующий максимум индивидуальных богатств“. „Кусок земли должен быть дан каждому санкюлоту“, заявляют они. 26 января Кутон вновь выступил с предложением о секвестре имуществ арестованных подозрительных. На сей раз Конвент передал его предложение на рассмотрение комитетов. 5 февраля Робеспьер заявил в большой речи, что роялисты и заговорщики являются для республики лишь врагами-иностранцами.

После всего этого Сен-Жюст выступил 26 февраля с подробно разработанным проектом Вантозовских декретов. Таким образом мы видим, что Вантозовские декреты готовились в общественном мнении по крайней мере с начала якобинской диктатуры. Нельзя не признать также, что декреты, принятые по предложению Сен-Жюста, были шире ранее делавшихся отдельных предложений.

Как осуществлялись вантозовские декреты?

Антиробеспьеристская коалиция („новая оппозиция“), которая в это время сколачивалась в правительственных комитетах и которая организовала контрреволюцию 9 термидора, всячески тормозила проведение вантозовских декретов, пугаясь грандиозного покушения на собственность, которое они собой представляли. Правда, впечатление произведенное вантозовскими декретами, было столь сильно, что дантонист Тальен 21 марта выступил в Якобинском клубе в пользу этих декретов подобно тому, как сам Дантон перед 5 сентября выступил за „новую революцию“. Но тем больше причин было у оппозиции фактически саботировать проведение вантозовских законов в жизнь. Вожди левых, которые единственно могли быть толкачами в проведении Вантозовских декретов, были казнены.

13 марта Конвент предложил во исполнение Вантозовских декретов создать шесть народных комиссий для рассмотрения дел „подозрительных“. Но еще 16 апреля ни одна из этих комиссий не была создана, и 16 апреля вновь принимается

постановление, согласно которому предписывалось шесть народных комиссий создать окончательно к 4 мая. Однако только 13 мая была создана первая народная комиссия и 14-го — вторая. 22 мая, в день, когда Робеспьер пережил покушение на свою жизнь, была разослана от КОСа его рукой написанная инструкция для народных комиссий. 14 июня только первая сводка деятельности народных комиссий поступила в КОС¹ и пролежала там с месяц без движения. В это время многие провинции чрезвычайно рьяно взялись за проведение вантозовских декретов и, не ожидая ни решений народных комиссий, ни революционного трибунала, забирали имущество арестованных „подозрительных“, причем например в одной из этих провинций термидорианскому Конвенту только в октябре 1794 г. удалось снять секвестр с имущества арестованных. 2 июня (на следующий день после выхода Робеспьера из КОСа) КОС указал дистриктам, что, поступая таким образом, они действуют противозаконно. В этом одергивании сказалось нежелание КОСа, ставшего в оппозицию робеспьеристам, провести в жизнь вантозовские декреты. Только 19 июля КОС открыл книгу, в которую должны были заноситься, с одной стороны, суждения народных комиссий о подозрительных, а с другой — нуждающиеся в вспомоществовании. 22 июля, в виду попытки примирения между термидорианской оппозицией в комитетах и робеспьеристами, были созданы еще 4 народных комиссии, которые должны были быть созданы еще к 4 мая, однако к работе успели приступить только первые две. 19, 20 и 21 июля ряд решений комиссий быть одобрен и переслан в революционный трибунал. 25 июля, т. е. за два дня до 9 термидора, список закрывается, а еще через четыре дня — 11 термидора — столяр Треншар, председатель первой народной комиссии, пытается перерезать себе горло, сидя в термидорианской тюрьме.

В тесной связи с вантозовскими декретами стоит и вопрос об организации „национальной благотворительности“, своего рода государственного социального страхования, в первую очередь для крестьянства.

11 мая Конвент постановил открыть национальные книги благотворительности. Быть внесенными в эти книги имели право крестьяне, сельско-хозяйственные ремесленники и крестьянки при условии определенного трудового стажа у первых и определенного количества детей у вторых. Внесен-

ные в список должны были получать пособие, выдаваемое дважды в месяц. Помимо этого было в принципе решено оказывать трудовую помощь нуждающимся, но трудоспособным; построить убежище для беременных, но невенчаных женщин и для женщин, обремененных детьми. Но конкретные мероприятия пока касались только деревни, причем рабочие, работавшие в деревне, должны были обладать большим производственным стажем нежели крестьяне для права на помощь, и размеры вспомоществования для них были ниже. Для указанных категорий „застрахованных“ было декретировано также создание бесплатной медицинской помощи на дому. Декрет этот должен был служить дополнением к вантозовским декретам. Им охватывались все те, кто был уже нетрудоспособным и не мог воспользоваться благами реквизированных у подозрительных земель. Данным декретом поэтому охватывались только крестьяне старше 60 лет и крестьянки, обремененные детьми. Декрет конечно не смог уже дать конкретных результатов (до 9 термидора оставалось 2½ месяца), но он интересен: а) намечающимися элементами трудовой помощи, б) смелым отрицанием ханжества в вопросах брака и деторождения (помощь беременным девушкам) и в) характерен для мелкобуржуазной идеологии, с ее преклонением перед мелкой собственностью. Отсюда *первоочередная помощь деревне и предпочтение крестьянам* не только вообще перед городскими санюлотами, но и перед живущими в деревне рабочими. Докладчик КОСа говорил по поводу предложенных декретов:

„...Комитет говорит сегодня о неимущих. По поводу этого священного имени, которое скоро станет незнакомым республике, он рассчитывает на ваши усилия, чтобы предать его забвению... Позорное слово „нищий“ никогда не было записано в словарь республиканца, и картина нищенства до сих пор представляла на земле только историю заговора собственников против несобственников. Республике ничто касающееся человечества не может быть чуждо: все, что может установить независимость человека от человека, должно быть ею предписано; труд должен быть уважаем; детство должно быть охраняемо и воспитываемо; старость уважаема и содержима; немощность поддерживаема и лечима..“

В порядке национальной благотворительности деревни должны пойти раньше городов. Деревни являются благодарными и плодovitыми кормилицами; города часто являются неблагодарными и бесплодными детьми... Мы перенесем наши утешающие взоры на этот интересный и полезный класс городских ремесленников; но предпочтение для крестьян, пасту-

¹ КОС — комитет общественного спасения.

хов и деревенских ремесленников слишком справедливо, слишком неотложно, чтобы быть оспариваемо“.

Итак по мысли робеспьеристов Вантозовские декреты должны были служить орудием к превращению Франции в уравниТЕЛЬСКУЮ мелкобуржуазную республику. Такая утопия субъективно была реакционной, ибо противопоставляла идеал мелкой, раздробленной собственности прогрессивному капиталистическому способу производства. Однако для этой эпохи Вантозовские декреты были мерой объективно не реакционной, а прогрессивной, революционной. В эпоху развитого капитализма всякая теория, которая видит выход из капиталистических противоречий не в пролетарском социализме (обобществление собственности), а в мелкобуржуазном эгалитаризме (раздробление собственности) является утопией субъективно и объективно реакционной. Однако в условиях еще неразвившегося всесторонне, в деревне еще не утвердившегося капитализма создание мелкой собственности было шагом вперед именно для развития производительных сил капитализма, ибо из мелкого товарного хозяйства „капитализм растет ежечасно и стихийно“ (Ленин).

Наиболее полное завершение буржуазной революции предполагает национализацию земли, т. е. только национализация земли дает полную свободу обороту капитала в сельском хозяйстве. Частная собственность на землю „является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе), земля сильнее втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной собственности. Свобода приложения капитала к земле свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности.“ (Ленин).

Национализация земли объективно соответствует интересам капиталистического развития, но сама буржуазия никогда не дерзнет на нее пойти потому, что это глубочайшим образом колеблет принцип частной собственности. Только пролетариат, который заинтересован в максимальной ликвидации феодальных пережитков, заинтересован в наибольшем завершении буржуазной революции в целях перерастания ее в революцию пролетарскую, выставляет в буржуазной революции, проводимой под его гегемонией, лозунг национализации земли. Естественно, что в ту эпоху, когда происходила Великая французская революция и когда рабочего класса, как класса для себя, еще не существовало, национализация земли не

могла быть не только проведена, но и выдвинута как актуальная задача.

Вместе с тем необходимо отметить, что хотя феодализм в основном был выметен из французской деревни, но все же еще сохранились крупные, некапитализированные хозяйства. В этих условиях элементы уравниательства в вантозовских декретах были явлением прогрессивным, революционным.

„Уравнительность землепользования... идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобщественного производства. Но та же идея равенства есть самое полное последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач. Марксистам, забывшим это, можно посоветовать обратиться к первому тому „Капитала“ Маркса и „Анти-Дюрингу“ Энгельса. Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства.

У нас часто забывают об этом, когда говорят о реакционности, народничестве, „уравнительности“ аграрных проектов“ (Ленин, Соч., т. XI, стр. 187).

Идеология эгалитаризма не может конкретизироваться в реальной жизни, ибо не может существовать способа производства равных товаропроизводителей. Идеология эгалитаризма порождается не созреванием нового, а распадом старого; она — взгляд назад. Другое дело (и это ни в коем случае нельзя упускать из виду), что идеология уравниательства в эпоху раннего капитализма, т. е. в эпоху борьбы с феодализмом, является не реакционной, а революционной.

„С точки зрения социализма это утопия, утопия мелкого буржуа. С точки зрения социализма — это реакционный предрассудок, ибо пролетарский социализм видит идеал не в равенстве мелких хозяев, а в крупном обобщественном производстве... Утопична мысль, будто „уравнительность“ может удержаться при товарном производстве и даже послужить началом полусоциализму. Не утопично, а революционно в самом полном, в самом, научном смысле слова стремление крестьян теперь же отнять у помещиков земли и разделить их поровну“... (Ленин).

Ленин говорит, что либеральная политика считает „утопией и пустым революционизмом“ полное уничтожение по-

мещицкого землевладения и крепостнического государства: буржуазии не выгоден и опасен такой разгром... Наоборот, пролетарская политика отделяет утопизм, революционизм и вообще туман «уравнительных мечтаний неклассового социализма от реальности решительной борьбы с помещиками и крепостниками».

Будучи идеологией революционной в эпоху борьбы с феодализмом, эгалитаризм является реакционным в борьбе с капитализмом, в борьбе за социализм. Любопытно, что «левацкая» уравниловка на кулацкой подкладке имеется и в арсенале контрреволюционного троцкизма и в свое время защищалась Троцким против Ленина.

«В области потребления, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области производства принцип ударности еще надолго останется для нас решающим... (тезис 41, стр. 31, в брошюре Троцкого).

Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно, ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления — ничто... (Ленин, «О профессиональных союзах». Соч., т. XXVI, стр. 70).

В своей знаменитой речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» т. Сталин резко бичует «левацкую» уравниловку и в упор ставит вопрос «Кто прав — Маркс и Ленин или уравниловцы?»

Но такова диалектика истории: идеология эгалитаризма является в борьбе с феодализмом революционной именно потому, что она по существу идет не против течения капитализма, (как предполагали носители идей эгалитаризма), а наоборот, является ускорителем процесса капиталистического развития.

Необходимо напомнить, что Вантозовские декреты (как и вообще идеология робеспьеристов) не являлись выражением полного эгалитаризма (уравнительности). Выражением полного эгалитаризма было требование «аграрного закона», отвергнутое робеспьеристами. Но несомненно элементы уравниательства были сильно выражены в Вантозовских декретах, поскольку предполагалось изъять ряд крупных владений и раздать их в мелкую собственность неимущим.

Проведение Вантозовских декретов только углубило бы буржуазную революцию, ибо оно окончательно уничтожило бы дворянское землевладение и создало бы массу мелких индивидуальных частных собственников.

Экономическая политика и классовая борьба весной и летом 1794 г.

Оживить во что бы то ни стало производительные силы, наладить нормальный хозяйственный оборот — такова была задача этого периода. Однако мы не должны забывать, что именно этот период был периодом ожесточенной борьбы за проведение Вантозовских декретов.

4 марта, в день, когда сторонники восстания взяли верх в клубе кордельеров, Барер заявил: «Необходимо исцелять торговлю, а не убивать ее». Это было программой и притом программой, направленной против эбертистов, которые хотя прямо и не требовали уничтожения торговли и теоретически этого положения не оформляли, но всеми своими практическими предложениями сводили торговлю на-нет.

Исцелить торговлю, а не убивать ее — значило создать с одной стороны, нормальные условия для частной инициативы, а с другой стороны — держать эту инициативу под жестким контролем; с одной стороны дать капиталу возможность развития, с другой — пресечь слишком бурное развитие его: типично мелко-буржуазная программа. С этого времени замечается некоторое ослабление максимума и реквизиций, хотя отнюдь не отмена их.

Мы помним, что говорилось раньше о реквизиционных неурядицах, ибо реквизиции производили и комиссары Конвента, и продовольственная комиссия, и дистрикты. 16 апреля КОС отнял право реквизиции у дистриктов, сохранив его только за продовольственной комиссией и комиссарами Конвента.

18 апреля Парижская коммуна муниципализировала мясное дело, введя карточки, по которым можно было по дешевой цене получить один раз в пятидневку $\frac{1}{2}$ фунта мяса. Торговля мясом повсеместно, а не только в деревне была взята под жесткий контроль. Так 25 апреля 1794 г. некий мясник Ингувиля (предместье Гавра) был присужден к заключению за то, что он, вопреки постановлению муниципалитета, не объявил количества убитых им животных.

Для поощрения скотоводства был повышен максимум на мясо. Рассылались инструкции об улучшении пород скота. 11 апреля КОС реквизирует $\frac{1}{8}$ всех свиней республики и завел в одном парижском монастыре большое свиноводческое хозяйство. Мясо реквизированных свиней предназначалось в первую очередь для снабжения им жителей Парижа.

Еще до мясных карточек были введены хлебные карточки. Хлебные карточки были приняты не только в Париже, но и в большинстве городов. В среднем нормы хлеба, выдававшегося по карточке, достигали 2 фунтов для мужчин, 1½ фунта для женщин и 1 фунта для детей. Иногда для рабочих тяжелого физического труда нормы повышались. Хлебные карточки полагались только лицам, не имевшим своей муки. В Безансоне лица, имевшие свою муку и тем не менее взявшие карточки, карались штрафами и конфискациями. Общественность ведет непрерывную борьбу за качество выпекаемого хлеба. Народное общество одной Лионской секции требует, чтобы фальсифицирующие хлеб булочники „были в полном составе наказаны как отравители“.

Несмотря на введение карточек, Коммуна тем не менее нанесла некоторую брешь и максимуму и реквизициям одновременно — объявив 28 апреля, что жители имеют право получать на дом продукты из других мест. Через два месяца, 21 июня, в виду ухудшившегося продовольственного положения Коммуне вновь пришлось регламентировать отправку продовольствия по частным адресам.

27 марта, в день отмены революционной армии, были также упразднены комиссары по борьбе со спекуляцией. Их заменили дежурными муниципальными чиновниками, которым эта работа не оплачивалась, а потому она фактически прекратилась. Одновременно было объявлено, что обязательство делать декларации и вывешивать цены сохраняется только для оптовых торговцев.

Необходимо было усилить вывоз, чтобы пополнить запасы валюты для продовольственных закупок за границей. 10 марта Конвент принял постановление, что продовольственная комиссия с согласия КОСа может давать разрешение на экспорт частным лицам. В марте Конвент предписал производить усиленный вывоз сахара, вина, водки, кофе. 23 марта был допущен вывоз некоторых товаров без разрешения КОСа. Это было сделано, чтобы заинтересовать предпринимателей в производстве и заставить их пустить свои предприятия. 31 марта в Бордо даже было открыто специальное агентство для поощрения экспорта. 12 апреля вновь предоставляются льготы экспортерам. Продовольственная комиссия КОСа в этот же день сообщает Коммуне свое мнение о необходимости гарантировать торговле и промышленности всю предоставленную ей законом свободу. Неудивительно, что когда 9 апреля некий Левьер предложил в секции Ломбарда чистку купцов, его на следующий день арестовали.

Парижская коммуна указывает гражданам, что „торговля, освобожденная от всех пут, должна проявить всю свою прежнюю активность и немедленно вернуть в этот большой город былое изобилие“.

Хотя 13 июня прибыл большой транспорт хлеба из Америки, но все же продовольственное положение оставалось напряженным. Весенние облегчения для торговли касались главным образом таких продуктов сельского хозяйства, как масло, оливки и т. д., но совершенно не касались зерна, на которое жесточайшая реквизиция не только сохранялась, но и усиливалась. КОС, заботясь о расширении средств питания, пропагандировал массовое взращивание овощей и 14 мая постановил раздавать семена овощей бесплатно. Остро стоял в Париже и вопрос о топливе. Постановлениями 16 апреля и 16 мая КОС устанавливал специальные премии для привозящих уголь в Париж. 27 июня Конвент декретировал учет и общую реквизицию хлебов и фуража нового урожая. Крестьянам предлагалось представить декларацию о своем зерне. Таким образом была объявлена жесткая реквизиция всего зерна и притом до снятия урожая. При этом крестьяне должны были зачитывать свои заявки на общих собраниях Коммун. За дачу неправильных сведений полагалась полная конфискация всего зерна.

Комиссар Конвента Изоре писал: „В дореволюционное время он (крестьянин) вынужден был продавать свои продукты в городе, чтобы уплатить повинности помещику и налоги. Теперь это полностью изменилось...“ Изоре был прав. Крестьянство было в большом выигрыше от революции и на этом основании можно было требовать от него соответствующих жертв во время этой революции. Но в силу того, что якобинцы (как в данном случае) не учитывали расслоения крестьянства, в силу того, что некому было возглавить гражданскую войну в деревне, и что правительство вело жестокую борьбу с сельскохозяйственными рабочими, в силу всего этого требования, предъявляемые к крестьянству о реальной помощи революции, оставались зачастую втуне: эти требования наполнялись реальным содержанием только там, где на местах проявляли инициативу санкюлоты и лево настроенные представители правительства. Однако мы помним, что очень часто сельские муниципалитеты состояли из представителей зажиточного крестьянства. В мае Шомонскому дистрикту пришлось арестовать ряд мэров и национальных агентов коммун за сопротивление реквизициям.

28 июня Пейян—национальный агент Парижской коммуны—опять выступил с заявлением, что не надо бесчестить купцов, что вообще есть хорошие и дурные граждане: „Не будем больше никогда нападать на отдельные части общества, будем наносить наши удары дурным гражданам всех классов“. Это значило заявить, что нет буржуа и „народа“, а есть только единые подданные единого государства, и в качестве таковых они могут быть лишь дурными и хорошими. Отсюда соответствующая политика в отношении рабочих и батраков. Надо сказать, что в это время очень остро стоял вопрос о рабочей силе для деревни. В виду многочисленных мобилизаций, ибо впервые французская армия строилась по принципу всеобщей мобилизации, в деревне ощущался большой недостаток рабочей силы. Еще 25 января КОС разрешил отпустить новобранцам для полевых работ. Правда, уже 14 февраля пришлось отменить это постановление в виду того, что новобранцев в армии почти не осталось. 30 мая КОС издал подробную инструкцию о мобилизации рабочих, согласно которой все рабочие, обычно занятые в данной местности, должны были немедленно явиться на работу в эту же местность. Зарплату рабочие не имели право брать, а хозяева давать выше установленной максимумом. Уход с работы до истечения срока, отказ от работы по специальности, а также отказ от зарплаты по максимуму влек за собою объявление рабочих „подозрительными“ и предание их ревтрибуналу.

Инструкция устанавливала, что в случае необходимости к работе могут быть привлечены не только батраки и поденщики, но и другие группы населения, однако КОС разъясняет, что последние не мобилизуются, а только „приглашаются“.

17 июня КОС разъяснил, что там, где рабочие получают часть или все вознаграждение натурой, оно должно выдаваться по уровню 1790 г. без всякой надбавки. Мотивировался этот закон тем, что „зарплата была повышена в силу повышения цен товаров и что если оплата в натуре достигнет того же повышения, что и оплата в ассигнатах, то вновь создастся то же несоответствие и не будет больше пропорций между ценой, оплаченной в натуре и оплаченной в деньгах“.

Этот закон был невыгоден сельхозработчим, ибо, получая хлеб по норме 1790 г., они не могли выменять его на соответствующее количество других продуктов, так к цене продуктов 1790 г. набавлялось ведь 50%. Кроме того, в частности, в силу изгнания дворянской дичи с полей, сбор хлеба, по сравнению с 1790 г. сильно увеличился, следовательно и

с этой стороны оплата рабочего натурой по норме 1790 г. была несправедливой и для него невыгодной. Эта норма оплаты заставляла рабочих прибегать к жестко караемой продаже хлеба спекулянтам. Некий батрак в Дижан в июне 1794 г. сказал: „Мне скорее отрежут голову, чем заставят жить по таксе 1790 г.“.

На почве мобилизации рабочей силы и установления для нее максимума весною 1794 г. происходила непрерывная борьба сельхозработчих с властями и имущим крестьянством. Местные власти старались широко использовать предоставленное им право мобилизации или, как тогда выражались, реквизиции рабочей силы.

Представитель Конвента в Верхней Гаронне 18 июня издал приказ, в силу которого все отказывающиеся от работы подлежали 100 ливрам штрафа и трехмесячному заключению. Все участники коалиций с целью отказа от работы должны были рассматриваться, как роялисты и заговорщики.

Другой комиссар Конвента объявил, что отказывающиеся работать по максимуму будут рассматриваться как враги человечества и присуждаться к смерти.

Крэкский дистрикт постановил, что вся излишняя рабочая сила одной коммуны должна передаваться в другую коммуну, нуждающуюся в рабсиле. Подозрительными объявлялись все уклоняющиеся от реквизиций; они передавались суду. Все должностные лица, проявившие слабость в отношении их, будут рассматриваться как „враги республики“.

Одной из причин ожесточенной борьбы сельхозработчих за повышение заработной платы являлось то, что реквизиции шли главным образом на обеспечение армии и городских санкюлютов, а деревенской бедноте приходилось постоянно встречаться с противодействием продуктового максимуму со стороны своих деревенских богатеев.

В тех коммунах, где максимум зарплаты устанавливали на более высоком уровне и где строго проводился продуктовый максимум, мобилизация рабсилы не вызывала сопротивления.

Иногда представители Конвента, особенно левые, вели политику поощрения деревенской бедноты и опоры на нее в проведении революционных мероприятий в деревне, но не было определенной партии, которая ставила бы перед собой задачу активизации и организации бедноты и объединения вокруг нее середняка.

Так же, как Парижская коммуна, пока во главе ее стояли эбертисты, строго следила за выполнением товарно-продуктового мак-

симума и снисходительно относилась к нарушению максимуму: на заработную плату, так же точно и в деревнях, в тех случаях, когда у власти стояли неимущие, они следили за соблюдением максимума таким образом, что всю ответственность за нарушение его возлагали на богатых продавцев, этих предстатителей „преступной и скандальной наживы“, а не на неимущих покупателей. Но если в отношении максимума товарно-продуктового центральная власть постоянно нажимала на места, заставляя их повиноваться, слабая местное сопротивление, то в отношении рабочей политики места охотно проводили законодательство центрального правительства, а центр нажимал только в тех случаях, когда на местах в виде исключения преобладала рабочая администрация, когда местная администрация находилась под влиянием „эбертистских заговорщиков“.

7 мая 1794 г. представитель Конвента в Шаренте издал постановление, в силу которого все „бездельники и праздные люди“, т. е. все жители моложе 50 лет, за исключением больных и „регулярно занятых какой-либо полезной профессией“, объявлялись под реквизицией. Нуждающийся в рабочей силе землевладелец мог получить наряд на любого из них. Мобилизованный должен был работать по таксе.

В ряде мест (например в дистриктах Сенлис, Дубс, Динь) рабочие оказывали сильнейшее сопротивление мобилизации. В Блиньи рабочие объединились и отказались работать по таксам. У хозяев, соглашавшихся на повышение зарплаты, работы продолжались, остальные хозяева были покинуты жнецами.

В Безье и Перон рабочие, приходившие обыкновенно на сельхозработы, ушли, не пожелав работать по максимуму. В Питивье был арестован возчик по обвинению в организации коалиции для повышения зарплаты. 21 июля мэр и крестьяне Дизн жалуются, что рабочие объединились, чтобы добиться повышения зарплаты. В это же время в Жуи арестован рабочий Гильбер по обвинению в организации коалиции с целью нарушения максимума зарплаты.

В одном месте национальный агент арестовал двух зачинщиков забастовки, после чего все остальные рабочие покинули работу.

Национальная гвардия большей частью была на стороне рабочих, ибо она состояла из широких кругов менее имущего крестьянства. Поэтому национальную гвардию нельзя было пускать в ход для усмирения забастовщиков.

В Барбери дистрикта Сенлис жнецы объединились. Посланному арбитру один из рабочих ответил, что лучше было

бы ему оставаться там, где он был, и что он теперь хорошо видит, „что не жнецы господствуют в директории дистрикта“. Заявивший это работал у крестьянина, бывшего членом Совета дистрикта.

В некоторых коммунах муниципальные чиновники являются выходцами из сельхозрабочих и бедноты, тогда они сами защищают преследуемых рабочих, но такие случаи представляли собой редчайшие исключения. Как правило, местные власти рьяно выполняют законодательство центра о мобилизации и таксации рабочей силы. В мае 1794 г. дистрикт Мюре запретил рабочим даже обсуждать трудовое законодательство.

Версальский дистрикт не выслушивал жалобы молотильщиков даже тогда, когда они жаловались на получение зарплаты ниже установленного максимума.

Если бы запретить этим „ленгям“, т. е. беднякам, собирать после жатвы колосья с полей и всех замеченных за этим занятием мобилизовать для сельскохозяйственных работ, тогда „труд станет на место лениности и нерадения, преступление сменится добродетелью, нужда — достатком“ — так полагает весной одна из коммун Версальского дистрикта. „Назовите нам этих низких людей (т. е. рабочих, отказывающихся работать по максимуму), предпочитающих дать сгнить на корню сено и хлебы, нежели довольствоваться установленным в законе размерам заработной платы, мы поступим с ними, как с подозрительными, как с врагами республики...“ — так взывает Шомонский дистрикт. Эти „низкие люди“, т. е. батраки, поденщики, представляли собою, естественно, довольно темную массу, которая в большей части была лишена всякого руководства, в силу чего иногда служила материалом для кулацких провокаций. Неорганизованность, слабая грамотность, отсутствие руководства приводили к тому, что сельскохозяйственные рабочие почти не оставили собственных документов о своей борьбе. Никакой оформленной идеологии конечно у них быть не могло. Единственно, что они остро чувствовали, было противопоставление бедности богатству.

Движение за аграрный закон не было как либо организовано и не являлось повсеместным. Но несомненно, что тяга к проведению в жизнь аграрного закона была у части сельхозрабочих и тесно связанной с ним бедноты.

Народное общество Аржантона обращается в мае к представителю Конвента: „Большие фермеры стали теперь тоже маленькими тиранами, имеющими абсолютную власть над жителями деревень, большинство которых являются их арен-

даторами и работниками. Декретируйте, что фермы были разделены; чтобы каждый фермер мог иметь для возделывания только определенное количество акров земли, которое вы в вашей мудрости определите“.

Народное общество Алье-Шартрского дистрикта 19 октября обратилось к председателю Конвента с указанием, что следовало бы установить определенную норму земельных владений, которая не должна быть крупной, но и не должна сохранить столь маленькие владения, которые неспособны к собственному существованию и обладатели которых вынуждены обращаться за помощью к более мощным соседям. Предлагая уравнение земельной собственности, общество заканчивает свое послание следующими словами: „Пусть эти рассуждения заслужат внимание Конвента и народное общество Алье выполнит часть задачи, которую оно себе поставило“.

Среди поденщиков было много мелких собственников. Тем большую злобу и сопротивление вызывала таксация зарплаты, ибо зачастую мелкому собственнику-поденщику приходилось работать у зажиточного односельчанина, которому он был вынужден передать в грошевую аренду свой клочок земли, приобретенный им из фонда национальных имуществ, но который он не мог сам обрабатывать.

21 апреля один из представителей Конвента доносит: „Нищета не так реальна, как о ней говорят, она верна лишь для поденщиков; богатые крестьяне ни в чем не нуждаются“.

Клин, который вбивался такой политикой (жесткая реквизиция и таксация рабсилы при недостаточном нажиме местных муниципалитетов на выполнение товарно-продуктового максимума) между деревенскими рабочими и беднотой с одной стороны и более устойчивым крестьянством (отнюдь не только кулаками, но и середняками) с другой, можно иллюстрировать следующим фактом: муниципалитет Ария призвал всех жителей к полезным работам и сумел поднять настоящий энтузиазм, т. е. в тех случаях, когда муниципалитеты и народные общества не возлагали всей тяжести мобилизации на бедноту, то со стороны большинства крестьянства это не вызывало возражений.

Таким образом таксация и реквизиция рабочей силы вызывали классовый протест потому, что им не соответствовала определенная политика жесткого проведения продовольственного максимума для снабжения местного бедняцкого населения. Но эта политика (в силу указанных выше причин — трудностей контроля над проведением товарно-продуктового максимума) не зависела просто от доброй воли центрального

правительства. В провинции же решающую роль играли местные муниципалитеты, состоявшие большей частью из зажиточных. Помимо этого продовольственный максимум для снабжения бедняцкого населения мог бы быть полностью проведен только при сознательном развертывании гражданской войны в деревне. Но ни класса, ни партии, которые могли бы возглавить и руководить гражданской войной в деревне, тогда еще не было.

Хотя вся политика реквизиции рабочей силы, таксирования зарплаты и репрессий была ярко выраженной антирабской политикой, но она не была непосредственно кулацкой политикой, ибо в условиях обезлюдения французской деревни из-за мобилизации такие крестьянские семьи, которые раньше не пользовались наемным трудом, теперь бывали вынуждены к нему прибегать.

Само собой, что кулаки использовали эту политику в своих интересах, но со стороны правительства она не была задумана как кулацкая и при правильном проведении ее, т. е. при организованном руководстве гражданской войной в деревне и при жестком проведении товарно-продуктового максимума, она могла бы содействовать углублению революции.

В некоторых местах был столь острый недостаток в рабочей силе, что пришлось обратиться к помощи парижских рабочих. Парижские добровольцы получали подъемные и отправлялись в деревню. Есть сведения о 2360 добровольцах. Вопрос об уборке урожая стоял так остро, что в одной коммуне всем жителям обоего пола от 12 до 60 лет, исключая слабосильных, было предложено принять участие в уборке.

8 июля КОС уполномочил дистрикты требовать солдат вневойсковых гарнизонов для ускорения молотбы. Этим же распоряжением устанавливалась равная оплата жнецов и молотильщиков, чтобы разность оплаты не отсрочивала обмолота.

Картина классовой борьбы в деревне весной 1794 года подводит нас к тем же выводам, как и рассмотрение классовой борьбы в деревне зимой 1793 — 1794 гг. Беднота как правило не была организована и руководима, ибо еще не было сложившегося пролетариата. Поэтому она не могла дать должный отпор кулаку, не могла оторвать от него группировавшегося вокруг него во многих случаях середняка. Это положение нельзя недооценить при рассмотрении причин, позволивших свершиться термидорианской контрреволюции, происшедшей в середине лета (9 термидора, т. е. 27 июля), ибо основная масса крестьянства была удовлетворена землей. „Революционеры разбили феодальную землю на части и ско-

силы выросшие на ней феодальные головы“ (Маркс. Маркс и Энгельс. Собр. соч. т. VIII, стр. 324). Она была заинтересована в основном лишь в отстаивании своих приобретений от покушений контрреволюции. Но 24 июня битва при Флерюсе дала решающую победу революционной Франции, которая не только очистила свою территорию от врагов, но и завоевала Бельгию.

В дальнейшем развертывании и углублении революции, объективно выгодном для развития капитализма (ибо оно окончательно разгромило бы оставшиеся дворянское землевладение), субъективно было заинтересовано главным образом беднейшее население. Следовательно для этого необходимо было опять-таки развязать и возглавить гражданскую войну в деревне, чего ни робеспьеристы, ни даже эбертисты, если бы они и не были бы разгромлены, все равно в организованном порядке сделать не могли. Тем не менее эбертисты несомненно реально способствовали бы проведению Вантозовских декретов.

„Все европейские революции; кончались ничем именно потому, что деревня не умела справиться со своими врагами. Рабочие в городах свергали царей (в Англии и Франции царей казнили еще несколько сот лет тому назад, это мы только опоздали с нашим царем), и однако после некоторого времени воцарялись старые порядки. Это потому, что тогда не было еще даже в городах крупного производства, которое объединяло бы на фабриках и заводах миллионы рабочих.

А беднейшее крестьянство не было организовано, само оно с кулаками плохо боролось, и вследствие этого революция терпела поражение также и в городах“ (Ленин).

Притеснения, которым подвергались деревенские рабочие, распространялись и на городских. Мы помним, что по всеобщему максимуму была также таксирована заработная плата и что именно максимум заработной платы в определенных случаях больно бил по рабочим.

И вот любопытно: пока в Коммуне заправляли эбертисты, Коммуна сквозь пальцы смотрела на соблюдение максимума зарплаты и жестко следила за проведением остального максимума. Когда же на смену казненным эбертистам пришли робеспьеристы, картина резко изменилась: стали иногда сквозь пальцы смотреть на максимум продуктовой, но жестко стал соблюдаться максимум заработной платы и такой же жесткой стала борьба против рабочих коалиций.

При этом нельзя упускать из виду, что проследить за соблюдением максимума на зарплату было значительно легче,

нежели контролировать выполнение товарно-продуктового максимума. И заявление администратора из Бернай, что в силу существования подпольного рынка богатые могут снабжаться, а бедные умирают с голода, было отнюдь не единичным. Тем болезненней реагировали городские и деревенские рабочие на жесткое проведение максимума зарплаты.

Еще 16 февраля КОС постановил, что если рабочий откажется от своей профессии или не захочет работать по максимуму, то он объявится подозрительным. Когда 21 апреля рабочие пришли в Коммуну требовать увеличения заработной платы, то робеспьерист Пейян — агент Коммуны — арестовал рабочего оратора и отправил его в полицию за созыв собрания рабочих. 28 апреля Коммуна (муниципалитет) подавила коалицию портовых рабочих. 4 мая Конвент специальным декретом объявил мобилизованными всех лиц, занятых работой по транспорту предметов первой необходимости. Этот же декрет объявлял всех рабочих, вступавших в коалицию, подозрительными. На следующий день Парижская коммуна обратилась к рабочему населению с воззванием, призывавшим бороться с коалициями и стачками.

В виду того, что рабочие предпочитали переходить с государственных предприятий на частные, где легче было обойти максимум, КОС специальным распоряжением от 25 июня запретил назначение в частных предприятиях зарплаты выше уровня максимума, и все же с этим делом не так легко было сладить.

Рабочие национальной типографии просят у Конвента девятичасового рабочего дня: 8 часов для работы и 1 час — для публичного чтения. Они просят также организовать помощь при болезнях и пенсии при старости.

27 июня 1794 г. Коммуне пришлось приостановить общественные работы в Парижском департаменте, так как поденные рабочие предъявляли слишком большие требования, выразившиеся в требовании зарплаты сверх максимума и сокращения непомерно длинного (от 6 утра до 8 вечера) рабочего дня. Такого же сокращения требовали рабочие одной из парижских мануфактур.

Это было именно в тот день, когда Пейян защищал купцов от бесчестия и заявил, что есть только „хорошие и дурные граждане“. Рабочие явно попадали в разряд последних.

Очень важным и сконцентрированным отрядом рабочего класса в эпоху якобинской диктатуры были рабочие энергично создаваемой военной промышленности,

На военных предприятиях была очень жесткая дисциплина. Рабочие не имели права не только уходить на частные предприятия, но и переходить сами с одного государственного предприятия на другое.

В эпоху Великой французской революции социального страхования не было. Поэтому помощь рабочим в случае болезни и охрана труда зависели от случайного благополучия власти имущих или от сложившегося соотношения классовых сил и местной ситуации. Представитель Конвента монтаньяр Ром например сам обещал сохранение полной зарплаты за всеми заболевшими или ранеными на производстве. Некому больному рабочему Комитет Общественного Спасения обеспечивает двухмесячный отпуск. Клуб Руана занимается подысканием работы „добрым республиканцам“, клуб Шербург обязывал предпринимателей работ на молу вознаграждать увечных на работе рабочих.

Но все это отдельные случаи. Законодательства об охране труда не было. Якобинская же диктатура принципиально считала необходимым заботиться о законодательной помощи в первую очередь крестьянам.

3 марта 1794 г. Барер жалуется, что рабочие площади Неделимости были 3 дня „в состоянии инсurreкции“. Произведено 2 ареста, но необходимы дальнейшие мероприятия, ибо есть основания подозревать происки эбертистов. 27 марта рабочие оружейных мастерских в монастыре капуцинов отказываются работать попрежнему от 4 утра до 8 вечера и жалуются Конвенту, что администрация „хочет практиковать над ними тиранию и несправедливость“. К концу июня и началу июля усиливается рабочее движение.

Военные власти докладывают 24 мессидора о происходящих на предприятиях волынках с требованием повышения зарплаты, „хотя... рабочие одни может быть не испытывают тех затруднений, которые испытывают другие классы граждан... Они, которые под властью тирании довольствовались заработком скромным и едва ли достаточным, жалуются сегодня с высокомерием, которое обнаруживает опасную коалицию... Самое время обуздать это неповиновение, являющееся предвестником близкого восстания“.

„Высокомерие“ рабочих „обнаруживало“, конечно, прежде всего, что они чувствовали себя хозяевами происходившей революции и не считали нужным поэтому „довольствоваться“ тем материальным положением, которое им было предоставлено при „старом режиме“. Но робеспьеристски настроенный агент, рассуждающий с точки зрения необходимости „на-

циональных жертв“ (что с весны стало модой), говорит о „хороших“ и „дурных“ гражданах единой нации и видит в поведении рабочих лишь опасный заговор.

Недаром Барер еще 30 мая, в день принятия закона о жесткой реквизиции всех поденщиков и батраков (см. выше) говорил: „Тайные контрреволюционеры уже организовали рабочих нескольких департаментов вокруг Парижа“.

Стачки происходили конечно не только в Париже, но и в провинции. 7 января 1794 г. возчики тачек с рудой на конях в Литри отказались спускаться в копи, так как они имели только полчетверти хлеба. 18 марта они прекратили работу на целых 4 дня все на той же продовольственной почве. 25 марта дистрикт обещал сам доставлять рабочим хлеб из расчета 1½ ливров на рабочего. Но семья рабочих дистрикт хлебом не обеспечил, и 11 мая рабочие уходят с работы в окрестности, на расстоянии 5—10 лье, поискать зерна для своих семей. 13 мая они по тем же причинам угрожают стачкой.

23 июля Парижская Коммуна установила новые невыгодные для рабочих ставки максимума заработной платы. Четыре дня отделяют этот день от 9 термидора, когда рабочие в лучшем случае оставались пассивными зрителями разгрома робеспьеристской Коммуны. Трагедия якобинской диктатуры выразилась в частности в этом конфликте между ней и рабочим классом. Будучи революционной, но мелкобуржуазной диктатурой, она не смогла удержать союза с нарождающимся рабочим классом. Она требовала от него национальных жертв. Но во имя чего? Рабочий класс жертвует собой и жертвует героически, но тогда, когда он делает это ради интересов социалистического строительства, доказательством чего служит вся история пролетарских революций. Мелкобуржуазная же диктатура требовала от него „национальных“ жертв во имя туманных идеалов уравнилельского общества. Да и к тому же требование „национальных“ жертв било по карману именно прежде всего рабочего.

„Есть хорошие и дурные граждане“ — рабочие попадали в ряды последних во всех тех случаях, когда они восставали против установленного для них максимума заработной платы. От купца требовали только одной жертвы: чтобы он был честен, т. е. чтобы он не занимался спекуляцией, ажиотажем, скупкой. Если он удовлетворял этим требованиям „честности“, то его благосостоянию мелкого буржуа ничто не угрожало. Но рабочего эти „жертвы“ не устраивали. Деятельность самого „честного“ купца, если он не был ограничен

жесткой таксацией, означала для рабочих невозможность свести концы с концами, обеспечить свои самые необходимые потребности. Но будучи сторонниками собственности, хоть и мелкой, робеспьеристы неизбежно должны были прийти в столкновение с навязанным им максимумом, должны были прийти к теории „честной“ торговли.

„Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда „конституционность“ в духе собраний 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжают сохранять силу“ (Маркс, Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XXIII, стр. 234).

Итак, с весны 1794 г. мелкая буржуазия, твердо взявшая курс на построение добродетельной республики мелких товаропроизводителей, где „богатство было бы ограничено, а бедность уважаема“, разгромила рабочие организации. Это отнюдь не значит, что она переродилась. Ибо в ту эпоху, когда еще шла борьба с феодализмом, уравнительство было объективно революционно и следовательно объективно революционны были и эгалитаристские тенденции якобинцев. Но рабочий города и деревни, революционный толкач якобинской диктатуры, оказался с весны 1794 г. в неизбежном конфликте с властью. Ведь богатство должно было быть только „ограничено“, следовательно оно сохранялось, бедность же должна была стать только „уважаемой“, следовательно она также сохранялась.

Это положение можно иллюстрировать хотя бы ходом дела на упоминавшихся копиях Литри.

Продовольственный максимум, бывший безусловно решительной санкюлотской мерой, обеспечивавшей возможность революционной борьбы тыла и фронта, не мог, при данном образе проведения его, полностью обеспечить рабочих. Копии Литри находились в руках частной компании, работавшей под контролем якобинской диктатуры. Несмотря на все затруднения, копии при поддержке мероприятий революционной власти во II году республики сильно увеличили свою добычу, что было необходимо для нужд военной обороны. При этом компания отнюдь не уменьшила своей прибыли, а увеличила ее. Причиной этого являлся максимум зарплаты, который предпринимателей обеспечивал полностью.

На этом примере мы еще раз видим разницу между робеспьеристами и эбертистами и огромное принципиальное значение, которое имело различное их отношение к соблюдению товарно-продуктового максимума и максимума на зарплату (см. выше). Если эбертисты контролировали

копии Литри, то они жестко соблюдали бы максимум продуктовый и сквозь пальцы смотрели бы на соблюдение максимума заработной платы. Предприниматели, естественно, не смогли бы тогда увеличить или даже сохранить свою прибыль, а рабочие зато не имели бы повода к протестам.

Революционное правительство и террор

Мы знаем, что конституция 1793 г. не была введена в жизнь и что был создан революционный порядок управления, как говорили в то время, „до окончания войны“. Но к весне робеспьеристы наметили свой путь строительства уравнилельной республики, нашедшей свое выражение в вантозовских декретах, и тот же Сен-Жюст, который докладывал о вантозовских декретах, выступил с речью о республиканских учреждениях. В этой речи он заявил, что нельзя рассматривать революционное правительство как временную меру вплоть до заключения мира. Его необходимо сохранить вплоть до того, как удастся преобразовать общество. Таким образом робеспьеристы к весне 1794 г. перестали сводить происходившую гражданскую войну к войне с внешними врагами. Революционный порядок управления отныне приобрел более глубокий смысл. Вместе с тем он окончательно оформился в отношении большей централизации и усиления террора.

1 апреля были окончательно уничтожены министерства и заменены 12 исполнительными комиссиями.

16 апреля КОСом было создано бюро административного наблюдения и общей полиции для лучшего наблюдения за аппаратом, и для того одновременно, чтобы иметь в этом бюро свой орган наблюдения и охраны, ибо в это время усилилась уже новая оппозиция. По этому же декрету было централизовано судопроизводство и дано распоряжение всех арестованных „подозрительных“ приводить на суд в Парижский революционный трибунал. Вслед за этим 8 мая последовало уничтожение всех революционных трибуналов на местах.

10 июня (22 прериаля — по революционному календарю) был издан новый декрет, усиливший революционное судопроизводство и ускорявший его. По этому декрету понятие „подозрительный“ было значительно расширено, предварительный допрос заключенных был отменен, защитники упразднены. Этот декрет, чрезвычайно усиливший революционное правосудие, должен был служить орудием осуществления

вантозовских декретов. Мелкая буржуазия, стоявшая на точке зрения частной собственности, хотя и мелкой, не может про извести классовой законодательной конфискации собственности, и потому она для производства такого большого перемещения собственности, которое должно было быть результатом проведения в жизнь вантозовских декретов неизбежно прибегала к усилению индивидуального террора против отдельных врагов революции.

Якобинская диктатура — система революционного правления — тесно была связана с центральными и местными клубами, с народными обществами. Сразу же после революции 31 мая — 2 июня Конвент издал декрет 25 июля о том, что все лица и учреждения, чем-либо притесняющие народные общества, подлежат самым строгим наказаниям.

В период решительной борьбы с жирондистами усилились чистки якобинских клубов, ибо многие народные общества были „народными только по имени“, как писал представитель Конвента из Тулузы, и были наводнены обывательским элементом — „колпаками из новой материи,“ как их называл Лебон.

В результате в эпоху якобинской диктатуры, после многочисленных чисток, которых Маллармэ называл „общественной рвотой“, якобинские клубы стали значительно более санкюлотскими, но все же в них рабочие не преобладали (клуб коммуны Кюньо, департамент Верхней Гаронны, в котором на 49 членов приходилось 33 сельскохозяйственных рабочих и лишь 1 торговец, составлял не правило, а скорее исключение). И все же якобинские клубы были очагами общественного мнения, — конденсаторами революционной энергии. Не было той существенной отрасли революционной деятельности, в практике которой они не принимали бы участия руководством и примером. Клуб Туль исключает из своей среды всякого нарушителя максимума. Клуб якобинцев в Безансоне предлагал, чтобы городские торговцы имели право продавать деревенским жителям товары только в тех случаях, когда последние смогут доказать, что привезли в город продукты сельского хозяйства.

Клуб Версаль, Тоннер и др. сами организуют отряды революционной (продовольственной) армии.

Клубы часто были подчинены депутатам Конвента. Эти представители имели право чистки клубов, которым они могли злоупотреблять. В Каркассоне представитель Конвента распустил клуб и создал новый, возмущившись попыткой клуба высказаться в защиту некоего арестованного им гражданина.

Однако часто отношения были иными. Представитель Конверта Тирион считал обязанностью революционного правительства заботиться о материальных нуждах клубов: „Во славу суевериям и заблуждениям были воздвигнуты великолепные храмы и вместе с тем поклонники свободы до сих пор не подумали о строительстве убежищ, достойных ее и их самих“, и он приглашает (сентябрь 1793 г.) КОС заняться этим вопросом. Другой представитель Лапланш определил назначение клубов, как очагов гражданской войны, следующими словами: „Нация не оттягчена их справедливыми заботами: богатые нам объявили войну — богатые оплатят ее каждый в отдельности“.

Клубы принимают самое всестороннее участие в организации революционной обороны. Клуб Бордо посылает 24 комиссаров по деревням для разъяснительной и пропагандистской работы по набору. В Ля-Рошель весной 1793 г. всякий член клуба один рабочий день недели отдавал на работы по усилению обороноспособности крепости. В Каркассоне клуб назначает делегатов для наблюдения над военным госпиталем. Клубы принимают деятельное участие в гражданском революционном воспитании солдат.

Армия, которая несла освобождение в завоеванные страны (клуб Лон-ле-Санье писал: „Гражданская война должна объять вселенную“), должна была составлять единое целое с революционным народом. Представитель Конвента Изорэ с горечью жалуется на Клуб Дуэ: „В этой стране взяли за правило говорить, что народные общества должны быть составлены из граждан, а не из военных, как-будто военные не являются гражданами“.

Некоторые клубы устривали свои заседания специально в те часы, когда солдаты были свободны от службы.

Одна из парижских секций — секция инвалидов, — узнав о непатриотическом поведении батальона, в формировании которого она участвовала, посылает в батальон специальных депутатов, которые вернувшись докладывают (24 января 1794 г.), что отряды, сформированные секцией, оказались ни в чем неповинными и вполне благонадежными. „Собрание, — говорит протокол, — того и ожидало от своих детей и покрыло доклад аплодисментами“.

Народные общества служили опорой правительственной демократии.

Комитет общественного спасения, поручая депутатам в командировке чистку революционного аппарата, рекомендует им в этом деле опираться на клубы. Те же клубы КОС пригла-

шает заняться „выдвиженчеством“ в революционный, административный аппарат. Комитет общественного спасения поручает клубам наблюдать за проведением отдельных декретов, приглашает их сообщать в центр о всяких беспорядках. Так 13 сентября 1793 г. народным обществам предлагается составить списки „подозрительных“ в армии и направить их Комитету общественного спасения. Все массовые политические кампании правительство проводило при теснейшем участии клубов.

Перед казнью жирондистов Комитет общественного спасения отпечатал обвинительный акт в 30 тыс. экземпляров и разослал его муниципалитетам и народным обществам.

Несмотря на революционную роль клубов и санкюлотский их состав, они все же не восполняли отсутствия организованной партии рабочих. Диктатура якобинцев была революционной диктатурой мелкой буржуазии тогдашнего пролетариата города и деревни, причем руководство в основном находилось в руках мелкой буржуазии. Рабочего класса как „самостоятельного класса“ не было. Следовательно тогда не могло быть рабочей партии.

Величие революционной диктатуры состояло в том, что она в своем стремлении к „чистой демократии“ (Маркс) фактически преодолела парламентский фетишизм. Демократия, отвлеченный человек политического государства — такова была цель, ради которой робеспьеристы стремились к экономическому равенству. „Робеспьер в великой нищете и огромных богатствах видел лишь препятствие для чистой демократии“ (Маркс)

Экономическое равенство — средство, политическое равенство — цель. Естественно, что экономическое равенство представлялось им при этих условиях не как абсолютное равенство (они отнюдь не были последовательными эгалитаристами), а как экономическое уравнение. Не добиться общего равенства, а выравнять слишком большое неравенство, угрожающее демократии, — такова была программа якобинцев. Демократия лучше всего может быть сохранена в замкнутом государстве, в котором основную роль играют мелкие свободные товаропроизводители — такова была теза, завещанная якобинцам их идеологом Руссо. Руссо отнюдь не верил в возможность привести к такому счастливому состоянию Францию — старую, изолгавшуюся и погрязшую в грехах. Для такого греховного народа, как французский, возможны только паллиативы, в виде налога на роскошь, законов о наследстве и т. д. Но вместе с тем Руссо признавал освежающую силу и

огромную мощь революции. Якобинцы в революции хотели обновить мир евангелием Руссо. Путем вантозовских декретов они хотели создать слой мелких собственников, который был бы целиком обязан революции, но вместе с тем они отнюдь не собирались подавить свободу оборота, а следовательно капитализма. Свобода оборота, с одной стороны, ограничение капиталонакопления, с другой — такова противоречивая экономическая программа, которая легла в основу стремления к „чистой демократии“. Они ни понимали ни обреченности своего идеала, ни его плодотворности для развития капитализма. Но субъективная трагедия якобинцев стала объективным триумфом истории. Вера в возможность общества, хребтом которого были бы мелкие собственники, дала якобинцам силу расправы со старым обществом. Стремление к недопущению слишком большого неравенства состояний — дало им возможность отнюдь не церемониться с собственностью, когда это требовали интересы революции. Стремление к идеалу чистой демократии дало им силу расправы с контрреволюцией.

Но нельзя забывать, что, давая великолепные образцы революционной практики, якобинцы вместе с тем в теории не преодолели мелкобуржуазного преклонения перед легальностью, перед „суверенитетом“ верховного собрания. Эта разединенность теории и практики не могла не сказываться на всей системе диктатуры. В этом выразилось отсутствие пролетариата, как политически самостоятельного класса. Поэтому революционная диктатура недостаточно полно совмещалась с широкой самодеятельностью всех масс. Мы уже видели, как 5 сентября, в день фактического утверждения революционного порядка, была сокращена самодеятельность секций. После разгрома фракций якобинцы стали преследовать низшие народные общества и добились закрытия парижских секционных клубов, которые сплошь были под влиянием левых. 26 декабря 1793 г. Робеспьер говорил, что образование секционных обществ „было последним ресурсом злоумышленников против свободы“.

Пролетарская диктатура в отличие от мелкобуржуазной безбоязненно строится на широчайшем базисе самодеятельности рабоче-крестьянских масс. Для якобинцев в конце-концов диктатура даже стала формой демократии. Но в то время, как пролетарская диктатура является формой пролетарской демократии, якобинская диктатура была формой мелкобуржуазной демократии, которая боязливо оглядывалась на союзника слева. Якобинцы, решив приступить к строительству уравни-

тельской мелкобуржуазной республики, в которой устойчивая по их мысли фигура мелкого буржуа должна была уничтожить борьбу классов, разорвали блок с левым союзником и стали преследовать местные народные общества, в которых сильны были левые — представители рабочих и нищающих слоев мелкой буржуазии.

Наша диктатура с самого начала строится на основе самостоятельности широчайших масс, при диктатуре класса (пролетариата), левей которого объективно нет в обществе класса. Чем дальше мы продвигаемся в построении социалистического общества, тем более широкие пласты масс мы поднимаем к действию.

„В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве“ (Ленин).

Это происходит потому, что наше государство имеет своей базой не разношерстный блок, а союз рабочего класса с крестьянством под гегемонией рабочего класса. Это происходит, во-вторых, потому, что наше государство и его классовый базис находятся в полном соответствии с объективными задачами нашей революции.

Совершенно иное положение было в эпоху якобинской диктатуры. Объективной задачей была и могла быть по условиям эпохи только буржуазная революция. Во главе ее в самый острый период оказался блок мелкой буржуазии и масс, стоявших левей ее. Этот блок, вопреки буржуазии „плебейскими методами“ боролся за „осуществление задач буржуазной революции“. В этом блоке у руководства стояла господствующая фракция мелкой буржуазии. Но толкачами блока, его руками и глазами (недаром гербом кордельерского клуба было недреманное око) были массы, объективно, по своему положению в обществе, стоявшие левее робеспьеристов. Таким образом в якобинской диктатуре происходило *двойное классовое смещение*: революционная мелкая буржуазия „плебейским методом“ проводила буржуазную революцию, создавала наилучшие условия для свободы развития капитализма, против которого она хотела бороться, во-вторых, эти ее действия, направлялись, подталкивались группировками, стоявшими в классовом и партийном отношении левей ее. Вместо единства объективного и субъективного момента, вместо единства методов и объективно реальной цели у нас, в дея-

тельности якобинской диктатуры мы видим двойное смещение: разница методов и объективной цели, отсутствие полного единства между широкими массами, служившими основой якобинской диктатуры и ее руководством. К этому примешивается еще то обстоятельство, что с весны робеспьеристы пытались осмыслить по-своему практику революционной диктатуры. Они создали свою теорию мелкобуржуазного демократизма, долженствовавшую совмещать в едином образе добродетельной республики и развитие производительных сил, (возможное для той эпохи только в форме развития капитализма), и сдержку этого развития элементами мелкобуржуазного эгалитаризма. Попытавшись вступить на путь самостоятельной политики, робеспьеристы разорвали с левыми союзниками, которые принимали только вторую часть программы (сдержку развития капитализма), отвергая первую. После расправы с левыми союзниками, робеспьеристы, естественно, должны были пытаться частично сковать самостоятельность масс, именно в тех случаях, когда эта самостоятельность выходила за пределы намеченной ими линии. При всем том якобинская диктатура продолжала базироваться на коммунах и народных обществах, и вплоть до практики нашей революции представляет собой самый яркий пример широкой народной самостоятельности в пределах целого государства. „Господство террора во Франции было господством неимущих масс“ (Энгельс).

Полное же всестороннее развитие самостоятельности широких масс может дать только пролетарская революция.

Разрыв субъективного и объективного моментов в эпоху якобинской диктатуры кой-кто из правых и „левых“ пытались эксплуатировать в целях доказательства нереальности и обреченности гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. В частности, стоявший в 1905 г. на ультра-„левой“ позиции Троцкий („без царя, а правительство рабочее“), развивавший теорию разрыва с крестьянством и перепрыгивания через этап буржуазной революции, „полагал“, что Ленин может очутиться со своей большевистской теорией гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции — в роли исполнителя воли чужого класса надобие Максимилиана Робеспьера.

Любителям аналогий, острие которых направлено против пролетариата, следовало бы вспомнить, что при якобинской диктатуре во главе стояли робеспьеристы, а наиболее революционной основой служили массы, объективно стоявшие левее робеспьеристского мелкобуржуазного середняка. Ничего подобного не может быть при гегемонии пролетариата в бур-

жуазно-демократической революции, ибо пролетариат является самым левым из существующих в обществе классов.

Далее, разрыв между субъективным фактором и объективными задачами революции при мелкобуржуазной диктатуре конца XVIII века мог в конечном счете (речь идет не конкретно о 9 термидоре, а о конечном итоге) решиться только устранением субъективного фактора, ибо уравнительство само по себе приводило к капитализму, а никаких ни объективных (уровень развития капитализма), ни субъективных (развитие рабочего класса в класс для себя) условий для перерастания в революцию социалистическую не было.

Совершенно иное дело, когда пролетариат является гегемоном буржуазно-демократической революции (пример: 1905 г.). Это обозначает, что пролетариат уже является классом для себя — и следовательно — капитализм достиг уже большого уровня развития. При этих условиях ставится уже — как вполне реальная задача — задача перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, что Ленин и формулировал в революции 1905 г. со всей большевистской четкостью. „Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата“ — говорит т. Сталин („Вопросы ленинизма“, стр. 39). Троцкий, стоявший в 1905 г. на меньшевистской позиции, подкрашенной ультра-„левой“ фразой, боролся с ленинской трактовкой этого вопроса, ибо не верил в силы рабочего класса повести под своей гегемонией крестьянство.

Поддерживаемая им теория перманентной революции разоружала пролетариат и противостояла марксистско-ленинской теории перманентной революции. При этих условиях очень характерно его „смешение“ Ленина с Робеспьером и клевета о том, что Ленин якобы в 1905 г. не стоял на точке зрения перерастания, клевета, повторенная вслед за своим вождем троцкистскими фальсификаторами истории. Характерно также, что если раньше он „смешивал“ с Робеспьером Ленина, то в эпоху развернутого социалистического наступления это „смешение“ им было перенесено на т. Сталина.

Новая оппозиция

После разгрома фракций вскоре вновь выявилась оппозиция, на сей раз приблизившая решительную развязку.

Эта оппозиция состояла из двух частей: левой и правой. По имени месяца, когда ей удалось совершить контрреволю-

ционный переворот, ее называли термидорианской. Правые термидорианцы состояли из уцелевших дантонистов, а левые термидорианцы, возглавлявшиеся Колло д'Эрбуа и Билло-Варенном, обвинявшими Робеспьера в медлительности в осуждении Дантона, были людьми более близкими к уцелевшим эбертистам. Правые хотели устранения террора и социальной политики, возвращения к „нормальной“ обстановке. Левые хотели усиления террора, а главное — изменения руководства, революционной бдительности которого они не доверяли. И в этой ненависти к робеспьеристскому руководству объединились правые и левые; правые, чтобы выполнить социальный заказ буржуазии, левые — недовольные разгромом фракций, боящиеся, что робеспьеристское руководство ведет к гибели революции. Левые термидорианцы были оторваны от широких масс и только косвенно отражали недовольство рабочих разгромом их организаций. Еще 20 апреля Билло-Варенн совершенно в духе казенного дантониста Камилла Демулена и его „Старого кордельера“ распространялся о тираниях древней Греции.

23 мая было совершено покушение на Робеспьера. 13 июня был арестован бывший секретарь Камилла Демулена, который выпустил воззвание к секциям против диктатуры Робеспьера. Для создавшихся настроений показательно, что 19 июня секция Горы открыла подписку за немедленное введение конституции 1793 г., т. е. за прекращение революционного порядка управления. Список быстро был покрыт двумя тысячами подписей.

В начале июля якобинский правительственный агент сообщил своему сотоварищу в дистрикте, что куется новый заговор, и назвал при этом ряд правых термидорианцев.

30 июня Коммуна разбирала дело о новом покушении на Робеспьера. 1 июля Робеспьер выступил в Якобинском клубе громовой речью против правых и заявил, что он потерял авторитет в правительстве.

С начала июля Робеспьер удалился из КОСа и перенес свою деятельность в Якобинский клуб, ибо в КОСе он потерял свой безраздельный авторитет и надеялся вновь завоевать его, расправившись с противниками при помощи общественного мнения Якобинского клуба.

Между тем положение в комитетах было настолько напряженным, что когда КОС предложил робеспьеристу Кутону 3 и 7 июля отправиться в командировку на юг, то это предложение не было им исполнено из-за боязни покинуть в такой опасный момент Париж.

14 июля робеспьерист Дюма упрекал КОБ,¹ что он принимает на службу аристократов. В этот же день правый термидорианец Фуше по предложению Робеспьера был исключен из клуба якобинцев. Настроение в столице было тревожным. После решительной победы французской армии при Флерюсе в конце июня в Париже были устроены братские обеды за близкий „мир“, которые по существу были агитационным средством для контрреволюционеров. Таким образом контрреволюция подхватила прежний лозунг якобинской диктатуры о временном характере революционного порядка управления, „вплоть до заключения мира“. Пользуясь победой армии, она старалась объединить народ в радости победы и под этим соусом агитировать за отмену революционного порядка управления. Этот маневр был быстро понят, и обеды были запрещены. Боязнь контрреволюционных выступлений была так сильна, что годовщина взятия Бастилии (14 июля) почти не была отпразднована.

23 июля два термидорианца посетили в тюрьме арестованных жирондистов и делали им всякие авансы.

25 июля Дюбуа Крансэ, которого Робеспьер за несколько дней до этого обвинял, выступил в Конвенте с оправданиями. Конвент предложил комитетам в три дня дать отчет о действиях Робеспьера. Это было первым случаем за последний год.

В этот же день в Конвенте выступила делегация Якобинского клуба, говорившая о существовании внутренних интриг.

26 июля Робеспьер выступил в Конвенте с угрозами по адресу оппозиции. Но угрозы были общие, а конкретно Робеспьер никого не назвал.

Робеспьер говорил:

„Есть две силы на земле: сила разума и сила тирании: везде, где господствует одна из них, другая изгоняется. Если вы не хотите, чтобы защитники принципов обладали некоторым влиянием в этой трудной борьбе свободы против интриги, то вы хотите следовательно, чтобы победа уступила место интриге... Кто такой я, которого обвиняют? Раб свободы, живой мученик республики, столь же жертва, сколь и враг преступления... Все мошенники меня обвиняют... другим прощают их злодеяние, мне зачитывается как преступление мое усердие... Дела республики принимают тревожное и коварное направление... контрреволюционеры поощряются.

¹ Комитет общественной безопасности.

Все друзья принципов лишены влияния...“ Робеспьер говорит, что заговорщики боятся самого существования его и хотят его лишить права защищать народ, одновременно лишив его жизни. „О! Я уступаю ее им без сожаления! Я имею опыт прошлого, и я вижу будущее! Какой другой друг родины может хотеть живым выступить в тот период, когда более не позволено будет служить ей и защищать угнетенную невинность!.. Революционное правление заслуживает всего вашего внимания: пусть оно будет сегодня разрушено, и завтра свобода погибнет... Я создан, чтобы бороться с преступлением, а не чтобы управлять при помощи его... Защитники свободы будут вне закона, пока будет господствовать шайка мошенников...“ Робеспьер предложил произвести чистку комитетов и подчинить Комитет общественной безопасности (КОБ), в котором особенно сильные были термидорианцы, КОСу. Таким образом Робеспьер посвятил свою речь, с одной стороны, бесплодным жалобам и общим обвинениям — с другой.

Он надеялся парламентским путем, моральной силой победить Конвент и тогда „начать действовать“.

На требования указать конкретно заговорщиков — он отмалчивался. Смысл его речи был таков: погодите, я доберусь до вас, мошенники. Он жаловался Конвенту на Конвент вместо того, чтобы действовать. Это объясняется тем, что Робеспьер все же не понимал реальной расстановки сил в Конвенте. Большинство Конвента — его беспартийное большинство — болото — шло за робеспьеристами, пока была опасность со стороны внешней интервенции. Вантозовские декреты напугали это буржуазное большинство, а решительные победы на фронтах делали для него совершенно излишним дальнейшее существование якобинской диктатуры. По существу вождь революционной мелкой буржуазии призывал теперь к тому же восстанию против Конвента, к которому призывали казенные представители рабочих и ремесленников — эбертисты. Но Робеспьер к восстанию против Конвента призывал сам Конвент. В этом сказались неизжитые им парламентские иллюзии. Очищенный 2 июня парламент, Конвент, все же представлялся Робеспьеру верховным органом, в котором должна найти защиту справедливость, если ей не было суждено погибнуть вовсе.

Конвент сначала решил напечатать его речь, но потом взял это постановление назад. Это был первый случай отказа от напечатания речи Робеспьера со времени установления якобинской диктатуры.

Вечером Робеспьер читал свою речь в Якобинском клубе. Это был вечер 8 термидора. Якобинцы бурными овациями сопровождали речь своего призванного вождя и тут же исключили из клуба руководителей левых термидорианцев — Колло д'Эрбуа и Билло-Варенна:

Клуб был в настроении этуизма, но он ничего конкретного не решил. Термидорианцы были в реальном страхе и действительной решимости. В эту ночь никто из них не думал об отдыхе. Ими подготавливалось 9 термидора. Парижские массы же затаили злобу за последовательный разгром своих организаций и казнь вождей, за сокращение их самодеятельности, за жесткий и невыгодный максимум заработной платы, а вождь Робеспьер заготовил на следующий день для Конвента речь, в которой он укажет на то, что новые заговорщики хотят поколебать республику, что существуют только хорошие и дурные граждане. А соратник Робеспьера — Сен-Жюст — будет всю ночь совещаться с комитетами, ни до чего конечно не договорится и утром 9 термидора выступит, чтобы заявить, что „Комитеты ночью растерзали его сердце, и он откроет его Конвенту“. Однако, правым термидорианцам нужно было не открытое сердце революционера, а открытые двери тюрем, открытые каналы спекулятивного накопления. А левые термидорианцы не верили ни в чистоту, ни в революционность робеспьеристских сердец.

9 термидора, как только Робеспьер начал говорить, его прервали презрительными и недоумевающими возгласами. Конвент решился, Конвент бушевал. Арестованный вместе с братом, друзьями, верными соратниками, Робеспьер, спускаясь к решетке, сказал: „Республика погибла, разбойники торжествуют“.

Дальнейшие события разыгрались быстро. Робеспьер и его друзья, которые были освобождены агентами Коммуны, находились в ее помещении, но проявляли мало активности в попытке Коммуны спасти революцию, оказать сопротивление Конвенту.

9 термидора днем происходили волнения среди каменщиков, вызванные невыгодными ставками максимума зарплаты, объявленными Коммуной 5 термидора. После обеда на площади перед Коммуной также состоялись собрания протеста рабочих, недовольных этим максимумом. И все же первое время шансы были на стороне Коммуны. Анрио — начальник Национальной гвардии — освобождал арестованных робеспьеристов. Ему сочувствовала сама конвентская стража: он во главе отряда находился около Конвента, и председатель

Конвента даже заявил, что „настал момент умереть на посту“. Но Анрио не ворвался в Конвент и не арестовал термидорианцев. Еще в шестом часу площадь перед Конвентом была пуста, а перед Коммуной толпились вооруженные люди секций, пришедшие на ее защиту. Но робеспьеристы медлили, Коммуна поэтому не приняла решительных мер, и к двум часам ночи, когда вооруженные силы Конвента подошли к Коммуне, площадь перед ней уже была пуста.

Конвент немедленно после ареста Робеспьера назначил начальника вооруженных сил; разослал приказы по секциям; объявил вне закона всех неподчиняющихся Конвенту. Коммуна могла распоряжаться всем городским аппаратом, бывшим в ее руках. Но ее действия неизбежно парализовались нежеланием Робеспьера и его друзей действовать. Коммуне с большим трудом удалось их всех, в особенности Робеспьера, уговорить уйти из места заключения и явиться в Коммуну. Только к часу ночи группа, во главе с Робеспьером, решилась приступить к решительным действиям, но было уже поздно, время было уже безнадежно потеряно. То, что робеспьеристская Коммуна была настроена решительней робеспьеристских вождей, объясняется тем, что она все же была теснее связана с массами, и еще тем, что в ее рядах находились люди из более активного лагеря, например бывший видный кордельер Каффеналь. Нерешительность Робеспьера объясняется и тем, что он все же не был вождем улицы, никогда не стоял непосредственно во главе уличного действия, во главе инсurreкции (восстания). Революция 31 мая — 2 июня была для него последней, и очищенный Конвент мыслился ему верховным органом, на который никак нельзя было посягнуть.

Иллюзии были настолько сильны, что он рассчитывал по видимому на передачу его дела в ревтрибунал и на благоприятный для него исход, подобный исходу дела Марата. В этой жажде законности сказались оторванность Робеспьера от широких масс (рабочие, разоряющиеся ремесленники, деревенская беднота), стоявших объективно левей той части мелкой буржуазии, которая стояла у власти, и вождя этой мелкой буржуазии — Робеспьера.

Одна из боевых колонн Конвента, шедшая на последний оплот революции — на Коммуну, — состояла из членов секции Гравильеров, секции, вождем которой был замученный и загнанный Жак Ру. Ее вел термидорианец Леонард Бурдон. К двум часам ночи с 9 на 10 термидора дело контрреволюции было сделано: Робеспьер, его друзья и работники Коммуны аресто-

ваны, на восходящей линии революции поставлен термидорианский крест.

На следующий день Робеспьер, который еще раньше говорил, что предпочитает „погибнуть республиканцем, чем победить с разбойниками“, Сен-Жюст и все их соратники в числе 61 были гильотинированы после простого удостоверения личности. Когда ожидавшему казни Робеспьеру один из присутствующих помог поднять чулок, он сказал „Спасибо, месье“ (слово, которое было давно заменено словом „гражданин“). Человек, стоявший во главе республики, в своей судьбе провидел кончину революции.

Так погибла якобинская диктатура, которую Ленин называл „диктатурой общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии“.

ГЛАВА I

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИДОРА

Для того, чтобы понять причину и смысл термидорианской контрреволюции, мы должны обобщить политику весны — лета 1794 г.

После разгрома фракций робеспьеристы пытались наладить развитие производительных сил и вместе с тем создать базу для добродетельной прочной республики. Максимум был робеспьеристам навязан составом летне-осеннего блока. Сами они ему не сочувствовали. Разделавшись с левыми союзниками, они хотели теперь добиться развития производительных сил, чтобы нормальным обменом заменить разорительный максимум. Но вместе с тем робеспьеристы как представители мелкой буржуазии считали необходимым ставить преграду безудержному капиталистическому накоплению, столь разорительному для мелкого буржуа. Именно это они и имели в виду, когда ограничивали право наследования и дарения. Но самым значительным шагом в области упрочения мелкобуржуазной собственности были вантозовские декреты, согласно которым крупная земельная собственность врагов революции должна была образовать мелкую собственность большой группы неимущих и малоимущих. На этом пути мелкая буржуазия при проводимой ею тактике разрыва блока с представителями рабочего класса неизбежно должна была быть разбита. Мы уже говорили, что вантозовские декреты, хотя субъективно являлись реакционной, антикапиталистической идеологией, объективно шли по линии углубления буржуазной революции, по линии расчистки путей для развития производительных сил капитализма, в виду того, что мелкое товарное производство является более питательной средой для развития капитализма, нежели крупное, но некапитализированное сельское хозяйство.

Рассматривая намеченную робеспьеристами программу не- которого уравнильства, необходимо разграничить два мо- мента: а) временное торможение капиталистического нако- пления, временная неблагоприятная ситуация для развития про- изводительных сил, и б) конечные интересы, — создание наи- более благоприятной почвы для всестороннего длительного развития производительных сил капитализма. Несомненно, что политика якобинской диктатуры сейчас, на данном отрезке времени, задерживала капиталистическое накопление, но своими мероприятиями она создавала (и увеличила бы еще во много раз осуществлением вантозовских декретов) простор для длительного и свободного капиталистического развития. Но на эти временные жертвы могли идти только мелкая буржуазия, рабочие, беднота, которые видели именно в них осуществление своего идеала. Спекулятивной буржуазии еще меньше, чем промышленной, не терпелось с возвратом к нормальным условиям хозяйственной жизни. Полицейский офицер из провинции писал Робеспьеру: „В Кальвадосе все основано на спекуляции... Купец горд, суров к бедным и участвует в дарах, которые требует родина, только из страха, как бы у него не взяли больше... Купцы требуют мира, чтобы стать знатью и благодаря своим громадным богат- ствам господствовать над всеми, заместив собой ту высоко- мерную касту, которая была источником всех наших бед..“

Рабочий класс не имел еще, как мы уже неоднократно указывали, своей четко отграниченной от мелкой буржуазии идеологии. Поэтому рабочий класс мог пойти за уравниль- ской программой мелкой буржуазии, но только за одной ча- стью ее: за вантозовскими декретами. Политика смягчения товарного максимума, усилению жесткости максимума зарабо- тной платы была явно ему не по пути. Мелкая буржуазия от- толкнула своего левого союзника потому, что она хотела на- ладить нормальный обмен, восстановить в своих правах „че- стного“ купца, а купец хоть и „честный“ — все равно был вра- ждебен рабочему.

Мы уж указывали, что нарождающийся рабочий класс не отдавал себе еще отчета в своем месте в производстве, что он был еще связан с мелкой буржуазией и выступал, как по- требитель. При таком положении рабочие не отказывались от мысли и желания стать вновь мелкими собственниками, т. е. от той уравнильсской программы, которая была выражена вантозовскими декретами. Но именно представители рабочего класса, которые могли бы продвинуть выполнение вантозов- ских декретов, которые являлись толкачами якобинской дикта-

туры, были разгромлены робеспьеристами. И в проведении ван- тозовских декретов робеспьеристы столкнулись лицом к лицу с враждебной им капиталистической стихией, не имея больше опоры в тех массах, которые могли бы их поддержать. Этой опоры робеспьеристы не имели теперь и в деревне (см. выше).

Конечно на каком-то этапе своего развития мелкобуржу- азная диктатура должна была уступить место „законному хо- зяину“. „Законным хозяином“ сбросившей с себя путы фео- дализма Франции при условии еще не развившегося рабочего класса, и следовательно, отсутствия перспектив перерастания буржуазной революции, был крупный капиталист, была бур- жуазия, в интересах которой под руководством революцион- ной мелкой буржуазии, одно время в союзе с широчайшими массами, проходила вся революция.

Поэтому естественно на каком-то этапе якобинская дикта- тура в конце-концов должна была уступить место буржуаз- ному правопорядку. Это однако отнюдь не значило, что яко- бинская диктатура не могла выйти победительницей из контр- революционной атаки 9 термидора.

Прояви 9 термидора (27 июля) робеспьеристы больше ре- шительности и энергии, они могли бы в этот день победить. Тогда они бы провели хоть частично вантозовские декреты, что послужило бы дальнейшему раздроблению крупной нека- питализированной собственности и разогло бы гражданскую войну в деревне.

Нерешительность, проявленная 9 термидора робеспьерис- тами, была конечно социально обусловлена. Мелкая буржуа- зия, в отличие от пролетариата двойственная по своему экономическому положению, всегда расслаивается в сторону буржуазии, с одной стороны, и в сторону пролетариата — с другой. В начале капиталистической эры революционная мелкая буржуазия в лице робеспьеристов не понимала неизбежности этого процесса и думала, что его можно при- остановить, утвердив на вечные времена мелкую собствен- ность. Поэтому робеспьеристы много говорили о значении честности и громили личную продажность дантонистов, не понимая закономерности процесса расслоения мелкой бур- жуазии. Поэтому они удивлялись стоголовости той все вновь оживавшей гидры, головы которой они ежедневно подру- бали ножом гильотины. В этом выразилось их непонимание того, что они „плебейскими методами“ делают лишь дело буржуазной революции.

„Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный „внутренний враг“, враг экономических

мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционером, было еще извинительно стремление спекуляцию побить казнями отдельных немногих „избранных“ и громами декламации, то теперь чисто фразерское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость“ (Ленин).

Из этого однако Ленин отнюдь не делал вывода о ненужности, напрасности, бессмысленной обреченности якобинского террора, как это еще почти 30 лет назад сделал Троцкий, писавший про якобинцев: „...Логика классовой борьбы была против них, и они пытались обезглавить ее. Безумие!.. Гильотина была лишь механическим орудием политического самодубия“.

Ленин, как и Маркс, понимал глубоко революционный объективный смысл этой борьбы. То, что несмотря на террор якобинцы не могли подавить процессов спекулятивного накопления, было естественно для той эпохи. Якобинцы не надеялись на успешное разрешение этой задачи потому, что они неспособны были сами понять своей объективной роли плебейских проводников буржуазной революции, а стремились провести в жизнь свою самостоятельную программу. Последнее было обречено на неудачу, но якобинский террор, вся система якобинской диктатуры были той „исполинской метлой французской революции, которая вымела весь отживший сор давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства“ (Маркс).

Поэтому Ленин всегда с величайшим восхищением отзывался о терроре якобинского периода, который объективно не был предназначен для утверждения нового царства мелкобуржуазной уравнительности, как это думали якобинцы, но который „ударами своего страшного молота“ очистил Францию от феодализма.

То, что робеспьеристы не понимали объективного хода исторического процесса и своей объективной роли, делало их беспомощными перед лицом вновь возникшей термидорианской оппозиции. Речь Робеспьера от 8 термидора и все его поведение были поэтому не выражением его личной беспомощности, его оплошности, как это думают мелкобуржуазные историки, а выражением трагической коллизии двойного классового смешения в якобинской диктатуре: а) якобинцы, идеология которых заключала многие элементы мелкобур-

жуазного уравниательства, своими руками делали дело буржуазной революции и б) сами эти руки направлялись классовыми группами, стоявшими объективно по своему положению в обществе, левой робеспьеристской мелкой буржуазии.

Робеспьеристы не понимали объективной обреченности своей самостоятельной политики.

Они пренебрегли левым союзником, который единственно был способен продолжить время существования якобинской диктатуры, следовательно продолжить период углубления революции.

Не понимая объективного смысла происходящего, они не сумели в достаточной мере оценить опасности вновь создавшегося блока.

9 термидора было и политической и экономической контрреволюцией; оно не только ставило на место революционеров контрреволюционеров, но оно оборвало якобинскую диктатуру в такой момент, когда она еще отнюдь не исчерпала свои возможности с точки зрения углубления буржуазной революции.

На место красного террора стал белый, на место дополнительного создания мелкой частной собственности, питающей развитие капитализма, — частичное возвращение имуществ вернувшимся эмигрантам, задерживающее это развитие.

Развязка была ускорена напуганностью буржуазии вантоловскими декретами и отсутствием у робеспьеристов опоры в низах из-за антирабочей политики и разгрома левых и их организаций. Левые термидорианцы, которые были оторвавшимися от масс одиночками, сомкнулись с правыми термидорианцами, являвшимися выразителями спекулятивной буржуазии. Левые вскоре убедились, что оказались пешками в чужой игре, но контрреволюционная роль была ими сыграна, и свершившегося было не вернуть.

9-я термидора кончилась „та великая година, когда целый народ на момент отбросил всякую трусость, всякое себялюбие, всякое попрошайничество; когда были люди, обладавшие мужеством беззакония, не отступавшие ни перед чем, — люди железной энергии, которым удалось добиться того, что, начиная с 31 мая 1793 г. до 26 июля 1794 г., ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, — словом, ни один буржуа не решился показаться“ (Энгельс).

В связи с вопросом о термидоре устряловцы, а также троцкисты пытались „доказать“, что и наша революция может закончиться термидором. Все эти разговоры и рассуждения контрреволюционны и откровенно политически заострены.

Прежде всего устряловцы и троцкисты для того, чтобы протащить контрбандой смещение нашей революции (пролетарской) с Великой французской (буржуазной), вынуждены фальсифицировать историю: несмотря на то, что никакого перерождения якобинская диктатура весной и летом не переживала, ярким доказательством чего служат вантозовские декреты, они утверждают, что перерождение было налицо.

Но если бы даже (чего однако не было) якобинская диктатура переродилась и термидор являлся бы следствием этого перерождения, то и тогда сравнение это все же оставалось бы откровенно контрреволюционным.

Во-первых, наша революция пролетарская, а Великая французская революция была буржуазной революцией; во-вторых, термидор оборвал диктатуру якобинцев, которая была диктатурой мелкой буржуазии, а наша диктатура есть диктатура пролетариата; в-третьих, мелкая буржуазия по самому существу своему склонна к расслоению и фракционности, а пролетариат по самому своему положению в производстве является классом единым, а его партия — монолитной.

Маркс дал совершенно и исчерпывающую характеристику уровня развития и взаимоотношений классов в Великой французской революции.

„В обоих революциях (Великой английской и Великой французской С. Л.) буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо еще не имели никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельного развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии — абсолютизмом, феодализмом и филистерством“ (Маркс и Ф. Энгельс, В эпоху немецкой революции. 1848 — 1850, Гиз, 1926, стр. 221—222).

Говоря „пролетариат и не принадлежащие к буржуазии слои городского населения (т. е. мелкая буржуазия С. Л.), либо еще не имели никаких отдельных интересов, либо еще не составляли самостоятельного развитого класса или части класса“, — Маркс в первом „либо“ рассматривает мелкую буржуазию, во втором — рабочий класс.

По уровню развития капитализма и обусловленному этим собственному уровню развития рабочий класс еще классом

для себя не был. Но он может им быть и будет им, почему Маркс и пишет: „еще не составляли самостоятельного развитого класса...“

Относящееся к мелкой буржуазии указание Маркса „еще не имевшие отдельных от буржуазии интересов“ означает, во-первых, что в отличие от пролетариата, который может и станет классом для себя, мелкая буржуазия классом для себя стать не может (ибо не может существовать способ мелких товаропроизводителей) и, во-вторых, что мелкая буржуазия только под гегемонией пролетариата может со всей силой выявить „отдельные от буржуазии интересы“.

Мы уже знаем, что, являясь стимулом к революционной народной победе над феодализмом, эгалитаризм объективно, т. е. не по его субъективно осознаваемой, а по его практически претворенной роли не является „интересом“ „отдельным от буржуазии“, ей противопоставляющимся. Но мелкая буржуазия, двойственная по своему положению в производстве, колеблется между буржуазией и пролетариатом. Когда капитализм развивается, давая мелкой буржуазии наглядные уроки ее перспектив, когда вместе с тем пролетариат превращается в класс для себя, противопоставляя собственности частной — собственность коллективную, — тогда дана объективная обстановка, при которой пролетариат должен и может завоевать вторую душу мелкого буржуа, т. е. „душу“ не собственника, а труженика, и повести его под своими знаменами. Когда мелкая буржуазия идет под гегемонией пролетариата, она становится способной со всей силой проявить свои „отдельные от буржуазии интересы“.

„... Пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта... крестьянин-трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к... угнетателями и эксплуататорам в течение веков, а это „воспитание“, данное жизнью, заставляет крестьянина искать союза с рабочими против капиталистов, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка, обстановка товарного хозяйства, неизбежно делает крестьянина (не всегда, а в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом...“ „По отношению к этому классу или к этим общественным элементам задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых — вот это должен делать пролетариат“ (Ленин).

Не говоря уже о революции социалистической, но и во всех зрелых буржуазно-демократических революциях, когда существует уже организованной пролетариат, он должен вести за собой мелкую буржуазию. Великолепнейшим примером такой осуществленной гегемонии пролетариата в отношении мелкой буржуазии является наша революция 1905 г. Это не значит конечно, что на этом этапе мелкая буржуазия освобождается от своей двойственности, и что пролетариат, завоевывая „душу“ труженика, не должен бороться с „душой“ собственника. Мы знаем, что еще и сейчас, после завершения фундамента нашей социалистической экономики, мы боремся с собственнической „душой“ крестьянства. Но разве вся наша практика социалистической реконструкции деревни не явилась великолепнейшей проверкой марксистско-ленинской теории и практики осуществления пролетарской гегемонии над союзниками, теории и практики социалистической переделки собственнической „души“ основных масс мелких собственников? Такая переделка возможна только в ходе активной классовой борьбы с капиталистическими элементами: „нам нужен не всякий союз с крестьянством, а лишь такой союз, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства“ (Сталин).

Относящиеся к мелкой буржуазии указания Маркса — „еще не имевшие отдельных от буржуазии интересов“ — означают, что мелкая буржуазия только под гегемонией пролетариата может со всей силой выявить „отдельные от буржуазии интересы“. Следовательно Маркс здесь во всю ширь выдвигает проблему союзников, всегда бывшую одной из важнейших проблем большевизма, возникшего и развивавшегося в революционной действительной борьбе за гегемонию пролетариата.

„Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми“ (Сталин). Эти массы вопреки буржуазии, сплотила якобинская диктатура. И несмотря на это, все же буржуазия была в конечном счете тем классом, который должен был стоять во главе исторического движения, который по условиям эпохи был объективным гегемоном революции.

Перед революцией французская буржуазия, идеологически возглавлявшая третье сословие, чувствовала себя призванной обновлять общество. „Лишь во имя прав всего общества отдельный класс может требовать себе всеобщего господства“ (Маркс). И пафосом обновителей мира звучат сказанные по

поводу Конституции слова Мирабо: „Мы начинаем историю человечества“.

Первой печальной ноткой разочарования раздается голос мечтательного дантониста Демулена: „Я мечтал о республике, которую обожали бы все“. Между тем Великая революция, во главе которой объективно стояла буржуазия, но которая была конкретно завершена в борьбе с буржуазией и, вопреки ей, стала действительно наглядным уроком по вопросам классовой борьбы. В ходе ее нарождающийся рабочий класс обрел первых достойных себя представителей. Постановка вопроса о буржуазии, как общем руководителе революции, о пролетариате, как еще не ставшем „самостоятельным классом“, и мелкой буржуазии, как еще не приобретшей „отдельные интересы“, — не случайно дана Марксом в одной сжатой и яркой формулировке. Все три положения связаны между собой и взаимно обусловлены. Именно по условиям эпохи буржуазия была единственным классом для себя и поэтому стояла во главе исторического движения. Именно в силу историко-экономических условий пролетариат еще не мог составить „самостоятельного класса“ и именно вследствие этого же мелкая буржуазия еще не могла иметь „отдельных от буржуазии интересов“. Именно потому, что рабочий класс еще не был классом для себя, а эгалитаризм объективно и практически не означал „отдельного от буржуазии интереса“, именно поэтому Маркс и говорит, что „весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии...“

В связи с постановкой этого вопроса нельзя не обратить внимание на указание т. Сталина о роли данной расстановки сил для крестьянского вопроса, т. е. о том, что в результате такого характера буржуазной революции крестьянство на Западе не оказалось обязанным пролетариату за землю, как это произошло в России, что отнюдь конечно не меняет, а в известном смысле даже усиливает значение марксистско-ленинского положения о союзниках пролетариата.

Наша большевистская партия сумела осуществить гегемонию пролетариата в 1905 г. и осуществить полностью в 1917 г. перерастание революции буржуазной в революцию социалистическую. В поисках желанных аналогий контрреволюционному троцкизму остается только отрицать социалистический характер Октября и, фальсифицируя историю, проводить контрреволюционные аналогии между нашей социалистической и французской ранне-буржуазной революцией.

Наша революция — социалистическая революция, и мы имеем „все необходимое и достаточное для того, чтобы при условии

сохранения правильных отношений с крестьянством построить социализм" (Ленин).

Что наша партия под руководством своего вождя т. Сталина верно выполняет заветы Ильича, тому доказательство наша бурная социалистическая стройка, завершение в основном сплошной коллективизации с ликвидацией на ее основе кулачества как класса, наше вступление в период социализма и решение вопроса „кто кого“.

В то время как наша партия, благодаря ленинской генеральной линии, большевистски преодолевая трудности, жестко отменяя оппортунизм всех мастей, в ожесточенной классовой борьбе идет от побед к победам, в это же самое время пророки перерождения — троцкисты, — бессильно клеветая на нее, превратились в „передовой отряд контрреволюционной буржуазии“ (Сталин).

ГЛАВА II

ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА

На следующий же день после 9 термидора началась ожесточенная реакция. 11 термидора были фактически отменены вантозовские декреты, и председатель первой приступившей к работе народной комиссии арестован.

В этот же день была пробита первая брешь в революционном порядке управления — КОС был лишен своего главенствующего значения. При ближайших пере выборах КОСа он был наводнен дантонистами.

„В тот день, когда революционное правительство попадет в нечистые и коварные руки, свобода будет потеряна, его имя станет предлогом и извинением за контрреволюции; его энергия станет энергией сильнее яда...“ — говорил Робеспьер еще 25 декабря 1793 г.

Что контрреволюция 9 термидора не была просто переворотом, а именно контрреволюцией, хорошо видно из того, что, не ограничиваясь сменой людей, термидорианцы на второй же день принялись за искоренение системы якобинской диктатуры. Спуск, правда, особенно на первых порах, приходилось проделывать на тормозах, ибо термидор был совершен в союзе с левыми термидорианцами и правые поэтому не могли сразу и круто повернуть, не обезоружив предварительно своего союзника. Но мелкобуржуазная сущность и близорукость левых термидорианцев и сказалась в том, что они пошли на блок с правыми для свержения робеспьеристского руководства якобинской диктатурой. Следствием этих же социальных качеств было то, что правым термидорианцам сравнительно легко удалось совершенно оттеснить левых от руководства и целиком захватить его в свои руки. Дантонисты пачками подписывали освобождение арестованных „подозрительных“, среди которых было множество аристократов и контрреволюционеров.

Собрания секций сводятся к одному в декаду с отменой платы в 40 су, и отныне большинство секций наводняется термидорианской публикой. Левые термидорианцы, мелкобуржуазная группа, думавшая спасти революцию какой-то амальгамой (смесью) демократии и террора, естественно терпели поражение со стороны тех, в чьих руках была фактическая сила, а была она в руках правых. Что касается рабочих, то они были озлоблены против якобинской диктатуры за разгром своих партий, за антирабочую политику. Они полагали, что лучшими условиями их развития будет демократия, и настаивали на введении более широкой демократии и на расширении урезываемой вновь термидорианцами самостоятельности секций. В это время рабочие сплывались вокруг нового клуба (электрального) и не особенно склонны были идти в бой за левых термидорианцев, которые к тому же не основывают связей в рабочей среде. Насколько термидорианцы боялись настроения рабочих, видно из того, что они решились на отмену ненавистного им максимума только в самом конце 1794 г. (24 декабря), а отменив его, они наводнили Париж полицейскими и с тревогой следили за их донесениями. Они были вынуждены запретить выставку в кондитерских всех сдобных хлебов и т. д. Из деревень агенты доносят о недовольстве всех „не собственников“. Между тем закрытие Якобинского клуба произошло совершенно спокойно еще 11 ноября при содействии золотоштанников (мюскаденов).

Монастырь якобинцев (на улице Сент-Онорэ) был разрушен и на его месте был устроен рынок имени 9 термидора. Золотоштанники называли теперь якобинцев не „жакобэн“, а „жакокэн“ (кокэн — негодяй).

Примерно через месяц после закрытия Якобинского клуба (18 декабря 1794 г.) в Конвент были возвращены пятеро содержавшихся под арестом жирондистов, а 8 марта 1795 г. в Конвент были призваны и остальные оставшиеся в живых жирондисты, бывшие при якобинской диктатуре вне закона за свою контрреволюционную деятельность.

По отношению к рабочим проводилась политика террора и голода. С конца 1794 г. ничего уже не слышно об участии рабочих в управлении мануфактурами, потому что их к этому участию уже не допускали. К весне 1795 г. на почве отчаяния участились самоубийства среди рабочих. Полицейский агент (15 апреля) доносит о женщинах рабочих предместий, говорящих, что лучше бы уже совсем не стало хлеба, „тогда наши мужья-трусы принуждены будут потребовать его“.

Рабочий класс грозно напомнил еще о себе в двух восстаниях — 1 апреля и 26 мая 1795 г. В этих восстаниях рабочие требовали „хлеба и конституции 1793 г.“. Второе из этих восстаний отличалось особенно большими размерами и ожесточенностью. Армия пядь за пядью завоевывала рабочее предместье, так что после майского восстания рабочий класс был разоружен и обескровлен.

После этого 16 июня 1795 г. Конвент издал новый декрет о национальной гвардии, согласно которому парижская беднота фактически отстранялась от участия в Национальной гвардии. Этим постановлением пролетариат окончательно был лишен оружия.

Прежде чем разойтись (26 октября 1795 г.) Конвент выработал новую конституцию, так называемую конституцию III года. Эта конституция отменяла всеобщее избирательное право и вновь вводила имущественный ценз (требование определенного дохода для права принятия участия в выборах). Конституция устанавливала двухпалатную систему и в качестве исполнительного органа — директорию из пяти директоров. Это была аристократически-буржуазная конституция.

Но даже эта аристократически-буржуазная конституция была слишком левой для распоясавшихся роялистских элементов. Золотоштанники в ответ на вопрос о конституции вынимали табакерки с изображением короля, аристократические подростки играли в игру „республиканцы и вандейцы“, причем последним полагалось выигрывать. Монархические настроения были настолько сильны, что термидорианский Конвент, все же не желавший монархической реставрации, издал декрет, согласно которому $\frac{2}{3}$ членов настоящего Конвента обязательно должны были быть избранными в новый законодательный корпус для обеспечения в нем республиканского большинства.

При Директории со всей силой прорвалось спекулятивное накопление. Буржуазное общество буйно праздновало окончание периода „жертв“. Противоположность между бедностью и богатством была разительна — фунт хлеба стоил около 50% дневной заработной платы, рабочий день длился от восхода до заката. Донесения говорят, что одни рабочие с сожалением вспоминают о временах Робеспьера; другие заявляют, что „отчаяние — единственный их удел“.

Хозяиничание Директории длилось до 1799 г., когда к власти пришел Наполеон, опиравшийся на армию, состоявшую из освобожденного Французской революцией крестьянства, но бывший выразителем интересов промышленного капитализма.

„Общественный договор“ Руссо нашел себе применение в господстве террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в испорченности Директории, а потом под кровлей наполеоновского деспотизма“ (*Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 259*).

В эпоху Директории имело место выступление первого „провозвестника пролетарского коммунизма“ — Бабефа.

ГЛАВА III

ГЕНЕЗИС „КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ“. БАБЕФ

В эпоху Великой французской революции сам пролетариат еще находится в плену у мелкобуржуазной идеологии, хотя и выдвигает уже свои отдельные конкретные требования, которыми он демонстрирует свое выступление на арену истории. Эти требования идеологически сколько-нибудь четко не отграничены от мелкой буржуазии. Но вместе с тем у пролетариата в практике революционных лет зарождаются элементы коммунистической идеологии. Маркс указывает на это, говоря о генезисе „коммунистической идеи“.

„Революционное движение, начавшись в социальном кружке, в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру, наконец потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа; — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом Бабефа — Буонароти“ (Маркс и Энгельс. Соч., т. III, стр. 147).

Организовавшийся в конце 1790 г. социальный кружок или „всеобщая конфедерация друзей правды“, вождем которого был аббат Фоше,¹ ставил своей целью организацию „Союза всех народов и всех индивидов, которые живут на земле, в единую семью братьев, связанных стремлением всякого ко всеобщему благу“. Это не была политическая организация, — это было лишь идейное течение, имевшее в арсенале своих реальных предложений рецепты умеренно уравнительного характера. Но в своей облеченной в туманно-религиозную форму пропаганде вожди кружка аббат Фоше и Бонневиль — наравне с призывом ко всеобщей любви — довольно явственно выставляли идеи аграрного закона. Так с самого начала наметились два ответвления, две тенденции

¹. Впоследствии — жирондист.

объективной реализацией пропаганды социального кружка: одна шла по линии аграрного закона, т. е. крайних уравнительных выводов, другая по линии пропаганды всеобщей любви, как пути к всеобщему благу. Одна тенденция вела к гражданской войне, другая — к гражданскому миру. Но гражданский мир в эпоху развертывания революции может означать лишь мир с классами реакционными, войну с народом. Вождь кружка аббат Фоше был впоследствии казнен как жирондист.

Ставя в начале пути революционного движения социальный кружок, а в заключении — Бабефа, *Маркс* тем самым подчеркивает роль требований крайнего уравнительства в ранних движениях пролетариата. Известно, что и Бабеф начал с выдвижения аграрного закона. Идеи „всеобщего аскетизма и грубой уравнительности“ сопутствовали революционному движению пролетариата первой поры — движению „родившему идеи коммунизма“.¹

Если „социальный кружок“ способствовал пропаганде „грубого уравнительства“, то бешеные (*Жак Ру*, *Леклерк*), на которых *Маркс* указывает как на предшественников Бабефа, формально отрекшиеся от аграрного закона, но по существу не чуждые ему, своею деятельностью сыграли важнейшую роль в смысле практического выдвижения проблемы роли рабочего класса. Если идея аграрного закона черпала силы из наименее еще приготовленных к борьбе групп деревенской бедноты, то вождь бешеных — *Жак Ру* неустанно выдвигал первенствующую роль рабочего класса.

В отличие от робеспьеристов бешеные всегда ставили на первое место рабочих. „Враги во вне и внутри, ажиотаж, скупка, обесценение денег, дворянство мантии и дворянство шпаги, буржуа — скупили имущества церкви и национальные земли, они захватили торговлю, и благодаря им революция не дала беднякам и рабочим того, что они вправе были от нее ожидать“ — писал *Ру* летом 1793 г. И еще: „Пруссаки, стоящие у наших ворот, менее опасны, чем те, которые сво-

ими монополиями, скупками и ажиотажем лишают пищи рабочих и мастеровых“.

Интересно, что идеи аграрного закона, т. е. „крайнего грубого уравнительства“ находили иной раз сочувствие и в городах, а именно там, где пользовались влиянием левые — бешеные и эбертисты. Нельзя также не отметить, что, как это будет ниже показано, идеи „грубого уравнительства“ в этих случаях иной раз связывались с робким, но гениальным прозрением будущей роли рабочего класса, как хозяина общественного производства. Бабувизму (предшественниками которого на пути революционного движения, как указывает *Маркс*, были социальный кружок и бешеные) — свойственно еще и „грубое уравнительство“, пропагандировавшееся в виде аграрного закона социальным кружком, и вместе с тем прозрение роли рабочего класса, как основного и самого ценного двигателя революционного развития, намеченное „бешеными“.

Аграрный закон, не являясь программой какой-либо оформленной политической группы, тем не менее жил не только в сознании отдельных мыслителей (например тот же Бабеф), но и в сознании деревенской бедноты и имел на местах своих апостолов.

Одним из них был священнослужитель коммуны „Эпинэй“ дистрикта Сент-Аманд департамента Шер, 52-летний, но очень подвижной и темпераментный священник Пти-Жан. Пти-Жан сжился со своими прихожанами, большой частью бедняками, ненависть которых он направлял на эксплуатировавших их господ Дебюз, Клермон и Ворзенфроном, сумевших стать во главе коммуны. Согласно протоколу генерального совета коммуны Эпинэй Пти-Жан ежедневно говорил крестьянам, что блага должны быть общими. Он старался убедить их наиболее возбуждающими предложениями, говоря о том, что будет только один погреб и только одна житница, где всякий возьмет все то, что ему будет необходимо. — Таким образом отпадет нужда в деньгах.

1 сентября 1792 г. Пти-Жан возвестил о себе дистрикту, департаменту и самому Законодательному собранию приглашением „граждан последовать его советам, свободно отказаться от прав на все свои имущества и согласиться на общий раздел всех их благ“. Интересно, что тогда же, т. е. непосредственно вслед за революцией 10 августа, бывшей победой тех, кого кружевные аристократы прозвали санкюлотами и которые с гордостью носили свой новый титул (*Шометт*), священник Пти-Жан заявил, что дома богачей „раньше месяца будут разрушены“, — и что вообще вскоре „потечет много крови“.

¹ „Первые попытки пролетариата доставить непосредственно торжество своим классовым интересам во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазной эпохи. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему идейному содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность“ (*Коммунистический манифест*, *Соч. Маркса и Энгельса*, т. V, стр. 509).

После этого мы без всякого удивления выслушаем доклад начальника Национальной гвардии: „Пти-Жан держал речи наиболее не конституционные, проповедуя по своему обыкновению аграрный закон“. Недовольный повидимому мягкостью формулировок предыдущего оратора, представитель дистрикта добавляет: „Казалось . . . что он сделался сумасшедшим, опасным сумасшедшим, который сеял разъединение и несогласие в недра своего прихода, проповедуя насилие над собственностью и угрожая нанести удар личной безопасности“. Но мятежный священник не унимался. Будучи в числе выборщиков в Конвент и оставшись недовольным умеренностью избранных, он, вернувшись в Эпинэй, повел кампанию против мэра в своих своеобразных „стенках“, т. е. попросту надписями на стенках домов. Однако изнемогавшим в „неравной“ борьбе властям предстояли новые потрясения. В воскресенье 23 сентября Пти-Жан после мессы собрал крестьян и предложил им петицию, требовавшую от Генерального совета коммуны непрерывности и публичности заседаний в часы, когда граждане свободны от работы, а также собрания всего прихода в ближайшее воскресенье — 30 сентября. Во время обсуждения петиции ворвались ненавистный Пти-Жану мэр и богач Клермон в сопровождении 5 национальных гвардейцев. В погоне за убежавшим священником сын богача Дебиз ранил его. Наспех вооружившиеся крестьяне напали на растерявшихся гвардейцев, разгромили дом Дебиза, затем направились во главе с Пти-Жаном к мэру и избili его. Разделавшись с этим „аристократом“ и „животным“, священник приступил к претворению в жизнь давно взлелеянной мечты: крестьянскую бедноту своего прихода повел он к землям богача Клермона, — землям, издавна составлявшим предмет зависти крестьян; повел их для того, чтобы совершить символический акт уничтожения изгородей. И так как в это время стало известно, что из дистрикта идет вооруженная сила, то по распоряжению Пти-Жана над Эпинэем разнесся протяжный гул церковного колокола. Коммуна Эпинэй была малонаселенной и отрезанной от других коммун. В вооруженной схватке один гвардеец был ранен и один крестьянин убит . . . Арестованными, кроме Пти-Жана, в качестве главных зачинщиков оказались слуга Пти-Жана, мясник, два крестьянина и один беспризорный бродяга.

Другим пропагандистом аграрного закона был санкюлот коммуны Левиньен — сапожник Ренье, который зимой 1793—1794 г. проповедывал равный раздел земли между всеми. Он предупреждал своих сограждан о ненужности покупки земель

из национального фонда, так как „вскоре всякий будет иметь свою часть“. Будучи сторонником пятидневного отдыха, он приглашал сель.-хоз. рабочих бросать работу дважды в декаду. Он пользовался большим влиянием среди рабочих слоев округи и задавал тон в народном обществе. Такую же примерно роль играли два крестьянина коммуны Гоголэн, арестованные в 1793 г., как „сторонники до-термидоровской анархической системы. Они объединяли бедных и говорили, что богатые не хотят настоящего равенства“.

Лионские якобинцы заходят очень далеко в своем требовании равенства, обгоняя робеспьеристов и сильно приближаясь к постановке вопроса о фактическом равенстве. Лионские якобинцы считают, что „должен быть фиксирован максимум земли“ и что кусок земли должен быть дан каждому санкюлоту.

Наряду с этим они в декабре 1793 г. письмом в редакцию газеты „Освобожденного города“ требуют закона, который фиксировал бы „максимум индивидуальных состояний“. Лионские якобинцы считают, что „республика должна быть ульем пчелок, мы все будем работать, мы устраним трутней, которые захотят, не работая, пользоваться трудом наших работ. Если бы какой-нибудь индивид захотел бы перешагнуть уровень равенства, его постигла бы судьба Икара“. Любопытно отметить, что стремление, в частности Лионского клуба, к фактическому равенству незаметными нитями было связано с *прозрением* обобществления производства.

27 октября представитель Конвента в „Освобожденном городе“ обещает организацию национальных мастерских, „чтобы избавить бедняка от жизненной зависимости миллионеров“.

Мы указывали уже раньше, что Шометт гениально *прозревал* обобществление производства. Отсюда также тянется ниточка от бешеных и эбертистов к бабувизму, ибо бабувизм ставил уже вопрос об обобществлении, как практическую задачу готовившегося переворота.

Учение Бабефа ценно именно тем, что оно соединяло коммунистические представления с проблемой революционного захвата власти и установления революционной диктатуры. Правда, незрелость еще складывавшегося рабочего класса выразилась в том, что Бабеф и бабувисты говорили еще не о пролетарской революции, не о пролетарской диктатуре, а о восстании бедноты, о диктатуре трудящихся, но вместе с тем они уже обращали большое внимание на рабочий класс.

По мысли бабувистов после захвата власти должна быть установлена диктатура трудящихся и организована большая национальная коммуна. В эту коммуну принимались бы в качестве полноправных членов все лица физического труда и по предоставлении удостоверения о своей полезности — работники умственного труда. Все остальные оставались бы на положении иностранцев, за которыми должен был быть установлен бдительный контроль. Бабувисты не представляли себе полной отмены частной собственности на следующий день после революции; они считали, что к коммунизму ведет переходный период революционной диктатуры, в начале которого существуют две системы: а) коммуна с общественной собственностью, б) неполноправные граждане, сохраняющие частную собственность.

Для осуществления своих планов, подготовки революции и установления революционной диктатуры они создали свою тайную организацию „заговор равных“. Она была раскрыта вследствие того, что в организацию проник провокатор, и 27 мая 1797 г. Бабеф и его соратник Дартэ были казнены.

Если Робеспьер „в великой нищете и огромных богатствах видел только препятствие для чистой демократии“ (Маркс), то Бабеф видел необходимость устранения противоречий бедности и богатства не ради установления „чистой демократии“, а ради построения коммунистического общества, через захват власти и особый переходный период.

Мы ранее уже указывали на различное понимание равенства левыми и робеспьеристами. Бабеф развил представление о равенстве левых, на которых, как на предшественников Бабефа, указывал Маркс. Робеспьер, искренно стремившийся к наиболее широкой демократии, не понимал, что демократия без уничтожения частной собственности может быть только формальной демократией, прикрывающей „истинное рабство“ (Энгельс). Левые, ставившие ударение на экономическом, а не на политическом равенстве, тоже не понимали до конца путей его осуществления. Они только смутно предвидели необходимость для угнетенных чего-то большего, нежели простое формальное равенство, но чаяния их были смутны и идеологически четко не оформлены. „Чего они хотели, — никто сказать не мог, до тех пор пока Бабеф, спустя долгое время после падения Коммуны, не придавал этому определенной формы“ (Письмо Энгельса к Каутскому от 20 февраля 1884 г. „Историк-марксист“, 1933 г., № 1/2).

Именно Бабефу удалось сделать „во имя равенства заключительные выводы из идеи демократии 1793 г.“ (Энгельс).

Но это равенство было уже равенством в коммунистическом понимании.

„Либо равенство, т. е. неприкрытый деспотизм, либо истинная свобода, истинное равенство, т. е. коммунизм. Оба являются последствиями французской революции. Первое следствие извлек Наполеон, второе — Бабеф“ (Маркс и Энгельс. Собр., т. II, стр. 394).

Несмотря на то, что коммунизм Бабефа был „еще сырой и поверхностный“, что было обусловлено характером эпохи, он сумел прозреть, смутно предвидеть не только идеал будущего общества, но и необходимость вместе с тем революционных путей его осуществления и необходимость переходного периода революционной диктатуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы указывали уже в предисловии, что классики марксизма-ленинизма часто вспоминают опыт революционной борьбы эпохи Великой революции. Интересу и сочувствию революционеров соответствуют интерес и ненависть контрреволюционеров. Ленин писал, что Великая французская революция „доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть“.

Она вызывает ненависть врагов потому, что впервые в эпоху этой революции угнетенные массы „бедноты вступили в активную борьбу с богатыми“, т. е. с буржуазией. Проблема „бедности и богатства“ существовала давно. О ней знали еще Греция и Рим. Но в эпоху Великой французской революции, в особенности в эпоху якобинской диктатуры, беднота впервые в пределах целого государства успешно выступила против „богатых“, которые были уже не просто богатыми, а составляли новый класс буржуазии.

„Мартов забыл опыт 1905 — 1906 гг. в России, 1789 и следующих во Франции, 1911 г. — в Китае. Опыт этот говорит: власть лишь тогда переходит к либералам (или левее), когда побеждает демократия вопреки либералам“ (Ленин).

После того как правительственные кресла были очищены от дворянских мантий и до того, когда их заняли золотштанники — представители капитала, в этих креслах с успехом восседали „бесштанники“ — санкюлоты.¹ Воссев в правительственных креслах, санкюлоты своими руками плебейскими методами вершили дело буржуазной революции. Они сумели это делать „вопреки буржуазии“, они сумели командовать

¹ Кюлоты — короткие штаны, носившиеся господствующими классами. (Sans — без). Представители „низов“ носили длинные штаны. И поэтому название „бесштанников“ следует понимать в смысле отсутствия кюлотов и замены их длинными штанами.

военными частями не хуже, чем класть кирпичи и управлять дистриктами не хуже, чем отсчитывать грошовую выручку с ларька. У сложившегося затем рабочего класса осталось обо всем этом полное бодрости воспоминание, укреплявшее его в осознании им своей объективной роли. Вот почему классики марксизма-ленинизма особенно высоко ставят эпоху якобинской диктатуры, доставившей „на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление „урядников и вахмистров“ (Ленин).

Якобинцы силой возглавляемого ими массового движения сумели побороть жирондистов, чтобы взять в свои руки „исполнительную метлу французской революции“ и „вымести весь отживший сор давно минувших веков“ (Маркс).

Жирондисты в защите революционной демократии... „были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела. Поэтому с ним боролись якобинцы, которые так же последовательно отстаивали интересы передового класса XVIII века, как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса XX в. Поэтому жирондистов поддерживали и оправдывали от нападок якобинцев прямые изменники делу Великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т. д.“ (Ленин. Соч., т. VII, стр. 151).

Мы проследили на фактах нерешительность и беспомощность в революционной борьбе жирондистов. Но у тех, у кого нехватало сил и решимости на организацию революции, хватало сил и решимости на организацию контрреволюции, и в этом отношении меньшевики как нельзя более напоминают жирондистов, на что неоднократно указывал Ленин.

Вопреки жирондистам, считавшим, как писала „Лионская газета“, что „республика не есть война бедных против богатых“, якобинцы, „действительно опиравшиеся на народные массы“, умели „установить революционный контроль за богатыми и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир“ (Ленин).

Якобинцы, как мы знаем, не были едины. Центральная фракция якобинцев — робеспьеристы возглавляли блок, в который помимо городской и деревенской мелкой буржуазии входили и рабочий класс и деревенская беднота. Робеспьер понимал, что для установления „чистой демократии“ необходимо экономическое уравнение. Таким образом для робеспьеристов „чистая демократия“ была целью, а экономическое уравнение средством. Для бешеных и эбертистов, наоборот, экономическое уравнение было не средством, а целью,

„чистая демократия“ была для них средством. Хотя они предлагали введение конституции 1793 г., потому что им казалось, что террор направляется на рабочих, но они отнюдь не превращали ее в фетиш. 7 февраля 1794 г. эбертист Бришэ предложил „изгнать из Национального собрания *болотных жаб*“.

Понимание робеспьеристами необходимости экономического уравнивания для достижения „чистой демократии“ дало им возможность возглавить революционную диктатуру „вопреки либеральной буржуазии“. Эбертисты в якобинском блоке были представителями нарождающегося рабочего класса, связанного с нищающими слоями мелкой буржуазии. Различие социальной сущности эбертистов и робеспьеристов сказалось и в различном отношении их к значению революции в случае ее гибели. „Революция, — говорил 31 марта Сен-Жюст, — является героическим предприятием, авторы которого шествуют между колесованием и бессмертием“. Авторы мелкобуржуазной уравнилельской республики чувствовали обреченность и изолированность своей попытки. Преемственности будущего они не ощущали. Свою гибель отождествляли они с гибелью революции. „Колесование или бессмертие“. Следовательно либо победа, либо поражение. Победа — несмотря на поражение, победа в самом поражении — была им непонятна. В этом сказалась объективно обусловленная ограниченность возможностей мелкобуржуазной диктатуры — революционной диктатуры в эпоху, когда еще не было сложившегося пролетариата.

Это было социально обусловлено. Нельзя не вспомнить, что плехановское „не надо было братья за оружие“ имеет своим генезисом это мелкобуржуазное чувство обреченности, безнадежности. Из мелкобуржуазного паникерства, обусловившего в дальнейшем неверие в силы пролетариата, выросла, плехановско-меньшевистски-троцкистская концепция исторического процесса, отрицающая гегемонию пролетариата. Ленин и Плеханов по-разному извлекали опыт из Великой французской революции. Ленин учился революционной решимости практики якобинской диктатуры. Плеханов позаимствовал ее мелкобуржуазную бесперспективность. Даже веря в возможность реализации своей программы робеспьеристы понимали, что если валу свободного капиталистического развития удастся перекатиться через их голову, то он окажется для них девятым валом. Иначе думали вожди рабочего класса. Не имея еще своей программы, они однако всегда были проникнуты духом оптимизма и чувством преемственности.

Оставленный как-будто всеми, атакованный самим Маратом, Жак Ру, отвечая на нападки Марата, одновременно объявляет об издании им республиканского альманаха „на 1794 г., III год республики“. В начале 1794 г. не стало Ру, и к III году республики, на место республики санкюлотской, стала республика буржуазная. Но все руководители „низов“, „улицы“ (Марат, Шометт, Ру и др.) всегда подчеркивали свою революционную решимость независимо от складывавшихся обстоятельств, свою надежду на победу будущих поколений. Этим различием объясняется усталая инертность робеспьеристов во всех тех случаях, когда они были разъединены с рабочими массами.

8 термидора Робеспьер, указав на то, что его хотят лишить жизни, говорил в Конвенте: „О! Я уступаю ее им без сожаления! Я имею опыт прошлого и я вижу будущее! Какой друг родины может хотеть живым вступить в тот период, когда более не позволено будет ей служить и защищать угнетенную невинность...“ А Марат в самые глухие времена реакции первого периода революции уходил в подполье и оттуда раздавался его голос — голос учителя в борьбе и пророка побед. В эпоху „Комиссии 12-ти“ Марат откровенно заявил Конвенту: „...Я не совершу такой глупости, чтобы отдать себя в руки врагов“, — и ушел в подполье.

Шометт, один из талантливейших вождей нарождавшегося рабочего класса, в противовес безнадежности робеспьеристов понимал преемственность и будущность революционного движения. В противовес постановке вопроса Сен Жюстом „колесование или бессмертие“ Шометт 14 октября 1793 г. говорил: „Пусть головы наши падут от пуль убийц, — это нам не важно, но пусть наши потомки начертят на наших черепах: этот пример достоин подражания!“

Говоря о различии между якобинцами и левыми, о борьбе, происходившей между ними, мы не должны забывать, что рабочего класса и его партии в настоящем смысле слова еще не было. Несмотря на то, что господствующая фракция якобинцев — робеспьеристы стали бороться с рабочими организациями, все же якобинская диктатура была образцом широчайшей самостоятельности масс в эпоху, когда рабочего класса, как класса для себя, еще не было. Говоря о якобинцах, мы обычно и имели ввиду эту объективную роль якобинской диктатуры, т. е. ее способность к революционному образу действий на основе широкой самостоятельности масс. Вот почему Ленин говорил, вспоминая великие образцы революции 1793—1794 гг.:

„Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ“.

Говоря это, Ленин никогда не забывал разницы между революционной диктатурой, возглавляемой мелкой буржуазией и революционной диктатурой пролетариата.

Ленин, как мы это неоднократно отмечали, подчеркивая великое и героическое в якобинстве, не только не забывал о различии эпох и социальной сущности якобинской и нашей диктатуры, но на этом конкретном анализе обосновывал неизбежность гибели якобинской диктатуры с одной стороны, и, наоборот, наличие „всего достаточного и необходимого“ для всемирно-исторической победы нашей диктатуры.

„Якобинство в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести во всемирном масштабе к прочной победе трудящихся“ (Ленин, Соч., т. XX, стр. 556).

Еще Маркс указал на коренное различие мелкобуржуазной диктатуры XVIII века и пролетарской диктатуры XIX—XX веков, одновременно подчеркивая громадные заслуги и объективный смысл первой.

Маркс указывает, что буржуазия смогла притти к власти потому, что создались уже „современные отношения производства“, что для господства пролетариата также необходимы материальные предпосылки, которых тогда еще не было.

„Поэтому, если пролетариат свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь мимолетной, она окажется лишь моментом в ходе самой же буржуазной революции; моментом, который служит ее дальнейшему развитию, как это было в 1794 г., и победа пролетариата останется таковой до тех пор, пока в ходе истории, в ее „движении“ не выработались еще материальные условия, создающие необходимые предпосылки для устранения буржуазного способа производства, а следовательно и окончательного падения политического господства буржуазии. Господство террора во Франции могло поэтому послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее тревожной осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые

действия народа лишь выровняли ей следовательно дорогу“ (Маркс, Соч., т. V, стр. 205—206).

Совершенно иначе, чем марксизм-ленинизм, подходит к этому вопросу о термидоре контрреволюционный троцкизм, фальсифицировавший историю якобинской диктатуры в угоду своим контрреволюционным нападкам на партию.

„В Великой французской революции, — говорил Троцкий в ЦКК, — было две больших главы: одна шла так (показывает вверх), а другая шла так (вниз). Вот это надо понять. Когда глава шла так — вверх, — французские якобинцы, тогдашние большевики, гильотинировали белогвардейцев и жирондистов. И у нас такая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, были расстрельщиками, — это когда расстреливали белогвардейцев, жирондистов, мы были с вами расстрельщиками. А потом началась во Франции другая глава, когда французские устряловцы и полуустряловцы, термидорианцы из правых якобинцев стали расстреливать левых якобинцев, тогдашних большевиков... Надо знать, кого и когда, т. е. по какой „главе“ расстреливать. Когда мы расстреливали, то твердо знали, по какой главе, а вот сейчас ясно ли вы (здесь Троцкий обращается к одному из сторонников большинства) понимаете, по какой главе собираетесь расстреливать, пока что в порядке оргвыводов? Я опасюсь, что вы... собираетесь расстреливать по полуустряловской, т. е. термидорианской главе“.

В этой тираде сплошная фальсификация истории, с одной стороны, и клевета на партию — с другой. Термидор для Троцкого не образует никакой грани. („одна глава“ — „другая глава“). Такова устряловско-троцкистская теория перерождения, о которой мы выше говорили.

Термидорианская контрреволюция отнюдь не в том заключалась, что она расстреливала „левых якобинцев“. Термидорианская контрреволюция ликвидировала якобинский центр, возглавлявший революцию, а вместе с ним ликвидировала восходящую линию революции. „Левые якобинцы“ же расстреливались по „первой главе“, т. е. в эпоху якобинской диктатуры и расстреливались именно потому, что во главе якобинской диктатуры XVIII века стояла мелкая буржуазия, а не пролетариат, представителями которого как-раз были левые. Во главе пролетарской диктатуры XX века стоит пролетариат и поэтому всякие „левые“, выступающие против него, не могут являться представителями пролетариата, а являются агентами контрреволюции. Мелкая буржуазия, отнюдь не перерождаясь, пыталась провести свою самостоятельную линию, и в этом, как это неоднократно подчеркивал

Ленин, заключалась неизбежная причина ее гибели. Вся историческая фальсификация плюс глубоко антимарксистская и антиленинская аналогия, сводящаяся к отождествлению мелкобуржуазной „диктатуры трудящихся“ (Ленин) XVIII века и диктатуры пролетариата XX века, нужна контрреволюционному троцкизму для того, чтобы показать себя в роли большевиков, а ленинскую партию — в роли термидорианской организации. Ленин, предостерегая от недооценки нашей революции и сил современного пролетариата, в которые вместе с устряловцами не верят троцкисты, стоящие на точке зрения „термидорианского перерождения“, указывал, что наша революция не только резко отличается и далеко превзошла Великую французскую революцию, но и Парижскую коммуны.

„Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1792 гг., но и по сравнению с 1871 г.“ (Ленин).

Призывая помнить великие образцы революционности Французской революции, Ленин всегда подчеркивал вредность механического перенесения опыта буржуазной революции XVIII века в практику современного рабочего движения. В частности Ленин всегда и в особенности в эпоху мировой войны, когда социал-патриоты жонглировали революционными фразами и пытались сослаться на прошлое для прикрытия своего предательства, указывал на недопустимость эксплуатации националистических лозунгов Великой французской революции для прикрытия современного ренегатства.

„В основе действительно национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 гг., лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.“

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь в совершенно иную, империалистическую эпоху софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму, стремясь к расколу рабочего класса, отвлечению его от классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше чем когда бы то ни было верны теперь слова „Коммунистического манифеста“, что „рабочие не имеют отечества“. „Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему“.

„Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время от революционеров умения мыслить, умения анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. „Национальные“ традиции 1792 г. останутся может быть навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 г., в знаменитом „Адресе“ Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи“ (Ленин).

Маркс и Ленин всегда подчеркивали необходимость освобождения пролетариата из пут мелкобуржуазной идеологии. Созревание пролетариата в класс для себя, осознание им своей объективной роли „могильщика капитализма“ сопровождалось освобождением его от мелкобуржуазной идеологии. Осознание пролетариатом своей исторической миссии шло параллельно с созданием материальных предпосылок для социализма, т. е. с развитием капитализма.

„Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира. Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи... лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого“ (Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 368).

„Отвратительный языческий идол“ сметен с лица земли на $\frac{1}{6}$ земного шара. Его место заняло победоносное социалистическое строительство.

В СССР осуществилось то, до чего в своих гениальных прозрениях все же не могли дойти вожди французского пролетариата, но что было предначертано историей, гениально выявлено основоположниками марксизма, прорепетировано Парижской коммуной и впервые воплощено в жизнь созрелым пролетариатом под руководством большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным.